

В. Б. Миронов

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

БОРЬБА МИРОВ

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2014

УДК 94(100) ″1914/1919″
ББК 63.3(2)524
М 641

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

В целях содействия изучению военной истории книга рекомендована
Российским военно-историческим обществом

Книга издана по заказу Министерства культуры Российской Федерации

М 641 **Миронов В. Б** Первая мировая война. Борьба миров. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 304 с., ил.

ISBN 978–5–373-06051–6

Книга академика РАЕН В. Б. Миронова посвящена Первой мировой войне, столетие которой отмечается в 2014 году. Это глубокое, серьезное исследование о том, кто был заинтересован в развязывании этой бойни миллионов людей, какие страны и почему в ней участвовали, как развивались события и каковы итоги войны. Книга основана на сотнях документальных источников, показаниях свидетелей и участников событий, аналитических материалах ученых, воспоминаниях политиков и военных деятелей.

Особое внимание уделено событиям в России — от 1905 до октября 1917 года. Как складывалась ситуация в стране, почему Российская империя вступила в войну, кто были ее союзники, почему пала монархия, как действовало Временное правительство, чем окончилась для России Первая мировая война, — на эти вопросы автор дает исчерпывающие ответы. Многочисленные иллюстрации помогают составить полную картину происходивших событий и показывают главных действующих лиц эпохи.

УДК 94(100) ″1914/1919″
ББК 63.3(2)524

ISBN 978–5–373-06051–6

© Миронов В. Б., текст, 2013
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп, издание, 2014

Глава 1

Причины и истоки возникновения Первой мировой войны

Война — это закономерность?

Человечество, похоже, не может жить без войн... Первые войны возникли задолго до письменной истории. Первые акты массового организованного насилия целых народов относят ко временам шумеров, где-то около 2400 года до н.э. В Древнем Китае известна целая эпоха сражающихся царств (V век до н.э.). Фактически же вся человеческая история — история воюющих царств, война между которыми не кончается никогда. В какой мере война иррациональна, а в какой рациональна — вопрос спорный, наукой не решенный. Философ из Древней Греции Платон вообще был убежден: «Война есть естественное состояние народов». Пелопоннесские войны греков и персов, растянувшиеся на десятилетия, иные даже назвали первой мировой войной в истории.

Римская империя не вылезала из войн. Автор классического труда «История Рима. Основание военной монархии» Т. Моммзен признавал, что римская военная монархия Цезаря во многих отношениях оказалась самым успешным временем для искусства, науки, литературы, римского права, архитектуры и пр. Но по мере старения империи в ней усиливались деляческие и спекулятивные элементы. Ну а Рим, среди иных причин, погубила власть олигархата.

Моммзен писал: «Зловещую картину представляла Италия при режиме олигархии. Между миром нищих и кругом богатых людей ничто не смягчало рокового противоречия. Чем явственнее и мучительнее ощущалось оно с обеих сторон, чем более богатство достигало опьяняющего величия и чем глубже зияла пропасть нищеты, тем чаще в этом изменчивом мире спекуляция и игры счастия отдельные личности поднимались из низов на самую вершину и снова низвергались с высоты величия в пропасть. Чем более расходились оба мира по внешности, тем теснее сходились они в одинаковом отрицании семейной жизни, которая составляет основу и зародыш всякой национальности, в одинаковой праздности и склонности к роскоши, одинаковой экономической беспочвенности, одинаково недостойном сервилизме, подкупности..., одинаково преступной деморализации, одинаковом поползновении вести борьбу против собственности. Богатство и бедность в тесном союзе между собой изгоняли коренных жителей страны — италиков — из Италии и наполняли полуостров толпами рабов... Вся эта картина зловеща, но вовсе не единственна в своем роде: везде, где в рабовладельческом государстве вполне развивается господство капитала, оно одинаково опустошает прекрасный мир божий».

Во все времена и эпохи выход из этих противоречий класс империалистов как правило пытается найти на пути войн, сталкивая лбами народы, что не дает этим самым народам понять очевидного: истинный их враг обитает внутри их же страны. Это справедливо как для Древнего Рима, так и для современной Британии,

Америки, России. Не случайно Э. Гиббон в «Истории упадка и крушения Римской империи» видел аналогию между Римом и Россией, под чьею властью «более обширная часть земного шара». Хотя куда больше оснований для такого рода сравнений давали две самые мощные и классические военные империи новейшего времени — Великобритания и США.

Неизбежным следствием власти олигархата стало крушение Римской империи. Рим пал под натиском варваров.

Разумеется, войны прошлого — лишь слабое подобие того, чем являются войны XX века.

Мир перед Первой мировой

Минуло полторы тысячи лет. Незадолго до Первой мировой войны, в 1898 г., вышел роман Г. Уэллса «Борьба миров»... Тот писал в начале книги: «С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же». Таковым примерно и предстал тот мир перед Первой мировой войной.

В. Кампхаузен. Наполеон III в плену у Бисмарка после Седана. 1878 г.

В начале XX века он все более напоминал гору Олимп, на которой большие и малые боги Земли вели спор за главенство. Распри становились все ожесточеннее, свирепее. Земли, ресурсов не хватало. Прожорливые пасти фабрик и заводов нуждались в нефти, угле, стали, золоте, бокситах, алмазах, каучуке, хлебе. Все хотят новых колоний, территорий, концессий, рабочих рук и капиталов. Никто и никому не хотел уступать. Вспоминается известное выражение философа древности Гераклита: «Война — начало всего». Все враждовали со всеми. В центре конфликта лежали давние противоречия меж Францией, Германией, Англией...

У этих противоречий длинная история. Французы и англичане со времен Столетней войны XIV–XV веков, шедшей с перерывами 116 лет (в ходе ее население Франции в результате убийств, болезней и смертей сократилось на две трети), вели спор за господство в Европе. Французы и немцы были противниками на протяжении XVI–XX веков. Людовик XIV мечтал о преобладании Франции в Европе. Немцы же после Тридцатилетней войны, когда Римско-германская империя «являлась государством лишь по имени» и на первые роли стала выдвигаться прусская династия, видели во Франции своего главного соперника (наряду с Англией).

Наполеон I, разгромив пруссаков под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г., сделал Германию вассалом, натравив одну часть на другую. Пруссия „лягушатников“ терпеть не могла. Немцы готовы были воевать против французов. Армия прусского фельдмаршала Блюхера стала весомым аргументом в битве кампании 1814 г. против Наполеона (под Ватерлоо). Через несколько десятков лет следует жесточайший разгром пруссаками Мольтке французов в битве под Седаном во франко-прусской войне 1870–1871 гг.

Прусский король Вильгельм I и канцлер Бисмарк решили задачу объединения Германии и аннексировали у Франции пограничные провинции с немецкоязычным населением — Эльзас и Лотарингию. По-

сле разгрома 1870 г. во Франции пала Вторая империя Наполеона III. Фридрих II (1740–1786), которого прозвали Фридрих Великий, как-то заметил, что «война — это кровавая тяжба властелинов». Властелинов и капиталов...

После создания единой Германии, казалось, что немцы успокоятся, займутся развитием, укреплением страны. Мудрый Бисмарк и выступал за мирный путь.

Вот что говорил Бисмарк:: «Сильная Германия желает, чтобы ее оставили в покое и дали развиваться в мире, для чего она должна иметь сильную армию, поскольку никто не отважится напасть на того, кто имеет меч в ножнах... Все государства, за исключением Франции, нуждаются в нас и, насколько это возможно, будут воздерживаться от создания коалиций против нас в результате соперничества друг с другом».

Обладая природным умом и политической прозорливостью, Бисмарк был одной из ярких фигур второй половины XIX века. Канцлер России Горчаков прочил Бисмарку великое будущее. Тот сумел спаять германские земли «железом и кровью». В России Бисмарк изучил русский язык и изъяснялся на нем очень прилично. Поняв суть русских людей, он проводил верную политическую линию в отношении России. Известны и его яркие афоризмы о России и русских. «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности и тогда они победят сами себя».

Но были иные силы, которые подталкивали капиталистов этих стран к новому столкновению, одних к реваншу, других — к закреплению достигнутого и развитию успехов. Маркс в 1870 г. предвидел неизбежность войны Германии с Францией и Россией. «Если они (немцы) захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция вместе с Россией будет воевать против Германии», — писал он Брауншвейгскому комитету. Надо было только, во-первых. перетянуть русских на свою сторону. Во-вторых, добиться, чтобы на смену му-

Пирамида капитализма

дрецу Бисмарку пришел какой-либо амбициозный авантюрист. Создание союза между Германией и Австро-Венгрией в 1879 г., направленного против Франции и России, и отставка старого, но умного Бисмарка означали, что созданы известные предпосылки к развязыванию мировой бойни.

Понимание того, что дело кончится бойней, есть у Ф.Энгельса (письмо к Г. Шлютеру): «Мы... достаточно быстро идем навстречу или мировой войне, или мировой революции, или тому и другому вместе» (1890). Хотя некоторые исследователи, такие как И. Гайс в книге «Долгий путь к катастрофе», считали, что истоки мировой войны восходят ко временам Венского конгресса 1815 г., когда был создан Священный союз трех императоров. Думаю, что истоки ее правильнее отнести к эпохе Наполеона I, вступившего в спор с Англией за мировое господство, желавшего «отбросить русских во льды». Тогда победа русских войск остановила европейских захватчиков.

Почему войны в XX веке обрели поистине мировой масштаб? Прежде всего потому, что бурное развитие западной цивилизации подвело ведущие страны и народы к Рубикону, когда стремительное развитие промышленного и научно-технического производства потребовало создания единого мирового рынка и вместе с тем сей рынок становился относительно более узким, ибо на него одновременно претендовали сразу несколько ведущих промышленных и торговых держав мира. Кризисные явления, сопровождая индустриальную стадию развития Запада на протяжении XIX в., стали цикличными, вылились в глобальный кризис, выразившийся в частности в резком «избыточном» росте населения, росте безработицы. Человек все более походил на машину, на часть конвейера. Отсюда обезличивание, рост неравенства и дегуманизация всей западной цивилизации.

Отто фон Бисмарк

Начавшаяся в 1914 г. мировая война охватит 38 государств Европы, Азии и Африки. Она велась на обширной территории, которая составляла 4 млн кв. км и вовлекла более 1,5 млрд человек, т. е. более $^{3}/_{4}$ населения земного шара.

У феномена мировых войн есть немало геоисторических, социально-экономических, демографических, военно-политических, культурологических, религиозных и прочих причин. Эти противоречия лежали на поверхности... Германия с ее мощной промышленностью, новейшей техникой, гибкой и молодой торговой системой, стала вытеснять Англию с важнейших колониальных и европейских рынков, конкурируя с ними на Востоке и в Англии. Немцы, строя железную дорогу Берлин, Босфор, Багдад (три «Б»), хотели утвердиться на Балканах, в Малой Азии, Месопотамии, на берегах Персидского залива. Англичане воспринимали это болезненно; ибо та угрожала геополитическим, торговым позициям в регионе, путям в Индию (вспомним намечавшийся поход Павла I и Наполеона в Индию). С конца XIX в. Германия, развернув строительство торгового и военного флота, стала угрожать господству Англии, владычицы морей, на океанских просторах.

Тогда почти на всей арене земного шара полновластным хозяином стал империализм. Хотя еще в середине XIX в. слово «империализм» было новым (согласно Оксфордскому словарю, впервые оно зафиксировано в 1858 г. для описания владений Pax Britannica), к концу XIX в. этот термин стал массовым. Молодой американский империализм впервые явил свои возросшие аппетиты в ходе испано-американской войны 1898 г.

Приведем высказывание идеолога британского империализма и колониализма Сесиля Родса, четко сформулировавшего цели и задачи империалистических сил в новую эпоху. Он заявил, чего ждут империалисты и колониалисты от своей стра-

С. Д. Родс — символ империализма. «Африка — моя!»

ны: «...Мы сделаем все... Что мы ждем от королевы, так это...защищать нас ее флотом. Когда я захватываю новую страну для нее, она защищает меня от немцев и французов... Когда же я завладею той или иной страной, я просто скажу королеве: „Я взял это: и теперь вы должны водрузить над этой страной наш флаг“»(1898). По сути, так же действовали и все остальные.

Британская цивилизация, распространившая свое влияние на треть мира, если не более, к концу XIX в. находилась на вершине своего могущества.

Наибольшей площади Британская империя достигла в середине 30-х годов XX в., тогда земли Соединенного Королевства простирались на 41,2 млн км (включая 8 млн км необжитых земель), что составляет около четверти земной суши.

Общая численность населения империи составляла примерно 480 млн человек (одна четвертая часть человечества).

В 1887 г. в Лондоне состоялась колониальная конференция, на которой были закреплены основы новой британской колониальной политики. И тем не менее силы и ресурсы Британской империи были перенапряжены. Народы хотели освободиться от английского колониализма. Путь к независимости первыми проложили США (Война за независимость 1775–1783) и старейшая британская колония Ирландия, где с 1916 по 1921 гг. вспыхнуло несколько восстаний. Неспокойно было и в крупнейшей английской колонии — Индии.

Соединенные Штаты Америки, обретя независимость от Англии, в начале XX в. обогатили международное право теорией и практикой «политики большой дубинки» (Big Stick Policy). Рост политико-экономических и стратегических интересов США был связан с Латинской, главным образом с Центральной Америкой, подвергавшейся не раз угрозе оккупации европейскими державами.

Еще в 1895 г. США, почувствовав силу, решили наложить руку на богатую нефтью Венесуэлу, расстроив планы Англии и Германии. Государственный секретарь США Олни заявил латиноамериканцам, англичанам и немцам, что «в настоящее время США фактически обладают верховной властью над американским континентом и их воля является законом во всех тех вопросах, в которые они вмешиваются» (У. Фостер). Германия попробовала возразить, но президент США Рузвельт пригрозил, что двинет флот к Венесуэле (1903). Президент США Т. Рузвельт в 1901–1905 гг. принял на вооружение «доктрину Монро». Суть ее в следующем: «Никто не вправе вмешиваться в дела американского континента. Нарушение правила дает США право вмешаться в конфликт и, если потребуется, с помощью оружия не допустить страны Европы в Америку».

Вскоре последовали и практические шаги: «Панамская революция» 1903 г. (отделение Панамы от Колумбии), установление финансового протектората США над Доминиканской республикой (1904–1907), интервенция США на Кубу (1906–1909), интервенция США в Никарагуа (1909), новая интервенция на Кубу (1912), новая интервенция в Доминиканскую республику (1912), интервенции в Мексику (1914 и 1916) и на Гаити(1915). Можно продолжить список: Уругвай, Колумбия, Чили, Панама, Пуэрто-Рика, Гондурас,Китай...

К началу XX в. мир был поделен между главными империалистическими держа-

Голод в Банголоре. Индия. 1877 г.

вами. В ведущих странах создается мощный симбиоз финансовых и банковских воротил, промышленников, военных, глав монополий. Хищники были готовы разорвать любого, кто встал на их пути к власти, прибыли и господству. П. Клейтон в книге «Империализм и колониализм» (1996) называет их «друзьями, ставшими врагами». Дж. Гобсон в своей книге «Империализм» (1902) писал: «В топком хаосе неопределенных политических абстракций кажется совершенно невозможным нащупать все „измы“ и каждый закрепить точным определением... тщетно требовать той определенности, какая необходима в точных науках. Широкая связь империализма с различными родственными понятиями облегчит нам определение его сущности. Национализм, интернационализм, колониальная политика — его ближайшие три сородича — одинаково неуловимы, одинаково обманчивы, и все четверо настолько изменчивы в отношениях друг к другу, что требуется крайняя

В. И. Ленин среди товарищей. 1903 г.

осмотрительность...» И все же определенные закономерности в их поведении нащупать можно.

Это и делает В. И. Ленин в известной работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916). Он выделил пять основных признаков этого явления: 1) превращение конкуренции в монополию; 2) слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала; 3) преобладание вывоза капитала над вывозом товаров; 4) раздел мира между монополистическими союзами капиталистов; 5) борьба между «великими державами» за передел уже поделенного мира. «Империализм есть высшая, монополистическая стадия капитализма, когда свободная конкуренция сменяется господством монополий», — сообщает БСЭ. А мирное развитии прерывается военными столкновениями.

Пора делиться!

Войны обычно начинает тот, кто считает себя обделенным, или тот, кому все еще мало ранее награбленного А. Коленковский в книге «Маневренный период империалистической Первой мировой войны 1914 года» убедительно показал, что к 1914 г. мир уже был в основном поделен, и поделен крайне неравномерно.

В опубликованной 6 ноября 1916 г. статье «О сепаратном мире» (газета «Социал-Демократ, № 56») В. И. Ульянов (Ленин) писал: «Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники. Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности, воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

Британский офицер в Индии

Наряду с столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константи-

нополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д. И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 г., когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 г., когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России, — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов». Следует лишь добавить, что Англия и была самым главным разбойником и империалистом.

Старые империалистические хищники владели большим числом ресурсов и территорий (Англия, Франция, Россия), тогда как более молодые (США, Германия, Япония) — меньшим. Но в силу закона неравномерности развития капитализма молодые капстраны в экономическом отношении быстро догоняли и обгоняли старые капиталистические страны. И они считали, что должны иметь право на большую долю при дележе мировых богатств и ресурсов.

«Война есть продолжение политики иными средствами», — верно заметил немецкий теоретик К. Клаузевиц.

Войны на земном шаре следовали непрерывно одна за другой: японо-китайский конфликт (1894–1895), греко-турецкая

Добыча угля (в млн т)			
	1880 г.	1913 г.	Рост в %
Англия	149,0	292,0	196,0
Германия	47,0	190,1	404,4
Франция	19,4	40,8	21,0
Япония	0,8	21,3	2 662,5
Выплавка чугуна (в млн т)			
Англия	7,7	10,3	133,7
Германия	2,5	16,8	672,0
Франция	1,7	5,2	305,8
Япония	0,02 (1900 г.)	0,2	1000,0
Выплавка стали (в млн т)			
Англия	1,3	7,7	592,3
Германия	0,7	16,9	2 414,3
Франция	0,4	4,7	1175,0
Япония	0,071	0,255	359,2

(1897), испано-американская (1898), англо-бурская (1899–1902), китайская (1900), русско-японская (1904–1905), Первая балканская (1912), Вторая балканская (1913). И до 1914 г. в Европе регулярно вспыхивали локальные конфликты (Балканские войны, Итало-турецкая война), но в большую войну не перерастали.

Однако хищнические устремления тех, кто начинал войны усиленно прикрывались двойной моралью, лицемерными фразами о миролюбии и пацифизме... Так, президент США Т. Рузвельт, империалист по прозвищу «Тедди Большая дубинка», развязывал войны против малых беззащитных стран, но миру представлялся «христианской голубкой»: «Полагаю, что как раз настало время сказать кое-что об отношении американского правительства к проблеме мира. Войну мы все более и более рассматриваем как прискорбное и злодейское явление, если взять ее саму по себе. Бессмысленная или бесполезная война, чисто агрессивная война, одним словом, любые военные действия, начатые или осуществляемые бессовестным образом, должны быть осуждены как исключительно жестокое преступление против человечества» (1905).

Средства информации яростно соревновались в том, кто кого превзойдет в «словесном пацифизме». Но пацифистскую маску тут же сбрасывали, когда дело доходило до ножей. В основу международной практики легли идеи господства, милитаризма, силы.

К 1914 г. оформились два блока: блок Тройственный союз — Германия, Австро-Венгрия и Италия (1879 — 1882) и блок Антанта (оформлен в 1907) — Российская империя, Великобритания, Франция. Италия в 1915 г. «сменила партнеров»: перешла на сторону Антанты, к Германии и Австро-Венгрии в ходе войны присоединились Турция и Болгария (оформился блок Центральных держав).

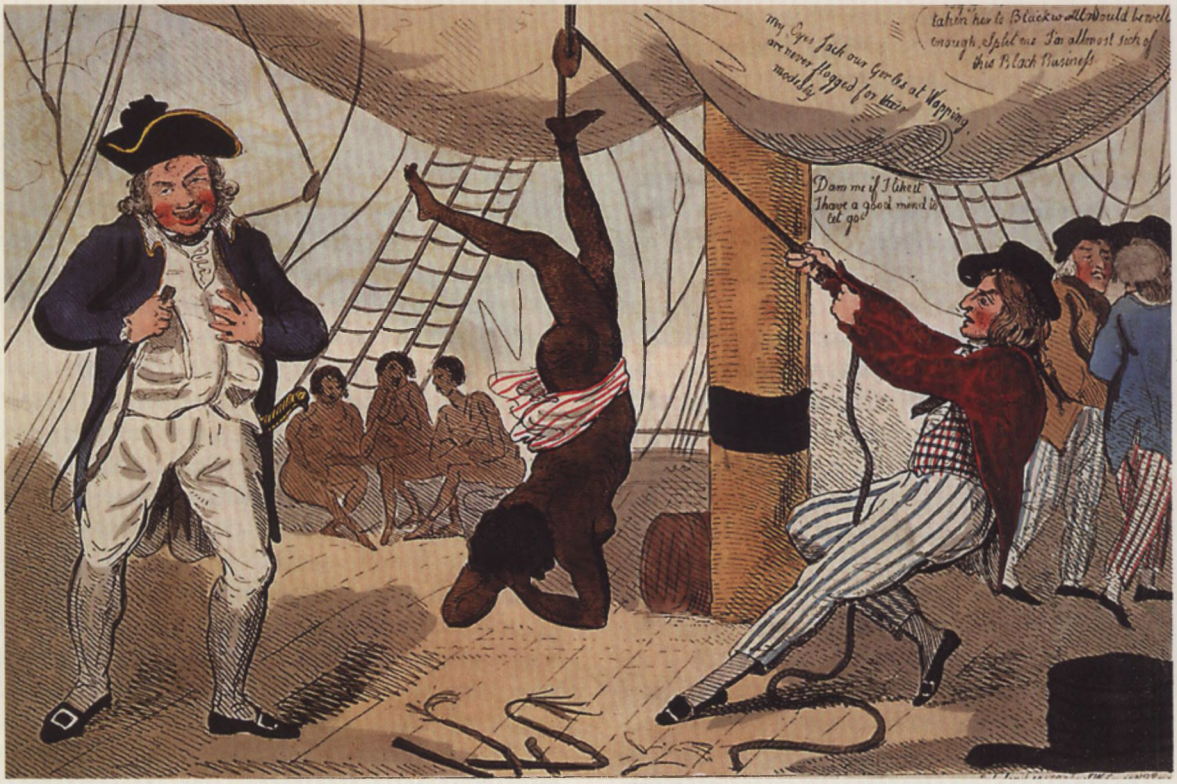
Как и когда созревают условия для мировой войны

Какие причины порождают тотальные бойни миллионов? Чтобы понять это, надо очевидно, добраться до «котла», где в глубокой тайне и варится адское сусло. Войну ждали и энергично к ней готовились заправилы мира. Английский премьер Ллойд Джордж в «Военных мемуарах», оценивая предвоенную ситуацию, говорил, что перспектива большой войны, кажется, более всего пугала двух людей: престарелого кайзера Франца Иосифа, который «менее всего хотел европейской войны», и слабого и простоватого, но искреннего русского царя, не хотевшего войны. Однако вынужден признать: «В каждой стране находились могущественные круги, которые жаждали войны».

Традиционно Первую мировую войну принято рассматривать как геополитический и экономический спор — между Англией, Францией, Германией, Россией, Австро-Венгрией. Так упускаются из виду чрезвычайно важные аспекты и стороны противоборства. Речь идет о расовых, идеологических и финансовых причинах, вызвавших столкновение не только старых, но и и новых систем капитализма. Налицо острейшие споры конкурирую-

Янки позируют у тел убитых индейцев

Перевозка на кораблях негритянских рабов в США

Армия США воюет с индейцами

щих форм устройства мира — монархий и республик.

С одной стороны, это Англия, Франция, США, то есть буржуазные республики, с другой, — монархии в лице России, Германии, Австро-Венгрии, Османской империи. Как известно, результатом Великой войны (а именно так называли Первую мировую войну) станет исчезновение вышеупомянутых монархических империй. Вторым важным результатом станет крах независимых государств. Новый центр власти и капиталов в лице США стремится заменить национальную Европу космополитическо-интернациональным рынком. Наполеон думал о создании подобия Священной Римской империи. Франкмасоны двигают идею Соединенных Штатов Европы с середины XIX в. В 1884 г. в «Альманахе франкмасонов» говорилось о некоем «счастливом и лучезарном будущем», «когда республика будет провозглашена по всей Европе под названием Соединенных Штатов Европы».

В основе хитрого плана завоевания Европы и России стояли (и стоят) англосаксонские и еврейские центры власти в Англии и США. Возникшая на американском континенте северо-американская цивилизация была иудейско-масонской, в которой реализовалась и закрепилась, по словам известного немецкого экономиста, историка, социолога В. Зомбарта, «эманацию еврейского духа».

Директор Института Русской цивилизации, профессор О.А. Платонов в книге «Почему погибнет Америка» (2013) пишет: «США как государство были вскормлены на рабовладении и жестокой эксплуатации негров. Американская нация образовалась на крови, костях, землях и имуществе более 100 млн убитых и замученных индейцев, настоящих хозяев этой страны. Американская иудейско-масонская печать вплоть до наших дней внушает всем представление о том, что Америка была освоена руками белых колонистов. На самом деле большинство земель еще до прихода белых были культивированы самими индейцами. Белые же выступали как оккупанты, грабители и бандиты, построившие свое благополучие на смерти и страданиях миллионов индейцев и рабов».

А вот Россия вела себя куда гуманнее и человечнее. Так, на землях Америки, которые вплоть до XIX в. принадлежали России, индейцы сохранились практически полностью. Более того, многие из них, приняв православие, сумели сохранить и свою культуру.

Янки закономерно и окажутся в числе тех, кто развязал Первую мировую войну... Анализ сотен косвенных и прямых фактов свидетельствует — Первая мировая война оказалась выгодна только одной стране. И это — Соединенные Штаты Америки, созданные спекулятивным капиталом.

Кто стоял у колыбели?

Два клана еврейских олигархов — Рокфеллеры и Ротшильды — стоят у «колыбели» Первой мировой войны. В. Павленко в «Большой игре» Ротшильдов и Рокфеллеров показал, как потомственная политическая креатура Ротшильдов в США, полковник Хаус, именовавший себя «властью за троном», весь 1914 год посвятил попыткам сколачивания западного союза против России с участием США, Великобритании, Франции и Германии. «Англия не хотела бы совсем раздавить Германию, так как тогда она столкнулась бы один на один со своим старинным врагом, с Россией, — писал Хаус президенту В. Вильсону в мае 1914 года, — но если Германия будет беспредельно увеличивать свой флот, у Англии не останется выбора».

Федеральная Резервная Система США — «Мировая дьявольская пирамида»

Чтобы сохранить право выбора за Англией (и Ротшильдами, что уж сто лет к тому времени контролировали ее центробанк), Хаус совершил вояж в Берлин, где получил аудиенцию у кайзера Вильгельма II и морского министра фон Тирпица. Однако противоречия немцев и англичан снять не смог. Германский флот на деньги Рокфеллеров «рос как на дрожжах». Остаться в стороне от войны англичане

не могли, передав Рокфеллерам все политические козыри. Хотя, по большому счету, мировая война была нужна и тем, и другим, и третьим, ибо лишь в случае ее развязывания можно было в ходе сложнейших многоходовых комбинаций сорвать особенно крупный, главный, куш. И то, что тогда же возник «трехголовый», американо-британо-германский спрут — банк Шредера, — говорит о многом. В результате Первой мировой войны ослабленные многолетней схваткой противники уступят место США. Даже Великобритания отойдет на вторые роли.

Заметим, что в 1913 г. в США была создана Федеральная резервная система. Конгресс США отдал Америку в вечное долговое рабство частной Федеральной резервной системе, предоставив ей право печатать деньги и контролировать американскую экономическую систему (65% акций принадлежало иностранцам, 35% частным банкам США). Так было создано Тайное мировое правительство. Целью Федеральной резервной системы, как было заявлено, является защита банковской системы от грядущих финансовых кризисов. На самом деле ее целью стало сосредоточение финансово-политической власти в руках узкой группы собственников.

Джон Рокфеллер

Один из наиболее глубоких исследователей ФРС США американец Ю. Муллинз в своей главной книге «Тайны частной Федеральной резервной системы» (Eustace Mullins «Secrets of the Privately Owned Federal Reserve») дал следующую раскладку основных акционеров Федерального резерва, которая включает как семейства, так и отдельные банки (по состоянию на 1970-е гг): 1) семейство Ротшильдов; 2) Лазард Фререз (Юджин Майер); 3) Израэль Сифф; 4) банк «Кун Леб»; 5) банк Варбурга; 6) банк «Леман Бразерс»; 7) банк «Голдман Сакс»; 8) семейства Рокфеллеров и Морганов. Муллинз делает вывод, что акционерный капитал ФРС не распылен, а находится в руках узкой группы семейных кланов. На первом месте семейство Ротшильдов, на втором — Рокфеллеров.

Характеризуя семейство Ротшильдов, Форд напишет: «Они (Ансельм, Соломон, Натан Майер, Чарльз, Джеймс. — Ред.) были пятью гениями войны Европы более чем в течение жизни одного поколения, а их династия была продолжена их потомками».

Еще в 1866 г. президент США Авраам Линкольн прозорливо заметил: «Денежная элита паразитирует на стране в мирное время и плетет заговоры против нее во времена бедствий. Власть денег более деспотична, чем монархия, более высокомерна, чем аристократия, и более эгоистична, чем бюрократия. Она осуждает как „врагов народа“всех тех, кто подвергает сомнению ее методы или проливает свет на ее преступления. У меня есть два главных противника — армия южан передо мной и банкиры позади меня. Из этих двух, тот, кто позади, — мой самый страшный враг».

Амшель Майер Ротшильд

Итак, к концу XIX в. капитализм в лице четырех всадников смерти — США, Англии, Германии, Японии — вовсю несся к всемирной схватке.

Об этом свидетельствовали и экономические выкладки.

Профессор. Н. П. Коломейцев подсчитал, насколько выросли военные бюджеты ведущих стран мира за двадцать с лишним лет, с 1890 г. и по 1912 год. Картина вырисовывалась следующая... Германия — на 140%, Франция — на 47%, Англия — на 55%, Австро-Венгрия — на 410%, Италия — на 40%, Бельгия — на 112%, Япония — на 578%, Россия — на 238%.

Все готовились к большой войне. Долой национальные границы, национальные культуры, национальные облики, национальные религии! В результате «непрерывных скрещиваний должна возникнуть смешанная раса — раса европейского человека»! Для этого нужно «уничтожение наций, по крайней мере европейских» (Ницше).

В. М. Васнецов. Четыре всадника Апокалипсиса. 1887 г.

Президент США Вудро Вильсон

Но как этого достичь!? Ну это понятно... С помощью тотальной смертоносной войны!

Ницше прямо говорит в «Человеческое, слишком человеческое»: «Придется, вероятно, изобрести еще немало подобных суррогатов войны, но именно из них будет все более уясняться, что такое высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне — т. е. во временном возврате к варварству, — чтобы не потерять из-за средств к культуре самой своей культуры и жизни».

На сакраментальный вопрос: «Кому это выгодно?» — есть один ответ: до Первой мировой войны США — крупнейший мировой должник, а после той войны — единоличный мировой кредитор.

Правда, Соединенные Штаты Америки на первых порах занимали формально нейтральную позицию. Этому свидетельствовало и провозглашение ими декларации о нейтралитете (4.08.1914). США постарались под шумок распрей в Европе максимально усилить позиции в Карибском бассейне, расширив проникновение в Южную Америку. Новый президент США профессор Вудро Вильсон (1913) вначале удержал страну от вступления в Первую мировую войну. В 1916 г. он был повторно выдвинут кандидатом в президенты. Главный лозунг в его избирательной кампании: «Он уберег нас от войны». Вильсон с его политикой «изоляционизма» сумел завоевать симпатии пацифистски настроенных американцев, утверждая, что гонка вооружений только приведет к втягиванию США в войну.

Став президентом, он предложил свои услуги в качестве посредника воюющим странам, но те проигнорировали его предложения. Республиканцы, возглавляемые Т. Рузвельтом, критиковали Вильсона за миролюбивую политику и нежелание создать сильную армию. Но это была инсценировка. США вступят в войну, но лишь когда это будет им выгодно. Там все решают не сенат и конгресс, даже не президент, а члены закрытого клуба убийц с красноречивым слоганом — «Череп и кости».

Президент США Теодор Рузвельт, прозванный «Тедди — Большая дубинка». Карикатура начала XX в.

THE BIG STICK IN THE CARIBBEAN SEA

Глава 2

Расклад мировых сил и интересов на Востоке и на Западе

Между «Нет» и «Да»

Как одна из крупнейших и влиятельных мировых держав, Россия неизбежно станет участником этого ни на миг не утихающего соперничества держав и народов.

При Александре II и Александре III страна проводила миротворческую политику в Европе и, если «не считать» русско-турецкой войны, пыталась решать назре-

А. П. Соколов. Император России Александр III

Кайзер Германии Вильгельм II

вавшие проблемы мирным путем... По крайней мере, тотальной войны цари себе не позволяли, понимая, что платить за это пришлось бы российскому народу.

Когда Вильгельм II предложил Александру III «поделить мир между Россией и Германией», тот на это «заманчивое» предложение не клюнул... Предвидя тяжелейшие последствия подобного шага, царь сказал немцу: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся-ка на себя в зеркало».

Но после смерти Вильгельма I и ухода от власти Бисмарка, власть унаследовал Вильгельм II. Бисмарк говорил: «Превентивная война против России — самоубийство из-за страха смерти». Но, набирая силу, Германия все меньше нуждалась в дружбе с русскими. И железный канцлер Вильгельм II игнорировал заветы деда или позабыл их: «Люби и уважай Императора Александра, нам лучше будет от добрых отношений с Россией». В 1890 г. из-за обострившихся противоречий с канцлером Вильгельм принял отставку Бисмарка.

К тому же изменилась и ситуация в России. Преждевременная смерть 50-летнего русского царя Александра III привела к власти Николая II. На словах Николай был миротворцем. В начале царствования он выступил с мирной инициативой, направленной на прекращение гонки вооружений.

В документе, подписанным Николаем II, говорилось: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств... Императорское правительство полагает, что в настоящее время положение весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел увеличивающемуся развитию современных вооружений» (1898).

Европа и Америка на протяжении большей части их истории в отношении России варьировали три тактики — сокрушение и уничтожение, ослабление, помощь (только при условии большой выгоды для себя и перспективой обязательного ослабления России).

Как ни странно, но у нас до сего дня (усилиями господ и служек атлантизма и американизма) в народе насаждается

Ф. Ф. Мартенс — юрист-международник

точка зрения, что западная демократия — очень хорошая вещь: свобода, права человека, право собственности, вера и прочие чудеса. Но в России эти «чудеса» отчего-то прорастали чертополохом. Облик Америки как «светлого града на холме» к началу XX в. потускнел и среди наиболее думающей части общества. Философ-теолог С. Н. Булгаков в переписке 1910–1911 гг. с А. Белым (Б. Н. Бугаевым) заметил: «Запад я ex profundo постоянно принимаю в себя и перерабатываю в себе или как чужеродное тело или как яд, к которому надо получить нейтралитет или выработать антитоксин. И чем больше живу и чувствую, тем больше узнаю яд и вижу змею на дне кубка. Конечно, я говорю про современный западный запад... это могучая, организованная сила, но бездушная или же потенциально антихристианская».

Наука могла бы удержать народы от заблуждений и трагических ошибок. Но ее

слушают редко, да и сама она не без греха... Оказали ли влияние труды ученых-пацифистов (М. Энгельгардт, Ф. Мартенс, Я. Новиков, М. Таубе, И. Блиох, Б. Чичерин) на Николая II? Вряд ли он их читал. Те уверяли, что в мире наблюдается смягчение нравов, рост солидарности, альтруизма, хотя одновременно заметнее рост жадности, жестокости, лицемерия и коварства. Пока существуют классовые и социальные различия, война абсолютно неизбежна. В соперничестве держав нет места альтруизму. Демагоги говорят о братстве людей, но сами же грабят, убивают и истязают невинных. Войны — виновник всех бед и зол. «Это они порождают неравенство, дифференциацию, ненависть, дикие инстинкты». В них превалирует отношение к людям «как к клопам или тараканам, которых можно давить походя» (М. А. Энгельгардт).

Что предлагалось противопоставить? По мысли ученого, в жизни мира творческим началом и преобразующим моментом могла бы стать наука.

М. А. Энгельгардт писал: «Наука обнаруживает ненужность зверства, грызни, войны, — невыгодность их для индивидуумов, классов и наций; а главное, покорив человеку мир, она создала новые материальные условия исторического процесса». Сообразно новой морали должны установиться новые политические формы, новый экономический строй и юридические отношения.

Говоря о России, Энгельгардт подчеркивал, что ее слава должна зиждиться не на военной основе, достигаться не военными потасовками и бойнями, а завоеваниями в духовной сфере. «Какой нам еще славы, — восклицал он, — когда произведения Толстых и Достоевских завоевывают Европу и порождают новые направления в западной литературе, а открытия Менделеевых и Мечниковых преобразовывают европейскую науку?» Вечные приготовления к войнам, войны, состояние «вооруженного мира» гибельно отражаются на уровне жизни, морали наций. Энгельгардт приводил убедительные цифры, подтверждающие данную точку зрения. Так, Крымская кампания Англии, Франции и Турции против России обошлась Европе в 6 млрд франков, война 1870 г. стоила Франции 15 млрд франков, война 1878 г. против Турции отняла у России 1 млрд руб. За несколько месяцев боев пущены на ветер два-три года народного труда. Ученый высказал надежду, что в новых исторических условиях будут созданы и основы для утверждения мирного характера общественных отношений. Нации, представляя собой одно целое, более всего нуждаются в мире. Единственным выходом разума для народов в XX в. должно стать «прекращение войн, т. е. разоружение»

Правда, он признавал, что борьба наций и индивидуумов, видимо, все же останется двигателем прогресса, но только «в смысле соревнования» умов и талантов. Ее победителями должны становиться народы, те, кто увеличивает благосостояние людей (Эдисон, Менделеев, Пастер, Гельмгольц). Пессимистическая теория Мальтуса как бы «опровергается» благодаря колоссальному развитию и росту промышленности и науки.

Мальтус в книге «Опыт закона о народонаселении или настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода с изложением значения прошедшего и нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла» (М., 1895) утверждал, что народонаселение растет в геометрической прогрессии (т. е. как 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256), тогда как средства существования, по его мнению, растут в арифметической прогрессии (как 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.). Через два столетия, утверждал он, народонаселение относилось бы к средствам существования как 256 к 9; через три — как 4096 к 13, а через две тысячи лет этот разрыв был бы беспредельным и неисчислимым. Отсюда — необходимость войн.

Англичанин Роберт Томас Мальтус. XIX в.

В. О. Шервуд. Известный русский юрист Б. Н. Чичерин

Казалось бы, бурный рост народонаселения в России в конце XIX — начале XX в. подтверждал этот тезис. Но вскоре «принцип перенаселения» Мальтуса, уступил место тезису Кейнса о «недонаселенности». После Второй мировой войны теория Мальтуса вновь стала популярной, особенно в развивающихся странах.

Вроде бы умные люди понимали корень главных проблем. Но, во-первых, умных не так много да и управляют миром не ученые, а капиталисты (те ради прибылей не побоятся полмира превратить в развалины), и, во-вторых, власть опять же зависит от капиталов, т. е. от тех же капиталистов, и потому часто идет у них на поводу, в-третьих, прогресс наук и технологий в первую очередь совершается в сфере вооружений, что также провоцирует войны.

Интеллигенция даже и помыслить не смела о мировой войне, считая ее просто невозможной в «культурном» XX веке. Известный юрист Б. Н. Чичерин, подводя в книге «Собственность и государство» итоги событиям рубежа XIX–XX веков, отмечает господствующий всюду разлад в мысли и в жизни, падение веры, презрение к философии и истории, отрицание всех высших начал человеческого духа, скептическое отношение к разуму, извращение нравственных начал, подчинение высших качеств человека низшим. «Вопль отчаяния может вырваться из груди современного человека, который не отрекся от благороднейшей части своего естества, и только непоколебимая вера в силы духа и в непреложные законы истории поддерживает его среди господствующей умственной и нравственной неурядицы. Эта вера не есть только смутное чаяние, она опирается на законы разума и истории».

Хотя факты истории рисовали далеко не радужную картину мира.

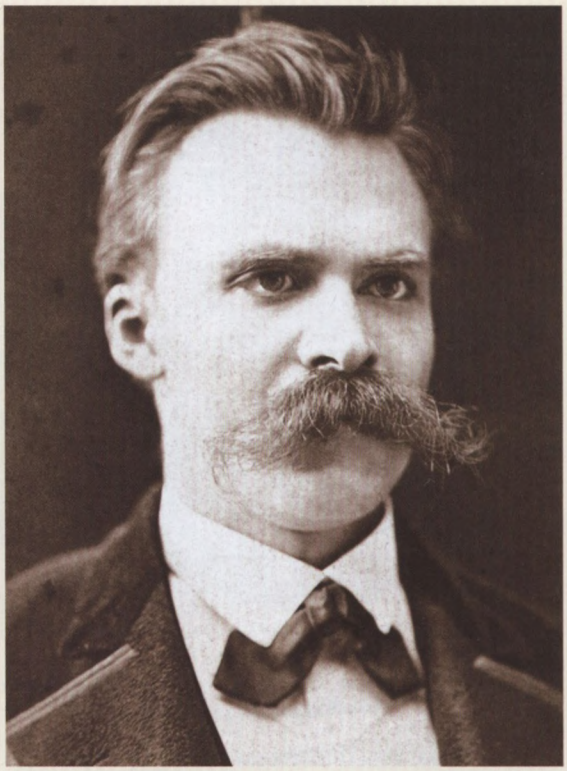
Российская интеллигенция, что десятилетиями выступала в защиту светлых идеалов и народа, не заметила, как в политических кружках и партиях, провозглашавших идеалы правды и справедливости, у буржуазии отрастала «голова зверя». Но

главные «звери» скрывались за массивными дверями банков и корпораций. В конце концов все битвы в истории начинали финансисты, а генералы выполняли их планы. Однако «деньги — хороший слуга. но плохой хозяин» (Бекон).

Не было страны, где не восхваляли ли бы войну, не торопили бы ее приближение. Одни финансировали строительство вооружений, другие строили, третьи готовили массы для крупной войны, четвертые освящали преступление идеологически. Штейнметц начнет «Философию войны» словами: «Всякая война необходима, как всякое другое явление». Политики, философы, историки, литераторы, не говоря уже о торговцах и спекулянтах, соревновались. доказывая всем, что того «вечного мира», о котором писал И. Кант, в природе нет и быть не может. Кант однажды заметил: «Все древние философы требовали от человека не более того, на что способна его природа, поэтому и их закон не имел чистоты». Это можно сказать о философах XIX—XX вв., которые воспевали силу, а вовсе не разум.

Немецкий философ Ф. Ницше не оставил места слабому человечеству — в истории и в жизни. Идеалом его и становится «белокурая бестия», Заратустра. «...Историю могут вынести только сильные личности, слабых же она совершенно подавляет». Е. Н. Трубецкой в очерке о Ницше верно уловил, что ницшеанский Заратустра учит, что государство есть «смерть народов». Так и есть: империалистическое государство несет смерть народам! Учреждение это создано не для «лишних людей», а для ликвидации «лишних».

В каком положении была Россия? Как царю виделись проблемы внешней политики и положение России? Наследник русского престола, цесаревич Николай Александрович (будущий царь Николай II) совершил в 1890–1891 гг. путешествие. По укоренившейся традиции, все русские наследники, начиная от Павла I и до Александра III, завершив курс наук, отправлялись в путешествие. Маршрут обычно пролегал в основном — по Рос-

Немецкий философ Фридрих Ницше

сии, меньшая часть — по Европе. На этот раз для Николая планировалось совершенно необычное, грандиозное, морское и сухопутное турне, которое объединило бы оба маршрута. Причем, путешествия в обеих частях должны были проходить по территории, где раньше не бывал ни один цесаревич.

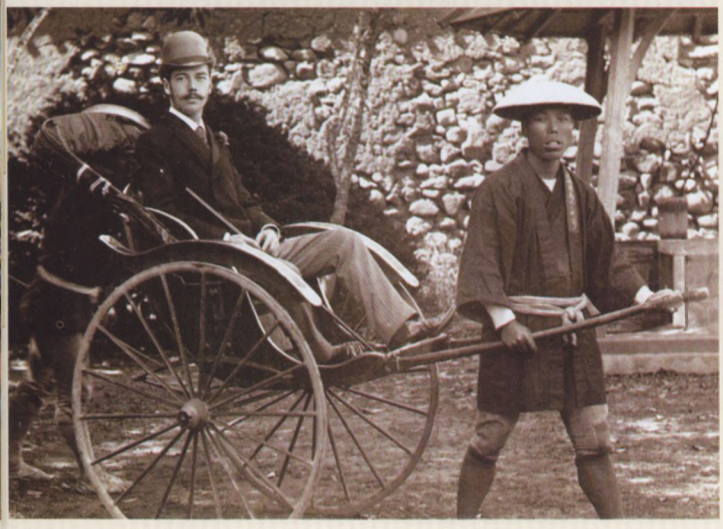
С. Ю. Витте совершенно справедливо утверждал: «Не проехав из столицы до Дальнего Востока, нельзя называться подлинным русским». Возможно, это и подвигло наследника на долгий путь... Начав в 1890 г. маршрут в Европе, группа туристов, преодолев огромные расстояния, посетила страны Африки, Азии и Дальнего Востока (Египет, Греция, Индия, Цейлон, Сингапур, Сайгон, Китай, Япония). Э. Ухтомский в труде «Путешествие» описал сей вояж. Образованный и состоятельный человек, он был знатоком и поклонником культуры буддийского Востока, а

Цесаревич Николай Александрович во время путешествия

кроме того, издавал газету «Петербургские ведомости». Князь — сторонник активной восточной политики России. Будучи близок к царской семье, он старался убедить цесаревича в том, что будущее России тесно связано с Азией, говоря: «Между Западной Европой и азиатскими народами лежит огромная пропасть, а между русскими и азиатами такой пропасти не существует». Он писал: «Там, за Алтаем и Памиром, та же неоглядная, не исследованная никакими исследователями еще допетровская Русь с ее непочатой шириной предания и неиссякаемой любовью к чудесному, с ее смиренной покорностью посылаемым за греховность стихийным и прочим бедствиям, с отпечатком строгого величия на всем духовном облике». Ухтомский замечал, что «для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники».

Николай Александрович в Японии

Но что путное вынес будущий российский император из турне? Создается впечатление, что в результате он так ничего и не понял, стал не пацифистом, а милитаристом и аннексионистом. Правда, в 1899 г. по инициативе России созвана Гаагская мирная конференция, в которой

приняли участие 27 государств. По итогам работы тогда же были приняты три конвенции: 1) о мирном разрешении международных споров, 2) о законах и обычаях войны, 3) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. Особое значение имела первая конвенция. В соответствии с ней согласились приложить усилия к обеспечению мирного разрешения споров, конфликтов, наметив средства для достижения указанной цели: добрые услуги, посредничество, международные следственные комиссии, международный третейский суд. Только вот реализовывать эти предложения никто не собирался.

И прежде всего потому, что это были общие, ничего не значащие фразы. Секретарь русской миссии на конференции М. Шиллинг (в будущем директор канцелярии 1-го политического отдела МИДа) посвятил конференции страницы дневника. Общий вывод: никто из участников конференцию всерьез не воспринимал. Ее рассматривали как своего рода отвлекающий маневр, охотно довольствуясь прогулками и роскошными обедами.

Сфера исключительных интересов

Налицо столкновение интересов крупнейших держав везде на Дальнем Востоке и в Европе. Япония и Россия считали Маньчжурию и Китай сферой только своих исключительных интересов. Этому предшествовали захваты Британией — Гонконга, Францией — Кантона, Германиией — бухты Цзяочжоу. Еще ранее русский дипломат Н. П. Игнатьев, используя военное вторжение англичан и французов в Китай, сумел убедить китайцев в дружеском отношении России к китайскому народу и заключил в 1860 г. в Пекине договор, по нему за Россией признавались все земли на левом берегу Амура и территория меж рекой Уссури и Тихим океаном.

Империалисты делят Китай. Карикатура

Китай подвергся колониальному нападению стран Запада. Некогда великая империя оказалась опутана сетью договоров с иностранными державами. Китай потерял Гонконг, часть Маньчжурии. Западные поселения создавались всюду. Более десятка крупнейших портов Китая открылись для иностранной торговли. Иностранцы пользовались правами экстерриториальности, платили малую торговую пошлину или же не платили ее вовсе. Китай расценил это как унижение своего национального достоинства. Разразилось одно из крупнейших восстаний в истории Китая, получившее название «боксерского» (1898–1891). В Китае их звали ихэцюань — «Кулак во имя справедливости и гармонии» или ихэтуань («Отряды справедливости и гармонии»). Костяк восставших — школы и религиозные секты традиционных боевых искусств ушу или гунфу (кунфу). Движение ихэтуаней разрослось, а контроль за

ситуацией был потерян. «Отряды гармонии и справедливости» стали истреблять не только иностранцев, но и богатых китайцев, т. е. буржуев.

Восстание ихэтуаней в Китае было направлено прежде всего против японцев, американцев, англичан и немцев. Теме посвящена книга английского автора П. Харрингтона «Пекин 1900 год. Китай против Европы, Америки и Японии». Тайное общество «Ихэтуань» хотело избавить Поднебесную от засилья иностранных держав, внедрявшихся в Китай.

Физически уничтожались китайцы-христиане, считавшиеся проводниками чужеземного влияния. С молчаливого согласия цинского императорского двора ихэтуани взяли в осаду Посольский квартал Пекина. Иностранные дипломаты, члены их семей и другие иностранцы, находившиеся в столице Китая, оказались в ловушке у восставших.

Вооруженные силы Британии, России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, США и Японии немедленно ответили общей интервенцией. Китай потерпел поражение.

Правительство России подключилось к империалистическому переделу мира одним из первых. И, можно сказать, выступило даже в авангарде империализма, его ударным отрядом, что не позволяет говорить о царе и его окружении как о миротворцах и миролюбцах, якобы только и помышлявших о благе России, пользе ее народа и спасении «заблудших» душ. Как и все прочие, Россия была заинтересована в захвате новых территорий, в сохранении зон влияния — как на Востоке, так и в Азии или в Европе. Генералы, воротилы бизнеса, спекулянты, царедворцы — все они страстно мечтали принять участие в переделе мира и как можно более нажиться на войне.

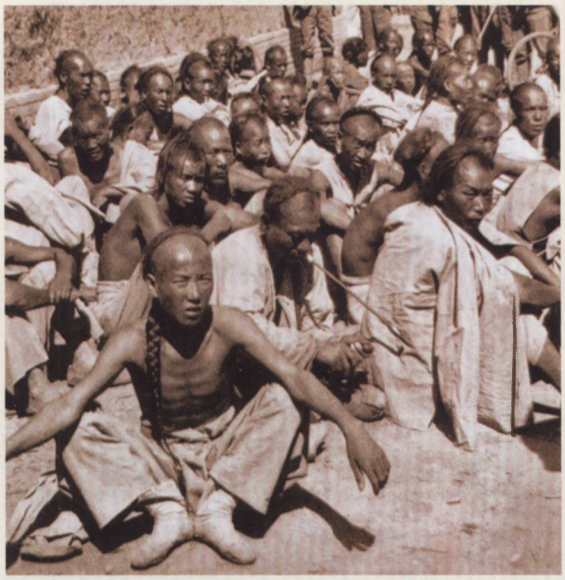
А. фон Шварц писал в книге «Осада Порт-Артура»: «Ход естественного развития Русского государства издавна двигал его в сторону наименьшего сопротивления — на восток, к берегам Тихого океана. В середине XIX столетия Россия приобрела у Китая Южно-Уссурийский край с гаванью, где и был основан Владивосток (1860).

Но гавань эта замерзала и не могла служить удобным портом для Сибирской магистрали, к постройке которой приступили в 1891 г. Необходимо было приобрести гавань незамерзающую, открытую для судов круглый год. Такую можно было найти на юге: в Корее или на Китайском побережье Тихого океана». Поэтому в 1896 г. и был заключен тайный русско-китайский договор. Россия получала право на строительство Китайско-Восточной железной дороги и обрела массу торговых льгот (разрешение эксплуатации угольных месторождений; арендовала у Китая в 1898 г. Порт-Артур и Далянь на 25 лет).

Россия была активным участником событий в период восстания «боксеров». Китайский губернатор из Цицикара Шоу Шань предупредил, что «сровняет Харбин с землей, уничтожит русских, войдет в Хабаровск». 2 июля 1900 г. с китайского берега по Благовещенску открыт артиллерийский огонь, началась мобилизация населения в Приамурье. В ответ на действия китайцев власти раздали русскому населению оружие. Русские увеличили число войск для охраны КВЖД до 8000 человек. Губернатор Амурской области, генерал К.Н. Грабовский отдал приказ

Расправа с «боксерами»

Пленные китайцы

уничтожать китайские погранзаставы: те были уничтожены вместе с ближайшими поселениями — за неделю русские стали хозяевами Амура. Штурмом был взят Айгунь и военный министр шлет генералу Н. И. Гродекову в Хабаровск телеграмму следующего содержания: «Государь император Николай II сказал:«Айгунь должен быть снесен». Последовал ответ: „Айгунь будет снесен, а новые Земли получат русские переселенцы". Грабовский отдал приказ — выбросить за Амур всех китайцев, и «чтобы ни один китаец не остался на нашей стороне!»

Русская полиция и крестьянские дружины стали прочесывать города и села. Действовали царские войска порой очень жестоко. Китайцев выгоняли из домов. Назревали масштабные военные действия. В 1900 г. у Китая было 750 000 солдат, 500 новейших орудий, магазинные ружья. Русские ввели в Китай армию в 176 000 человек при 336 орудиях и 8 пулеметах.

Русские войска одержали победу над китайцами в Дагу, Танцзине. 2600 русских солдат, германская рота, французский батальон (3000 человек) выбили из города 25 000 китайцев. Отряды генералов В. Сахарова, Н.А. Орлова, П.К. Реннен-кампфа, Д.И. Суботича, вице-адмирала Е. И. Алексеева заняли китайские города Саньсин, Ажэхэ, Хайлар, Цицикар, Хуланьчен, Мэргэнь, Гирин, Мукден, Хунчунь и др., захватили перевал на Малом Хингане, очистили от китайцев КВЖД. Наконец, 1 августа 1900 г. ночью отряд генерала Василевского (6600 человек) захватил Пекин. Русские войска (с немцами и англичанами) вошли в Пекин. Дипломаты были освобождены. Во дворце, в спальне богдыханши был найден тот самый тайный договор за подписью Витте.

.При штурме города погибло 20 русских. Правительство, императрица и наследник Китая бежали из города в провинцию Шэнси. Потрясенные столь быстрым покорением страны, 1798 чиновников Китая покончили жизнь самоубийством. Разбив десятки тысяч китайских солдат, русские взяли и богатую военную добычу. При этом были освобождены европейцы. Пекин был поделен на зоны оккупации: Восток — под русским контролем, Юг — под английским и американским, Север — под японским. Ну а 15 августа 1900 г. — «идиллия европейского согласия»: прошел парад объединенных сил оккупантов восьми держав у стен священного Запретного города.

Захваты Порт-Артура, Квантунской области прошли гладко, но вот отношение к России в Китае резко изменилось. Население из дружелюбного превратилось во враждебное. Началось восстание, которое принесло материальные потери и стоило жизни многим служащим КВЖД. Петербург ликовал: есть повод для новых захватов. Под предлогом усмирения «боксеров» Россия ввела войска в Маньчжурию.

Генерал А. Н. Куропаткин уверял, что «Маньчжурия так и останется российской — на правах Бухарского ханства». Историки уверяют, что войска России не осуществляли в Китае «никаких массовых репрессий по отношению к мирному населению, беспощадно подавляя очаги восставших ихэтуаней, группы китайских войск и хунхузов». Но это примерно то

Российская медаль «За поход в Китай. 1900–1901»

же, что взять и заявить: дескать, царизм не проводил никаких массовых репрессий против мирного русского населения, но беспощадно подавлял выступления недовольных крестьян, казаков, рабочих и студентов.

Правительство Циньского двора вынуждено было подписать «Договор Синьчоу». Китай фактически становился колонией, на него возложена огромная контрибуция, в сумме 1000000 тыс. лянов серебра. Уничтожались крепости, запрещался ввоз оружия в Китай. Иностранные оккупационные войска получали право занимать любые пункты в Китае. Это была империалистическая агрессия! «В китайском сознании царская Россия стала самым агрессивным захватчиком», — справедливо заключает М. Лазырин.

Ради чего была развязана Русско-японская война?

Внешняя политика царской России на рубеже веков была крайне сумбурой и непоследовательной. Кроме того, специалисты отмечают ее сверхкулуарный характер: «О том, в какой глубокой тайне творилась тогда внешняя политика государства, свидетельствует то, что о существовании франко-русского союза Николай II узнал, только став императором в 1894 году, причем, министр иностранных дел Н. К. Гирс предупредил, что в суть дела кроме него самого «посвящены только полтора человека в министерстве — В. Н. Ламздорф (директор канцелярии министерства) и отчасти товарищ министра Н. П. Шишкин». Это стало одной из причин последующих катастроф.

Немецкий канцлер фон Бюлов, говоря об истинных причинах начала Русско-японской войны, писал: «Граф Остен-Сакен, старый опытный дипломат, не без основания еще осенью 1903 г. сравнивал в разговоре со мной трения между Россией и Японией с началом мексиканской авантюры. Русско-японская и мексиканско-французская войны имеют сходство в том, что обе начались из-за нечистых биржевых спекуляций. Они имеют сходство и в том, что эти инсценированные биржевыми дельцами военные предприятия драпировались патриотическими фразами,

Японский император и его «доброжелатели» (Англия и США)

Николай II перед войсками, отправляющимися на Дальний Восток

как дальновидные политические начинания». Во Франции Руэ назвал мексиканскую экспедицию «величайшей мыслью царствования».

В России камарилья, окружавшая царя, великие князья, которые хотели нажить деньги... и все придворные уверяли, что русская экспансия на Дальнем Востоке напоминает великую политику великого Петра или великой Екатерины. В 1904 году началась война с Японией. Свидетель событий тех лет, И. В. Кулаев писал: «Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корее, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации каковой составил товарищество, в которое вошли крупные и важные столичные персоны. Эти господа и были против каких-либо уступок Японии — особенно в корейском вопросе — и довели Россию до войны».

Весьма показательна следующая сцена. 15 декабря 1903 г. было созвано Особое совещание о ходе переговоров с Японией. Открывая его, царь напомнил о событиях восьмилетней давности — после японо-китайской войны: «Тогда Россия твердо сказала Японии: „назад“, и она послушалась. Теперь японцы становятся все более требовательными. Все же это варварская страна». Он вопрошал, что лучше: «идти на риск или продолжать уступчивость?» И решил идти на авантюру.

Нисколько не лучше тут выглядела и Япония.

Так как Япония первая напала на Россию, да еще и без объявления войны, войну следует называть Японо-русской. Хотя и России не безгрешна. Главный агрессор — Япония (и науськивающая ее Англия). Англия еще в 1902 г. заключила с Японией союз, пообещав военную помощь на случай столкновения ее в регионе с иной державой.

Генерал А.И. Деникин в мемуарах «Путь русского офицера», описывая события тех лет (повествование генерала обрывается 1916 годом), подчеркнул: «Английская печать всемерно возбуждала Японию против России, а главнокомандующий, генерал Уольслей, после занятия нами Порт-Артура заявил, что в случае войны „британская армия будет в полной готовности“».

В борьбе против России Япония нашла поддержку и у США. На ее стороне выступили главы американской политики и большая часть печати. Посетивший Нью-Йорк японский принц Фушими получил заверение, что Соединенные Штаты имеют общие с Японией коммерческие и политические интересы. Японии была оказана экономическая помощь в широких размерах. Несомненно, без таких гарантий со стороны Соединенных Штатов и особенно Англии Япония в 1904 г. не выступила бы. Так две эти державы, создавая «великодержавную Японию», ковали оружие для своего будущего врага. И тот самый «исторический бумеранг, который ударил по русским головам у Порт-Артура, в обратном полете своем пронесся по... Китаю и нанес удар по Сингапуру и Перл-Харбору» (А. И. Деникин).

Вывод войск из Маньчжурии, как требовал договор 1902 г., не был полностью произведен Россией, что стало одной из причин войны с Японией (1904–1905). Патриотическая печать России с невиданным легкомыслием трубила о быстрой победе над японцами, утверждая, что нашей армии и флоту не составит труда ей «утереть нос».

Если бы только печать... Один пример... На все требования Главного штаба России к военным агентам в Корее и Японии полковникам Генштаба И. И. Стрельбицкому и Б. П. Ванновскому активизировать разведывательную деятельность те отмалчивались. От Ванновского получено всего несколько донесений. Он даже не дал отчета о больших японских маневрах 1901 года. И это когда Япония уж вовсю готовилась к войне с Россией. Генеральный штаб черпал новости из газет (или от МИДа). Бездельникам направили 4 (17) июля 1902 г. уведомления Генштаба о снятии их с должности. Им было предложено за шесть месяцев, пока они будут еще оставаться на должностях, все же составить военно-статистическое описание Японии и Кореи. Но ничего не было сделано. По возвращении в Россию Ванновский пишет в докладе ««японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства». Далее следует вердикт, свидетельствующий о полнейшей непригодности «главного русского разведчика» в Японии. «Если, с одной стороны, — писал он, — японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой — это вовсе не настоящая европейская армия, создававшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам. Пройдут десятки, может быть сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу

«Посидим у моря, подождем погоды». Буржуазная печать России о нашей силе перед Русско-японской войной. Карикатура

тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав». Будущий командующий нашей армией на Русско-японском театре войны Куропаткин, начертал на докладе: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый».

С такими «трезвыми» взглядами Россия бесславно проиграла войну с Японией.

Однако даже главные лица в войне с Японией были настроены весьма пессимистично в отношении российского вмешательства в дела Юго-Восточной Азии.

Будущий командующий на Дальнем Востоке генерал А. Н. Куропаткин в 1903 г. посетил Японию и под впечатлением своего визита написал «Японские дневники», где есть любопытные признания: «...если мы из-за Кореи начнем войну с Японией, то мы истинные интересы России на Дальнем Востоке по важности поставим в обратном порядке и за это и будем наказаны войною. Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне. Это будет наказание за то, что мы поставили сравнительно ничтожные для России интересы в Корее выше интересов Маньчжурии, выше интересов Приморского края. Это будет в особенности заслуженное наказание за то, что в делах Дальнего Востока мы не разобрались в коренном для России вопросе: мы, принимая решения, не взвешивали относительной важности этих дел с делами внутренней России и, в особенности, с делами, определяющими безопасность России на западной границе. Силы и средства России уже тяжко напряжены. Если мы даже без войны вновь затратим большие силы и средства на Дальнем Востоке, то будем в силах это сделать, только одновременно ослабляя себя на западной границе. Это будет игра в руки врагов наших».

Военный министр, главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткин

Тут слышим из уст военных предвидение того, что вступление в войну с Японией может привести к роковым последствиям для нас в будущей войне на Западе, если таковая случится. Это и произойдет с Россией 10 лет спустя после Русско-японской войны.

Войну с Японией возглавят откровенные бездари. Один из них —наместник России на Дальнем Востоке Е. И. Алексеев. Сей чинуша сделал карьеру в салонах царствующей династии. Началу его карьеры послужили «подвиги» в публичном доме. Во время пребывания в Марселе возник скандал. Великий князь устроил в борделе свалку и попал в полицию. Дело грозило перерасти в международный скандал. Алексеев, тогда еще молодой морской офицер, взял всю вину за инцидент на себя и тем самым спас «честь династии». И такой вот горе-адмирал и возглавил борьбу против японцев. А ведь была очень достойная кандидатура — адмирал С. О. Макаров.

Эпизод Русско-японской войны. Попали в засаду

Витте в сердцах как-то посоветовал генералу Куропаткину арестовать Алексеева и тем самым избавить войско от всевластия этого бездаря. И таких наверху немало... Не помог и учрежденный в феврале 1905 года, в разгар складывавшейся неудачно для нас войны с Японией, Совет Государственной Обороны (СГО) — коллегиальный орган, в состав которого входили военный и морской министры, начальники Главного штаба и Главного Морского штабов, а также генерал-инспекторы всех родов войск. Во главе Совета Государственной Обороны стоял Великий князь Николай Николаевич (младший), имевший право личного доклада Государю Императору. Совет Государственной Обороны, по словам Сухомлинова, представлял собой «именитое сообщество безработных великих князей, внедолжностных сенаторов...и других лиц, туда попадавших».

Николай II в военном деле ничегошеньки не понимал. Его успехи в этой области специфичны. Хотя по молодости военная «служба» цесаревичу явно пришлась по вкусу. Почти каждый день заканчивался попойкой офицеров полка Его Величества. „Вчера выпили 125 бутылок шампанского“ (дневник от 31 июля 1890 г.). Пить, понимаешь, не Россией править!

Чем завершилась Русско-японская война хорошо известно. Японцы получили у России не только Порт-Артур, но и Южный Сахалин. Русско-японская война легла тяжелым экономическим бременем на плечи народа. Расходы на войну составили 3 млрд рублей из внешних займов. Россия потеряла убитыми, ранеными и захваченными в плен 400 тыс. человек. Поражение показало слабость царской России и усилило недовольство общества существующей системой. Россия в итоге оказалась в известном смысле на задвор-

Российский броненосец «Победа»

В. Е. Маковский. 9 января 1905 г.

ках мировой политики. Японцы получили не только преобладание в Корее. Они подняли нашу «Победу» с глубин, присвоив ей имя «Суо»— так в древности называлась одна из провинций префектуры Ямагути. Наш броненосец служил японцам долгое время в качестве учебного судна.

Между тем шло время, и уже запахло мировой войной. Как ведет себя Николай II? Казалось, тот после проигранной войны с Японией и чудовищного побоища, которое устроил своему народу на Дворцовой площади 9 января 1905 г., станет умнее. И не будет желать новой войны, понимая всю губительность ее для России.

Риторика его вроде бы направлена на сохранение мира. В беседе с русским послом в Болгарии Неклюдовым Николай II заметил: «А теперь, Неклюдов, слушайте меня внимательно. Ни на одну минуту не забывать тот факт, что мы не можем воевать. Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне. нет никаких сомнений в том, что мы не можем ввязываться в войну — по крайней мере, в течение ближайших пяти-шести лет, — до 1917 г. Хотя, если жизненные интересы и честь России будут поставлены на карту, мы сможем, если это будет абсолютно необходимо, принять вызов, но не ранее 1915 г. Помните — ни на одну минуту раньше, каковы бы ни были обстоятельства или причины и в каком положении мы бы ни находились».

Уйма миролюбивых фраз. И все открещиваются от войны. Писатели, философы, поэты в каком-то ослеплении упивались «золотыми лучами мира». Послуживший на дипломатическом поприще в Пекине, Афинах, Штуттгарте, Мадриде, Цетинье немало лет Ю.Я. Соловьев признался, что даже накануне войны, осенью 1913 г. он «не думал, что мы уже почти накануне ее и в преддверии ряда столь тяжелых лет». Д. Кончаловский в очерке «Состояние русского общества перед войной 1914 г.» уверял, что российская дипломатия, в отличие от германской, французской, английской «в случаях, когда дело шло о Европе, большей частью бродила подобно странствующему рыцарю по белому свету, преследуя фантастические планы, радея о чужих интересах и целях, беспричинно создавая себе врагов, иногда даже выращивая таковых себе на будущее время за счет усилий и жертв собственной страны». Но так ли это на самом деле?

Германия требует свою долю

Крупнейшие страны рвали Землю на части. В стае этих прожорливых и ненасытных хищников выделялись лидеры — Англия, США, Франция, Германия, Япония, Австро-Венгрия и Россия. Меж ними развернулся спор. Германия, лишь недавно набравшая экономическую и военную

Германский флот

мощь, опоздала к разделу колониального пирога. Доставшиеся ей жалкие крохи, вроде установления протектората над рядом территорий в Африке, захват мелких кусков земли в Китае и Юго-Восточной Азии, не могли удовлетворить Германскую империю Она хотела серьезной доли, т. е. передела колоний.

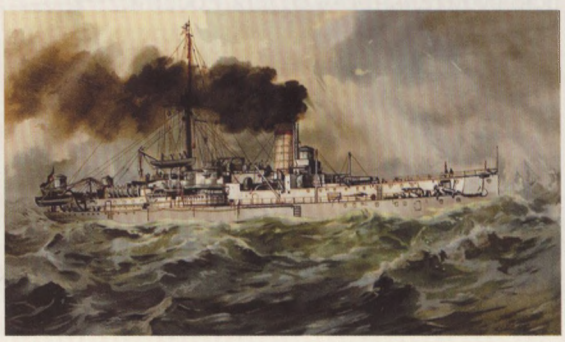
Позицию империалистических кругов Германии сформулировал О. Ниппольд в книге «Германский шовинизм», где привел следующую красноречивую выдержку из резолюции, принятой на собрании империалистов (1912): «Мы не можем переносить более положение, при котором весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба сорок лет назад. Времена изменились — и мы не остались теми же... Ныне для Германии больше не представляет важности вопрос, как она ведет свои дела в мире... Только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем».

Если исходить собственно из общепринятой логики империализма, немцы были абсолютно правы в своих желаниях.Великие вопросы «могут быть разрешены не речами и подачей голосов, но мечом и кровью» (Бисмарк). Немцы, как и все западные «демократии», хорошо усвоили истину, что сила и интересы являются наивысшим правом («Unzer Interesse ist unser Rechi»). Потому крупнейшие страны на мировой арене вооружались бешеными темпами. Половину бюджета Германии составляли расходы на военно-промышленный комплекс (1914). О международном праве забыли напрочь. Все решалось только с позиции силы.

Отсюда и взлет интереса к геополитическим исследованиям в Англии, США, Германии, России (Г. Макиндер, А. Мэхэн, Дж. Гобсон, Т. Веблен, К. Клаузевиц, К. Хаусхофер, А.Н. Куропаткин, В.И. Ламанский, В.И. Ленин). И хотя немецкий социолог А. Вебер считал, что было бы «слишком просто» выводить объяснения Первой мировой войны из перехода от свободной, экспансионистской конкуренции к монополизации и перераспределению, и «слишком поверхностно» объявить все это «эрой империализма, стремящегося к переделу мира с позиции силы», только так оно и было.

Немец К. Хаусхофер в книге «О геополитике» в главе «Буква закона и натиск жизни» описал это новое состояние Европы. Давление границ и тесность про-

Немецкий военный корабль

Географ и социолог К. Хаусхофер

странства «тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой». Могучие силы требуют пересмотра положения их государств (в иных границах). Право — ничто, сила — все. Поэтому и «государства, как и народы и индивидуумы, должны больше думать о memento vivere, чем о memento mori (*лат.* «помни о жизни» и «помни о смерти»), если они хотят продолжить свое существование в этой тленности». Он напишет в «Геополитике»: «Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов... На планете больше нет „no man`s land" — «ничейной земли»».

Напомним, Карл Хаусхофер был основателем Немецкого института геополитики (1922), учредителем и главным редактором выходившего в 1924–1944 гг. журнала «Geopolitik» (позднее переименован в «Zeitschift fur Geopolitik»). Его взгляды сложились под влиянием социального дарвинизма и теоретиков американского империализма и философии Востока.

Константинополь — ради обедни?

В свою очередь, и соперники Германии, стремились сломить и сокрушить военное могущество немцев, видя в них угрозу своим владениям и рынкам. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов заявил перед войной: «Основной целью союзников должно быть уничтожение германской мощи, а также притязаний Германии на военное и политическое господство». Война при таких условиях становилась абсолютно неизбежной. Ленин тысячу раз прав, называя ее преступной со стороны всех участников. Весь мировой капитализм выступал «как авантюристический, торговый, ориентированный на войну» (М. Вебер).

Урок Цусимы и 9 января так и не пошел впрок царизму. Желая сгладить горечь поражения от Японии, он решил отыграться в Европе, водрузив крест православия на куполе Святой Софии в Константинополе, захватить проливы. Идея захвата Константинополя—Царьграда и изгнания турок из Европы имеет давнюю историю. Она восходит чуть ли не ко временам князя Олега, водрузившего щит на врата Царьграда.

Идея овладела многими умами. Российские политики, военные, торговцы подыгрывали ей, ведя себя, как авантюристы. Зачем им Константинополь? Зачем понадобилась «бедная» Турция? Славян от ига Турции уже освободили. Ставить нелепую, если не сказать больше — преступную — задачу ликвидации Турции в Европе, не говоря уж о том, чтобы вступить в единоборство с Западной Европой, означало самому сунуть голову в петлю и выбить у себя из-под ног табурет. Ведь в Крымской войне эта попытка уже закончились крахом! Надо было думать: во что обойдется авантюра русскому народу. Но идеологи панславизма слепо уповали на создание Всеславянского союза во главе с Россией (В. И. Ламанский, Н. Я. Данилевский, М. П. Погодин и др.). Подавай им проливы — и все!

Русский славист В. И. Ламанский

Святая София в Константинополе

Греки празднуют победу над болгарами. 1913 г.

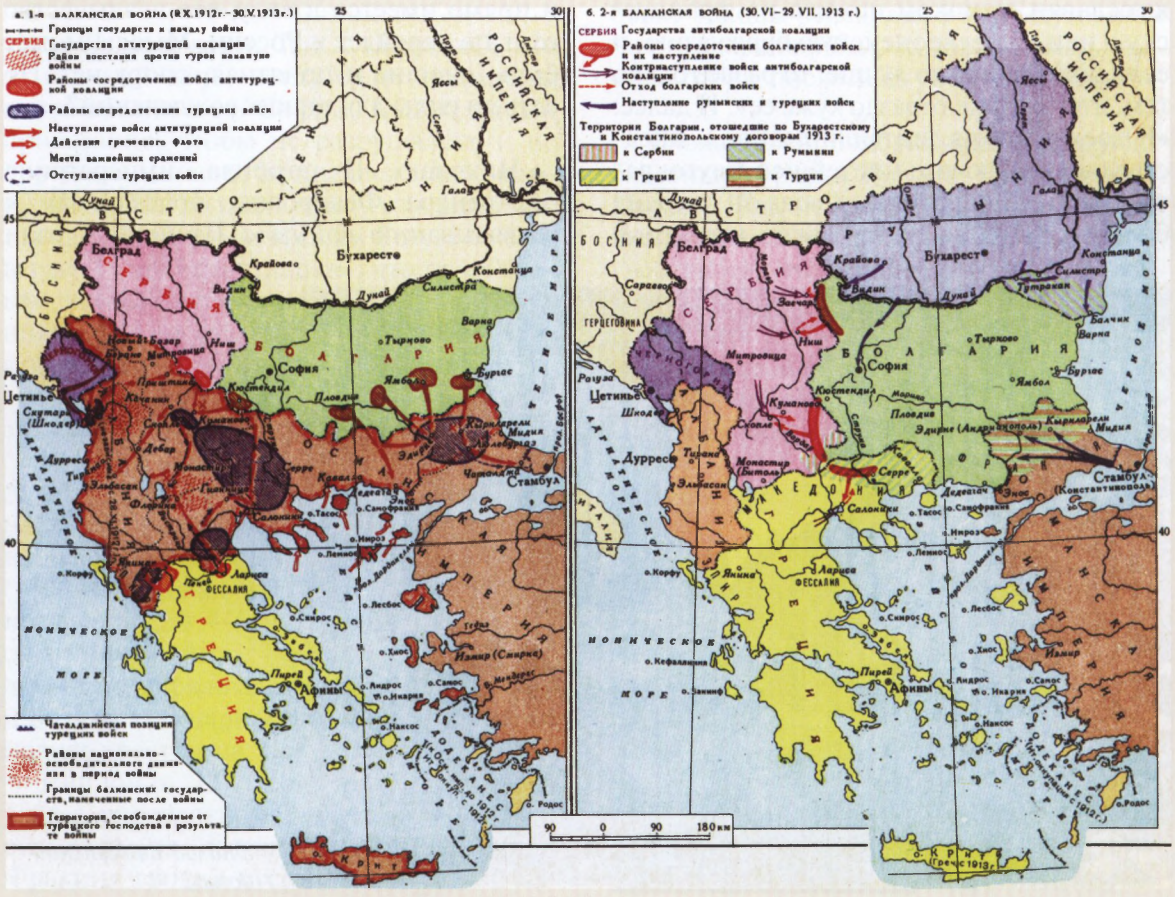
Вопрос взаимоотношений России и восточных славян — сложный вопрос. Известный славист профессор Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) писал, что он в течение «с лишком 32 лет» не мог указать в своей жизни ни одного месяца, когда бы он не работал и не размышлял «над славянщиной, не читал рукописей, документов, книг, журналов, газет славянских или иноязычных о славянах, не получал бы писем из того или другого края славянского, сам бы не писал или не виделся и не беседовал бы с кем-нибудь из славян...». Многое из написанного им удивительно актуально и сегодня.

После многих лет забвения «Институт Русской Цивилизации» издал его книгу «Геополитика панславизма» (2010) В. И. Ламанский дает верную оценку политической морали и психологии наших славянских братьев, их элит: «Это положение я позволю себе выразить следующим образом: народы славянские, южные, западные, в силу единоплеменности и сходства своих языков, в течение всей своей исторической жизни не могли совершенно утратить памяти о своем общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства, — по-

стоянно находились в более или менее близких сношениях. Характер же этих взаимных сношений определялся их внутренним бытом: чем более подпадал он чужеземному влиянию, чем менее оставался он верен своим коренным народным стихиям, тем скорее утрачивали они сознание своего единства, тем заметнее ослабевали их первоначальные связи, тем враждебнее становились их взаимные столкновения. Пока неприязненные стихии действовали врозь, славяне не сознавали потребности во взаимных союзах. Когда же им явно стала угрожать общая опасность, устроить союз было уже поздно: государства славянские до того проникались чужеземными элементами, что уже вовсе не годились на потребы славянские... и массы народные не спасли своих государств с их ложной образованностью, а более или менее равнодушно отдались в неволю азиатам и немцам. Славянский мир до того подчинился чуждым стихиям — азиатской, византийской и римско-немецкой, что в XVIII в. можно было думать, что начался процесс разложения славянских народностей... Из среды славянского мира заметно выделялся один русский народ». Славяне Восточной Европы потеряли национальный облик. Сегодня это особенно ясно.

Но тогда на волне общеславянской эйфории многие в России и кое-кто в Восточной Европе еще «уповали» на союз славян. Итог известен. Сначала разразилась первая Балканская война (9 октября 1912 — 30 мая 1913) между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) и Турцией. Война завершилась поражением Турции. По Лондонскому договору она утеряла свои европейские владения,

Карта Балканских войн 1912–1913 гг.

кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии. Вторая Балканская война (29 июня 1913 — 10 августа 1913) шла уже между славянами, Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией (к ним позже присоединились Черногория и Турция) — с другой. Завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому договору уступила Румынии Южную Добруджу, Турции — Южную Македонию, часть Западной Фракии, Сербии — северную Македонию. Балканские войны привели к обострению международных отношений на Балканах и в Европе, подготовив и ускорив развязывание Первой мировой войны.

К. Леонтьев как в воду глядел, резко заметив тогда, что все, чего хотят южные славяне, — так это как можно скорее слиться со «Все-Европой». И все!!! Особо выделяется двуличием, цинизмом их интеллигенция. Он писал: «Интеллигенция югославян слишком похожа на французскую или общеевропейскую буржуазию, и если она несколько лучше, то разве только тем, что она еще гораздо хуже ее». И далее: «Югославянская интеллигенция... представляет собою тип чистейшей плутократической демократии...» (сюда он относил болгар, сербов, чехов, словаков, хорватов). Замечательный русский ученый вывел разумную, очень реалистичную и подходящую даже к нынешним временам формулу — «тяготение (к ним) на почтительном расстоянии». Хотя народы и близки.

Погодин говорит о создании славянского союза со столицею в Константинополе: «Восемьдесят с лишком миллионов — почтенное количество! Порядочный союзец! Славяне были затерты Историей, славяне были затерты Географией, славяне были затерты дипломатией и политикой, но наступает, видно, время, когда, по слову Писания, последние должны сделаться первыми». Ничего себе «затерты» — полвека Европа внимала России! Далее «совершенно замечательная», фантастическая, но далекая от реальности мечта: «Да! Novus nascitur ordo! Новый возникает порядок, новая эра наступает в истории... Владычество и влияние уходят от одних народов и достаются другим». Подразумевается и прямо имеется в виду, что владычество отныне перейдет к России. Мысль, может быть, внешне и приятная, спору нет. Но есть ли силы для этаких вожделений?

Николаю II вторила императрица Александра Федоровна, подталкивая к развязыванию войны с Турцией. А ради

Эпизод Балканской войны

Делят Турцию. Карикатура

чего? Ради обедни. Так и заявит:«О, что за великий день, когда будет отслужена опять обедня в св. Софии. Только ты дай приказание, чтобы не разрушалось и не портилось ничего, принадлежащее магометанам. Мы должны уважать их религию, так как мы христиане, слава Богу, а не варвары». И эта «христианка», что по ее словам, якобы «более русская, нежели многие иные», так не желавшая причислять себя к варварам, отчего-то ни на миг не задумалась о том, а чьей же кровью придется заплатить России за ту кровавую обедню!

Русский посол в Константинополе А. И. Нелидов уговаривал вступившего на престол царя воспользоваться тогдашней смутой в Турции и захватить Босфор (1896). Николай встретил предложение посла «на ура» — и чуть было не развязал очередную войну с Турцией. Опасные иллюзии поддерживал в нем (в своих целях) и болгарский царь Фердинанд I: «Восстановить крест на св. Софии».

Дипломат К. Леонтьев (назначен в 1864 г. управлять Адрианопольским консульством) в своих «Воспоминаниях о Фракии» вводил русское общество в заблуждение, говоря, что якобы греки и болгары только и мечтают о том, как бы им поскорее войти в состав России (если не прямо, так косвенно). Со ссылкой на некое лицо он говорил о примирении греков с болгарами во Фракии, но «без затей, посредством почти прямого подчинения России». В итоге Фракия должна была бы «подчиниться полурусскому правлению с русским князем на престоле», Босфор и ближайшие окрестности «долженствовали быть захвачены Россией во что бы то ни стало, хотя бы ценою самых страшных жертв». Он уверял, что даже «местным туркам будет приятнее и выгоднее зависеть от России», чем от вчерашних их рабов. Мол, «эти осиротелые без султана турки всегда лучше поймут Белого царя и его генералов».

Фантастика! Казалось, умный человек. И вдруг такой бред! Три века Турция яростно боролась с Россией. Какая любовь? Таковы реальные, а не выдуманные наши славянофилы, которые «ради креста» готовы послать на убой миллионы!

Схожие идеи подбрасывали царю и доблестные иерархи Русской Православной Церкви. Так, не чужд был идеям русской экспансии и митрополит Храповицкий, уверявший, что Константинополь в обязательном порядке должен быть передан грекам после победной войны. Он ратует за присоединение святой Земли к России (Палестины, Дамаска), хотя где-то и опасается превратностей мировой войны.

Митрополит Антоний (Храповицкий)

«Даешь Проливы! С нами Бог!»

Ясно, что не могли остаться в стороне от имперской темы братья-писатели: «В конце концов, это (и есть) те униженные и оскорбленные, которым Достоевский давал утешеньице: „терпите, Константинополь будет наш, и се буде, буде!“ Мало кто из них воочию видел Константинополь и знал, на что он нам нужен, важно то — это слово создает моральное состояние, сознание «какой-то общей правды, за которую в ближайшие наши годы умерли сотни тысяч людей. Так что будем называть этот город своим».

Эти мысли не могли не повлиять на амбициозного и слабого монарха, сыграв роковую роль. Английская пресса, понятно, преувеличивала, говоря — «каждый русский спит и видит себя в Константинополе и на берегу Индийского океана». Тут, скорее, ее «эдипов комплекс». Но то, что у русской буржуазии и российского самодержавия в этом вопросе были далеко не бескорыстные интересы, несомненно.

Это же касается и Церкви. Речь шла о «греческом проекте», о «втором издании» Византийской империи, во главе с отпрыском из семейства Романовых (о чем мечтали еще Петр I и Екатерина II). Почву же для этого готовили в общественном мнении заранее... В книге «Чей должен быть Константинополь?» митрополит Антоний (Храповицкий) прямо обосновал необходимость захвата Россией чужой земли... «На настоящую войну наш народ взирает как на освобождение христианства от ига еретиков-магометан (исламистов), а конечную цель ее видит в освобождении священного Царьграда с церковью Святой Софии и Иерусалима с Господним гробом. Все это живо интересует не только солдат наших, но, пожалуй, в еще большей степени жителей, жительниц русской и малороссийской деревни, прихожан и прихожанок».

Эпизод Балканской войны

А если бы кто-то вдруг осмелился возражать против сей бессмысленной, откровенно преступной бойни, митрополит грозил им отлучением: писатели, ораторы и деятели должны будут в этом случае «именоваться не националистами, но антинационалистами, строителями не исторической России, а Петербургской, не Святой Руси, а русской Англии или Германии, русского языческого Рима, то есть сотрудниками евреев и Вильгельма, а не русского православного народа». И Николай II клюнул на приманку, объявив, что обладание Константинополем и проливами — одна из главных задач России в мировой войне, официально подтвердив цели экспансионистов.

Либералы вроде князя Г. Трубецкого, правоведа и дипломата, обманывали наш народ, уверяя, что нет важнее задачи, чем овладение в Константинополе храмом св. Софии (мол, «евангельская жемчужина» и проч.), ради чего Россия должна быть готова «отдать все, что имеет». Трескучие фразы и пустые рассуждения скрывали истинные цели правящего класса. Нужно захватить собственность чужой страны! Будучи посланником России в Сербии, Трубецкой, прекрасно понимал цену вопроса. Свобода славян — это, конечно, хорошо. Но вопрос-то совсем в другом — в выгодах от торговли.... В телеграмме министру иностранных дел России С. Д. Сазонову он обращает внимание на то, чем чреват для России факт захвата черноморских проливов той же Англией и Францией (если тот состоится). Закрытие выхода в Черное море для торговых и военных судов фактически означало бы блокаду русской торговли, поскольку украинское зерно, нефть с Кавказа, марганец и молочные продукты из Сибири имели в Европу единственный удобный путь — через Босфор и Дарданеллы. Ну а толпу, если надо, можно увлечь и «святыми патриотическими лозунгами».

О том, что эти идеи крепко гнездились в голове российского монарха, свидетельствует и письмо Николая II к великому князю Николаю Михайловичу (24.08.1916): «Только правильным разрешением польского и чешского вопросов у нас на западе и балканского у нас на юге, я думаю, Россия наконец получит надежный заслон своих европейских границ. А владея прочно проливами и небольшою областью вокруг Царьграда, с полного... согласия наших союзников мы этим отрежем навсегда Германию от поползновений в Малой Азии!» Что это, позвольте полюбопытствовать, как не чистейший империализм, где, конечно же, ни веры, ни православия ни на йоту.

Икона Св. София Премудрость Божия

После взятия балканскими славянами Адрианополя Невский проспект заполнили толпы с плакатами: «Крест на св. Софию!» Поэт Вяч. Иванов носится с идеей водрузить крест на храме Святой Софии Цареградской: «Расступитесь, каменные стены! Ты земли явись, потир Софии!» И кто только тогда не вертел этой святой Софией, как целовальник мензуркою. Понятно, что на «Софию» буржуазии было наплевать. Волновало то, что ее сухопутный транспорт с товарами обходится в 25 раз дороже на пути в Европу. Вот это

они понимали. Тем более что за десятилетие до 1912 г. вывоз русских товаров через проливы уже составил 37% экспорта.

Поэтому буржуазия была обеими руками за войну. Правящий класс России ответственен за развязывание мировой войны. Кадет П. Милюков видел в войне средство окончательного решения задач ближневосточной политики России, «полного приобретения Босфора и Дарданелл... вместе с Константинополем и достаточной частью прилегавших берегов». Как видим, «босфорский мираж» оказался прекрасной приманкой для всех участников конфликта. Не случайно министр Временного правительства П. Н. Милюков, сторонник захвата Константинополя и проливов, впоследствии получил в народе меткую ироничную кличку — Дарданелльский.

Философ и публицист В. Розанов

Взгляды на Первую мировую войну

Войны обладают одной особенностью: они даже умных превращают в безумцев... Даже яркие и талантливые люди становятся заложниками урапатриотического настроя. Вот и известный публицист В. В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» уверял, что Россию ждет непременная победа и полное духовно-нравственное обновление. Глубоко почитаемый нами философ И. Ильин ставил Первую мировую войну в один ряд с войнами 1812–1815 гг. и 1877–1878 гг. (хотя это абсолютно разные по характеру, технике и нравственному содержанию войны России). Мало того, он заявил, что «настоящая война наша с Германией есть война духовно-оборонительная и останется ею даже в том случае, если русские войска войдут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли». Чтобы понять всю нелепость и дикость таких вот заявлений, замените объекты в упомянутой фразе Ильина. И тогда выходит, что для захватчиков типа Наполеона, Гинденбурга или Гитлера «настоящая война с Россией» также была войной духовно-оборонительной «и останется ею даже в том случае», если немецкие или французские войска войдут в центр России и присоединят к себе наши восточные земли. Правда, особых иллюзий в отношении «культурной миссии немцев» в войне даже у этих людей не было.

Философ В. Ф. Эрн в статье «От Канта к Круппу», говоря о немецкой культуре, писал что под «мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти». По его словам, «географическая карта Земли предстала германскому воображению огромным и сладким „меню“ не виданного и не слыханного в истории мирового пиршества». Далее он описал восстание германизма «как военный захват всего мира, как насильственная гегемония manu militari». В предисловии к книге «Меч и крест» две страны, Россия и Германия, предстают как противоположности: «Гордая, материальная, внешняя идея Германии сталкивается со смиренною, духовною и внутреннею идеей русских».

Не так уж и смиренна была Россия (и слава Богу! Слава Богу!), и не так, увы,

духовна. Премудрости не явил никто: ни самодержец России, ни министры, ни генералы, ни церковники, ни элита в лице представителей высокой культуры!

В Первой мировой войне Россия была использована, принесена в жертву малой и большой Европе. Хотя и она хотела заполучить куски «землицы» на Балканах, в Персии, на Кавказе, в Малой Азии. Вот единственная правда, которую не скроешь. Судьба наказывает недалеких людей. Жестоко обошлась судьба с «пророками».... После Первой мировой войны и революций Ильин вынужден покинуть Россию, уйти в эмиграцию, Эрн встретил mors occasionalis (внезапную смерть) в 1917 г. Розанов через два года после войны умрет от голода в Петрограде. Но самая страшная доля досталась Романовым.

Мировая война — результат столкновения разных экономических и геополитических интересов в станах мировой буржуазии. Каждый преследовал свои цели. Англия, Франция, Германия, Италия боролись за рынки и колонии. Англия стремилась любыми способами не допустить Россию к обладанию Константинополем, к проливам. Россия и Австро-Венгрия хотели властвовать на Балканах. Свои цели были и у Германии. США мечтали занять место лидера, когда другие будут ослаблены. К услугам милитаристов готовы невиданные средства разрушения. Мировая выставка промышленности в Париже (1867 г.) стала вернисажем самых современных вооружений, новых орудий уничтожения. И те совершенствовались с каждым годом.

Певцов гонки вооружений становилось все больше и больше. Немецкий генерал А. фон Шлиффен в статье «Современная война», не скрывая восторгов, писал: «Техника вооружения празднует сейчас блистательный триумф. Но того, к чему стремятся Германия и Франция и чего хотят все остальные державы, т. е. облегчения боевых действий, превосходства над противником, она никому не дала. Распределяя равномерно и беспристрастно свои драгоценные дары между всеми, она дала всем величайший шанс повергнуть ниц и уничтожить своего противника с помощью такого эффективного вооружения, но нелегко разрешить проблему, как самому при этом избежать гибели» (1909). Во главе Генштаба Германии он за 15 лет взрастил, воспитал целое поколение генштабистов. Он ратовал за «стратегию уничтожения», что ляжет в основу его военной доктрины.

Шлиффен — один из инициаторов Первой мировой войны. Согласно плану Шлиффена стратегическое развертывание германской армии и ведение операций в начале войны Германией предполагалось на два фронта: против Франции и против России. План был сформулирован в памятной записке, им составленной (1905). Первый удар наносился по Франции основной массой войск (до 85% всех сухопутных сил), главные силы которых сосредоточивались на правом крыле, через нейтральные Бельгию и Люксембург в обход главных сил французской армии с задачей захватить Париж, отбросить французские войска на восток, где их окружить и уничтожить. Против России до победы над Францией предполагали оставить только слабый заслон. После окончательного разгрома Франции предусматривалась переброска крупных сил против России.

Немецкий генерал А. фон Шлиффен

Выставка вооружений в Париже. XIX в.

План Шлиффена авантюристичен, т. к. германские войска на Западе не обладали таким превосходством в силах, чтобы быстро и непрерывно наступать на большую глубину. Наивен и замысел одним ударом уничтожить многомиллионную французскую армию Хотя, вероятно, не так уж невыполним был план, помня события Второй мировой.

Уверения пацифистов, что технические усовершенствования остановят войну, выглядели просто наивно. В истории сила оружия еще никогда не останавливала войны, скорее, приближала. Попытки «посадить в острог» национальную вражду не удались Конечно, звучали и трезвые голоса. И. В. Блох писал: «Неужели не достаточно того, что в XIX в. война поглотила в Европе 12–15 млн человеческих жизней и сотни миллиардов денег?!» На Блоха тут же обрушилась вся правая печать. С. В. Витте, в то время — министр финансов России, позволил себе грубо обозвать пацифиста необразованным подрядчиком-еврейчиком, хотя тот и был заметной фигурой в деловом мире России, железнодорожным королем, крупным промышленным деятелем, главой банкирской конторы, учредителем Коммерческого банка в Варшаве, председателем правления Общества Юго-Западных железных дорог. Война Блоху и его бизнесу была не нужна, ибо мешала банковской и промышленной деятельности. Его «империя» находилась, в основном, на землях Польши, а Варшава в случае войны оказалась бы в эпицентре конфликта.

Военные твердили: Блох не понял «своеобразного мира войны». Они говорили, что «еще на много столетий вперед великие международные вопросы будут разрешаться борьбой на жизнь и смерть, с оружием в руках» и призывали его усматривать «стройную гармонию на арене гибели и разрушения». Военные, возражая И. В. Блоху, называли его взгляды «вредными» для молодых людей. Участвуя в войнах, те, мол, «учатся жизни и патриотизму». Генерал Сухотин заявил: предназначение России — война... Страна наполняет свою историю «почти исключительно наступательными походами» (из 200 лет ее войн наступательные войны в истории России заняли 122 года).

В той всемирной бойне сил, которая готова была разразиться, нужны были союзники.

Глава 3

Создание военных союзов. Тройственный союз против Антанты. Балканский узел противоречий

Кого брать в союзники?

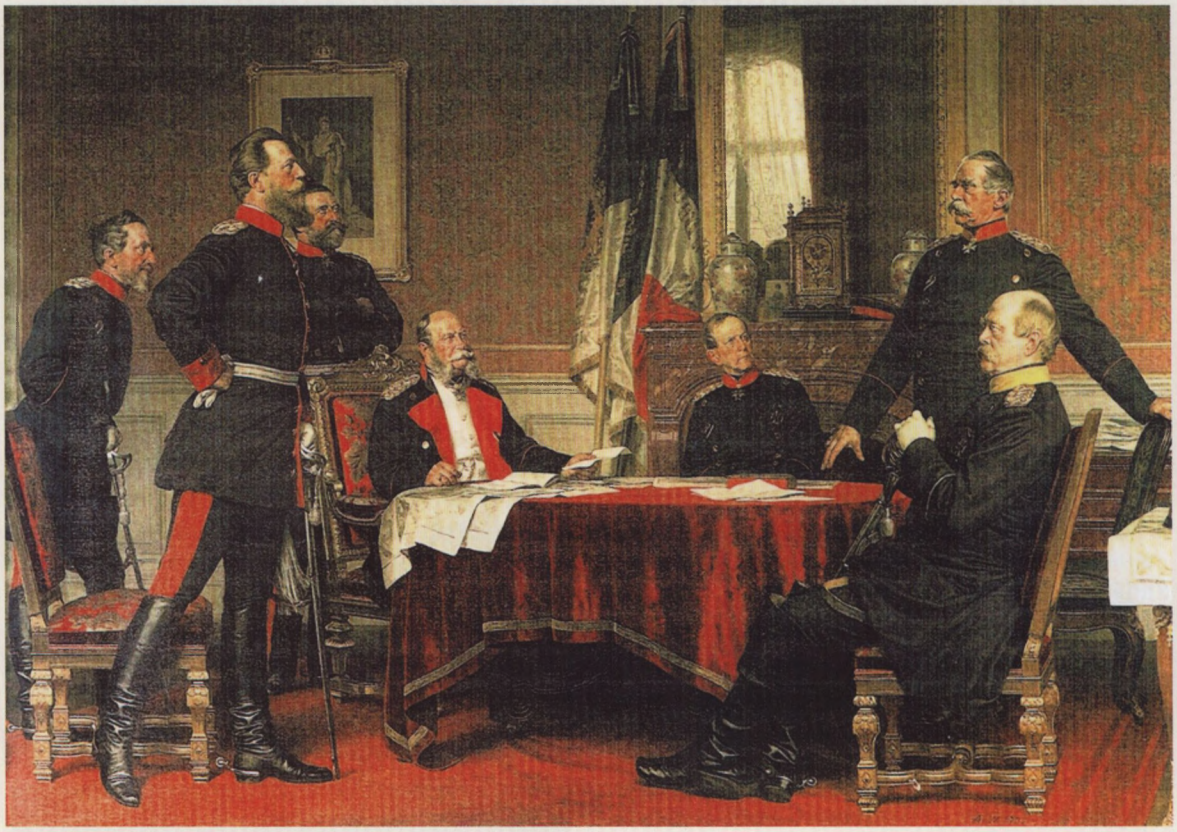
Надо понимать, хотя бы в самым общих чертах, как и почему сложились два мощных союза, которые и поведут Первую мировую войну. Почему Россия вступила в союз с Францией, отказавшись от союза с Германией, хотя ранее, при Александре III, довольно твердо держалась прогерманской ориентации?

Бисмарк называл виновников того, что Россия бросилась «в объятия Франции»: «До 90-го года обе империи были в полном согласии относительно того, что если одна из них подвергнется нападению, другая должна будет сохранять благожелательный нейтралитет. После (моего) ухода эта договоренность не была возобновлена, и если мы верно осведомлены о тогдашних событиях в Берлине, то вовсе не Россия, недовольная сменой канцлера, а граф Каприви отказался от продления договора взаимной страховки, в то время как Россия была к этому готова...»

Первое сближение абсолютистского царизма с Французской республикой вызвано, на наш взгляд, исключительно промахами политиков. Бисмарк не договаривает, не называя имени кайзера Вильгельма II. Позиция Вильгельма была исключительно важна. Он был все же более опытным политиком, чем молодой российский император. В этом плане считаю нужным обратить внимание на письмо Вильгельма Николаю (14 сентября 1895 г.). Это было за 10 лет до Первой мировой войны. Весьма неглупое письмо. «Дражайший Ники!...Со времени наших первых совместных дей-

Германский кайзер Вильгельм II

Бисмарк на совещании в немецком генштабе. Версаль. 1870 г.

ствий этой весной развитие Дальнего Востока и особенно вытекающие отсюда опасности для Европы и нашей христианской веры сильно занимали мой ум. В конечном счете мои размышления оформились в набросок на бумаге». Далее он пишет о необходимости общих усилий в борьбе против анархизма, республиканизма и нигилизма. Затем переходит к главному. Французы решили отозвать армейский корпус и сосредоточить его на германской границе. «Такой шаг предпринимался в прошлом только однажды, в 1870 г., когда Франция шла на нас войной. Подобный проект в условиях глубоко мирного времени подобен для Германии удару молнии и создал здесь глубокое чувство тревоги».

Далее Вильгельма, что называется, прорвало: «У меня имеется кое-какой опыт в политике; я вижу некоторые безошибочные признаки и потому тороплюсь обратиться к тебе, мой друг, во имя мира Европы; если ты вступил, „на радость и горе“, в союз с французами, тогда держи этих мошенников в порядке и заставь сидеть смирно; а если нет, то не давай своим людям, когда они ездят во Францию, насаждать там уверенность, что вы союзники, и давать им возможность вести себя безрассудно, вертя головами до тех пор, пока они их не потеряют, а нам придется драться в Европе вместо того, чтобы сражаться за Европу против Востока! Подумай об ужасной ответственности за потрясающее кровопролитие!»

Если бы «дражайший Ники» внял и выступил вместе с Германией против англосаксов, совершенно иной были бы Европа, Россия и мир. Все говорило в пользу такого союза!

В 1914 г. в России проживало более двух миллионов выходцев из Пруссии. По чис-

ленности они занимали пятое место среди 110 народностей, населявших в то время в Российскую империю. «Куда ни глянь, одни немцы в России. Иной немец больше русского въелся в русскую землю», — подметил еще в конце XIX века искусствовед Дм.Ровинский. В этой их укорененности больше плюсов, чем минусов. Среди плюсов то, что немец вносил дисциплину и организацию (пожалуй, самое слабое место у нас и самое сильное — у них).

Русским с немцами воевать не было никакого резона. Писатель-историк А. Б. Широкорад резонно заметил, что Германия в 1813–1913 гг. это единственная из крупных стран Европы, благожелательно относившаяся к России и поддерживавшая ее во всех войнах и кризисах. В 1854–1855 гг. Англия, Франция и Сардиния напали на Россию. В то время как вся Западная Европа была настроена против нас, из Пруссии огромным потоком шли пушки, порох, паровые машины и стратегические грузы. 1863 год: польские паны подняли мятеж в Царстве Польском. Долгосрочная цель восстания — захват русских земель до самого Днепра и Немана и создание в случае их успеха «великой Польши». Англия и Франция вновь угрожают России войной. И снова из Пруссии идет поток пушек и пороха. Германское правительство приказывает армии начать зачистку пограничных земель от повстанцев и им сочувствующих. Многие польские историки и ныне утверждают: восстание 1863 г. подавили якобы вовсе не русские, а германские войска, действовавшие по обе стороны границ.

В свою очередь, Россия была на стороне Пруссии во франко-прусской войне, завершившейся разгромом Франции. В 1870–1871, 1877–1878 гг. Россия воюет с Турцией. Где Англия? На стороне врагов России! Средиземноморская британская эскадра входит в Мраморное море. Армада собрана для нападения на Кронштадт и Петербург. Но немцы и тут на стороне русских! Один за другим они направляют эшелоны с пушками Круппа для русской армии и флота. Именно тогда Россия получила современные орудия — пушки образца 1877 года. Германия продает России и океанские пассажирские лайнеры для переделки в крейсеры для действий на британских морских коммуникациях.

Надеюсь, теперь вы понимаете, кто был наш исторический союзник?! К великому сожалению, у Германии к тому времени уж не будет Бисмарка, а у России Александра III.

Бисмарк о войне с русскими: «Об этом можно было спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже

Главы двух империй — Германской и Российской

и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезаемого кусочка ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей... Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».

Бисмарк старался сохранить мир между Германией и Россией из сугубо прагматических соображений Тройственный союз просто недостаточно силен, считал он, чтобы противостоять странам Антанты. «Я совершенно не могу понять тех людей, которые говорят о возможности войны с Россией, — писал он. —. Станем же на реальную почву. Несомненно, что полмиллиона немецких солдат, которые вторгнутся в Россию, причинят ей неизмеримо меньше вреда, чем полмиллиона русских солдат, которые могут оказаться на германской территории. Я видал русские деревни и города; они выгорают так же легко, как и обстраиваются заново... с нашим плотным населением, дело будет обстоять совсем иначе».

Ряд зарубежных и российских историков придерживаются такой же или близкой точке зрения. Среди них Дж. Морроу, написавший книгу «Великая война с позиции имперской истории» (2003). Военный историк В. Л. Мальков, говоря о новых подходах в изучении истории Первой мировой войны, отмечал, что споры на эту тему сегодня равносильны «вступлению на минное поле исторической мифологии». Плодить новые мифы не будем. Их и так хватает. Очевидно одно: России мировая война была решительно не нужна. Она сама стала самым лакомым куском «для всех стран с высокоразвитой промышленностью и обладающих большими свободными денежными капиталами».

Главный ростовщик Европы

Среди этих стран в первую очередь Англия и Франция. И тут на первые роли выступил капитал Франции, «главный ростовщик Европы». Он фактически скупил на корню большую часть так называемого русского правительства. Россия окажется в долгу как в шелку у англо-французских капиталистов. Как это ни печально, созданию Антанты, со стороны России, в немалой степени способствовал русский царь Александр III. Россия стала регулярно получать займы с 1887 г. Уже в 1888 году после роковой ссоры с Германией правительство России переориентировалось с германского на французский финансовый рынок, разместив здесь первый крупный «железнодорожный заем» в 8 млрд золотых франков (под «залоговое золото»). Затем последовали новые займы. Французские банки начали вытеснять германские, вкладывая капиталы в русскую индустрию (металлургию и угольную промышленность). Это и стало основой для франко-российского военно-политического сближения. «Сердечное согласие» тут ни при чем.

Окончательным шагом оформления франко-русского союза была ратификация военной конвенции в 1893 г. Политическое сближение России и Франции подкреплено и более тесными финансовыми отношениями. Впоследствии делегации Франции считали своим долгом возложить венки к саркофагу Александра III в Петропавловском соборе.

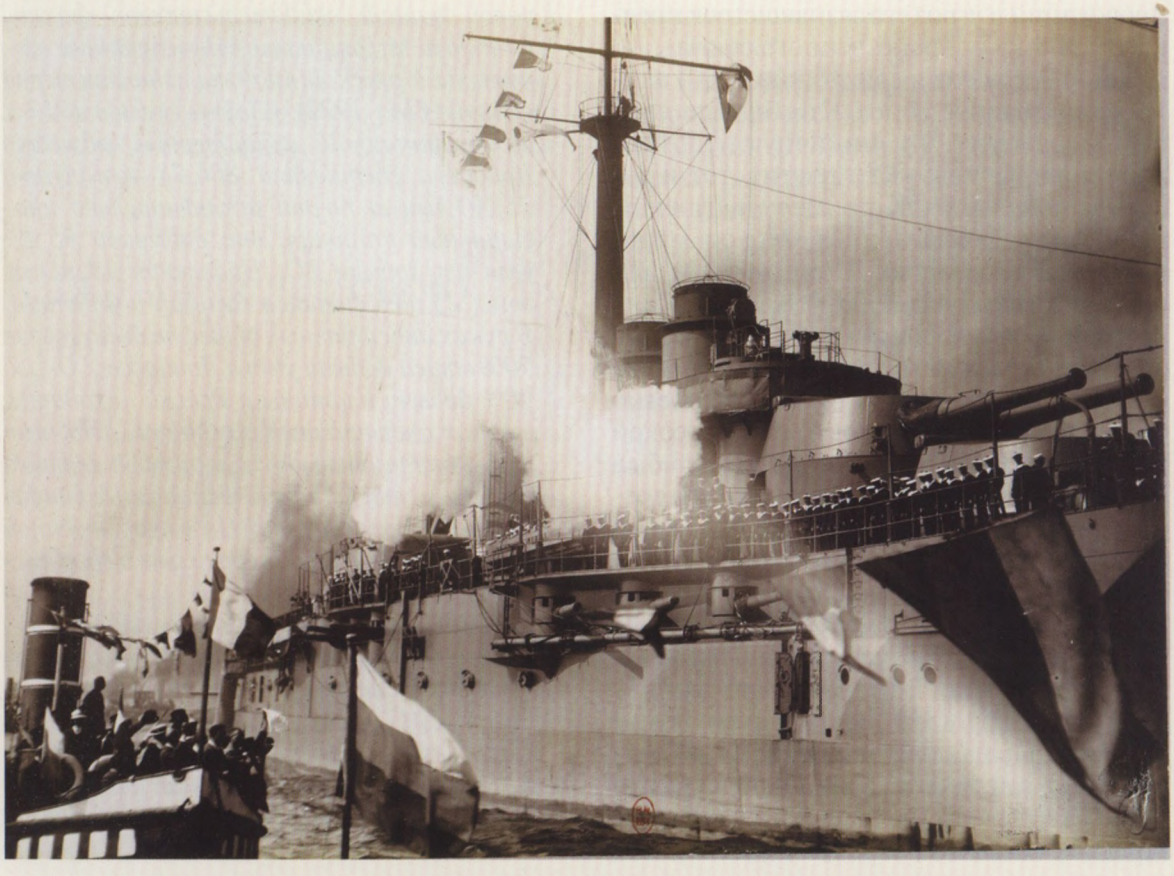
Когда соотносишь даты подписания займов царского правительства с его политическими договорами, становится практически очевидно, что русские цари и министры так же торговали интересами своей страны, как и китайцы или другие правители Востока.

Революция 1905 г. в России привела к оттоку капиталов из России. С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов (министр финансов) начали переговоры о крупном международном займе в 2,2 млрд франков. Российская им-

Пуанкаре и Николай II в Красном Селе

Встреча Пуанкаре в Кронштадте

перия стала фактически заложницей капиталистов тех стран, которые исторически были самыми смертельными врагами России (Англии и Франции).

Россия весь XIX век боролась с Францией и Англией. Об опасности сближения с Францией и вражды России и Германии предупреждал министр иностранных дел Н. Гирс, утверждая: «даже видимость того, что Россия ищет дружбы Франции, скорее ослабит, чем укрепит наши позиции». В. Н. Ламздорф выразился еще откровеннее, указав, что для России дружба с Францией подобна мышьяку — в умеренной дозе она полезна, а при малейшем увеличении становится ядом. Он отмечал, что французы всякий раз готовы умело использовать помощь России к их собственной выгоде. Президент Франции Р. Пуанкаре писал: «Если союз с Россией с самого начала был благоприятно встречен общественным мнением в целом, то потому, что в нем видели постоянную гарантию против провокаций и угроз его зазнавшегося предшественника — Тройственного союза».

Вопрос союзов и союзников — это почти всегда вопрос денег. Кто больше даст, тот и союзник. Эту циничную формулу дополняет другая: «Кто платит, тот и заказывает музыку». К примеру, англичане купили участие Италии в Первой мировой войне на стороне Антанты за 50 млн фунтов ст. Когда в 1905–1906 гг. Россия решала, с кем ей «дружить», она выбирала среди трех главных стран Европы — Германии, Англии, Франции. Те же яростно боролись за благосклонность «русской красавицы». В 1905 г. в Петербург прибыл англичанин лорд Ревельсток с намерением «в союзе с международной группой банкиров заключить заем для России». Царь говорит о соглашении о сферах влияния в Азии. Но за скобками осталась главная тема — участие России в войне на стороне Антанты. В итоге Россия получила 2250 млн фр. (844 млн руб.), французы подписались на половину, другую должны были дать англичане. Если на первом этапе Россию кредитовали французские Ротшильды, то на втором – уже английские.

Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф

В дальнейшем на последнем этапе войны уже и англичане вынуждены будут прибегнуть к помощи США.

Россия торговалась с Антантой: не дадите — уйду к Германии. Плоды действия «экономической Антанты» для России печальны. Россия оказалась в плену у англо-французских ростовщиков и спекулянтов.

О полной подчиненности экономики царской России Западу перед Первой мировой войной свидетельствуют факты из книги М.Галицкого «Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной» (М., 1922): «Добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн пудов. 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал, они добывали 95,4% угля от добычи АО. Правления 19 АО из этих 25 находились в Бельгии и Франции. В руках иностранных обществ было свыше 70% общей добычи угля в Донбассе... Около 90% добычи платины в России находится в руках иностранных компаний... Помимо концентрации свыше $^3/_4$ торговли нефтью в России, иностранные финансовые синдикаты располагали в 1914 г. собственной добычей нефти в размере около 60% общеимперской добычи.

В начале царствования Николая II иностранцы контролировали 20–30% капитала в России, в 1913 г.— 60–70%, к сентябрю 1917 г. — 90–95%» (А. А. Мосолов. «При дворе последнего Российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора»).

Все решали уже не цари или премьеры, а Рокфкеллеры и Ротшильды. Заем предоставят, финансовое положение России вроде бы на время улучшится, но коготок уж увяз — и всей птичке пропасть. Царизм оказался данником зарубежного, французского, английского, американского капитала. Кому принадлежал этот капитал, показал Дрюмон в книге «Еврейская Франция». Ссылаясь на книгу Р. Бекура (1835), тот писал: «Со времени дарования прав евреям во Франции их число настолько возросло, что в провинциальных городах, где их было не более нескольких сотен, их теперь насчитывают тысячами. Чего только не охватил их хищный взгляд? В какой только отрасли торговли их скрытые и искусные хитрости не погубили множества почтенных негоциантов? Спросите у несчастных, пользовавшихся некогда благосостоянием, куда делось их богатство?» Далее Дрюмон пытается ответить на вопрос, откуда явилось их богатство, которого у них не было, когда они пришли из Германии как мигранты. Источниками их успеха стали торговля, спекуляции и засилье в печати. Евреям во Франции «теперь принадлежит почти вся пресса».

Каждый ведет свою игру

Англии и Франции удалось втянуть Россию в войну с Германией. Это был удачный политический ход, который выводил из строя главных конкурентов и соперников англосаксов. Потом они перетянут на свою сторону и Японию. Немецкий канцлер Бюлов писал Вильгельму II: «Если Англия и Япония будут действовать вместе, они могут сокрушить Россию...но следует торопиться, иначе русские станут слишком сильными» (1901 г.). Союз с Германией не получился. Все видели в России конкурента и пытались при всякой комбинации, но нанести ей поражение.

Антанта

В 1907 г. создана Антанта — тройственное соглашение Англии, Франции, России. Ленин пишет в «Тетрадях по империализму»: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне в Германией)». Э. Крой из британского Foreign Office в меморандуме 1907 г. скажет: «Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи. И даже если бы Великобритания исчезла, соединение в руках одного государства величайшей военной мощи на суше и на море вынудило бы весь мир объединиться, чтобы избавиться от этого кошмара». И тут же обвинит Германию в желании захватить проливы и Константинополь, т. е. обвинит в том, в чем на протяжении двух веков обвиняли и Россию (а потом сама оккупирует их).

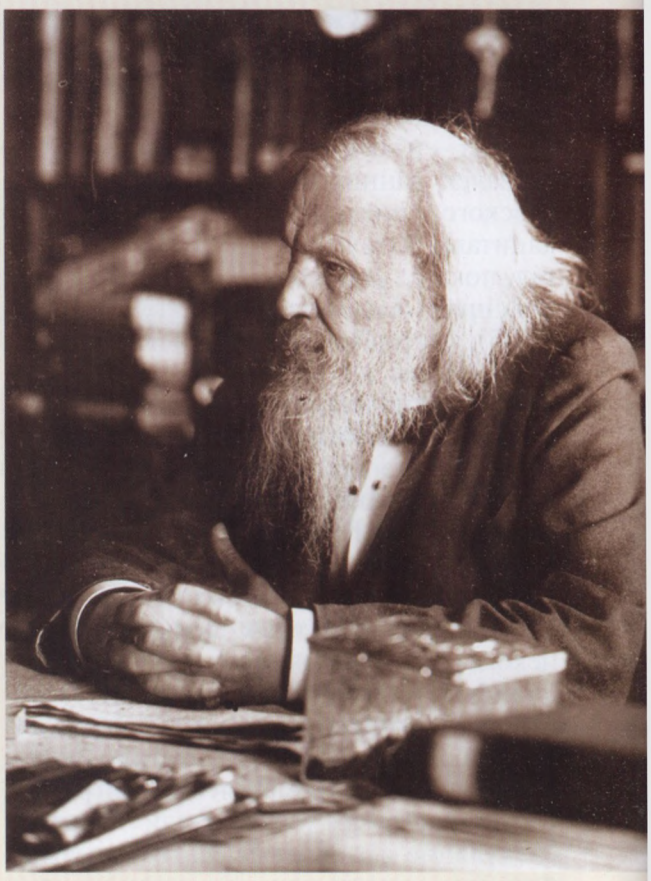
Для России не было тайной, кто главные конкуренты России в Европе и мире. Это не Германия. Таковыми выступали Англия, Франция, США, Япония. Выступая в Государственном совете России, посол в Токио граф Р. Р. Розен заявлял:

«Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (Франция и Германия) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущее, но такие чрезвычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать».

Был свой интерес и у России. Близилось время перезаключения торгового договора России с Германией, заключенного еще в 1904 г. и в совокупности дававшего большие преимущества немецким промышленникам и торговцам. Промышленники России и крупные помещики требовали от царя пересмотра условий договора в их пользу.

Говорят, что мировую войну предсказал еще за 40 лет до ее начала ученый А. Пайк. К 1914 г. неизбежность надвигавшейся войны чувствовалась всеми. Хотя великий русский ученый Д. И. Менделеев в труде «К познанию России» (1906), прерванном его смертью, с надеждой писал: «А если бы достиглось хотя какое-нибудь общее соглашение между всеми шестью названными мировыми державами, то, наверное, общие цели, т. е. внешний мир и внутренний порядок, были бы достигнуты наиболее простыми, верными и легкими способами». Надежды Менделеева не оправдались. У мировых держав цели были общие, однако в корне противоположные. Каждый хотел, сохранив свое, заполучить еще и то, что имелось у другого

Все вели их игру, надеясь перехитрить противника. Английский министр колоний Дж. Чемберлен предложил немцам оформить англо-германский союз (1898).

Д. И. Менделеев

Альянс был бы направлен против России. (Вспомним, что его сын, министр иностранных дел Н. Чемберлен, откроет дорогу Гитлеру «мюнхенским договором», после чего разразится Вторая мировая война). Англия предложила союз Японии, результатом чего явилось втягивание Японии в войну с Россией. Все союзы Англии почему-то направлены против России. Чем не угодила Россия Англии на сей раз? Дело в том, что в конце XIX в. Россия построила Закаспийскую железную дорогу, что вела к границам Персии (а там недалеко и до Индии). Затем Россия приступила к строительству Транссибирской железной дороги, а с 1896 г. и к строительству КВЖД. Выход ее в районы влияния и господства Великобритании и укрепление России как мощной евразийской державы встревожили Англию. Та увидела в этом

серьезную угрозу своим позициям в Индии, Китае, Иране.

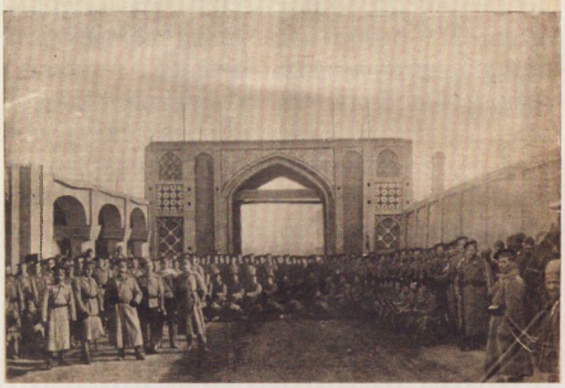
Англичане хотели упрочить свои позиции в Персии, что усиливало соперничество Англии и России в этом районе. В конце XIX в. Тегеран оказался в долговой зависимости от Лондона. Англичане контролировали выпуск банкнот и чеканку монеты через созданный в 1889 г. Шахиншахский банк. В 1892 г. Лондон передал персам крупный заем, который, однако, не решил их финансовых проблем. В поисках выхода из финансового кризиса казначейство страны вновь обратилось к Шахиншахскому банку и получило ссуду под залог доходов таможен побережья Персидского залива. Когда срок ссуды истек, английское правительство потребовало погашения всех долгов, а новый заем было согласно предоставить только на кабальных условиях. Тогда Тегеран обратился за помощью к России.

В 1895 г. русский банкир Л. С. Поляков надумал соорудить дороги и переоборудовать Энзелийский порт. Это должно было, по мысли русского правительства, способствовать проникновению русских товаров на рынки Северной Персии. В 1905 г., уже после нашего поражения в Русско-японской войне, давний спор Англии и России за влияние в Иране неожиданно склонился в пользу России. Шах Ирана Мохаммед Али-Шах принял решение

Персидский шах Наср ад-Дин с семьей и придворными

Русские войска в Персии

окончательно занять сторону России. Кстати, Россия к тому времени уже вложила в Персию около 70 млн рублей. Но теперь же шаху нужно было дать еще 10 млн рублей, чтобы и в дальнейшем смог избегать экономической зависимости от Англии. Военный министр России предложил обеспечить Персию оружием, чтобы та могла защититься от агрессоров. И на специальном совещании по иранскому вопросу Россия приняла пакет мер, которые закрепляли прочные, взаимовыгодные отношения между Россией и Ираном.

Британия была изумлена. Подумать только, страна, только что потерпевшая военное поражение от Японии, сотрясаемая стачками, революциями, погромами, осмеливается еще и вести активную внешнюю политику. Конечно, и России был нужен выход к Персидскому заливу. Но она пыталась достичь этого мирным путем, заключив экономическое соглашение с Персией, решительно отвергая пред-

ложения англичан поделить Иран на зоны влияния. Борьба за Иран не прекращается и по сей день.

Об интересах русской буржуазии в Персии недвусмысленно заявила газета «Голос Москвы», рупор торговцев и промышленников России: «Нам нет дела до того, кто правит Персией и как он ею правит, но нам важно, чтобы каждая капля нашего труда, каждая копейка, пущенная в ход, были и сохранены и обеспечены». Газета заявляла: «Возможно, недалеко то время, когда общественное мнение России поставит правительству строго определенное требование соблюсти русские интересы в полной мере, не задумываясь над путями и способами, какими это может быть достигнуто» (1910 г.). Господа октябристы (т. е. крупные буржуа) прямо «расшифровали», что имелось в виду под такими средствами: «Сентиментальность в этом деле излишняя, и если для устранения мятежа нужно поставить в Тавризе ряд виселиц — пусть будут виселицы» («Голос Москвы», 1911 г.).

Король Англии Георг V и Николай II (слева)

Еще раньше для защиты интересов России в Персию в 1908 г. был введен ограниченный контингент войск под командованием полковника Ляхова. Это был вызов Британии, объясняя многое в ее поведении по отношению к России, включая нежелание спасать Романовых после революций 1917 г. Верен вывод Казима-Заде, автора книги «Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии»: «Коллапс России предоставил (бы) Британии уникальную возможность полностью восстановить свое положение в Персии». Поэтому Англия реагирует на нас как бык на красную тряпку.

Установления военного союза с Германией, как это было во времена Блюхера и Наполеона, Англия и США очень боялись. В этом случае Россия и Германия могли бы стать державами номер один в мире и Европе.

А. Брукс (США) называет причины тревог американцев и англичан: «Обширное германо-русско-восточноазиатское объединение, которое может быть достигнуто в результате проведения грандиозной трансконтинентальной политики железнодорожного строительства с конечными пунктами на побережье Китая, создало бы такую опасность для возрастающей англицизации мира, против которой были бы бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие силы».

Помешать сближению и созданию мощной «евразийской оси» — России, Германии, Китая, Индия, Кореи, Ирана — было уж тогда целью англосаксов. Лучший способ тут — столкнуть страны Евразии, Европы и России!

Отсюда понятно и то, кому были наиболее выгодны войны между Россией и Японией, Россией и Германией, Японией и Китаем. Они выгодны исключительно Англии, Франции, США, ибо делали невозможным такой союз.

Немцы англосаксов и французов терпеть не могли, видя в них главных соперников. Поток ненависти означал, что противоречия не просто велики, но огромны (торговля, вооружения, флот, колонии). Спор наблюдался во всех сферах.

Во время войны Британская королевская семья во главе с Георгом V разорвала связи со своими германскими родственниками, сменив немецкое наименование династии — Саксен-Кобург-Готская — на Виндзорскую.

В очерке о причинах возникновения Первой мировой войны («Мировые войны XX века») говорится, что с 1885 по 1913 г. промышленное производство Великобритании возрастало в среднем в год на 2,11%, Германии — на 4,5%, США — на 5,2% и России на 5,72%. Если в 1860 г. на Англию приходилось 25% промышленного производства во всем мире, то в 1913 г. ее доля упала до 10%. Между 1890 и 1900 гг. доля Германии в мировом индустриальном производстве увеличилась с 15 до 17%, но к 1913 г. снова уменьшилась до 15% в связи с бурным ростом промышленности в США. Если к 1900 г. ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 16%, то к 1910 г. по уровню развития промышленности империя вышла на второе место в мире после США. В целом объем промышленной продукции в 1893–1914 гг. увеличился почти в полтора раза. Германия вышла и на второе после Англии место в торговле, где на ее долю приходилось 13% мирового товарооборота.

Германия настаивала на переделе мировых богатств. Широкий отклик получили два немецких документа: меморандум шести мощных экономических организаций Германии (Центральный союз германских промышленников, Союз промышленников, юнкерский Союз сельских хозяев и др.), а также профессорский меморандум. Оба требовали для Германии новых колоний, без которых она не сможет развиваться. Намечались следующие меры: захват английских, французских, бельгийских и других колоний; возложение на плечи стран Антанты репарационных платежей; протекторат над Бельгией; присоединение французского побережья Ламанша до реки Соммы; захват железо-рудного бассейна Бриэй, крепостей Верден и Бельфор, склона Вогезов. При этом должна была последовать конфискация земель у средних и крупных землевладельцев этих стран. Тут же говорилось и об аннексии на Востоке земель России, в частности, прибалтийских губерний, а также территорий к югу от них, т. е. огромных массивов земель нынешней Украины и Белоруссии — для расширения обитания немцев.

Англо-германо-французское соперничество вело к разделу мира на сферы влияния. Германия владела преимущественно экспортом в соседние европейские страны, а Англия — экспортом в другие части Британской империи и за океан. По размерам вывезенного капитала (35 млрд марок) Германия практически сравнялась с Францией, уступая только Англии. Хотя общему тоннажу Великобритании (без колоний) в 18,2 млн брутто-регистровых тонн в 1914 г. Германия могла противопоставить только 4,7 млн брутто-регистровых тонн. Тем не менее Англия всячески стремилась устранить на корню германское соперничество на море.

Осенью 1912 г. британский министр иностранных дел Грей в беседе с коллегой-министром Сазоновым заявил, что в случае войны Англии с Германией он приложит все силы, чтобы сломить германское морское могущество. Король Георг V высказался еще определеннее — англичане будут топить каждое германское торговое судно, встретившееся на их пути... Немудрено, что немцы ответят тем же: будут топить суда англичан. Политика, проводимая Эд. Греем, вела к развязыванию мировой войны. Переговоры Грея с послом Германии К. Лихновским и послом России А. К. Бенкендорфом немало способствовали тому, что локальный австро-сербский конфликт 1914 г. перерос в ми-

Германский броненосец

ровой. Однако и немцы приложили руку к катастрофе: свою лепту внес германский канцлер (с 1909 г.) Т. Бетман-Гольвег, ставший главным врагом России в германском руководстве.

Никто из дипломатов того времени не блистал умом, ибо они так и не могли выполнить главную миссию дипломатии — удержать страны от войны. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, пишет: «А.В. Игнатьев, одно время думал избрать духовную карьеру. Окончание Александровского лицея, где он учился так себе, позволит ему переквалифицироваться из слуги Господа Бога в дипломата. Бог, возможно, от этого и выиграл, но не Россия». Таковы были эти «великие джентльмены, искренне влюбленные в мир».

Англия, Франция, Германия и Россия непрерывно вооружались. Никто не хотел уступать, прекрасно зная, что мир в XX в. живет согласно древней римской формуле: «Хочешь мира — готовься к войне!» Поэтому кайзер и скажет в 1911 г.: «Добиться лучшего тона по отношению к Германии можно только созданием большого флота, внушающего британцам основательный страх». Естественно, и Англия, являвшаяся «владычицей морей», не желала уступать свои рынки и территории конкуренту. Поэтому Черчилль, не имея иллюзий в отношении будущего, говорил: «Это беспрерывное вооружение вперегонку должно в течение ближайших двух лет привести к войне». В 1913 г. Германия приняла в рейхстаге закон о военных кредитах. Вильгельм II на приеме недвусмысленно, с солдатской прямотой, заявил русскому послу о приближающемся конфликте двух рас, романо-славянской и германской (1913).

В Германии активным образом насаждался культ милитаризма. Генерал Бернгарди выразил мнение большинства немцев: «Наши политические задачи не

разрешимы без удара меча». Французы, желая вернуть себе Эльзас и Лотарингию, мечтали отомстить немцам за поражение в войне 1870–1871 гг. Естественно, в гуще конфликта находилась и Англия, которая к тому времени владела колоссальной империей. Ей уж точно было что терять. Потому политики втайне считали: «Пусть уж лучше погибнут принципы, чем мы лишимся колоний».

России следовало бы воздерживаться от втягивания в губительный конфликт. Для этого в 1905 г. была уникальная предпосылка, когда на яхте у Выборга Вильгельм II предложил русскому царю подписать союзнический договор с Германией. В каюте яхты «Полярная Звезда» Николай II оный подписал. Он даже воскликнул со слезами на глазах: «Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и Вашей!». Кайзер Вильгельм так же прослезился, довольный тем, что удалось разрушить намечавшуюся близость России с этой, как он говорил, «французской потаскушкой». Казалось, прочный мир между Россией и Германией обеспечен. Согласно документу, стороны обещали прийти друг другу на помощь всеми сухопутными и морскими силами в случае нападения на них противника, обязались не вступать ни в какие сепаратные соглашения. В действительности все оказалось иначе.

Удивительные вещи о той встрече императоров ныне известны. В начале XX в. начальник личной разведки императора Николая II граф А. Г. Канкрин совместно с адмиралом С. О. Макаровым, изучив засекреченный журнал Беллинсгаузена, составил научную записку. Ее он и передал царю, который направлялся на встречу с двоюродным братом, кайзером Вильгельмом II. «После торжеств и совместного парада двух флотов братья-монархи уединились, и император предложил кайзеру сотрудничество в освоении шестого континента. Вильгельм II внимательно изучил проект совместного исследования земель и строительства объектов в Антарктиде, после чего дал согласие. Как пишет О. Грейг в книге „Секретная Антарктида“, это историческое соглашение между двумя монархами и положило начало взаимному сотрудничеству по освоению Антарктиды, сотрудничеству, которое не прерывалось, невзирая на все трудности XX столетия».

«Всякий стоящий у государственной власти обязан избегать войны точно так же, как капитан корабля избегает кораблекрушения» (Ги де Мопассан). Почему же Николай II повел свой корабль на рифы

Николай II и Вильгельм II на борту корабля

мировой войны? Царь в России был не самостоятельной фигурой. Он передал дипломатию в руки сановников. А те, имея собственные экономические интересы, убедили русского царя отказаться от договора с немцами. Сначала он договорился с Вильгельмом о прочном союзе. Потом этот союз предал.

Показательна телеграмма, которую направил кайзер Вильгельм своему канцлеру: «Дорогой Бюлов, при сем посылаю вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму, которую я расшифровал... Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этот договор с нами не желает заключать без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них... Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он (т. е. царь — Ред.) по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен».

Именно бесхребетность царя Николая II, «помазанника божьего», и продажность наших министров-дипломатов и втянули Россию в Первую мировую войну. Россия, как говорится, давала авансы «и вашим и нашим». Уже говорилось, что в 1905 г. на встрече в Бьорке император Вильгельм II убедил Николая II подписать соглашение о том, что Россия обязуется защищать Германию во время войны. Это было правильно. Но такой же договор был заключен Россией и с противником Германии — Францией. Как нашкодивший ребенок, Николай три месяца не показывал документа ни премьер-министру Витте, ни министру иностранных дел Сазонову. Когда все раскрылось, обоих едва не хватил инфаркт: договор с Германией (не с Францией) пришлось аннулировать. На самом деле России был нужен договор со всеми странами, но особенно с Германией!

Правительство Франции также с необычайной легкостью вводило в заблуждение свой народ, побуждая покупать облигации царских займов. В «Лионском кредите» писали: «Не покупайте облигаций, выпущенных городом Парижем, не приобретайте ренту французского государства. Вот русская империя — она хороша и надежна». Им вторили в Петербурге: «Мы знаем, что должны уплатить 25 % чаевых; нам нужно еще 25 % на комиссионные. Великая русская нация, видя поступление лишь 50 % сумм, на деле выплаченных здесь, начала говорить, что если царский режим может продолжать свое существование, то только потому, что сообщником империи, русского кайзеризма, сообщником Распутина и его режима является Французская республика!»

Президент Франции Раймон Пуанкаре

Перемены в настроении немцев

Положение России, очутившейся между двумя воинственными лагерями, было не из легких. По сравнению с эпохами Вильгельма I и Бисмарка во внешней политике Германии наметились тревожные для России перемены. Наследник Бисмарка канцлер Каприви был решительным сторонником австрийского сближения, став «архитектором» Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Он не видел в союзе с Россией перспектив для Германии. Отказ продлить «Союз трех императоров», по мнению английского историка М. Бальфура, стал «ударом по лицу» России. Граф Шувалов записал в дневник:

«Очень болезненное для нас решение». Россия в тех условиях не могла остаться один на один с мощью Тройственного союза.

Германия вступала в борьбу за земные богатства. Ее лозунг:«Мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент».

Статс-секретарь МИДа Б. фон Бюлов заявил в рейхстаге: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя место под солнцем».

При этом немцы на удивление близоруко насаждали в своем народе русофобские настроения. В основе их лежали давние страхи германцев, которые так и не смогли одержать победу над русскими в многовековом споре. Тут еще «очень кстати» пришлись недавние безумные идеи Ницше. Тот клятвенно уверял немцев в том, что они те самые непобедимые «сверхчеловеки». За всем этим лежала непреодолимая жажда завоевания необъятных русских земель.

Председатель Пангерманского союза Г. Класс без обиняков заявил на закрытом заседании правления (1913): «Безопасность от главной славянской державы должна быть достигнута путем ослабления русских как нации, чтобы они не могли более стать опасными для нас. Население России уже насчитывает 165 миллионов человек, и мы должны поддерживать все, что ведет к разрушению этого колосса... Бисмарк говорил: отношения с царской империей могут быть либо очень хорошими, либо очень плохими, третьего не дано. Первое сегодня исключено, остается лишь второе. Мы должны готовить бой, чтобы окончательно обезопасить немцев от славян и способствовать центробежным тенденциям в России. Публично мы не можем продвигать эту идею. Следует лишь выступать против утверждений, будто возможно мирное взаимопонимание с Россией».

Немцы в славянах, русских, галлах видели врагов. Начальник германского Генштаба фон Мольтке заявил: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». Кайзер, сравнивая немцев с древними германцами, некогда сокрушившими непобедимый Рим, говорил: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы».

Пушка — защита от дирижаблей

Планы немцев были таковы: пространство «Великой Германии» должно включать в себя территории Австро-Венгрии, Бельгии, Голландии, части Франции, Балканы и земли России — Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ и Крым. Германия планировала наложить руку и на колонии в Африке, на земли Китая и Южной Америки. Это был план передела и покорения мира немецкой «высшей расой». Что остается России? Вильгельм отвечает:: «Мы должны привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток».

Пышным цветом расцвел расизм. Германский идеолог Бернгарди, плотоядно поглядывая на Россию, внушал немцам: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил апологет пангерманизма — П. Рорбах. «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Лидеры немецкой социал-демократии А. Бебель и В. Либкнехт призывали Европу «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией». Хотя тот же Бебель восторженно встретил революцию 1905 г. и даже призвал немцев учиться у русского пролетариата бесстрашию в борьбе. Удивительно это единство в русофобии. Иначе говоря, Первая мировая война приобретала оттенок расовой битвы цивилизаций — рас Запада против рас Востока.

Мечты немцев о колониях

И хотя более всего, конечно, в мировой войне были заинтересованы высшие круги империалистических стран, как ни странно, вначале народы подхватили их «мелодию»... Настроения находили отклик в массе немцев, в чем убедился и генерал А. Брусилов.

В канун мировой войны Брусилов отдыхал в курортном немецком городе Киссингене и стал там свидетелем весьма показательной сцены... На центральной площади городка был воздвигнут макет Московского Кремля. Затем немцы под звуки оркестра и бурные овации публики подожгли его со всех сторон. «Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот, шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь... но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, неистовству ее не было предела, когда музыка сразу же при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела национальный гимн».

Все это было частью большой пропагандистской кампании против России, суть ее сформулировал генерал Мольтке: «Следует лучше обеспечить народный характер войны против России». Его «Военные поучения» были популярны среди высшего военного и офицерского состава Германии. Но более всего проясняет истинные цели политиканов, военных и банкиров документ от 9 сентября 1914 г. Канцлер Германии Бетман-Гольвег вместе с военными и директором Немецкого банка К. Гельферихом в главной военной квартире в Кобленце четко сформулировал цели мировой войны. Целью ее провозглашалось «обеспечение интересов рейха на западе и востоке на мыслимое время». Для этого нужно ослабить Францию до такой степени, «чтобы она не могла вновь стать великой державой», а также обеспечить «возможное удаление России

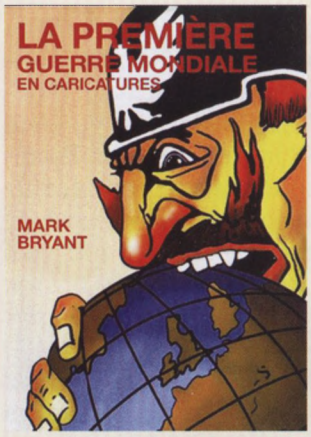

Генерал-фельдмаршал Хельмут Карл. Мольтке-старший

от немецкой границы и ликвидацию ее господства над вассальными нерусскими народами».

Что это значило? Появившееся заявление Пангерманского союза уточняло: Россию «надлежит отбросить в основном к границам, существовавшим до Петра Великого». А лидер католической партии Центра М. Эрцбергер и вовсе призвал, в духе Наполеона, «освободить" нерусские народности от „московского ига" и объединить их „под военным верховенством Германии"». Либеральный орган «Берлинер тагеблатт» считал необходимым «отрезать Россию от Балтийского и Черного морей». Загнать Россию как можно глубже в Азию!

Один из главных практиков немецкого милитаризма генерал Э. Людендорф, чей вклад в победы Германии на фронтах Первой мировой войны внушителен, позже утверждал, что у немцев отсутствовали планы мирового господства, якобы те помышляли только о мире. Но верить его заверениям было бы смешно. Впрочем, сие

Немец готов сожрать весь мир. Карикатура

понятно уже из его понимания мира: «На самом деле германское правительство в период после правления Бисмарка не имело никакой другой, более важной внешнеполитической цели, кроме сохранения мира на земле. О господстве в международных делах оно и не помышляло, хотя, быть может, и стремилось расширить колониальные владения Германии. Немецкому народу было вполне достаточно воссоединения немецких земель и создания собственного государства. Увеличение колониальных владений и повышение мирового статуса Германии через приобретение новых рынков сбыта диктовалось насущной необходимостью. Но достичь этого можно было только силой... Как оборонительную войну можно выиграть, только нападая, так и мир сохранить можно, лишь проводя ясную энергичную внешнюю политику, руководствуясь четкими критериями». Ясно, что при таком понимании «мира» до большой войны, можно сказать, рукой подать.

Поэт Александр Блок накануне событий, предвидя надвигающуюся беду, с глубокой тревогой писал о близящейся мировой войне:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине...

1914 год выбран Германией для начала войны не случайно. Немцы завершили перевооружение армии и флота, России же требовалось для этого по меньшей мере еще 3–4 года. 8 декабря 1912 г. Вильгельм II на совещании военных высказался определенно в отношении планов Германии, обозначив так тему своего доклада: «Наилучшее время и метод развертывания войны». Генерал Мольтке настаивал на нападении на Россию никак не позже 1914 г., ибо «после 1917 г. мощь России окажется неодолимой». Она может оказаться тогда «доминирующей силой в Европе» и будет немцам не по зубам. Сейчас же еще можно победить ее, так как Россия не успела развернуть все свои мощности и силы.

Россия перед войной

Перед самым началом войны статс-секретарь германского МИДа фон Яглов писал (июль 1914 г.): «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия тоже не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем вероятным предположениям, Россия уже будет боеспособной. И тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет».

Русский паровой каток надвигается на Центральную Европу. Карикатура

К этому следовало добавить и стремительный рост населения России. Как справедливо отмечают, ее население росло столь стремительно, что она стала опережать всех ведущих своих конкурентов. Если, скажем, в середине XVII века четырнадцатимиллионное население России составляло лишь половину совокупного населения Франции и Англии (27 миллионов человек), то к 1800 г. соотношение изменилось уже в пользу России (36 миллионов против 39 миллионов Англии и Франции). Соотношение еще более изменилось в пользу России к началу XX века (составив 129 миллионов против 79 миллионов).

Уступая в индустриальном развитии, Россия стала равной всему Западу по населению, если в него включать Англию, Францию и США. Однако иной была картина в экономике. Угля Германия добыла в 1914 г. 277 млн т., Россия — 36 млн, а Франция — 40 млн т. Германия стала посягать на континентальное преобладание не только в экономическом, но и в военном и политическом отношении. Военный бюджет Германии достиг в 1914 г. 442 млн долл. против 324 млн у России и 197 млн у Франции.

А. И. Уткин в «Первой мировой войне» писал: «Враждебность к германскому экономическому могуществу была в России ощутимой на обоих флангах политического спектра. Справа ее разделяли партии крупного русского капитала; слева — народники и их политические наследники социалисты-революционеры. Представители русского национального капитала цитировали слова министра торговли Тимирязева: «Мы не можем позволить, чтобы русская промышленность была полностью сокрушена германской индустрией». Господа капиталисты укажут на отход под натиском мощных германских компаний российских производителей.

Три политические партии буржуазии: кадеты, октябристы и умеренные правые — призвали в 1914 г. власти к денонсации

«невозможного, несправедливого, оскорбительного и наносящего материальный ущерб» торгового соглашения, навязанного Германией России в период ее военного кризиса. Социально-революционные круги также пели в ту дуду, заявив, что Россия принимает черты германской колонии, а «бедное» русское население превращается в объект эксплуатации со стороны немецкого монополистического капитала.

Союз южных российских экспортеров принял в марте 1914 г. в Киеве резолюцию: «Россия должна освободить себя от экономической зависимости от Германии, которая унижает ее как великую державу. С этой целью нужно предпринять немедленные шаги для расширения нашей торговли с другими государствами, особенно с Британией, Бельгией, Голландией, у которых нет заградительных тарифов на сельскохозяйственные продукты. Когда будет заключено новое соглашение с Германией, оно должно предусматривать такое положение, когда русские рабочие, отправляющиеся в Германию, будут заключать письменные контракты, которые обеспечат сезонным русским блага, предусматриваемые германским законодательством. Следует учитывать также возможности использования в самой России сотен тысяч русских сезонных рабочих, ежегодно отправляющихся в Германию. Желательно введение тарифа для компенсации открытых и скрытых привилегий германским промышленным трестам».

Русское министерство транспорта наметило переход от традиционных германских партнеров к их франко-английским конкурентам. Тем же путем в апреле 1914 г. последует и русское военно-морское, военное министерства., издав циркуляр об ограничении контактов с немцами. В том же духе министр финансов России Барк предостерег: «Именно за счет своей торговли с Россией Германия смогла создать свои пушки, построить свои цеппелины и дредноуты! Наши рынки должны быть для Германии закрыты. Наши друзья французы заменят немцев на русском рынке». Иначе говоря, Россия, скажем откро-

Берлинцы радуются объявлению Германией войны

венно, под напором англо-французского капитала совершила экономическое и политическое предательство нации! И никто, конечно, не вспоминал о каком-то народе.

Тогда вышла книга Ф. Листа «Международное право в систематическом изложении». В 1912 г. книгу перевели на русский язык, издав в Дерпте. В книге утверждалось деление мира на цивилизованные, полуцивилизованные и дикие державы. В отношениях между первыми использование силы исключалось, но в отношениях с якобы полуцивилизованными и дикими использование силы считалось приемлемым. По этой квалификации Запад относил Россию к полуцивилизованным державам.

Каждый желал войны, но никто «не думал», что война примет характер мировой. Это был полнейший провал дипломатии. Хотя дипломаты не могут сделать больше того, что хотят верха и правящие круги. А поэтому все знали: война будет. Между тем многие понимали, что мировая война станет для Германии войной на истощение. Страна оказалась перед альтернативой воевать «до последнего немца» и «до последней марки». Потребность в средствах ведения войны превысила все их расчеты. Война разорвала традиционные внешнеэкономические связи Германии, прежде всего со странами Антанты, на долю которых в 1913 г. приходилось 80%

Николай II и король Саксонии Фридрих-Август обходят почетный караул на Царскосельском вокзале. 7 июня 1914 г.

ее импорта и 67% экспорта. Значительные трудности для немцев создавала и экономическая блокада, начатая британским военно-морским флотом. Не вняли этим очевидным фактам!

Россия не могла пройти мимо столь явных и неприкрытых угроз. В 1913 г. была принята большая военная программа, предусматривавшая увеличение армии на 40 % до 1918 г. Русские предполагали создать внушительный морской флот, мощную тяжелую артиллерию, проложить железные стратегические дороги и т. д. Перед битвой прикидывали силы сторон. При всех расхождениях по оценке реальных сил России почти все сходились во мнении, что Россия на данном этапе продолжала заметно отставать от Германии в техническом оснащении. Это соответствовало реалиям.

Перед лицом военной опасности Россия вынуждена была тратить огромные средства на оборону и вооружение. Говорили, что ее военные расходы — самые высокие в Европе. Однако заявленная программа должна была быть выполнена лишь к осени 1917 г. Если ложка дорога к обеду, то меч нужен к началу сражения. В противном случае победа, это уж точно, достанется врагу...

Б. М. Шапошников писал: «„Большая программа по усилению армии“... утверждена в октябре 1913 г. и предусматривала проведение до осени 1917 г. мероприятий по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т. д.). С началом Первой мировой войны выполнение программы было отменено».

По «Большой программе» вооруженные силы Российской империи в мирное время необходимо было увеличить на 480 тыс. человек, то есть на 39 %. При этом: пехоту — на 57 %, кавалерию — на 8 %, артиллерию — на 27 %, а технические войска, включая и авиационные, на 3 %. Однако она была свернута, когда подписи на плане ее реализации еще не высохли. Россия вынуждена была вступить в мировую битву, сражаясь, в основном, старым оружием. Наши же «великие» стратеги полагали, что война продлится максимум полгода. Тем же грешили и стратеги Запада.

Немцы не хотели допустить наращивания мощи России. Можно сказать, они учли положение Маркса, заметившего, что слабость России в том, что та не прошла «через долгий инкубационный период развития машинного производства». Поэтому они решили не дожидаться усиления России и начать войну первыми...

Немецкая армия к середине 1914 г. представляла собой грозную силу, будучи полностью отмобилизована и прекрасно вооружена. Хуже обстояли дела у Австро-Венгрии, где к перспективам будущей войны с Россией многие относились скептически и даже с опасением. Начальник австрийского Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф полагал, что его страна вряд ли сможет вести в ближайшие 5 лет успешные военные действия против России.

Правда, Россия лихорадочно вооружалась. В марте 1914 г. «Кельнише Цейтунг» обратила внимание на русскую пробную мобилизацию. Однако австрийский разведчик М. Ронге писал: «Наш поверенный в делах в Петербурге был возмущен этим известием, которое тотчас же было

опровергнуто русским телеграфным агентством. Он находил наивной мысль, что Россия выберет именно этот момент для нападения на центральные державы. В конце марта он услышал также и от турецкого поверенного в делах, что Россия хочет непременно сохранить мирные отношения со всеми своими соседями в течение двух-трех лет, пока ее военная мощь не позволит ей говорить более энергичным языком. Царь должен был через несколько недель уехать в Крым, министр иностранных дел Сазонов должен был отправиться для прохождения курса лечения в Сальзо, так что вообще не могло быть и речи о войне. Однако в конце апреля весь русский Балтийский флот получил приказ быть готовым к выходу в море. Это находилось в связи с пробной мобилизацией 800000 человек 10 мая. Но наш военный атташе в Стокгольме полагал, что Россия достигнет необходимой боеспособности лишь через несколько лет».

Противником войны с Россией был и австрийский наследник престола Франц Фердинанд, говоривший начальнику своего штаба: «Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов». Это был, бесспорно, умный политик, и он предвидел ход событий. Поэтому его и убили силы, которые стремились к войне (не только и не столько сербы). Император Франц-Иосиф не желал и не ждал войны с Сербией, но престарелого императора Австро-Венгрии сановники и министры-капиталисты слушали примерно так же, как и Николая II.

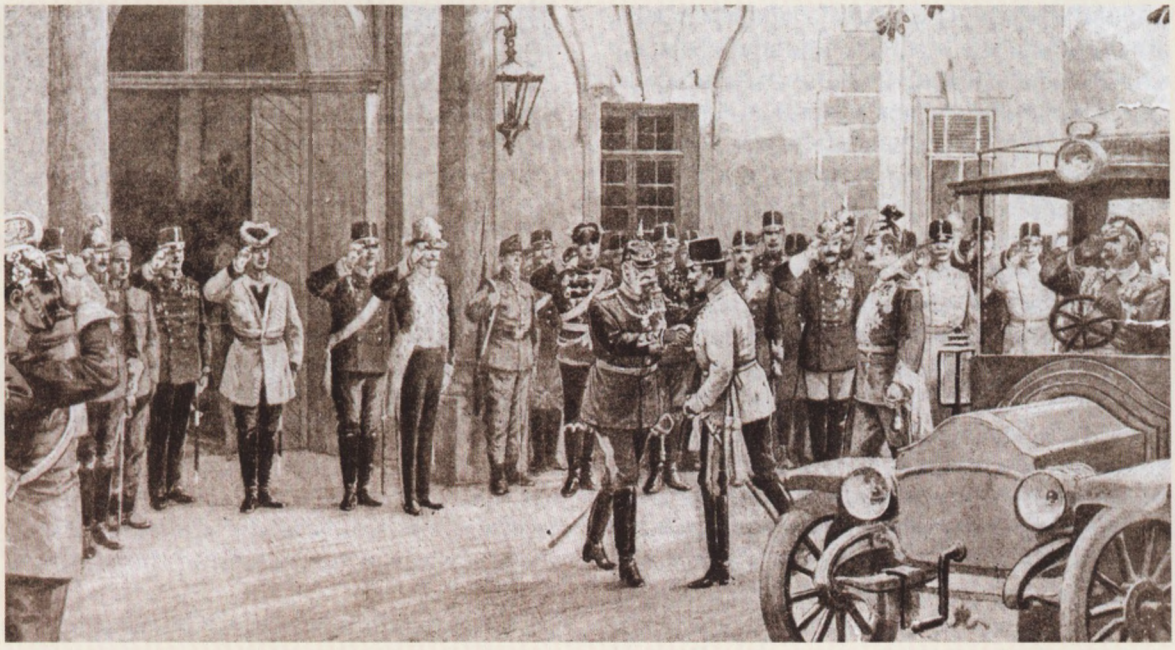
К тому же и ставка была очень высока, а именно: кому будут принадлежать Балканы, чье влияние в центре Европы будет решающим. Правящий класс Австро-Венгрии, как и правящие классы Англии, Германии, Франции, США, России, хотел с помощью оружия захватить рынки и удержать за собой земли со славянским населением, заставив его подчиняться себе.

Вокруг Балкан

Перед началом войны в печати Австро-Венгрии появилась статья австрийского военного писателя, выступившего под многозначительным псевдонимом Кассандер. В ней эта австрийская Кассандра озвучила заказ правительства Австро-Венгрии и военных кругов. Статья закончилась словами, с восторгом воспринятыми военными и промышленниками: «Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобресть. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за

Кайзер Австро-Венгрии Франц-Иосиф I

Встреча Франца-Иосифа I с Вильгельмом II. 1910 г.

собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжелое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы как исключительную, нам принадлежащую колонию для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства. Вооружайтесь, вооружайтесь... Приносите (нам) деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Иначе дни Австрии сочтены!»

В том же духе выступали и остальные милитаристы и империалисты. Поэтому нелепо утверждать, что «война была спровоцирована русской военной партией» (Покровский). Конечно, это полнейший абсурд.

А что же Россия? Быть может, она стоит особняком в этой схватке интересов? В ходу тезис, что Россия вступилась за «бедных сербов», которые подверглись нападению. Конечно, в общественном мнении России были сильны убеждения, что русские обязаны играть роль всеславянских защитников.

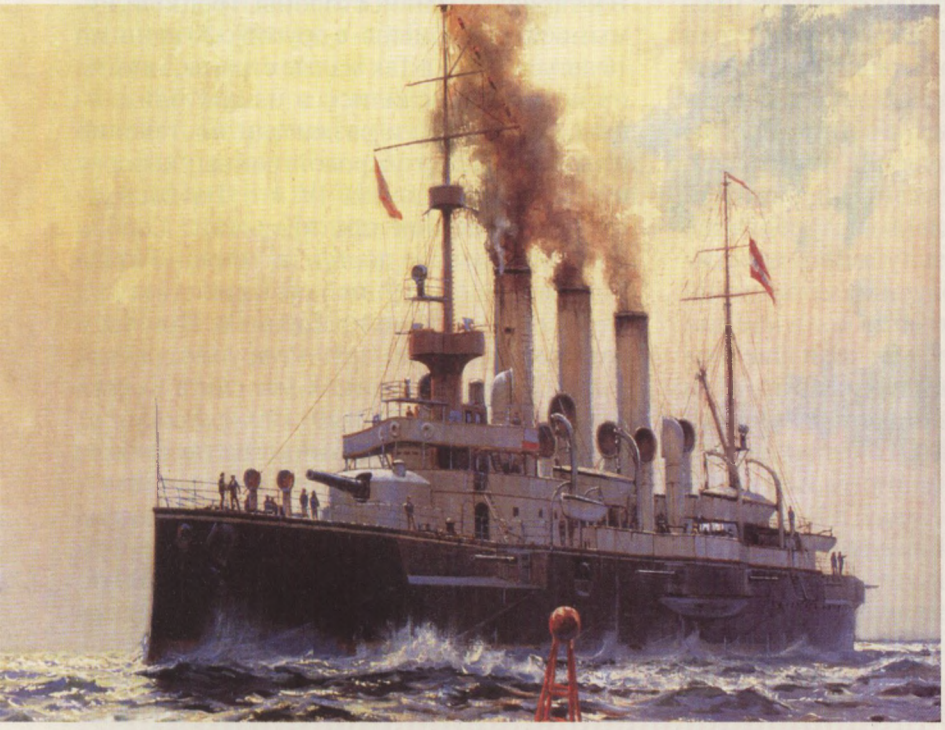
Один из многочисленных примеров таких настроений — телеграмма русского посла Гирса министру иностранных дел Италии в Риме: «Я объяснился с Соннино по поводу отношения Италии к Сербии. Я высказал ему, что Россия не может не быть крайне чувствительной ко всему, что касается этого родственного нам геройского славянского народа. Всякая нанесенная ему обида и несправедливость больно отзываются в русских сердцах и вызывают в них негодование». А поскольку у Сербии и Черногории есть горячие друзья в лице русского народа, а у России имеется такая союзница, как Франция, этот военный конфликт «может разрастись». Эти аспекты имели место, но не они играли главную роль. В деле поддержки братьев-славян у царской России были свои интересы. В мире никто и никому в международных делах не помогал и не помогает без того, чтобы так или иначе, а получить с этого какие-то дивиденды.

Ю. Я. Соловьев, отдавший дипломатической службе четверть века, писал, что царская Россия пыталась было покровительствовать балканским странам, выстраивая в отношении их своего рода политику качелей. При этом Россия заходила так далеко в советах и указаниях, что иные выглядели как прямое вмешательство. Он вспоминает, как министр иностранных дел России В. Ламздорф прислал «вассалам» строгую телеграмму: «Лишь одна мощная покровительница славян Россия знает, какого рода договоры должны быть заключаемы между славянскими странами». И такого рода стереотипы были широко распространены в российском обществе. Это льстило нашему самолюбию, хотя и не имело ничего общего с реальным положением дел на Балканах. Ю. Соловьев в заключение писал: «Это уже было прямое вмешательство в дела этих стран, и подобное вмешательство не могло не задевать самолюбия балканских правителей. Плачевные результаты такой политики царской России всем хорошо известны». Политикам надо бы задуматься, а не становятся ли в результате такой вот «помощи» Россия, ее народ «рабами», «заложниками» тех, кого они почему-то считают своими слугами?!

«Балканский котел» с его проблемами. Карикатура

Международная ситуация коренным образом отличалась от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда мы сражались по сути ради свободы болгарского народа, а потому война пользовалась большей поддержкой общественного мнения. Но и та война (после того как Запад свел на нет итоги русской победы, желая максимально снизить уровень нашего влияния на славян в Европе) больших дивидендов в политике нам не принесла. Д. А. Обо-

Австрийский крейсер

ленский писал после заключения Россией мира с Турцией (1879): «Неудавшийся мир, заключенный в прошлом году Берлинским договором, осудит история и без всяких комментариев определит характер и политическое достоинство руководителей внешней политики... Ожидаемого чуда не свершилось, а потому дела приняли естественный оборот. Ложь и лицемерие обнаружились. Правительство вело войну за идею, в которую оно не только не верит, но которой оно по инстинкту своему враждебно. Сам государь увлекся словами и даже, может быть, на одну минуту заразился общим народным настроением и энтузиазмом к идее, которая ему, в сущности, инстинктивно противна... С небывалою до сих пор легкостью принимались важнейшие политические решения. Никто и никогда не был призываем на совет. Даже министры все, кроме военного, были в совершенном неведении о том, что делается».

Славянские государства на Балканах ничуть не стеснялись оборачивать в свою пользу заступничество России. Дипломатия знает немало примеров того, как во имя решения мелких династических проблем правящие круги славянских стран порою очень успешно играли на струнах славянского братства в России. Скажем, в 1912 г. Болгария вступила в войну с Турцией, преследуя захватнические интересы, а заодно и выполняя директивы правителей Европы. Туркам передано и требование Европы, чтобы области Турции с христианским населением получили автономию, во главе которой должен был быть поставлен губернатором бельгиец или швейцарец! Хорошенькая независимость! При этом и болгары нападали на пограничные укрепления и позиции Оттоманской империи. По сути дела, именно борьба за перераспределение территорий в Восточной Европе и стала главной причиной Балканских войн 1912–1913 гг.

Первая велась Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией против Турции с 9 октября по 3 декабря 1912 г., вторая в том же составе — с 30 января по 14 мая 1913 г.,

Царь Болгарии Фердинанд I

третья Балканская война шла уже между Болгарией, с одной стороны, Грецией, Румынией и Сербией — с другой с 30 июня по 10 августа 1913 г. Так малые страны, многие из которых числились в наших ближайших союзниках, и разжигали постепенно костер большой мировой войны, которая и вспыхнет 1 августа 1914 г. Тут был запутанный клубок противоречий. Сербия хотела получить доступ к морю. Раздел Македонии с Турцией мыслился между Сербией, Болгарией и Грецией. При этом все очень ревниво друг за другом наблюдали. Секретарь русской миссии в Софии князь Урусов писал в 1911 г.: «...Россия от славянской политики никогда не сможет отказаться и не откажется и от защиты и поддержки своих славянских аванпостов на Балканах. Таким образом, Россия неизбежно будет вовлечена в войну, начатую помимо ее желания славянскими державами».

Все большие войны начинают с малого. И в политике зачастую хвост крутит

Принц-регент Сербии Александр I

собакой. Нет сомнений, что болгарская сторона помышляла в моменты развязывания войн уже не о свободе от турецкого ига (завоеванной с помощью героических русских «братушек»), но о создании Великой Болгарии, о чем почти открыто говорили и в штабах ее армии. У военного корреспондента Н. Мамонтова состоялся в 1912 г. с одним болгарским полковником откровенный разговор: «Скажите, полковник, слова болгарского митрополита Мефодия об „императоре“ сказаны под влиянием минуты или они отражают собою настроение „в сферах“».

«Никто у нас пока еще и не помышляет об „империи“ Болгарской. Быть может, у некоторых энтузиастов и появилась такая идея, но она преждевременна. Надо раньше разбить козни враждебной нам европейской дипломатии и создать объединенную Болгарию, затем поработать еще добрый десяток лет, а тогда будет видно, какую роль призвана играть Болгария на Балканах“». — «„Роль Пруссии в Германском союзе? — Дай Бог, чтобы так“», — полковник крепко пожал мою руку».

Автор очерка о «Балканской войне» резонно пишет: «Россия старалась удержаться от вмешательства в европейский конфликт. Но в результате борьбы славян, греков, турок, австрийцев, французов, англичан, немцев тот все более и более выходил из-под контроля. Так называемый Балканский узел все более походил на паровой котел, что в любую минуту мог взорваться».

Общественное мнение толкало царя оказать «реальную помощь братьям-славянам». К примеру, лично председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций умоляли Николая II вмешаться в войну (потом те же самые лица поставят ему это же в упрек и на него возложат всю вину). Поначалу царь сопротивлялся и не спешил влезать в конфликт, но, отделенный от народа глухой стеной бюрократии, царь имел превратные представления о настроениях общественного мнения, народа же своего не знал и вовсе.

Утверждают, что Распутин предупредил его об угрозе царской династии, которая может возникнуть в том случае, если Россия все же ввяжется или будет втянута в военный конфликт с могущественными соседями. «В то время, когда болгарский народ, веря в слова манифеста царя Фердинанда, геройски умирал за „свободу своих братьев в Македонии“ — в „сферах“ уже в самом начале войны мечтали вовсе не о свободе македонцев, а о „Болгарской империи“, о первенстве Болгарии на Балканском полуострове». В том же духе вела себя и Черногория, царь которой Николай клятвенно заверял русского императора, что «выполнит его волю». В действительности Черногория, несмотря на то что между нею и Генеральным штабом России имелось соглашение, предусматривавшее согласование всех военных действий с Россией, в одностороннем порядке объявила в октябре 1912 г. войну Турции, а через год, в июне 1913 г., вступила в новую войну с Болгарией.

И тем не менее черногорский монарх в 1913 г. вновь стал добиваться, как будто так и надо, благосклонности к нему со стороны России. Такое поведение объяснялось нуждами страны: правительство Черногории остро нуждалось в деньгах, а финансовая помощь из России в рамках военной субсидии фактически составляла две трети всех поступлений в бюджет Черногории. Отношение со стороны короля Николая было пренебрежительным и лицемерным. Тот не только произвольно тратил русские кредиты на собственные нужды, игнорировал все советы российских специалистов, но еще и чинил им препятствия, выдвигая на ключевые посты лично преданных ему родственников. Процесс же обучения войск военным наукам он просто игнорировал, с усмешкой говоря: «Учитесь, учитесь, дети мои, но не забывайте, что вы — воины от рождения, а потому можете прожить и без всякого обучения». К 1 апреля 1915 г. Россия поставила Сербии и Черногории в порядке помощи 1 млн пудов пшеничной муки и 1 млн пудов кукурузы. Помогали и Болгарии.

Во время Балканской войны в 1912 г. Россия была уже готова вмешаться на стороне славян, но в этом случае ее противниками автоматически становились бы Австрия и Германия. Сторонником войны был и великий князь Николай Николаевич. Под его давлением Николай II уже подписал указ о всеобщей мобилизации. Готовились военные и санитарные поезда для будущих раненых, жертв войны. Еще немного и влезли бы в войну уже в 1912 г. Ради кого и чего? Ради болгар или сербов? Остановить безумцев смог... Распутин. Никого умнее, увы, не нашлось.

Витте рассказывал: «Пришел Распутин... в пламенной речи, лишенной, конечно, красот присяжных ораторов, но проникнутой глубокой и пламенной искренностью, доказал все гибельные результаты европейского пожара — и стрелки истории передвинулись по другому направлению. Война была предотвращена».

Братья-славяне преследовали собственные местнические цели. Иные рассчитывали после войны с помощью России обрести независимость. Среди них были и

Битва между болгарами и греками под Килкисом в 1913 г.

Чехословацкие военнопленные в России

чехи. При этом ожили и идеи западного панславянизма. К примеру, чехи выскажут пожелание: «...чтобы Россия, верная своей исторической роли — защитницы славян, помогла чехословакам отстоять свою национальную самобытность». Во время чешской манифестации в Москве один из представителей местных чехов заявил, что все чехи и словаки охвачены «одним горячим желанием помочь России и верят, что русский народ и русский царь станут во главе единения славян».

Как выражение этого патриотического порыва в России была создана даже «Чехословацкая дружина» (1600 чел.). Помощь нам очень «существенная», учитывая, что Россия мобилизовала 19 млн человек. Тогда же делегация чехов заявит о своем желании видеть «свободную и независимую корону св. Вацлава сияющей в лучах короны Романовых» (Кремль,1914). Но их робкая попытка ничем серьезным не кончилась. Куда успешнее чехословаки сражались против России на стороне Австро-Венгрии и во время Гражданской войны, когда чехословацкий корпус из пленных чехов успел наделать немало бед на стороне врагов России. А. Луначарский сказал о месте Швейка в России: «Швейк — победная фигура вашей литературы». И, увы, типичная фигура истории славян. Как мы знаем из истории, исключительная роль России в освобождении болгар от турецкого гнета не помешала Болгарии выступить на стороне Германии и Тройственного союза.

Буквально единицы среди русских ученых или писателей видели мир в реальном свете... Так, Н. Ульянов в статье «Роковые войны России» показывал, как использовали славянские братья заступничество России. Позже он писал: «Но спасенные русскими войсками от гибели болгары чуть ли не на другой же день превратились во врагов России. Факт этот, хорошо известный деятелям эпохи Николая II, не послужил предостережением и не предотвратил в 1914 г. русского заступничества за Сербию, которую Австрия намеревалась аннексировать. Это из-за нее Россия объявила мобилизацию, послужившую предлогом для выступления Германии и начала мировой войны... Но не прошло и года, как в ставке российского Верховного главнокомандующего стало известно, что Сербия, из-за которой успели погибнуть сотни тысяч русских солдат, готова заключить мир и перейти на сторону врагов. Этого не случилось, но духом балканских измен повеяло ясно». Где же выводы?

Кому даем и помогаем? У кого забираем? Сербия нам близка, спору нет... Однако ведь ее народ уже тогда жил намного лучше, чем наш русский мужик... А. Фет вспоминал, как в 1877 г. слушал впечатления офицера от путешествия в Сербию:«Знаете ли, я только что из Сербии, для которой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видел...» А. Н. Хвостов, говоря о наших славянских братьях, отмечал, что те «не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина», а жизнь их «отчасти напоминает быт наших мелкопоместных помещиков». О том же сообщал русский посланник в Белграде Н. В. Чарыков: «В этой стране... нет бедных, нищих и безземельных». И эту страну мы пытались «цивилизовать» и втянуть в славянский союз. Нам бы «поправить наше горе, размыкать русскую печаль!» И потом не с таким слабым царем, каковым был Николай II, устраивать балканское дерби.

Во втором томе «Истории дипломатии» под ред. В. П. Потемкина верно сказано: «Русская дипломатия, создавая балканский блок, ковала орудие для надвигавшейся мировой войны. Но она переоценила свое влияние. Орудие вышло из повиновения у мастера». Болгария, Сербия, Греция объявили войну Турции. Позже Бунин, будучи изгнанником-эмигрантом, писал с возмущением, что сербы помогали им, русским беженцам, только тем, что меняли деникинские деньги (так называемые колокольчики) на девятьсот динар каждый. К слову, напомним, что в 1918 г., после победы стран Антанты в Первой мировой войне сербам предоставили право создать «Великую Сербию» увеличив ее территорию более чем в шесть раз, с 48 до 296 тыс. кв. км! И все это сделано в том числе и за счет крови и жертв миллионов русских солдат! Мы же вынуждены были заплатить за это потерей империи.

В 1907–1910 гг. в Варшаве вышла книга члена Русского географического общества, генерала В. А. Мошкова «Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики». В ней была представлена любопытная теория развития человечества. Согласно ей, государства и народы имеют строго определенные циклы развития — по 400 лет. Затем они повторяют новый цикл снова.

Сам цикл делится им на две части — восходящую и нисходящую. В первую половину 400-летнего цикла государство растет и крепнет, во вторую наступает пора его деградации и упадка. Согласно этой модели, Россия также имеет свои циклы развития. Империя Романовых воцарилась в начале «золотого века». В начале XX в. она переживала свой «железный век», т. е. век упадка. В. А. Мошков писал: «Через два года, то есть в 1912 г., мы вступаем в „железный век“. Для ближайшего к нам времени можно с большой вероятностью предсказать: постоянное вздорожание всех предметов первой необходимости и в особенности съестных припасов, которое будет усиливаться с каждым годом. В результате его последуют расстройство всей финансовой системы и задолженность всех слоев общества, а особенно городских жителей и интеллигенции.

Промышленные и торговые учреждения будут банкротиться одно за другим и прекращать свою деятельность или переходить в руки иностранцев. В результате таких явлений начнутся голодовки, особенно среди беднейших слоев городского населения. Несмотря на помощь со стороны правительства и благотворительность, множество народа будет умирать с голода и от тех эпидемий, которые обычно сопровождают голод.

Голодная чернь, доведенная до отчаяния не правительством и не кем-либо из людей, а роковым процессом вырождения, будет искать мнимых виновников своего несчастья и найдет их в правительственных органах, в состоятельных классах населения и в евреях в западном крае. Начнутся бунты, избиения состоятельных и власть имущих людей и еврейские погромы. Провинции, населенные инородцами, воспользуются этим замешательством и будут поднимать то здесь, то там знамя восстаний, но все эти попытки нарушить целостность государства успеха иметь не будут».

Многие из пророчеств генерала станут скоро явью. Хотя все разговоры о вырождении как причине социальных конфликтов и восстаний следует воспринимать осторожно, если только не согласиться с тем, что вырождение наблюдалось и в правящей элите. В первую очередь он предсказал и то, что Россия в первой половине XX в. будет вовлечена в две мировые войны. Кстати, он чуть ошибся в отношении России наших дней: «Между 2000 г. и 2012 г. надо ожидать периода полной анархии, соответственной блаженной памяти Смутному времени, которым и закончится текущий исторический цикл». Как мы знаем, период Смуты у нас пришелся на 10 более ранних лет...

Но вернемся к Первой мировой...

Глава 4

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Начало мировой войны

«По всем причинам сразу»

Милитаризм и империализм словно чума поразили Землю. Подготовка к войне шла полным ходом... Австро-Венгрия увеличивает за год военный бюджет почти вдвое — с 400 млн крон в сентябре 1913 г. до 754 млн в апреле 1914 г. Сербия хотела оттоpгнуть от Австро-Венгрии части территории, населенные славянами. В австро-венгерском и германском штабах вопрос ставили ребром: «не пора ли раз и навсегда обезвредить Сербию посредством применения силы?» И сами же утвердительно отвечали: «Пора!» Начальник австро-венгерского Генерального штаба перед нападением на Сербию прямо заявил, что «вслед за Сербией наступит черед Черногории». Министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд признавал, что война против Сербии может вовлечь в войну и Россию. Но Россия, по его мнению, тут сама будет виновата, ибо проводит политику, цель которой, это ясно, образование союза балканских государств, чтобы затем использовать его против Австро-Венгрии. Вильсон говорил: «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу».

Главными возмутителями спокойствия и поджигателями войны были англичане, французы, немцы и янки, их правящие классы. Милн в статье «Первая мировая война: истинные уроки жестокой империалистической бойни» справедливо писал: «Правящие классы европейских стран посылали своих граждан на бессмысленную бойню с единственной целью доказать свое имперское превосходство. В начале 1917 в письме румынскому поэту Валериу Марку В. И. Ленин так охарактеризовал эту теплую кампанию: «Один рабовладелец — Германия — воюет против другого рабовладельца — Англии, — стремясь к бо-

Австрийские мониторы у Белграда

Премьер-министр России В. Н. Коковцов (1911–1914)

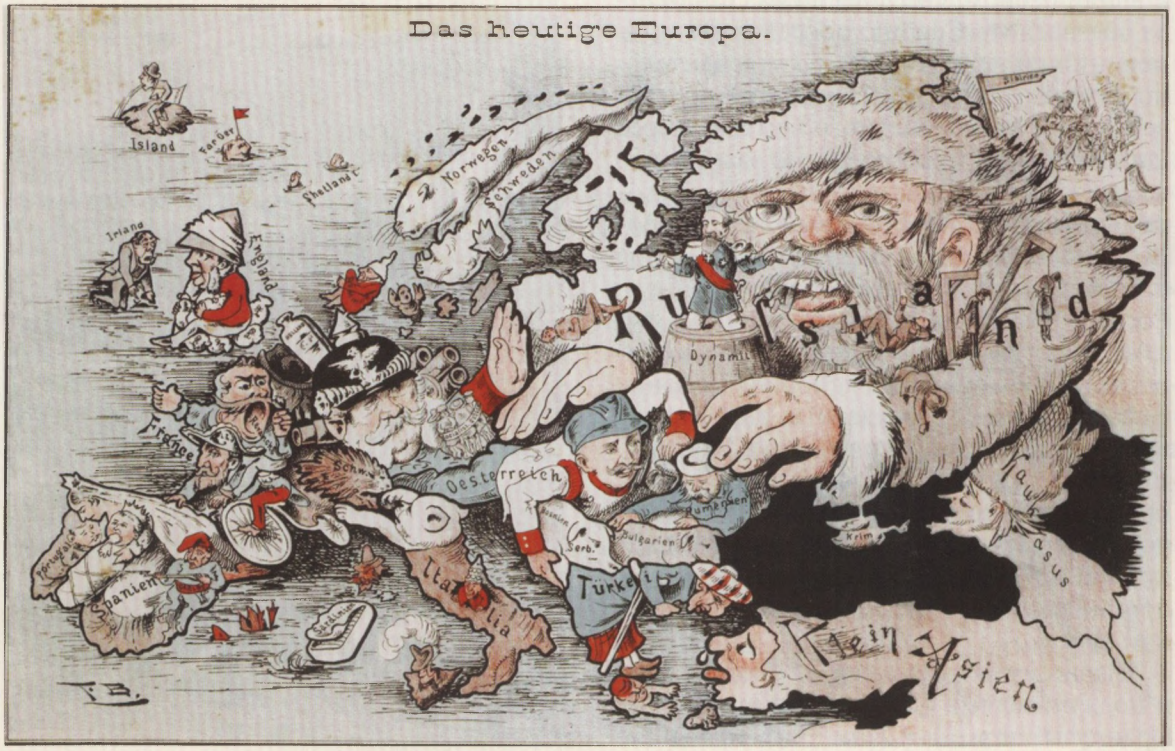
лее справедливому распределению рабов». В мировой войне речь не шла о самозащите. Одни грабители схватились с другими.

Как писал английский историк-марксист Э. Хобсбаум в книге «Век империи» (Age of Empire), «Война явилась трагедией, вызванной борьбой за колониальные владения между Британией и Францией, с одной стороны, и поднимающей голову Германской империей, которая искала „свое место под солнцем“, с другой стороны. В этой схватке империй Европа пожирала своих детей и жителей колоний» («Гардиан»).

Хотя развязывание войны было выгодно всем политикам.

В ходе схватки монополий Запада будет пожрана вскоре и самодержавная Россия. Ее попросту боялись. В том числе и Германия. Приняты были к сведению данные

Европа перед войной. Немецкий плакат

Убийство П. А. Столыпина агентом охранки М. Богровым. 1911 г.

германской комиссии, изучавшей последствия реформ П. А. Столыпина. «Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. Нам удалось узнать содержание (немецкого доклада), — писал Д. Любимов. — В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет проводиться при ненарушении порядка в империи еще 10 лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе». Вывод подтвердил М. Зеринг, заявив, что «по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе». Именно по этой причине совместными усилиями враги сильной России направили руку Мордки Богрова, совершившего убийство Столыпина.

Премьером был назначен В. Н. Коковцов — человек слабый и неумный.

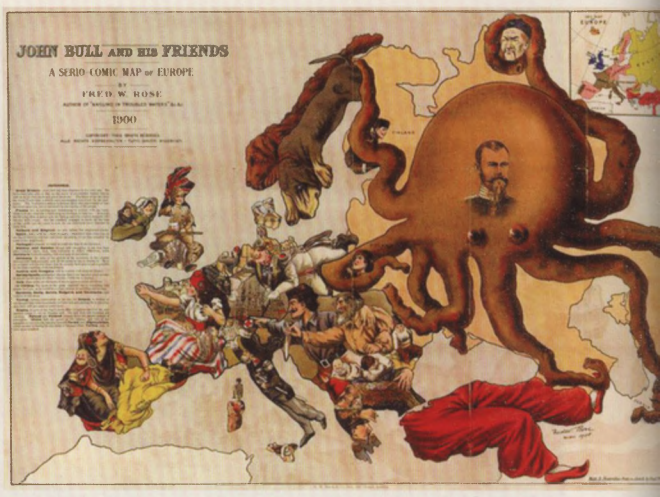
«Мы попали в заколдованный круг»

За дирижерским пультом Первой мировой войны стояли еврейские банкиры и капиталисты... А. В. Кривошеин, которого Николай II хотел сделать премьером вместо отправленного в отставку перед войной Коковцова, говоря о визите еврейских банкиров к министру финансов России Барку, донес содержание той не эзоповской беседы. Те сказали: «Дайте — и мы дадим». Далее он комментировал: «Нож приставлен к горлу, и ничего не поделаешь». Кривошеин продолжал: «Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия... Я считаю необходимым использовать случай и извлечь из нашей уступки наибольшие выгоды. Надо предъявить представителям евреев в ответ на их наме-

ки не менее откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости, и притом весьма существенное, а вы пожалуйте нам денежную поддержку на русском и иностранных рынках и окажите воздействие на зависимую от еврейского капитала печать (это равносильно почти всей) в смысле перемены ее революционного тона».

Министр иностранных дел Сазонов говорил: «Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями». Вторил Щербатов: «Мы попали в заколдованный круг. Сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках, и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну». Коковцов как премьер-министр так ничего и не сделал для вооружения русской армии перед мировой войной. Во многом из-за этого армия оказалась неподготовленной, что вменят потом в вину военному министру Сухомлинову.

Мировая война неизбежна, когда власть оказывается в руках банкиров и подлецов... Настал год, когда война вырвалась на простор. Была ли эта война неизбежной? Вероятно, нет. Была ли она справедливой? Безусловно, нет. Хотя, скажем, Наполеон утверждал: «неизбежные войны — всегда справедливые войны». Одно совершенно отчетливо очевидно: планировалась мировая война еще в конце XIX века. Подтверждением этому (пусть и косвенным) служит опубликованная в английском журнале «Truth» («Правда») в рождественском номере за 1890 г. карта. Под картой подпись — «Сон Кайзера». На самой карте три еще существовавшие на тот момент империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская — представлены несуществующими. Давняя и сокровенная мечта англосаксов. Германия оказалась раздроблена на отдельные республики, Австро-Венгрия представлена в виде ряда отдельных государств, что возникли после заключения Версальского договора. Место России было закрашено красной краской, и на этом месте красовалась зловещая надпись — «Русская пустыня». В углу карты три бывших венценосца — императоры России, Германии и Австро-Венгрии — покорно шествуют в «Работный дом», под арест, потеряв свои короны.

Россия и Николай II в общественном мнении англичан. Карикатура

Роковой выстрел

28 июня 1914 г. в Сараево сербские националисты убили наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену. Покушение на эрцгерцога организовали Илич, Мехмет-башич, Чубринович, Габринович, Принцип. Принадлежали они к террористической организации «Черная рука». Сначала была брошена бомба, но первая попытка не удалась. Только пули серба Принципа достигли цели. Кто именно стоял за убийцами, до сих пор покрыто мраком.

Это убийство и стало тем камнем, за которым последовала катастрофа.... В основе конфликта лежали более веские причины, нежели гибель наследника престола... Австро-Венгрия ощущала давление народов, входивших в состав ее империи. Начальник австрийского Генерального штаба и глава военной партии в Вене фон Хетцендорф недвусмысленно заметил, что

дело не в рыцарской дуэли с «бедной маленькой» Сербией, как та себя называла, и не в наказании за убийства. Вопрос стоит о престиже великой державы, и притом великой державы, которая постоянным терпением и уступчивостью (в этом была ее ошибка) создавала впечатление бессилия и «делала своих внутренних и внешних врагов все более агрессивными, вследствие чего они все стали настойчивее добиваться разрушения старой империи». Новая уступка после насильственного акта, совершенного Сербией, даст волю стремлениям, которые давно «подтачивали здание империи, — южнославянской, чешской, русофильской и румынской пропаганде и итальянскому ирредентизму...»

Истинные причины убийства Фердинанда до сих пор не выяснены. Возможно, ближе всех к их открытию подошел... Гитлер. Франца Фердинанда Гитлер форменным образом ненавидел и исходил желчью в «Майн кампф»: «Всеми возможными средствами... будущий правитель дуалистической монархии стремился к дегерманизации... Главной идеей этого нового Габсбурга, семья которого говорила только по-чешски, была постепенная подготовка к созданию в Центральной Европе славянского государства, которое для того, чтобы противостоять России православной, должно было стоять на фундаменте католицизма». Случайно ли это? Два выстрела в сердце двух империй– и этих империй в скором времени как ни бывало. И пули в Столыпина и Франца Фердинанда — из одного ствола.

Эрцгерцог Франц Фердинанд с женой

Эрцгерцог Франц Фердинанд

Начало войны

Началом войны стало предъявление Сербии австро-венгерского ультиматума, в котором содержались невыполнимые требования.Свидетелем событий тех дней стал австрийский философ Карл Поппер. В послесловии «Открытого общества» он пишет: «Я — один из немногих людей, доживших до настоящего времени, которые отчетливо помнят 28 июня 1914 года — день, когда австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево. Я все еще слышу крик мальчишки-газетчика: „Убий-

ца был сербом!“ („Der Tater ein Serbe!“). Я отчетливо помню и 28 июля 1914 года — в этот день, когда началась Первая мировая война, мне исполнилось двенадцать лет». Пресса разразилась истерикой.

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. 16 июля австрийцы подвергли бомбардировке Белград. Предлог был найден: «Der Karnikel hat selbst angefangen!» (Кролик сам начал!) Россия заступилась за Сербию. Атака на нее была воспринята как нападение на нас — на славян. Роковой шаг был сделан!

В день вручения австрийского ультиматума поверенный России в делах в Белграде В. Шрандтман докладывал министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Понятна поэтому тревога, охватившая не только сербское правительство, но и королевича-регента, который в полном сознании недостаточности сербской армии, считает, что с точки зрения австрийской было бы большой „глупостью“ не воспользоваться сложившимися обстоятельствами, чтобы предъявить по сараевскому делу неприем-

Президент Франции С. Карно

Сараево. Арест Г. Принципа

лемые требования и вызвать вооруженный конфликт».

Сербы были готовы на любые уступки ради недопущения войны. Но судя по всему, немцы и австрийцы только и ждали столь удобного предлога для объявления начала мировой войны. Об этом говорит то, с каким восторгом встретили его в Берлине. «Браво! Признаться, от венцев подобного уже не ожидали», — удовлетворенно воскликнул кайзер. (Забегая вперед, скажем : Сербия отважно сражалась на фронтах Первой мировой войны, нанеся огромные потери австрийской армии).

Однако без участия России эта война не могла бы состояться... Правы аналитики, говорящие, что русская сторона поспособствовала развязыванию бойни. В те дни президент Французской республики Раймон Пуанкаре и премьер-министр и министр иностранных дел Рене Вивиани нанесли официальный визит Николаю II, прибыв в Россию на борту французского линейного корабля. Встреча состоялась 7–10(20–23) июля 1914 г. в Петергофе. Ранним утром 7(20) июля французские гости перешли с линкора, ставшего на якорь в Кронштадте, на царскую яхту, доставившую их в Петергоф. После трех дней переговоров, банкетов, приемов, перемежавшихся посещением традиционных летних маневров гвардейских полков и частей Санкт-Петербургского военного округа, французы вернулись на линкор и отбыли в Скандинавию.

В германском рейхстаге

Министр иностранных дел Англии Э. Грей

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов

Что решили две ведущие державы Европы? Разведки Центральных держав сделали вывод: Россия и Франция окончательно сговорились выступить против них. Николай вроде бы не хотел войны и старался ее не допустить. Но он давно уж не определял политику. Высшие дипломатические и военные чины, не говоря уже о финансистах и спекулянтах-банкирах, были настроены в пользу военных действий и оказывали сильнейшее давление. Как только 24(11) июля 1914 г. из Белграда пришла телеграмма о том, что Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, Сазонов воскликнул: «Да это же европейская война». В тот же день за завтраком у французского посла, где присутствовал и посол английский, Сазонов призвал союзников предпринять решительные действия. А в три часа дня он потребовал созвать заседание Совета министров, где поставил вопрос о демонстративных военных приготовлениях. Так он отрабатывал полученные иностранные деньги!

На заседании принято решение о мобилизации против Австрии четырех округов: Одесского, Киевского, Московского, Казанского, а также Черноморского и Балтийского флотов. Последнее было угрозой

не столько Австро-Венгрии, имеющей выход лишь в Адриатику, сколько против Германии, морская граница России с которой как раз и шла по Балтике. Кроме того, Совет министров предложил ввести с 26(13) июля на всей территории страны «положение о подготовительном к войне периоде».

Немецкий МИД несколько раз требовал, чтобы министр Сазонов принял немецкого посла. Но тот умышленно оттягивал встречу с германским послом Пурталесом, чтобы вынудить Германию первой сделать враждебный шаг. Наконец, встреча состоялась. Посол спросил русского министра иностранных дел согласно ли российское правительство дать ответ на вчерашнюю германскую ноту в благоприятном тоне. «В этот момент только от Сазонова зависело, быть или не быть войне. Сазонов не мог не знать последствий своего ответа. Он знал, что до полного выполнения нашей военной программы оставалось еще три года, в то время, как Германия свою программу выполнила в январе; знал, что война ударит по внешней торговле, перекрыв пути нашего экспорта. Он не мог не знать, что против войны выступает большая часть русских производителей, что против войны выступает сам государь и императорская фамилия. Скажи он да, и на планете сохранился бы мир... Но тот трижды ответил „нет"... И только после третьего отказа Пурталес вынул из кармана ноту германского посольства, которая содержала объявление войны» (М. Таубе, юрист-международник).

М. А. Таубе писал: «Итак, С.Д. Сазонов вперед обрекал русские мирные переговоры на руководство тем, „истинно русским" дипломатом, который и по-русски объяснялся с трудом, а в самом его министерстве был известен под кличкой „Grey m`a dit" („Грей мне сказал". Грей — министр иностранных дел Англии), а также „второго британского министра иностранных дел"».

И такой человек («с клеймом Форин офис») занял важнейший государственный пост в России! Что за странная привычка: назначать в министры иностранных дел „иностранцев" — Нессельроде, Чарторыйский, Каподистрия и т. п.! Как правило, все они так или иначе предают Россию, торгуя ее интересами, втравливая в авантюры или беды. Или более нет у нас русского Горчакова?! Историк В. Лопатников писал о том поколении эпохи царских мидовцев: «О какой закрытости в разработке и осуществлении политической или военной стратегии можно было вести речь, если, к примеру, посол России в Австрии Петр Мейендорф был зятем Буоля — министра иностранных дел этой страны, а министр иностранных дел России Нессельроде в течение десятилетий был убежденным сторонником, едва ли не креатурой австрийского канцлера Меттерниха...»

Так что немалая доля ответственности за вовлечение России в страшную военную авантюру лежит и на совести российского МИДа.

Итак, посмотрим, как развивались события. 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 1 августа Германия объявила войну России, в тот же день немцы безо всякого объявления войны вторглись в Люксембург.

2 августа германские войска окончательно оккупировали Люксембург, и Бельгии был выдвинут ультиматум о пропуске германских армий к границе с Францией. На размышления давалось всего 12 часов. 3 августа Германия объявила войну Франции, обвинив ее в «организованных нападениях и воздушных бомбардировках Германии» и «в нарушении бельгийского нейтралитета».3 августа Бельгия ответила отказом на ультиматум Германии. Германия объявляет войну Бельгии. 4 августа германские войска вторглись в Бельгию. Король Бельгии Альберт обратился за помощью к странам-гарантам бельгийского нейтралитета. Лондон направил в Берлин ультиматум: прекратить вторжение в Бельгию, или Англия объявит войну Германии.

Сербский военный танец

По истечении срока ультиматума Великобритания объявила войну Германии и направила войска на помощь Франции. 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России. Маховик был запущен.

Первая мировая война началась.

Зачем Россия ввязалась в войну?

В русской армии уже и на начальном этапе Первой мировой войны выявились многочисленные огрехи. В высшем руководстве не было единства. Кроме того, в отличие от Отечественной войны 1812 г. против Наполеона, в 1914 г. Россия начала войну без серьезных причин и оснований, которые могли бы быть поняты народом. На нашу страну немец не нападал. Поэтому ни о какой народной, освободительной, отечественной войне не могло быть и речи. Все это не могло не отразиться на отношении солдат и даже офицеров с генералами к Первой мировой войне, которая, если не считать первых дней воинственного возбуждения, настроений шовинизма и ура-патриотизма (прежде всего в кругах буржуазии), была непопулярной. Война с Германией во всех отношениях была безумием. Министр внутренних дел России Н. А. Маклаков позже признавал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти».

Величайшее несчастье для страны иметь во главе руководство, которое элементарно не могло просчитать роковых последствий ссоры России с Германией. Хотя факты буквально кричали, требуя не войны с Германией, а союза с ней! О тесных связях с Германией мы уже говорили выше. Добавим, что Германия владела половиной русской торговли в 1914 г. (49,6 %). Россия в гораздо большей степени зависела в вопросах модернизации своей промышленности от немцев, нежели от англичан и французов. В Германии имелась и влиятельная прорусская

партия. Немало немцев понимали, что у России есть многое из того, чего нет у Германии. К тому же в России тогда проживали 170 тысяч германских подданных и 120 тысяч австро-венгров (против 10 тысяч французов и 8 тысяч англичан). Германия по вкладу немцев в экономику, строительство и обустройство России, по их влиянию в экономической и военной сферах и торговле значительно превосходила вклад двух других партнеров России — Франции и Англии. Было чистейшим безумием начинать войну со своим ключевым торговым партнером.

Уж не говорю о той общей судьбе, какой были пронизаны судьбы двух народов. Они с определенного этапа истории чаще бывали в одном стане... Если немцы и признавали англичан, то усматривали некое родство только с «германской Британией», чьи корни традиционной свободы немцы видели в старых традициях англосаксов. Современная Англия воспринималась немцами как страна ложных принципов. Франция же была давним историческим противником немцев.

Прусский король Фридрих-Вильгельм IV считал, что «союз с Россией — наше последнее убежище». По поводу смерти царя Николая I берлинская пресса писала: «Умер наш император». Бисмарк рассматривал Россию как естественную союзницу Германии. Переписка Николая II и Вильгельма II поражает теплотой и сердечностью. Правые в Германии читали и перечитывали «Новое время». Для Философа О. Шпенглера Россия — единственная страна с будущим. Французы и англичане чаще обращали оружие против нас. Но теперь их деньги решали все. В. Сорокин прав говоря: «Россия принимала участие в Первой мировой войне в качестве французской финансовой колонии, отрабатывая кредиты и обеспечивая русской кровью иностранные инвестиции, в качестве страны периферийного капитализ-

Парад русской гвардии

ма, в обеспечение рынков для англичан и французов, в уничтожение немецкой промышленной мощи». За этим последовал коллапс русской экономики.

Если в 1913 г. государственный долг России составлял почти 9 миллиардов рублей — это при полном (включая специальные) бюджете менее 3,5 миллиарда рублей, то в результате государственной глупости правителей — войны с Германией, вместо традиционной торговли, сотрудничества с ней — долг вырос до 50 млрд рублей.

Разумеется. вовлечение России в мировую войну диктовалось и серьезными внутриполитическими мотивами. Нашей правящей элите казалось, что битва за Царьград даст возможность царю загнать мужиков в окопы и там их удержать. Знать России сходилась во мнении относительно того, что только блестящая победа в войне спасет царизм и русский империализм от катастрофы. Цифры, факты, свидетельства всех участников событий указывают на то, что война рассматривалась правящими кругами как средство удержания масс от революции, предотвращавшее крах режима.

С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» прямо связывал неудачную войну против Японии и поражения царизма с последовавшей затем революцией 1905 года: «Конечно, всем этим весьма воспользовалась анархия для своих революционных целей; она сбила с толку многих темных людей, даже более темные массы. Это содействовало революции, которая готовилась уже многие годы и которая вырвалась наружу благодаря преступной и бессмысленной войне, показавшей всю ничтожность государственного управления. Кто виноват в этой войне? В сущности, никто, ибо единственно, кто виноват, это и самодержавный и неограниченный император Николай II. Он же не может быть признан виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен, как человек, если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени, невменяемый».

С. Ю. Витте

При этом каждый из властей предержащих норовил снять лично с себя ответственность за поддержку империалистической политики и за мировую бойню.

Жребий брошен!

В первые дни страну охватил мощный патриотический подъем. То, что Германия первой объявила войну России, способствовало тому, что в массовом сознании война стала восприниматься как справедливая, оборонительная и направленная на отражение германской агрессии. Патриотические настроения выражали фразы тех лет: «Ежели немец прет, то как же не защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего не отдадим». В городах, поселках, крупных селах проходили патриотические манифестации, шествия, молебны о даровании победы над вероломным врагом. Особенно мощные патриотические манифестации прошли в столице Российской империи — Санкт-Петербурге. 20 июля (по ст. стилю) на Дворцовой площади собрались тысячи людей из разных сословий и дружно опустились на колени перед императором и императрицей, вышедшими на балкон Зимнего дворца. Николай II объявил Манифест о вступлении России в войну. И первым из мобилизуемых воинов принял присягу — по форме присяги императора Александра I в 1812 г. — на Евангелии.

В Манифесте сказано: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда. Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности МЫ повелели привести армию и флот на военное положение... Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную страну, а оградить честь, достоинство, целость России, положение ее среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно, самоотверженно встанут все верные подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом и да отразит Россия... дерзкий натиск врага».

Мобилизация прошла по всем странам Антанты... 17 июля (по ст. стилю)1914 г. в 18 ч в военные округа ушли телеграммы следующего содержания: «Высочайше повелено привести на военное положение армию и флот и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно расписанию 1910 года. Первым днем мобилизации считать 18 сего июля». Стены домов в Петербурге и других городах империи запестрели объявлениями о мобилизации. Из приграничных районов, куда ожидалось вторжение противника, пишет

Мобилизация в Германии

В.В. Майоров, из крепостей началась поспешная эвакуация государственного имущества, правительственных учреждений, служащих, их семей. На сборные пунктах стали прибывать запасники, которые сводились в команды для пополнения кадровых и формирования запасных частей. Запасники прибыли на сборные пункты в числе, превысившем на 15% определенную мобилизационным расписанием норму. В течение первых двух суток приведенные в боевую готовность кавалерийские соединения и части выдвинуты на западную границу для прикрытия мобилизационного развертывания, а 19 июля Германия объявила войну России. Вечером того же дня передовые германские соединения (5-й и 6-й германские корпуса) вторглись на нашу территорию в районе Калиша и Ченстохова. Так и началась война.

Призыв не везде проходил гладко. Уже на третий день после объявления общей мобилизации из военных округов стали приходить донесения о беспорядках, возникавших среди запасников в Перми, Кургане, Донской области, Борисове, Орле, Кокчетаве. Запасники собирались толпами, громили винные склады, магазины. Случаи нападения на полицию, не обошлось без жертв. Излишки людских мобилизационных ресурсов, особенно в

Австрийские резервисты

Мобилизация во Франции

Бельгийские военные велосипедисты

Казанском и Омском военных округах, сильно затрудняли работу сборных пунктов. «Об этой первой неделе мобилизации у меня и моих сотрудников осталось впечатление какого-то сплошного кошмара», — писал в своих воспоминаниях генерал А. И. Деникин, исполнявший в это время обязанности дежурного генерала штаба Киевского военного округа. Но в целом мобилизация проходила организованно и в установленные сроки. На восьмой день закончили отмобилизование кадровые пехотные дивизии. Сразу же начались оперативные перевозки войск и их стратегическое сосредоточение. Полностью же вооруженные силы России закончили мобилизацию на 45-й день.

Под ружье было поставлено 3 388 тыс. военнослужащих и более 570 тыс. ратников ополчения. В отмобилизованной русской армии насчитывалось: 1830 батальонов, 1243 эскадрона (сотни) и 908 артиллерийских батарей при 6720 орудиях.

В скором времени титаническая мобилизационная работа успешно завершена. Совет министров России установил наградную медаль за труды по выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. На монетном дворе отчеканят 50 тыс. медалей.

Правительство пребывало в тенетах иллюзий, ощущая воодушевление от того, что на мобилизационные пункты явились 96 % подлежащих призыву людей. И никто не задавался вопросом, каков был этот военный «материал»? «В 1911 г. полковник Генерального штаба князь Багратион писал, что из трех парней трудно выбрать одного пригодного для службы, а сорок процентов новобранцев, как оказалось, впервые в жизни ели мясо, поступив на военную службу...» Каким умом нужно обладать, чтобы с такой армией лезть в мировую бойню? Для сравнения, из призываемых в Германии — только 3% были не годны к строевой, во Франции — 1%, в России — 48%! Все это следствие постоянного недоедания крестьян, главного контингента нашей армии.

Жребий был брошен.

Позднее М. В. Родзянко, председатель Государственной думы, вспоминал: «В день Манифеста о войне с Германией огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь Русской земли будет занята неприятелем. Громовое „ура“ наполнило дворец и покатилось ответным эхом в толпе на площади. После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним императрица.

Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающие к ней улицы, и когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громове „ура“ огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями „Да здравствует Россия и славянство!“ склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени. Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды затихли, но шум толпы, не смолкавшее „ура“ не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покои.

Выйдя из дворца на площадь, мы смешались с толпой. Шли рабочие. Я остановил их и спросил, каким образом они очутились здесь, когда незадолго перед тем бастовали и чуть ли не с оружием в руках предъявляли экономические и политические требования. Рабочие ответили: „то было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут слишком медленно, но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами“».

Э. Липгарт. Император Николай II

Генерал Н. Н. Головин

А. Ф. Керенский вспоминал: «В 1914 г. народ воспринял конфликт с Германией как свою собственную войну... Войну, которая означала, что судьба России поставлена на карту... Эта вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 г.) предоставила царю уникальную возможность протянуть руку дружбы народу, обеспечив тем самым победу».

Многие были в эйфории... Генерал-лейтенант Н. Н. Головин, будучи уже в эмиграции, издал ряд книг, где пытался воссоздать подлинную картину тех дней. Давая характеристику патриотическому подъему, что наблюдался в осенние месяцы 1914 г. в России, он писал: «...Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может не быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 г. и в 1914 г. Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас. Миролюбивый тон русского правительства по от-

Вильгельм II

ношению к немцам был широко известен, и поэтому нигде не могло зародиться сомнений, подобных тем, какие имели место в Русско-японской войне.

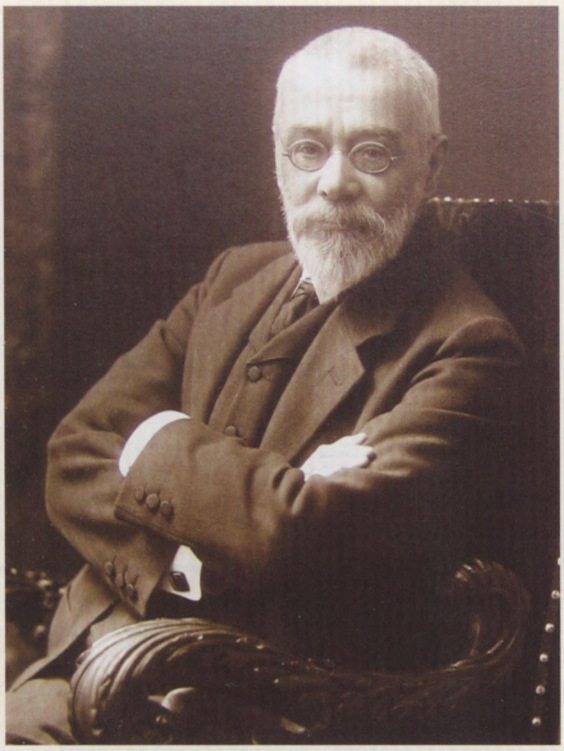
Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того „панславинизма“, о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства.

Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове „братушка“, которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа».

Такие чувства в народе, конечно, были, но они уже не были столь горячи как прежде. Тут было больше возбуждения, патриотического пыла, экзальтации, позы. К примеру, поэт В. В. Маяковский призывал, взобравшись на памятник Скобелеву,

Франц-Иосиф

М. О. Меньшиков

поскорее «стереть вражью кровь на русских саблях шелковым бельем берлинских кокоток».

Любопытно взглянуть: а как же восприняла начало мировой войны наша высоколобая интеллигенция? Тут сколько голов — столько умов. И вряд ли возможно вывести какой-то общий знаменатель. Представляют интерес атмосфера и настрой в рядах профессуры, литераторов, чиновников. Они же создают общественное мнение. О характере и духе тогдашней элиты говорит статья М. Меньшикова «Секрет немецких успехов» (6 марта 1914 г.). В ней дана метафизика русской либеральной мысли, гниловатой, совершенно не способной к борьбе. Публика труслива, безнравственна, космополитична и антипатриотична. Автор абсолютно верно объяснил многие поражения царской России «шатаньем плохо воспитанной души».

М. О. Меньшиков, идеолог русского этнического национализма,, занимал охранительно-патриотическую позицию, направленную на защиту интересов русских, Российского государства. Тем не менее он предчувствовал грядущую национальную катастрофу, ибо видел, что либеральное правительство не может подготовить страну к серьезной битве.

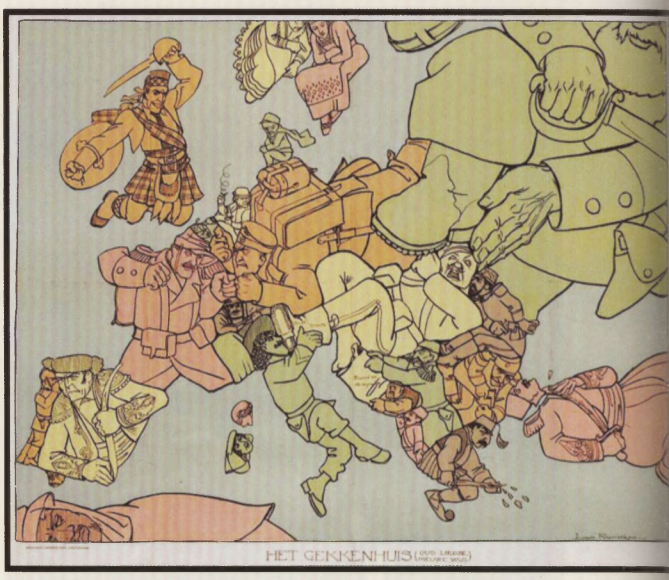
Ранее было иначе... «Русские характеры воспитывались в старой религиозной и патриотической семье, и если не от учителей, то от родителей дети слышали внушения долга, верности, чести, любви к отечеству и презрения ко всему дурному... Вот почему Суворовы, Кутузовы, Румянцевы не знали, что такое поражение. Вот почему екатерининские дипломаты находили в их душе гордое чувство уважения к своему народу и потребность постоять за его интересы. Чтобы понять, почему мы двадцать лет назад сдались немцам в Берлине (речь идет о заключении не выгодного для России торгового соглашения с Германией. — *В.М.*), а десять лет назад сдались японцам в Портсмуте, достаточно вспомнить, что под конец прошлого века и к началу нынешнего к верхам чиновной власти подобралось поколение, воспитанное в 1850-е и 1860-е годы. То была эпоха писаревщины и базаровщины, когда Евангелием русской жизни служило „Что делать?“ Чернышевского“». Ныне же Евангелием стало «Что купить?» и «Как продать?» Меньшиков далее говорит, что «за десять лет до японских пушек мы были разгромлены немецкими перьями, писавшими торговый договор».

Чтобы обезопасить тыл

Правительство приняло ряд мер, которые, как оно полагало, помогут обеспечить в обществе стабильность и порядок.

Наряду с введением «сухого закона» власти закрыли «Правду», другие большевистские издания, подвергли аресту думских депутатов — большевиков. Не обошлось и без погромов... «На войну людей

уже гонят, как скот на бойню... насильно сажают в теплушки, отправляя куда попало: причем зачастую семьи — в одно место, часть — в другое. В столицах взяты на подозрение все, носящие некоренные русские фамилии. Отмечают, многие служащие, даже видные, вынуждены были переменить свои фамилии; другие это делают из трусости и угодливости. так, вместо Саблера появился Десятовский, вместо Эбель — Эбелов, вместо Шульца — Шульцинский... Нужно сказать, что пример этому маскараду исходил свыше». Град Петербург был переименован в Петроград. так вот верхи боролись с «немецким засильем». С началом войны толпа громит германское посольство в Петербурге. Град избавят от немецких корней, а заодно и от немцев. Немцы России в спешном порядке вместе с евреями стали менять свои фамилии на русские.

Война началась. Английская карикатура

Социал-демократии в России предстояло действовать в новых и крайне тяжелых условиях, тем более что большевики встали на позиции пораженчества. Хотя даже Троцкий выступал против поражения России в статье в «Новом Слове» (1915) «Военная катастрофа и политические перспективы». При этом он аргументированно доказывал политическим оппонентам: «В таких условиях реформы, проведенные сверху, в результате разгрома, могут дать серьезный толчок развитию прогрессивных общественных классов. Но война является слишком противоречивым, слишком обоюдоострым фактором исторического развития, чтобы революционная партия, чувствующая твердую классовую почву под ногами и уверенная в своем будущем, могла видеть в пути поражений путь своих политических успехов. Поражения дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь, и прежде всего ее рабочий класс... Наконец, выросшая из поражений, революция получает в наследство вконец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения». Однако тут же он отмечает, что после ряда поражений царская армия будет разбита, а война Россией «проиграна».

Как бы то ни было, выбор был сделан в пользу войны, и миллионы солдат под марш «Прощание славянки» грузились в товарные вагоны с грифом — «40 человек или 8 лошадей». Бодро звучала быстро ставшая популярной песня (та станет в народе особенно популярной в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., в битве с Гитлером):

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С тевтонской силой темною,
С германскою ордой!

Глава 5

Подготовка и оснащение русской армии перед войной

Отставание военной науки

На что надеялись правящие круги России, ввязываясь в масштабную мировую бойню? Они уповали на палочку-выручалочку— русского солдата. Спору нет, русский солдат известен был всему миру как мужественный и умелый воин. Будучи обучен и воспитан в традициях великих полководцев Суворова и Кутузова, привык побеждать. Суворовская «наука побеждать», носившая, скорее, все же афористичный характер, высшими кругами армии и значительной частью офицерства усвоена так и не была. Суворов говорил: «От немогузнайки много, много беды!» «Ученье — свет, а неученье — тьма!» Заповеди великого полководца к началу XX века уже прочно позабыли.

На пренебрежительное отношение России к военной мысли указывалл и генерал М. Драгомиров (1830–1905), известный военный теоретик и практик. В «Стратегии духа» он отмечал особую важность подготовки высших звеньев, которые могли бы умело и талантливо управлять армией. Обращал внимание и на важность обеспечения и снабжения армии, без чего не может быть и высокого боевого духа у офицеров и солдат.

И. Е. Репин. Генерал М. И. Драгомиров

М. Драгомиров: «Большую половину боевых неудач должно отнести на счет недоразумений, порожденных несоответственно отданными приказаниями. Отличительные черты хорошо отданного приказания следующие: 1) оно должно быть кратко, точно, указывать ясно цель, не вдаваясь в мелочи исполнения; 2) должно быть отдано внушительно и в порядке постепенности». Он заметил: «Итак, господа, имейте прежде всего в виду здравый смысл... берегите и уважайте солдата, но не балуйте его и постоянно держите в руках, будьте внимательны к малейшим его потребностям, даже предрассудкам, но рукою закона карайте беспощадно за отступления от военных обязанностей; решайтесь быстро, без колебаний, действуйте так, чтобы для вас не было середины между гибелью и победой; не допускайте мысли о возможности поражения в самых отчаянных положениях — и смело можете быть уверены в том, что выйдете с честью из встречи с любой армией».

Николай II принимает рапорт военных

Повторяем: мысли и заветы Суворова и Скобелева — бей врага не числом, а уменьем! — к началу мировой войны были почти забыты в России. А кроме того, и это главное, изменился и сам характер войны. С тех пор, как Суворов произнес фразы: «Пуля — дура, штык — молодец! У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает... Богатыри! неприятель от вас дрожит!» — много воды утекло в военном деле и в развитии военной техники. В битвах новейшего типа дело до штыка может не дойти и вовсе. Убьет снаряд.

Высшему военному начальству давно уж надо было понять, что мир перешел в совершенно новую эпоху. В войнах XX в. многое уже зависело от технической и материальной оснащенности войск. Военные сражения стали вестись с применением невиданной, убийственно-смертоносной техники — пулеметы, скорострельные и тяжелые орудия, танки, самолеты, отравляющие газы. В условиях дистанционной битвы старые доблести солдата (мужество, отвага и терпение), хотя и сохраняли значение, зачастую отступали на второй план перед техникой.

Иные жили представлениями о былой мощи русской армии, воевавшей храбро, но достигавшей побед за счет крови солдат. С. Витте писал: «Кто создал Российскую империю, обратив Московское полуазиатское царство в самую влиятельную, наиболее доминирующую великую европейскую державу? Только сила штыка армии. Не перед нашей же культурой, не перед нашей бюрократической церковью, не перед нашим богатством, благосостоянием преклонялся свет. Он преклонялся перед нашей силой». Слова эти, в чем-то верные, позволяют более критично взглянуть на состояние нашего «полуазиатского царства» (и армии). В новую эпоху одной силой штыка или кавалерийским наскоком успеха и победы не добыть. Нужно современное вооружение.

«Мы готовы до последней пуговицы»

В предвоенные годы каждая из сторон вела интенсивную пропаганду, целью которой было: с одной стороны, представить свою страну сильной и могучей, с другой стороны — обвинить своих противников в наращивании сил и в агрессивности намерений. Примером такого рода стала и статья военного министра России В. А. Сухомлинова в «Биржевых новостях» (28 февраля 1914 г.). Статья «Россия хочет мира, но готова к войне» получила одобрение царя. Министр уверял в ней, что «России не страшны никакие окрики». Он убеждал в силе русской армии и оружия: «...На случай войны... идея обороны отложена и русская армия будет активной... упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением... «Офицерский состав армии значительно возрос и стал однородным по образовательному цензу... Русская полевая артиллерия снабжена прекрасными орудиями, не только не уступающими образцовым французским и немецким орудиям, но во многих отношениях их превосходящими... Осадная артиллерия

сорганизована иначе, чем прежде, и имеется при каждой крупной боевой единице... В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов.....И кто же не знает, что военная автомобильная часть поставлена в России весьма высоко. Военный телеграф стал достоянием всех родов оружия. У самой маленькой части есть телефонная связь... Русская армия, мы имеем право на это надеяться, явится, если бы обстоятельства к тому привели, не только громадной, но хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала наша техника вооружений».

Оптимистическим надеждам военного министра Сухомлинова не суждено было сбыться... Мировую войну русская армия встретила совершенно неподготовленной. Хотя вряд ли можно говорить, что он ничего не делал. Определенные шаги в нужном направлении были сделаны: он сократил трехнедельный срок мобилизации, увеличил число офицеров, повысил уровень оснащения армии техникой и вооружениями, поднял планку оплаты, избавился от слабых офицеров (уволил 341 генерала и 400 полковников). Однако полностью «маньчжурский синдром» преодолеть не удалось. В армии не хватало знающих офицеров (3000 человек). Пройдет немного времени, и депутат Думы Половцов бросит в адрес Сухомлинова упрек, что он «обманул всех лживыми увериями в готовности к страшной войне», «сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал их в грязи лихоимства и предательства».

...И здесь уместно вспомнить, как смертельно раненный П. А. Столыпин умолял царя Николая II к нему приехать. Он очень хотел с ним поговорить о деле государственной важности. Но царь так и не нашел времени для встречи... Было это за три года до начала войны... Столыпин умер на четвертый день после покушения, но просил передать царю: «Наша оборона в руках человека ненадежного. Необходимо немедленно уволить Сухомлинова с должности военного министра». Армия была не подготовлена в том числе и потому, что из бюджета военного ведомства министр Сухомлинов разворовал значительные суммы. Причин, конечно, больше, но эта — главная... О предательстве и воровстве военного министра премьер Столыпин знал еще в 1911 г. Позже в архивах нашли документы о связях Сухомлинова с немецкими и австро-венгерскими агентами.

«Почему русская армия была не готова и не оснащена?» — вот в чем вопрос. Позже с горькой иронией все повторяли фразу министра: «Мы готовы до последней пуговицы». Сомнения в готовности России были и у германских военных. Авторитетное прусское лицо, откликаясь на статью, заявило: «Что русская армия находится в хорошем состоянии, никто в Германии не оспаривал... Тем не менее позволительно сомневаться, все ли указания относительно боевой готовности России соответствуют действительности». Признаемся, подобного рода сомнения, как показали дальнейшие события, имели под собой основания. Однако в высших эшелонах власти и среди представителей высшего военного командования царили преимущественно шапкозакидательские настроения. Хвастливо говорили: «Мы покажем этим гуннам!»

Солдаты царской армии отправляются на фронт

Военный министр России В. А. Сухомлинов

В 1916 г. военный министр Сухомлинов оказался под следствием. Его обвинят в казнокрадстве и шпионаже в пользу немецких спецслужб. Сам В. А. Сухомлинов в «Воспоминаниях» (Берлин, 1924) все неудачи в военной подготовке российской армии и флота возложил в значительной степени на некомпетентность членов царского дома, великих князей, занимавших высокие посты: «Общее образование большинства из них, несмотря на хорошее знание иностранных языков, находилось ниже уровня средней школы». Неспособность царя добиться выделения нужных средств и оказать реальную административную помощь министерству он называет одной из главных проблем, которую не смог преодолеть.

С 1802 г. это был первый в России случай ареста лица, занявшего пост министра.

Хотя начальник канцелярии Министерства императорского двора А. Мосолов предупредил правительство о возможных последствиях: «Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходившего в суде раздастся преувеличенно в кулуарах Думы, откуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет в искаженном виде в народ и армию — пятная все, что ненавистно народу, — полагаю при этом, что правительство, несмотря на все принятые им меры, не будет иметь полной уверенности оградить верховную власть от брызг той грязи, которую взбаламутит этот суд. Наконец, вопрос — допустимо ли признать гласно измену военного министра Российской империи».

Ясное дело: гласно признать воровство, разврат, измену военного министра было опасно и для самой власти. Министра спасут царь, затем и премьер России, Керенский. Жандарму Мясоедову не повезло. Он часто ездил за границу на лечение, поддерживал отношения с германскими властями, был известен императору Вильгельму II. Кайзер лично принял Мясоедова в имении Роминген. Предпринятое в 1906 г. расследование так и не ответило на

Военный министр Д. А. Милютин

Русские пулеметчики

вопросы, но Мясоедова все ж повесили. Когда началась война с Германией, истерическая шпиономания в России вызвала радость по ту сторону фронта, ибо она подрывала моральный дух противника.

Немцы опровергали эти слухи. Кстати, в русской армии было немало немцев... Российская армия и государственная служба, как известно, в значительной мере состояли из немцев. Иные, подобно генералу Э. И. Тотлебену, герою обороны Севастополя, служили России верой и правдой. У немцев были прекрасная профессиональная подготовка и, так сказать, прирожденная «военная косточка». Д. А. Милютин, военный министр, канцлер времен Александра II, эпохи Вильгельма I и канцлера Бисмарка, с восхищением отзывался об их подготовке. Немцы позволили Д. А. Милютину посетить их военные учебные заведения. «В этом отношении, признаюсь, нам следовало бы несколько позаимствовать у немцев именно в преподавании военных наук и других прикладных знаний, хотя вообще прусскому типу в педагогическом деле я не мог сочувствовать». На него произвело огромное впечатление и то, какое внимание уделялось немцами изучению географии и статистических данных по России. Немецкие военные работали «над исправлением карты наших железных дорог», а также российских железнодорожных станций. С неприкрытым восхищением он писал, что «тут не пренебрегают никакими мелочами, не пропускают без внимания никаких данных». Правда, Пруссия тогда еще не обладала той военной мощью, которую она будет иметь 40–45 лет спустя.

Лишь в 1912 г. в «Военно-статистическом ежегоднике армии на 1912 г.» появилась графа «национальность». По сведениям ежегодника, из 1299 генералов немцами (правильнее говорить — германцами, ибо в русском языке под словом «немец» подразумевался не конкретно гражданин Германии, а иностранцы

вообще, одним словом, чужестранцы) были 61 человек (6,55 %), из 8 340 штаб-офицеров — 212 (3,26 %), из 38 976 обер-офицеров — 878 (2,61 %). Сюда отнесены немцы, имевшие неправославное вероисповедание (в основном, лютеране, евангелисты и реформаты). Фактически немцев было больше, так как немцев, имевших православное вероисповедание, по нормам того времени причисляли к русским (точно так же, как и лиц других национальностей, исповедовавших православие). В списках российского офицерского корпуса среди русских офицеров можно было увидеть немало известных немецких фамилий. Естественно, большая часть немцев были обрусевшими и не мыслили их жизни без России. И это было именно так...

Один из лидеров русских правых, убежденный монархист, министр внутренних дел П. Дурново в записке Николаю II о необходимости ориентации на Германию, а не Антанту докладывал, что немцы быстро русеют. «Посмотрите на французов и англичан: многие, почти всю жизнь прожившие в России, так и не могут освоить русский язык. А немец, чуть поживший у нас, уже худо-бедно, коверкая слова, но бегло говорит по-русски». Между германцами и русскими, как ни парадоксально, много общего. Это не удивительно, если со времен Петра российские императоры женились, в основном, на германских принцессах и, таким образом, являлись немцами по крови, а в самой России имелись многочисленные колонии немцев-поселенцев.

Конечно, среди немцев были и те, кто говорил всегда и везде: «Германия, Герма-

П. Гинденбург, Вильгельм II и Х. И. Мольтке-младший

ния превыше всего!» Те служили родному фатерлянду... Вильгельм I выхлопотал согласие Александра II на прикомандирование к русской армии 2–3 германских офицеров. Одним из них был граф Пфель. Он командовал батальоном, носил форму Преображенского полка и был полковником. Н. А. Вельяминов пишет, что этот самый Пфель в 1890-м или в 1891 г. уехал в отпуск в Германию и больше в Россию не вернулся. Вскоре в Берлине появилась его книга о русской армии «с не особенно лестными отзывами о ней». Этот немец «в форме русского полковника гвардии, несомненно, почти открыто занимался шпионством... Вот пример, какими способами пользовались немцы, чтобы готовиться к войне с Россией, которая и вспыхнула через 22 года».

За эту услугу «фатерланду» немец получил высокую должность в германском Главном штабе Однако Россия. по-прежнему благодушествовала.

А немцы были хорошо осведомлены о состоянии русской армии и общества... В секретной записке германского Большого Генерального штаба отмечалось, что «у русских после войны в Маньчжурии в военном деле наметился подъем». В связи с быстрым хозяйственным ростом России появилась возможность предоставить управлению армии средства, значительно превосходящие расходы всех других держав на оборону страны. Удалось устранить ряд пробелов материального оснащения, осуществить вооружение, снабжение армии современными военно-техническими вспомогательными средствами и довести ее таким путем до уровня больших западноевропейских армий. Потрачены немалые средства на устранение отсталости, существовавшей в иных областях; в первую очередь — на увеличение количества тяжелой артиллерии в действующей армии и на вооружение крепостной и осадной артиллерий. Увеличены были оклады жалованья, пенсии, были произошло омоложение и увеличение офицерского корпуса. В армии создан почти не существовавший ранее унтер-офицерский корпус. Проведена и коренная реорганизация армии.

Русская пехота

Она коснулась всех, повлекла значительные изменения в составе высших войсковых соединений, затронула подготовку русских к мобилизации, экономику, как и подготовку офицерского состава. Коренному изменению подверглись все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий. После поражений в Русско-японской войне (отчасти под давлением общественного мнения) отношение к службе стало внимательнее.

Однако подъем военного дела в России ограничивается недостатками русского народа, которые невозможно устранить ни при помощи денег, ни путем организационной работы. Эти недостатки: нежелание заниматься методической работой, боязнь ответственности, отсутствие инициативы и слабое чувство долга. Русский народ тем не менее обладает хорошими и даже завидными военными качествами. Людской материал в целом надо признать хорошим. Русский силен, непритязателен, храбр, но неповоротлив, несамостоятелен и умственно не гибок. Он легко теряет (свои хорошие) качества при начальнике, который лично ему не знаком, и в соединениях, к которым не привык. Поэтому хорошие качества русской пехоты в сомкнутых соединениях могли проявиться при прежнем методе боя лучше, чем теперь. Тем не ме-

нее русский солдат даже после неудач может быстро оправиться и быть способен к упорной обороне. Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных непорядков. Преимуществами русских офицеров являются присущие им хладнокровие и крепкие нервы. Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях. Наименее надежны — военные чиновники. Так, продажность и небрежность интендантства окажутся также и в будущем худшим врагом русской армии. К числу недостатков следует отнести и медлительность передвижения русских войск. От русских командиров нельзя ожидать умелого использования оперативного положения, как и точного выполнения войсками маневра. Русскому командованию в бою свойственны постоянная медлительность, ожидание приказов, стремление действовать по одной схеме. При столкновении с русскими германское командование сможет осмелиться на маневры, которых оно не позволило бы себе против другого равного противника».

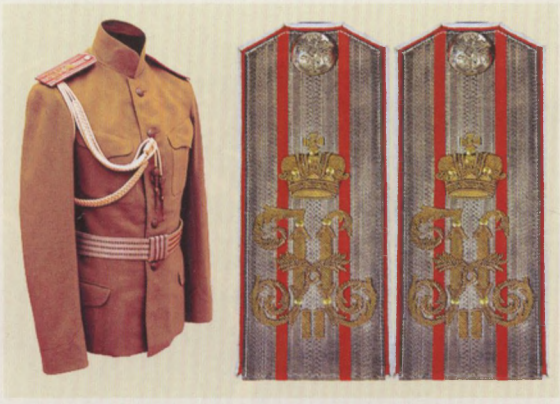
Хотя в том же документе особо отмечено, что, опираясь на опыт последней войны, русские достигли все же неоспоримого прогресса в военном деле. В целом этот документ следует признать объективным. Хотя некоторая недооценка тут присутствует.

Офицерский корпус

Хотя царская армия и претерпела заметную эволюцию с начала XIX века, как отмечал военный специалист Н. Морозов, «по многим сторонам своей жизни была армией Великой Екатерины», где наряду с победоносной практикой талантливых генералов проявлялись и «громадная самостоятельность начальников и почти полное отсутствие контроля». Недостаток контроля порождал «колоссальные злоупотребления и распущенность» в армейском аппарате и всей системе. В деле укрепления воинской дисциплины уповать только на безупречный подбор командных кадров было недальновидно, особенно учитывая все возраставшее расширение численного состава офицеров (численность офицеров с 1801-го по 1856 г. выросла в 2,8 раза). Офицерский корпус российской армии в годы Первой мировой войны якобы находился в состоянии духовного подъема, что вряд ли было так, учитывая проигранную Русско-японскую войну.

П. Симанский в статье «Мобилизация русской армии в 1914 г. и ее недостатки» писал: «В результате 38 пехотный Тобольский полк выделил в мои кадры наихудших офицеров, не считаясь с существующими на этот счет определенными инструкциями, и передал в Луковский полк офицеров, в большинстве больных или со слабым здоровьем, малоопытных и малознающих. Я сразу обратил на это внимание — не только потому, что мне открыли глаза главные руководители мобилизации, но и вследствие того, что многие из офицеров Тобольского полка находились в это время на излечении в отдаленных санаториях. Даже на серьезную и ответственную должность адъютанта штаба дивизии Тобольским полком был назначен штабс-капитан Визгалин, человек с параличом ноги, нерешительный, не понимающий своих обязанностей и даже, как потом выяснилось, не обладающий сознанием своих непосредственных служебных обязанностей. В первый же переход им был растерян весь свой обоз, и этот случай он объяснял необходимостью наблюдения только за денежным ящиком».

Правда, частично опыт Русско-японской войны все-таки учли. Офицеры старались изучить нововведения в военном искусстве. Армия переучивалась, стремясь

Форма полковника русской армии

к восстановлению военной мощи. Изменился и социальный состав армии.

Е. Месснер, три года провоевавший в Первую мировую и три года в Гражданскую войну, писал о молодых офицерах перед той войной: «В национальном, в военно-национальном порыве молодежь устремилась в военные училища, чтобы, ставши офицерами, творить основу будущей славы России. Эта молодежь отказывалась от возможности стать инженерами, юристами и избирала военную карьеру, обрекая себя на полунищенство... Уже в последние десятилетия XIX в. обнаружившийся наплыв в корпус офицеров так называемых разночинцев усилился, и перед войной в нем были лишь 40 % потомственных дворян. В область преданий отошел тот стиль офицерской жизни, когда дворянско-помещичье сословие содержало своих детей-офицеров. Теперь 90 % офицерского состава — и дворяне, и разночинцы — довольствовались скудным офицерским жалованьем и вели тяжелую жизнь, отдавая все свои силы, все свое время царской службе. Гордилось этой службой, любя Царя и Россию».

В. Мессер уверял, что офицерство душой и телом предано царю и даже гордилось тем, что, презрев оскорбления со стороны общественности, прессы и ряда ораторов в Государственной думе, помогло государю подавить революцию 1905–1906 гг. Офицер тверд и в строевых действиях по охране или по восстановлению порядка, законности в военных судах, каравших революционные проявления и действия террористов. Офицеры не были «аракчеевыми», но были «фрунтовыми солдатами», преданными без лести государю.

Жизнь вскоре покажет, что такие оценки были чересчур оптимистичны! Сказанное если и верно, то для меньшей части офицерства, да и то на первых этапах войны. А надо заглянуть за парадный фасад российского офицерства, которое было неоднородно. Американский исследователь Р. Пайпс уверяет нас, что выпускники юнкерских училищ в октябре 1917 г. «явили себя самыми верными защитниками демократии». Но ведь юнкера— это еще не вся армия. Следовало сказать, что во время революции не юнкера, которые вскоре и разошлись по домам, а масса солдат, матросов, рабочих и немалая часть бедного полупролетарского офицерства как раз и явились главным противником, ликвидатором строя буржуазной «демократии» России.

О том, что представляли собой юнкера, будущие офицеры России буржуазной эры, свидетельствуют крайне интересные воспоминания В. В. Савинкова (брата известного революционера и террориста Б. Савинкова). «Около 20 мая 1916 года я был принят в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. Набор — около 300 человек — состоял главным образом из студентов последних курсов специальных учебных заведений и из лиц с законченным высшим техническим образованием. Средний возраст юнкеров колебался между 23–25 годами за исключением нескольких десятков человек в возрасте 26–28 лет и единиц (в том числе и меня) — от 30 лет и старше. Несмотря на небольшую разницу в годах, между сокурсниками и мною

ощущалась значительная «содержательная» несхожесть: мы принадлежали к совершенно различным поколениям. Я, поступивший в университет в 1905 году, являлся представителем «революционной» молодежи, мои однокашники — молодежи, воспитанной во время реакции и создававшей различные «общества огарков», «лиги свободной любви» и т. п. Вместе с тем нужно сказать, что у моих новых коллег имелись и общие недостатки с моими соучениками по университету: слабость воли, отсутствие почина и действенности, неустойчивость, неопределенность характера.

Коли у первых отсутствовало специфическое свойство молодежи годов первой революции, т. е. если они не брались спасать мир или хотя бы только Россию, не умея, в сущности, утереть собственный нос, то обладали не меньшим, хотя и противоположным изъяном — были совершенно безразличны к общественным и политическим вопросам, интересовались только тем, что непосредственно их касалось, главным образом материальным благополучием, и по умственному развитию стояли, в общем, значительно ниже предшествовавшего поколения. Они не думали ни о чем, кроме своего личного успеха, и понимали его в конце концов очень грубо: материальные блага и чувственные наслаждения казались большинству из них, если не всем, то тем единственным, чего стоит добиваться. Они были лишены всяких иллюзий, предрассудков, вроде религии, или каких бы то ни было идеалов. Мои новые коллеги и на образование смотрели исключительно как на средство возможно лучше устроить свои дела в будущем. О многом они не заботились; их кругозор не выходил за пределы проходимого курса наук. Для громадного большинства этой молодежи характерна скудость умственной жизни, не говоря уже о жизни духовной».

Русские офицеры времен Первой мировой войны

Лишь половина офицеров действительной службы принадлежали в конце XIX в. к потомственному дворянству. В армии все больше оказывалось зеленых юнцов, выходцев из юнкерских училищ, людей низших социальных слоев, не сумевших по той или иной причине закончить среднюю школу (как правило, из-за бедности). Да, они были готовы поначалу нести тяготы офицерской службы, что называется, «тянуть лямку». Но взгляните, как к ним относилось государство, которое они были призваны защищать. П. И. Ванновский, бывший военным министром при Александре III и министром просвещения при Николае II, писал: «Непрерывный и в высшей степени тяжелый труд офицеров не вознаграждается сколько-нибудь удовлетворительно не только по сравнению со всеми другими профессиями, но даже по отношению к самым ограниченным повседневным потребностям офицерского быта. Тяжесть экономического положения офицеров особенно резко стала сказываться в последние годы вследствие непомерно возросшей дороговизны».

Командирам батальонов и ротным жалованье увеличили, но общее экономическое положение офицерских чинов осталось удручающе низким. При годовом бюджете 600–650 руб. офицер зачастую не мог позволить себе даже такую «роскошь», как завтрак, и вынужден был ограничиваться чаем с булкой. Поэтому те и другие

в ходе кровавой мясорубки войны увидели, что все они— солдаты, крестьяне и офицеры — одной крови!

Тут неплохо бы вспомнить рассказ А. Куприна «Поход». Куприн сам служил в царской армии и хорошо знал, что та собой представляет. Вот какой разговор происходит между офицерами обычного пехотного полка, коих сотни:

«...Отлично, — бросил ему рассеянно Скибин. — А я вам скажу, поручик, — повернулся он торопливо к Тумковскому, — что эти маневры — один только разврат и антимония. Может быть, для генерального штаба оно и нужно, а солдаты только распускаются и теряют выправку. Да и для офицеров лишнее. Какой, к черту, это неприятель, когда вы отлично видите, что это поручик Сидоров, у которого вы вчера заняли три рубля? Вы командуете: «Прямо, по колонне пальба взводом», а вам решительно наплевать, как солдаты целятся, и укрыты ли они от огня, и все такое...

—- Совершенно верно, дорогой Василий Васильевич, — согласился Тумковский.— А я вот читал где-то или, кажется, слышал, что один генерал предложил раздавать во время маневров в числе холостых патронов какой-то там процент боевых. Что-то такое, один на десять тысяч, не помню хорошенько...

—- Ах, глупости! — досадливо протянул Скибин.—Никакие тут патроны не нужны. Какие тут, к черту, патроны, когда теперь солдаты вроде институток стали: пальцем его тронуть не смей. А по-моему, бить их, подлецов, нужно, вот что нужно! Прежде у нас и Суворовы были и Севастополь, а почему? Потому что десятерых засекали, а из одиннадцатого делали солдата. Прежде, батенька, солдат пять лет служил, а все еще молодым солдатом считался. Вот это была служба-с!. А теперь... Эх!

—- Теперь прямо — пансион благородных девиц, — услужливо подхватил Тумковский, — гуманисты какие-то пошли, либералы. Попробовали бы эти либералы с нашими скотами повозиться, небось у самих руки бы опухли от битья. А то, изволите ли видеть: ударишь какую-нибудь сволочь, да и ударишь-то не больно, почти в шутку, а он сейчас: «Ох!

— „Что такое?“

— „Ничего не слышу на правое ухо...“—

И сейчас тебя под суд. За истязание нижнего чина, имевшее последствием, и так далее. А он, мерзавец, лучше нашего слышит.

— Потому что дураки! — возразил презрительно Скибин. —- Кто же так делает, при свидетелях? Нет, ты его сначала позови в цейхгауз или к себе на квартиру, да там и поговори как следует. Поверьте, потом сам всю жизнь благодарить будет, что под суд не отдали. Суд-то его куда законопатит, а ты начистил ему морду, и все тут. А что ему морда?.

Они еще долго тянут этот разговор, точно стараясь не уступить друг другу в равнодушной жестокости к солдату, в презрительном отношении к своему делу, в пренебрежительной насмешке над высшим начальством».

Хотя были в армии и части, вроде казаков, которые на первых порах настроены были верноподданно к монарху:

Верно службу мы служили,
Как клялись перед крестом...
Присягнув, не изменили
Перед Богом и Царем...

Данные об уровне образования офицерского корпуса свидетельствуют о том, что он был невысок. Высшее военное образование имели немногим более половины генералов, менее $^{1}/_{5}$ штаб-офицеров и немногим более 3% обер-офицеров. Около 8% генералов, больше $^{1}/_{3}$ штаб-офицеров, почти половина обер-офицеров получили только низшее образование (окончили юнкерские училища).

Генералитет и гвардия

Что представлял собой генералитет русской армии? В апреле 1914 г. из 1574 генералов полных было 169, генерал-лейтенантов — 371 и генерал-майоров — 1034. Из них имели высшее военное образование (в подавляющей части окончили Академию Генерального штаба) 106 полных генералов (62,3%), 223 генерал-лейтенанта (60%), 565 генерал-майоров (54,6%). В целом число генералов, имевших высшее военное образование, составляло 56,1%.

С 1901 г. число генералов, получивших такое образование, возросло всего на 5,8%. Генералы, не имевшие высшего военного образования, в подавляющей части являлись гвардейцами (либо прямо зачислены в гвардию, либо перешли туда позднее). Как отмечал П.А. Зайончковский (историк, сам служивший в армии в годы Первой мировой войны) в статье «Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной», служба в гвардии давала при продвижении по службе ряд преимуществ. Гвардейские офицеры при переходе в армию повышались в чине. В гвардии отсутствовал чин подполковника, капитаны производились сразу в полковники. Кроме того, при замещении ряда должностей (командира полка) преимущество отдавалось гвардейцам. Это вело тому, что среди генералов без высшего военного образования было много гвардейских офицеров. Среди полных генералов они составляли 81,2%, среди генерал-лейтенантов — 66,7%, среди генерал-майоров — 49%.

Нормальное продвижение по службе для простых армейских офицеров, не имевших высшего военного образования, задерживалось наличием гвардии. Удельный вес последней в армии был ничтожен (не более 2–3% общей численности). На 70 дивизий пехоты (гренадерских, пехотных и стрелковых) в русской армии было 3 гвардейских дивизии; в кавалерии удельный вес гвардейских частей был несколько выше.

Каковы условия приема офицеров в гвардию? Чтобы быть выпущенным в гвардию, формально требовалось успешно окончить училище, получив так называемый гвардейский балл (средний балл по всем предметам не ниже 9 и по строевой службе — не менее 11 при 12-балльной системе). Для направления из училища в гвардейскую часть необходимо было наличие в ней вакансий. Последние же в военных училищах распределялись строго по количеству баллов. Большинство гвардейских вакансий предоставлялось выпускникам Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Ко всему прочему добавлялись и социально-классовые различия внутри офицерского корпуса.

Наличие гвардейского балла по успеваемости и вакансий в гвардейских частях было отнюдь не главным при зачислении в гвардию. Решающими являлись два фак-

Уральские казаки лейб-гвардейского полка

тора: согласие общества офицеров части на прием кандидата в полк и, главное, обладание средствами для службы в нем. Поступавший в гвардейскую часть должен был иметь большие деньги. Самым «дорогим» считался лейб-гвардии гусарский полк, стоявший в Царском Селе. Для службы в нем требовалось располагать 500 руб. в месяц. Это была огромная сумма, в 5 и более раз превышавшая размер жалованья обер-офицера. Между жизнью гвардейца и армейского обер-офицера лежала целая пропасть. А если учесть, что гвардейские офицеры часто тормозили продвижение по службе армейских, становится понятным тот скрытый антагонизм, который существовал между этими категориями офицерства. То есть мы видим как бы две армии. Одна служит и тянет лямку, довольствуясь грошовым капиталом. Другая, привилегированная, служит в полноги, но семимильными шагами делает карьеру. При этом еще и живет в условиях барских. Армию с таким генералитетом опасно выпускать на позиции. Она проиграет все, что можно. Поскольку ненависть к «белой кости» куда сильнее, чем даже ненависть к врагу.

Совершенно иным было положение гвардейских офицеров. В гвардии служили, в основном, дети родовитого дворянства. Тут иные доходы и, конечно, иной уровень жизни. Гусары или офицеры гвардейской кавалерии на обычных извозчиках не ездили — только на лихачах. В театрах они занимали дорогие места. Гусары устраивали роскошные пирушки, попойки, покупали дорогих рысаков, имели возможность тратиться на роскошных женщин и дам полусвета. С ними и кутили в «Яре» и иных ресторанах.

Яркий пример из жизни привел офицер императорской кавалерии В. Литтауэр: «Как-то вечером я остался дома и уже собирался лечь спать, когда ко мне буквально ворвался корнет Поляков и, выставив на стол несколько бутылок вина, возбужденно прокричал: „Я только что купил чудесную собаку с выдающейся родословной! Потрясающая удача. Давай отметим покупку. Поедем в «Яр». Я приглашаю“. Мы отлично поужинали и примерно в час ночи решили возвращаться домой. И тут Поляков, ощупав карманы, заявил: „Знаешь, а я забыл бумажник“. Хорошенькое дело: счет на каких-то тридцать пять рублей, а два гусара не могут его оплатить. Что было делать? Мы пошли в кабинет, пригласили цыган, заказали море шампанского и, когда счет превысил несколько сотен рублей, очень довольные, подписали его. С легким сердцем мы отправились домой, считая, что не посрамили чести полка».

Нужно добавить, что отец молодого гусара был владельцем крупной собственности в Петербурге, разного рода сырьевых компаний. Так вот жили и веселились «сливки общества», в том числе в армии, среди элитных частей гвардии и у гусар.

А вот экономическое положение бедного офицерства, по сути дела, ничем не отличалось от положения тех же рабочих и крестьян. Скажем, ежемесячный оклад пехотного поручика в размере 41 рубля был почти равен заработку квалифицированного рабочего. При этом армия регулярно использовалась для подавления гражданских беспорядков, восстаний крестьян и рабочих. Так, в 1903 г. треть пехоты и две трети кавалерии, расквартированных в Европейской части России, были задействованы царизмом в репрессивных акциях против своего народа. И опять-таки очевиден «классовый след» — против рабочих и крестьян бросали тот же «скот».

Царь полагал, что русские офицеры и солдаты будут безропотно умирать во имя «бога, царя, отечества». Справедливости ради заметим, что с началом Первой мировой войны вся гвардия ушла на фронт, оставив в Санкт-Петербурге (переименованном после начала войны в Петроград) только свои резервные батальоны. Кадро-

вый состав гвардии, как отмечают, растаял в боях уже в кампанию 1914–1915 годов и в дальнейшем отличие гвардейских полков от армейских состояло только в наименовании. «Можно сказать, что русская гвардия погибла в огне Мировой войны. Рота же Дворцовых гренадер была распущена летом 1917 года».

Не способствовало мощи армии и сохранение взгляда на солдат как на бессловесных животных. Среди русских генералов начала XX в. было немало сторонников карательных и устрашающих методов поддержания дисциплины, даже после того как телесные наказания были отменены в 1904 г. Хотя в то время уже далеко не все рисковали высказываться публично в защиту палочной традиции. Однако при опросе, проведенном на рубеже 1907–1908 гг. одним из структурных подразделений Военного министерства, почти половина опрошенных генералов выступили за введение телесных наказаний в военное время. В их числе оказался и знаменитый впоследствии генерал А. А. Брусилов, объяснявший это решение желанием «избегнуть потом нужды в расстреливании». Кроме того, военачальник считал, что следует «ввести новое наказание — ставить под ружье с мешком песку на спине пуда в два весом, раза два в день, с исполнением служебных обязанностей».

В войне видели радикальное средство излечения от революций. К примеру, один из лидеров России, масон В. Маклаков напрямую связал войну и удержание власти в руках правящей буржуазии, заявив: «Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть». Вояки из Морского министерства России также видели в мировой войне почетный приз, который можно будет показать народу и тем самым подсластить пилюлю потерь, как бы «в награду» за страдания и муки: «Мы должны вернуться с войны с чем-нибудь, ясно говорящим всякому русскому сердцу и в то же самое время действительно важным для отечества, иначе эта чудовищная война родит внутри России не сплочение, а раздор».

А интересно, с чем именно хотел был вернуться с войны Маклаков? С большим капиталом?

К чему русскому мужику Константинополь, какие-то там Дарданеллы и Проливы, о коих он никогда в жизни даже и не слышал? Во имя чего он должен был бросить хозяйство, семью, детей и идти умирать куда-то за тридевять земель?

Военно-Воздушный флот

Начало двадцатого века — время бурного развития авиации во многих цивилизованных государствах. После успехов американцев братьев Райт, «авиация» стала покорять целые страны и континенты. Не осталась в стороне и Россия с ее бескрайними просторами и с ее смелыми и отважными людьми. В 1910 г., во второй период Военных реформ 1909–1912 годов началось создание Русского Императорского Военно-Воздушного флота. Появление авиации стало возможным благодаря деятельности создателя аэродинамики Н. Е. Жуковского и талантливого авиаконструктора И. И. Сикорского. В 1910 году в Вооруженные Силы Российской империи были закуплены самолеты производства Франции. Основаны две летные школы — в Гатчине, позднее в Севастополе, которые начали подготовку пилотов. Одним из первых руководителей русской авиации был великий князь Александр Михайлович, который стал инициатором создания офицерской авиационной школы под Севастополем, а впоследствии шефом Императорского ВВФ.

Великий князь Александр Михайлович говорил: «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных флотов наших соседей. Это следует помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей Родины (1912).

Двухмоторный самолет. В центре — авиаконструктор И. Сикорский

Весомый вклад в покорение воздушного океана внесли первые летчики земли русской: М. Н. Ефимов, С. И. Уточкин, Н. Е. Попов, А. А. Васильев, женщина-пилот Л. В. Зверева.

Воздушный флот России как род военно-воздушных сил страны включал органы военного управления, авиационные и воздухоплавательные соединения, части, заведения, учреждения ,предприятия. В конце 1917 г. состоял из более 300 соединений и частей, которые включали 14 авиационных дивизионов, 91 авиаотряд, эскадру кораблей «Илья Муромец» (четыре боевых отряда), 87 воздухоплавательных отрядов, 32 гидроотряда, 11 авиационных и воздухоплавательных школ, дивизион корабельной авиации, восемь авиационных парков, а также поезда-мастерские, авиабазы, воздухоплавательные парки и так далее.

На начало Первой мировой войны Императорский военно-воздушный флот имел 263 самолета и являлся самым многочисленным как среди государств Антанты, так и среди Центральных держав (при этом в 1910 году численность ВВФ Российской империи составляла всего 7 самолетов). К октябрю 1917 г. количество самолетов возросло до 700 (для сравнения: на тот же период Австро-Венгрия располагала

Самолет-разведчик

Великий князь Александр Михайлович

622 самолетами, Великобритания –1758). В самом начале Первой мировой войны большой российский воздушный флот использовался в основном только для разведки и корректировки артиллерийского огня. Однако скоро начались первые воздушные бои. Развитие вооруженных сил сдерживала слабость материальной части, особенно моторостроения — промышленность сильно зависела от поставок авиационных компонентов из-за рубежа. Весь авиационный парк состоял из устаревших иностранных моделей.

В гондоле аэростата

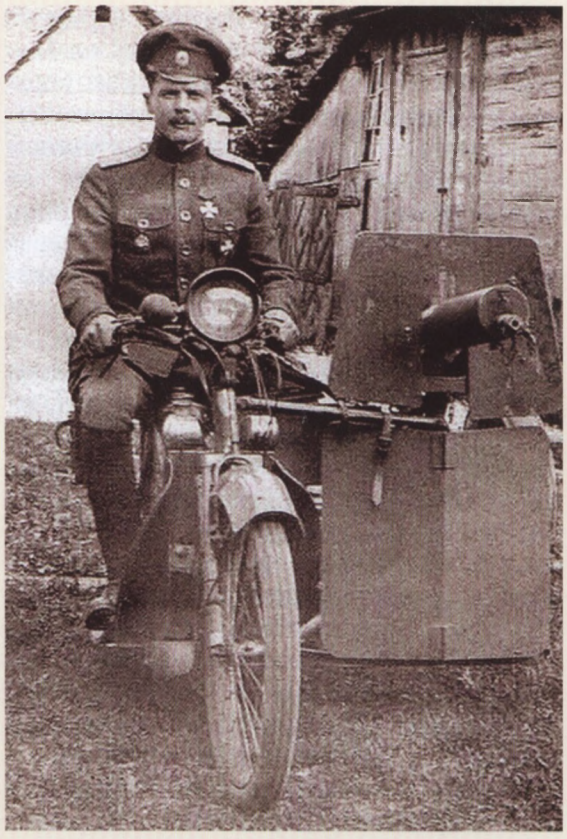
Опоздали!

Утверждают, что русская армия была «одной из сильнейших в Европе и во многих отношениях подготовленной лучше своих противников». Вряд ли с таким заявлением можно согласиться. Если судить по числу штыков, то Россия имела величайшую в мире армию (1,4 млн человек). Но ведь сила армии складывается не только из числа солдат и офицеров, а из множества компонентов. Военный министр Д. А. Милютин в «Воспоминаниях» отмечал, что сокращение военной сметы «должно иметь известный предел» и что дальнейшие сбережения в бюджете необходимо обратить на удовлетворение насущных нужд Военного ведомства и на некоторые новые расходы, которые «долго откладывать решительно невозможно». В их числе министр называл: улучшение крайне скудного содержания военнослужащих, в особенности строевых офицеров, повышение качества обеспечения армии, хозяйственные расходы, постройка казарм, перевооружение войск, усовершенствование крепостей и т. д. Большое значение приобретали тяжелая артиллерия, пулеметы, связь, техника и прочие средства. Россия опоздала в полной мере подготовиться к схватке. Правительство утвердило программу перевооружения армии на сумму в 1,1 млрд руб., но это сделано лишь к 1914 г. Программа развертывания вооружений решительно запоздала, ибо утверждена царем буквально накануне войны — 22 июня 1914 года. Кроме того, на эти цели была необходима сумма в два раза большая.

Символична и дата, в тот день в 1941 г. Германия вероломно напала на СССР. Генерал А. Деникин отмечал, что русская армия оставалась «в полном смысле беспомощной» до 1910 г. и только в самые последние перед войной годы работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил «подняла их значительно». Так что не только «красные историки», к числу которых Акунов причислил Н. Н. Яковлева, яркого историка советской волны, дали невысокую оценку нашей правящей элите...

Если взглянуть на динамику развития России и Германии, относительный прогресс России просто очевиден. Россия между 1900 и 1913 гг. увеличила производство стали с 2,2 млн до 4,8 млн т, но бросок Германии был более впечатляющим — с 5,3 до 17,6 млн т. По мнению американского историка П. Кеннеди, «ужасающим фактом было то, что производительная сила России по отношению к Германии не увеличивалась, а уменьшалась». Это знали немцы.

У русской армии имелись сухопутные силы (3,2 млн штыков), развернутые против Германии и Австро-Венгрии, внушительные силы авиации (у России –263, в Англии — 258, в Германии — 232, во Франции — 156 самолетов), крупнейшие на то время линейные корабли «Севастополь» и «Императрица Мария». Постройка их, как признал адмирал Колчак, шла без всякого плана, в зависимости от наличия средств. Дело дошло до абсурда: строили не тот корабль, что нужен, а тот, что отвечал размерам отпущенных средств, благодаря чему в итоге выходили «какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем». Надо бы признать: комплексная, системная подготовка русской армии к мировой войне, как и ранее к войне с Японией, так и не была осуществлена.

Мотоциклист

Российская подводная лодка «Гепард»

Подготовка флота России к мировой войне отставала. В 1909 году на Новом Адмиралтействе и Балтийском заводе заложены корабли, получившие наименования «Севастополь», «Петропавловск», «Полтава», «Гангут». Через два года подобные корабли:» «Императрица Мария», «Екатерина Вторая» и «Император Александр Третий» — были заложены и для Черноморского флота. Капитан 2-го ранга С. Бережной пишет: «Обладая самыми совершенными по тем временам вооружением и механизмами, отличными скоростными и мореходными качествами, русские линейные корабли в годы Первой мировой войны не знали себе равных в мире». Тут налицо преувеличение. Ведь эти русские корабли так и не приняли участие в крупных сражениях. Линкор «Императрица Мария», введенный в строй в 1915 г., уже в следующем году ушел на дно в результате взрыва порохового погреба. Линкор «Александр III» будет введен только в 1917 г. и после революции уйдет в Бизерту. Броненосец «Андрей Первозванный» первый и последний бой принял против своих, стреляя по восставшим матросам фортов «Красная горка» и «Серая лошадь». Другие корабли будут переплавлены на металл...

В октябре 1914 г. после объявления войны в Новороссийск и другие порты вошли турецкие и немецкие крейсера. В городе вспыхнула паника. Бежали целыми семействами. Паника охватила ополченцев.

Новороссийский журналист И. В. Граминовский, очевидец событий, писал о тех минутах: «В бухту вошел турецкий крейсер, началась бомбардировка, продолжавшаяся до часу дня. Вспыхнули нефтяные баки. Элеватор почти не пострадал. Поворачиваясь и расхаживая по бухте, миноносец и крейсер потопили 8 пароходов, стреляли много по станции искрового телеграфа. Несколько снарядов попали в здание старого цементного завода. В час дня неприятельские суда ушли.

Морской министр адмирал И. К. Григорович

Миноносец остановился около Широкой балки, по-видимому, для измерения, что породило слухи о начавшейся на полуострове Абрау высадке турецкого десанта». В 13 ч 20 мин крейсеры прекратили огонь и ушли в направлении Крыма. В донесении командир крейсера «Берк» сообщал: «Мы видели, как пылающая красная нефть стекала вдоль улиц в море и жуткая дымовая туча обволакивала город и его окрестности. Мы покинули пылающий город и, отойдя на 80 миль от него, все еще видели охваченный огнем Новороссийск, похожий на раскаленный кратер». (С. Санеев).

Николай II ответил на этот враждебный акт манифестом, грозя Турции, что оный «только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря». Когда французский посол М. Палеолог спросил министра иностранных дел России Сазонова, что означает эта фраза в духе «сивилинных книг», тот ответил: «Нам нужно получить прочные гарантии по отношению к Бос-

фору. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я бы ограничился тем, что оставил бы им старый византийский город с большим огородом вокруг. Но не более».

Это равносильно, если бы интервенты пообещали оставить нам в Москве Кремль с Александровским парком, остальное оккупировав, изъяв из юрисдикции государства. И такие вот люди стояли у нас во главе государства и МИДа. Хотя, конечно, обстрел турецкими миноносцами одесского порта, потопление русской канонерки и повреждение французского парохода вызвали всеобщий взрыв возмущения в России. Палеолог писал тогда: «В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь все романтические утопии славянофильства. Как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея провиденциальной мировой миссии России возбуждает в эти дни умы москвичей» (2 ноября 1914 г.).

Чему и как учили

У руля руководства русской армией нередко оказывались наряду с талантливыми и грамотными командирами непрофессионалы, а то и просто вопиющие бездари... К примеру, наш Генеральный штаб, планируя перед войной наступление против Германии, большую часть русской армии направил для вторжения в Австро-Венгрию (52 %). Выходило, что правая рука генералитета не ведает, что творит левая. Впрочем, в Генштабе шли бесконечные споры на эту тему.

Мешал и низкий общеобразовательный уровень не только солдат, но и офицеров. На это указал генерал Куропаткин после возвращения с Дальнего Востока в 1903 г. (хотя ему в меньшей степени, чем кому-либо еще, позволительно было выступать критиком). Даже великий князь Константин Константинович после вступления в должность начальника Главного управления военно-учебных заведений в приказе подчеркнул: «Не могу не обратить внимания на малограмотность не только кадетов, но и юнкеров военных училищ. Дурное правописание и отсутствие элементарного навыка в письменном изложении мыслей — самая слабая сторона преподавания в наших военно-учебных заведениях. Успехи по иностранным языкам тоже заставляют желать еще очень многого» (1901).

Уровень знаний иных выпускников военных училищ оставлял желать лучшего. Так, в нижегородском кадетском корпусе гр. Аракчеева в 1898–1899 учебном году неуспевающие составляли 42,37 %. Правда состояла и в том, что кадетские корпуса добивались в смысле знаний значительно худших результатов, нежели гражданские гимназии и реальные училища. Военное министерство делало упор на подготовку «пушечного мяса», а не классных специалистов и «умных мозгов». Во всеподданнейшем докладе по Военному министерству (за 1882 г.) было приказано сократить объем учебного курса кадетов, чтобы «излишним напряжением умственных занятий воспитанников не повлиять разрушительно на развивающийся юный организм». Там говорилось, что для военных самое главное — уметь переносить

Николай II в Ставке

усиленные физические нагрузки и вообще лишения, тогда как всякие там «хитрые курсы наук» — дело десятое. Зато исключительное внимание уделялось Пажескому корпусу при государе императоре. Как изволят вышагивать и «парлеть» по-французски!

Если в Германии на 1 тыс. жителей приходилось 150 учеников народных школ, то в России — 41. Неграмотных новобранцев, поступивших в войска, в Германии было 0,02 %, а в России — 61,7 %. Россия в начале XX в. по числу неграмотных (789 неграмотных из каждой тысячи человек) входила в тройку самых отсталых стран Европы, занимая третье место, после Румынии (884 неграмотных на тысячу), сербии (830 неграмотных — на 1000), Португалии (786 — на 1000). По числу неграмотных новобранцев в Европе нас опережала только Румыния. У $^{2}/_{3}$ новобранцев в России отсутствовала начальная военная подготовка. Такова качественная сторона царской армии.

В экономическом плане мы отставали еще больше от передовых стран. И ведь такого рода примеров имелось превеликое множество.

Благотворительный обед в детском приюте

Б. М. Шапошников во времена Первой мировой войны

Высший командный состав оставлял желать лучшего, а в ряде случаев оказался ниже всякой критики. Фаворитизм, давняя язва русского строя, разъедал армию. На высшие командные посты часто назначались люди не по талантам и знаниям, а по принципу близости к монарху и личной преданности. Это сыграло коварную «шутку» с военной верхушкой и армией. Не любивший русских Энгельс писал, что «среди офицеров русской армии есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними». Эти язвительные замечания конечно, следует воспринять критически. Русские офицеры, когда их не предавали политики и они служили народу, были лучшие офицерские кадры мира.

Чиновники в министерствах и в штабах зачастую вообще не очень утруждали

себя трудом умственным и презирали его. В Академии Генштаба перед Первой мировой войной обучение велось, в основном, на базе опыта наполеоновских войн! Тут не учитывался даже опыт Русско-турецкой войны — комиссия по ее изучению еще к 1910 г. не закончила работы, не говоря уже о Русско-японской войне 1905–1906 гг. Генерал В. И. Гурко, командующий Западным фронтом, отмечал, что лишь в марте 1916 г. Главная квартира приступила к изданию наставлений для воинских частей в позиционной войне. «Эти обязательные к исполнению документы... были составлены на основе французских руководств с частичным использованием германских наставлений, причем все материалы не были в достаточной степени приспособлены к условиям русского театра военных действий».

Когда входишь в детали, видишь, что подготовка велась из рук вон плохо. Оценку дал генерал Б. М. Шапошников (в тяжелые для СССР годы войны с гитлеровской Германией он возглавлял Генеральный штаб).

Выходец из донских казаков, Шапошников прошел суровую школу царской армии, окончил Академию Генерального штаба. Он писал в «Воспоминаниях»: «Читающий эти строки вправе спросить: какова же была русская доктрина в 1910–1912 гг.? Таковой, по сути, не было. Был разброд в тактике и уж тем более в стратегии. немного позднее профессорский коллектив начал создавать проект Полевого устава, который, однако, был сильно попорчен редакционным карандашом Сухомлинова при содействии Бонч-Бруевича. В 1912 г. устав вышел в окончательной редакции. Чем же мы, слушатели, руководствовались в академии? Большинство из нас склонялись к германской школе с ее грубыми приемами наступления, встречного боя, нежели к изящной школе фехтования французов. Помимо лекций Незнамова, переводов тактики Балка, Шлихтинга, большой популярностью пользовались переведенные на русский язык „тактические задачи“ Альтена и „тактические письма“ Гриппенкерля. В области ведения большой войны внимательно изучалась книга Фалькенгаузена о современной войне. „Канны“ Шлиффена были нам известны по рефератам. Поэтому для нас, офицеров Генерального штаба, приемы немцев в мировую войну, в особенности в ее начале, не были новинкой, мы знали их хорошо. Другое дело — генералы русской армии, большинство из них этих приемов не знало, а на войне, как известно, дело решают не капитанские головы».

Генерал от инфантерии А. М. Зайончковский писал, как в ходе русско-японской войны в офицерском корпусе обнаружились существенные недостатки: слабая подготовка высшего звена генералитета, отсутствие должного командного опыта у значительной части начальников дивизий и командиров корпусов, а также слабые познания как в теории, так и в современном состоянии военного дела. Перед военным министерством была поставлена задача ликвидировать эти недочеты. К началу Первой мировой войны кое-что в этом направлении было сделано. Принимались, в частности, меры к повышению уровня знаний командиров корпусов и начальников дивизий. В 1906 году вышло первое высочайшее повеление установить соответствующие занятия высшего командного состава, начиная от командиров частей (полков) до командиров корпусов включительно, направленные к развитию военных знаний». Однако общий уровень военных знаний у основных категорий офицерского корпуса (исключая командиров корпусов) изменялся медленно.

Командиров полков с высшим военным образованием в 1903 г. было 29,8%, а в 1914-м — 39%; начальников дивизий

соответственно — 56,5% и 63,2%; командиров корпусов — 57,1% и 90,1%. Принимались также меры по омоложению офицерского корпуса. Если в 1903 г. среди командиров корпусов 67% было старше 60 лет, то в 1914 г. их осталось 10%, среди командиров полков в 1903 г. около половины (49,2%) были старше 50 лет, а в 1914 г. эта категория составляла 27,7%.

Боевое оснащение армии

После всеобщей мобилизации в российской армии числились 6,5 млн солдат, но винтовок в наличии было лишь 4,6 млн Впрочем, забегая вперед, скажем, что у нас и в первые годы Второй мировой войны солдаты нередко ходили в атаку с палками вместо винтовок! Но наша буржуазия, о которой сегодня говорится столько хвалебных слов, воочию показала, что она корыстолюбива и не может толково планировать работу промышленных предприятий и выполнять намеченные планы. У нее для этого нет ни образования, ни опыта, ни любви к родине. Одна алчность. Об этом говорит и отношение к оборонным заказам. В 1908 г. частная промышленность не использует 73 % ассигнованных кредитов, в 1909 г. — 60, в 1910 г. — 43, в 1911 г. — 33 %. Частники капитала проиграли битву еще до начала мировой войны. не намного лучше выглядели при царе государственные заводы оборонного назначения. Три государственных оружейных завода (Тульский, Ижевский, Сестрорецкий) давали армии знаменитую винтовку Мосина, но в 1911, 1912, 1913 гг. они работали лишь на 7,9 и 12 % мощности. В первые семь месяцев 1914 г. самый мощный, Тульский завод (при мощностях, позволяющих обеспечить выпуск 250 тыс. винтовок в год) выдал 16 винтовок! Уже спустя 4 месяца после начала боевых действий полностью опустели склады артиллерийских снарядов, и наши заводы не успевали их пополнять. Снарядов заготовили лишь на полгода (Генеральный штаб решил, что столько продлится мировая война).

Патронами русская армия была обеспечена удовлетворительно (в войну вступила с запасом в 3 миллиарда патронов, и в 1915 г. заводы дали 1 млрд патронов), но передового вооружения — пулеметов и самолетов — в достатке не было. Всю войну воевали преимущественно на английских самолетах. Что касается пулеметов, на фронте вспоминали с горькой усмешкой Куропаткина, чьи слова символичны: «Они нас пулеметами, а мы их молебнами!» Хотя русская военная мысль и инженерный гений уже имели в наработках, чертежах виды нового оружия (граната Зеленского, танки, прототип ранцевого огнемета, созданный капитаном русской армии Зигер-Корном в 1898 г., но отвергнутый чиновниками).

К началу Первой мировой войны Германия имела на вооружении три типа огнеметов: малый ранцевый, средний ранцевый и большой передвижной. И все та же косность военно-политического руководства царской России да и техническая отсталость страны явились препятствием «к принятию на вооружение танка, способного преодолевать зону огня по изрытой окопами и снарядами местности» (хотя русские тут были пионерами). По той же причине мы значительно отставали по количеству пулеметов системы Максима, тяжелой артиллерии. За время войны

Трехлинейная винтовка Мосина образца 1891–1910 гг.

На начало 1915 года: вид вооружения/боеприпаса	Ежемесячно требовалось Действующей армии	Ежемесячно поставлялось Действующей армии
Винтовки	200 000	30 000–32000
Пулеметы	2000	216
Артиллерийские орудия	400	115–120
Патроны всех калибров	200 000 000	50 000 000
Снаряды всех калибров	1 500 000	403 000

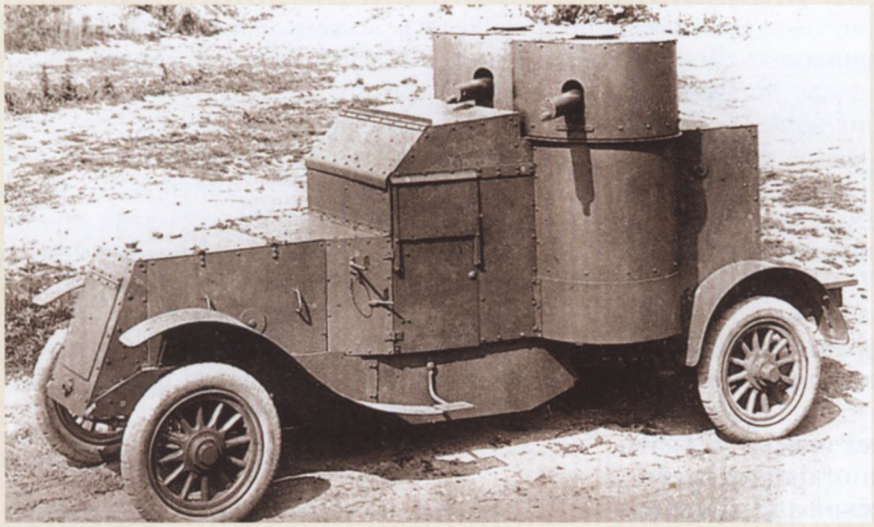
число пулеметов во французской армии возросло в 20 раз, в германской — в 9, в русской — в 6 раз.

Известный специалист, генерал А. А. Маниковский не случайно открыл работу «Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг.» фразой: «Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения». В книге показано, что военное министерство, генеральный штаб и главное артиллерийское управление были оторваны от армии и промышленности. Военное ведомство не понимало значения артиллерии крупных калибров, главное артиллерийское управление даже не имело своего собственного сколько-нибудь значительного артиллерийского завода. Разрешение важнейших вопросов, касавшихся перевооружения армии, тянулось годами. В результате экономической, политической и военной отсталости «царская армия плелась в хвосте европейских армий, постоянно запаздывая с улучшениями».

В 1910 г. комиссией под председательством генерала Поливанова были выработаны нормы артиллерийских запасов на случай войны. Эти нормы «оказались ничтожными по сравнению с действительной потребностью войны». Русская армия снабжалась вооружением накануне и в годы Первой мировой далеко от своей потребности. Мифы о том, что всего было вдоволь, распространяют «доброхоты» самодержавия. Хотя положение с вооружением и с продовольствием в русской армии было не из лучших. Но что стояло за сей обтекаемой формулировкой? Потребности армии удовлетворялись в среднем на 15–30 %. Если подобное положение вещей признается «не лучшим», то любопытно — как, по мнению авторов, должно было выглядеть «худшее»?

Стоит заметить, что Германия в 1911 г. тратила на одного гражданина 59 руб. бюджета в год, тогда как Россия — лишь 15. Отметим и то, что в Германии на 100 кв. км приходилось 11,6 км железных дорог, у нас — 0,3 км. Добавим, что по основным показателям оснащения войск Россия не дотягивала до среднемирового уровня, значительно уступая не только армиям самых высокоразвитых держав, но и армиям стран так называемого второго и третьего эшелонов — Италии, Австро-Венгрии, Японии. Причем по таким важнейшим видам оружия, как пулеметы, аэропланы, автомобильная техника и боевые корабли, Россия отставала от Германии и Франции в 2–5 раз.

По качественным показателям военно-технического потенциала Россия занимала среди стран, как и Япония, последнее место, пропустив вперед Италию и Австро-Венгрию. Ставить Россию в какое-то исключительное положение, тем самым как бы желая оправдать наши поражения, нам бы не хотелось. Правда, пусть и болезненная, приносит куда больше пользы, чем подслащенная ложь. В той или иной степени недокомплект вооружений испытывали все воюющие страны. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре тоже сетует на нехватку пулеметов (4906 против необходимых 5645), самолетов (24 эскадрильи), артиллерии и даже снарядов. Он

Российский бронеавтомобиль

пишет: «...Наша отсталость в области авиации носит ужасающий характер. такие же проблемы имеются в области обмундировки, обуви, общей экипировки, лагерных принадлежностей, одеял, теплой одежды, индивидуальных палаток. Мы сделали закупки в Англии, Испании, соединенных Штатах, Канаде. но в скольких предметах мы еще терпим недостаток! Война буквально застала нас врасплох в период реорганизации и бедности!» Как видим, и другие страны не успели отмобилизовать армии и перевести их промышленность на военные рельсы. Но другие страны имели более развитую промышленность, дороги и уровень подготовки

Характер сражений, развернувшихся на полях Европы и России, ничем не напоминал битвы прошлых лет. Изменилось все — тактика, стратегия, число потерь, вооружения. Еще за два десятилетия до начала Первой мировой войны социалист Ж. Симон сказал: «...теперь речь идет не о войне героической, а о войне научной. Славу, которую прежде завоевывали храбростью, теперь завоевывают механизмами, количеством». Впервые на поля сражений войны выползли бронированные динозавры — танки. В дни союзнического наступления на Сомме, когда потери с двух сторон перевалили за миллион, немецкие солдаты думали, что бредят: «на их окопы, грохоча, надвигались ползучие стальные дома, увенчанные орудийными башнями».

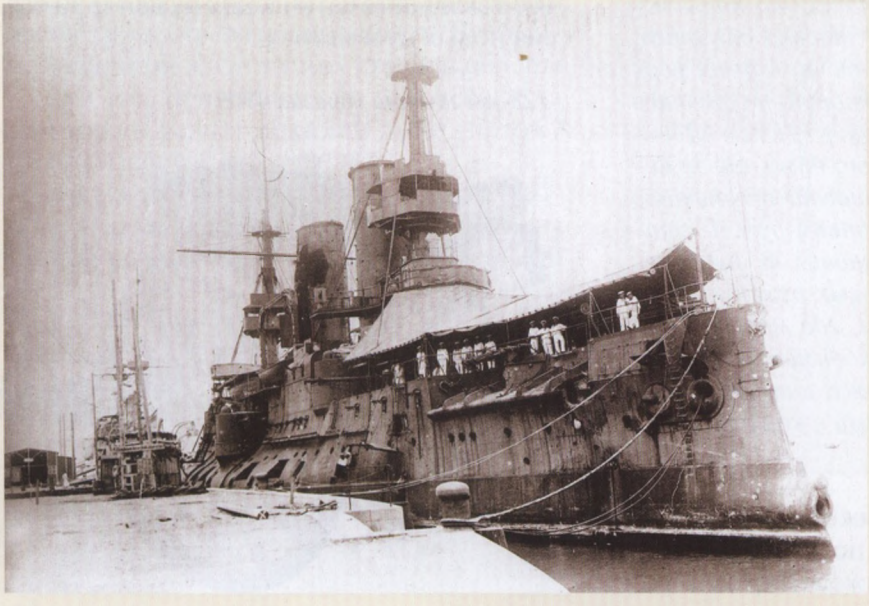
Танки впервые вышли на поле боя в 1915 г. на реке Сомме, когда англичане использовали 49 машин — дебют английских танков. В сражении при Камбре в ноябре 1917 года участвовали уже 476 английских машин. Последний раз в Первой мировой войне танки массированно применены французами в Марнском сражении 1918 года, когда на фронте 50 км было введено в бой более 500 танков.

Всего за время войны всеми странами было произведено более 10 тыс. танков. В России танки не производились. Созданный «Царь-танк» с места так и не сдвинулся. Первые танки на русской земле появились с армиями интервентов и у белых, которые получили машины на Западе. К концу войны во всех воевавших странах имелось более 11 тыс. самолетов, в том числе в России на начало 1917 г. — 1039 (*Д. Соболев*). К концу войны автомобильный парк русской армии состоял из 9930 автомобилей, в том числе имелось 500 автоцистерн. В 1916 г. в России началось строительство пяти автозаводов, но оно было прервано революцией и Гражданской войной.

Всего в армиях стран Антанты насчитывалось около 200 тыс. автомобилей. В германской армии — около 70 тыс. За годы войны только четырьмя главными участниками войны (Россия, Италия, Франция, Германия) произведено 152 тыс. автомобилей. Война стала войной машин.

Под бельгийским г. Ипром впервые был использован в военных целях газ (1915). Газ, позднее прозванный ипритом, являлся предшественником «Циклона Б», что задействуют в душегубках Освенцима гитлеровцы. Иприт «сжег легкие пятнадцати тысячам англичан и французов, треть из им отравленных погибли». На полях сражений Первой мировой войны творилось нечто невообразимое. смешались все представления людей о реальном и фантастическом. Под Верденом, казалось, воплощается пророчество Иоанна Богослова о гибели народов и бронированной саранче: тут сошлись два миллиона человек, и их расстреливало 6600 орудий! Например, немцы отправили осенью 1914 г. в бой под бельгийским Ипром наспех сформированные дивизии из студентов-добровольцев. Каков же итог? Почти все они, шедшие в атаку под прицельным огнем англичан с песнями, бессмысленно погибли, в силу чего Германия, можно сказать, лишилась интеллекта нации. Эпизод в прессе получил название — «ипрское избиение младенцев». Такое избиение, всех возрастов, шло на всех фронтах.

О том, порой просто отчаянном положении, в каком очутилась русская армия в кампанию 1915 г., говорят воспоминания военного, генерал-лейтенанта Н.Н. Головина (1875–1944)... В них он писал, что действительные потребности русской армии за все годы войны превзошли мобилизационные расчеты по вооружениям более чем на 150 %. Иначе говоря, в войсках отсутствовали даже винтовки (не говоря уже о пулеметах, тяжелой артиллерии, самолетах) в необходимом или хотя бы приемлемом количестве... «В 1915 г. это явление приобретает характер катастрофы. Насколько велика была эта катастрофа, можно судить из прилагаемой к этой главе копии донесения британского военного агента своему правительству. Это свидетельство одного из представителей наших союзников очень показательно.

Российский броненосец

Составитель упоминаемого донесения приходит к выводу, что во всей Русской армии, растянувшейся от Ревеля до Черновиц, в начале октября 1915 г. имелось только 650 000 действующих ружей. «Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась Русская армия в кампанию 1915 г. Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти... товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы... Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 г. телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии.

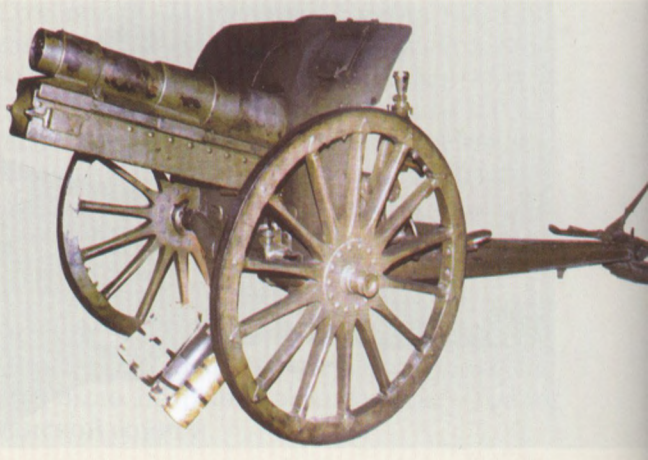
Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести „алебардистов“ только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась Русская армия в кампанию 1915 г.». Военный министр Сухомлинов, даже когда неготовность промышленности обеспечить армию нужным количеством ружей стала очевидной, приостановил и приобретение за границей готовых ружей. Когда ж спохватились, рынки, где можно было приобрести столь необходимые винтовки и патроны, оказались уже заняты иными странами, участвующими в конфликте.

Одной из причин тяжелого поражения русских армий стало подавляющее превосходство немцев в тяжелой артиллерии.

К началу войны Россия имела 959 батарей при 7088 орудиях, Франция — 4300 орудий, но немцы и австрийцы заметно превосходили русских и французов по общему числу орудий (Германия — 9388, Австро-Венгрия — 4088 орудий). Особенно большим было преимущество Германии по тяжелой артиллерии — 3260 тяжелых орудий, у Австро-Венгрии — 1000, у России — 240 тяжелых орудий.

Напомню, что в Первую мировую войну 75 % потерь войска понесли от огня артиллерии. На отдельных участках фронта противник превосходил русских в мощи артиллерии в 40 раз. Корпуса Макензена прошли с помощью тяжелой артиллерии по Галиции до Перемышля... Граду немецких снарядов русские войска, несмотря на громкие заявления министра Сухомлинова, смогли противопоставить лишь 5–10 выстрелов на легкую пушку в день. По оценкам, русская армия имела по 800 снарядов на орудие, а армии Антанты по 2000–3000 снарядов. Крайне слабо мы были оснащены тяжелой артиллерией. Во всей русской армии насчитывалось 60 батарей тяжелых орудий, а у немцев — 381 батарея. В июле 1914 г. на тысячу солдат у нас был один пулемет. Только через год, в июле 1915 г. Генштаб России закажет 100 тысяч автоматических ружей и 30 тысяч новых пулеметов...

122-мм гаубица образца 1909 г.

Командир корпуса, генерал Зуев вспоминал: «Немцы вспахивают поля сражения градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землею. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь. Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают; мы ценою тяжких потерь и пролитой крови лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех».

С самого начала стало ясно: немцы лучше подготовлены к войне в организационном и техническом плане. Вот что писал один из участников боев с немецкой армией: «С германцами воевать трудно, теперь это видно каждому простому солдату, потому что у них все предусмотрено против нас. Ежедневно можно видеть массу германских аэропланов, строго предусматривающих все для осведомления своих войск. У них масса минометов и ручных бомб, которыми они нас засыпают. По ночам предусмотрительно освещается вся местность многочисленными прожекторами и светящимися ракетами, у нас же последних почти совершенно нет. Господствует и его артиллерия. Нашей же хватает едва на выстрел другой... наше начальство часто даже стрелять запрещает. В обычной окопной жизни у них приспособлены грелки для приготовления чая и кофе, а нам никак нельзя показать дыма, потому что он изроет все окопы...»

При этом в признаниях русских слышится даже восхищение уровнем технической оснащенности немцев: «Эх, наши солдаты только завидуют ихней технике, как бы это было у нас, давно бы немцам был конец... Вот они себе построили такие машины, называются „тэнги“ (танки). Эту машину пули не берут, она величиной с паровоз на железной дороге, и на нем устроены пулеметы и орудие, его не задержат ни проволочное заграждение, ни окопы». Танки были на вооружении и у англичан, у французов.

В августе 1914 г. в Ставку проект гусеничной боевой машины представил изобретатель А. А. Пороховщиков. Этой машиной заинтересовался сам Верховный главнокомандующий, и на строительство опытного образца ассигновали 9,960 рублей. Постройку «Вездехода», как окрестили машину, одобрили в январе 1915 года, а местом работы определили казармы ушедшего на фронт Нижегородского пехотного полка. К 1-му февраля в Риге в казармах завершилась организация мастерских, и к изготовлению «Вездехода» приступили 25 солдат-мастеровых и столько же наемных квалифицированных рабочих. Наблюдал за работами военный инженер, полковник Поклевский-Козелло. По твердой дороге «Вездеход», несмотря на маломощный двигатель, передвигался уверенно. 20 июня 1915 танк на официальных испытаниях развил скорость около 25 верст/час, став самым быстроходным танком Первой мировой войны. Впоследствии финансирование проекта было прекращено. Однако Британская разведка выкрала чертежи «Вездехода» и использовала их для создания танков Mk I.

Глава 6

Ход Первой мировой войны. Основные сражения

Стратегические планы сторон к началу войны

Первая мировая война велась главным образом на сухопутном театре военных действий. Там и шли главные сражения.

Германия к началу войны руководствовалась достаточно старой военной доктриной — планом Шлиффена, предусматривавшим мгновенный разгром Франции, прежде чем «неповоротливая» Россия сможет мобилизовать и выдвинуть к границам свою армию. Нападение предусматривалось через территорию Бельгии (с целью обхода основных французских сил), взять Париж германцы изначально предполагали за 39 дней. В двух словах суть плана была изложена Вильгельмом II: «Обед у нас будет в Париже, а ужин — в Санкт-Петербурге». В 1906 г. план был модифицирован (под руководством начальника немецкого генштаба генерала Мольткемладшего) и приобрел не столь категоричный характер — значительную часть войск все же решат оставить на Восточном фронте. Франция руководствовалась военной доктриной (так называемый План–17), предписывающей начинать войну с освобождения Эльзаса-Лотарингии. Французы ожидали, что основные силы германской армии первоначально будут сосредоточены против Эльзаса.

Как же складывалась ситуация на фронтах?

Немецкий пропагандистский плакат

Кампания 1914 года

Война в 1914 году разворачивалась на двух основных театрах военных действий — французском и русском, а также на Балканах (в Сербии), на Кавказе и Ближнем Востоке (с ноября 1914 г.), в колониях европейских государств — в Африке, в Китае, в Океании. В 1914 г. все участники войны собирались закончить войну за несколько месяцев путем решительного наступления; никто не ждал, что война примет затяжной характер.

Русский театр военных действий — Восточный фронт

В дозоре

Восточно-Прусская операция. На Восточном фронте война началась с Восточно-Прусской операции. 4 (17) августа 1914 г. русская армия перешла границу, начав наступление на Восточную Пруссию. 1-я армия двигалась на Кенигсберг с востока от Мазурских озер, 2-я армия — с запада от них. Первую неделю действия русских армий были успешными, численно уступавшие немцы постепенно отступали; Гумбинен-Гольдапское сражение 7 (20) августа закончилось в пользу русской армии.

Однако русское командование не смогло воспользоваться плодами победы. Движение двух русских армий замедлилось и рассогласовалось, чем не замедлили воспользоваться немцы, ударившие с запада на открытый фланг 2-й армии. 13–17 (26–30) августа 2-я армия генерала Самсонова была полностью разбита, значительной частью окружена и взята в плен. В немецкой традиции эти события называются битвой при Танненберге. После этого русская 1-я армия, находясь под угрозой окружения превосходящими германскими силами, вынуждена была с боями отойти на исходную позицию, отход был закончен 3 (16) сентября. Действия командовавшего 1-й армией генерала Ренненкампфа

Юнкера на Дворцовой площади в Петрограде

Генерал
В. А. Самсонов

Генерал
П. К. Ренненкампф

были сочтены неудачными, что стало первым эпизодом характерного в дальнейшем недоверия к военачальникам с немецкими фамилиями, и, в целом, неверия в способности военного командования. В немецкой традиции события мифологизировались и считались наивеличайшей победой германского оружия, на месте боев был построен огромный Танненбергский мемориал, в котором впоследствии был похоронен фельдмаршал Гинденбург.

Как же случилось, что в ходе Восточно-Прусской операции, в битве при Танненберге, русская 2-я армия, которой командовал генерал Самсонов, потерпела тяжелое поражение?. В этом сражении русские поначалу разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Гросс-Бессау и Мюлена, ландверную дивизию Гольца, 3-ю резервную дивизию под Гогенштейном, 41-ю пехотную дивизию под Вплицем, 37-ю пехотную дивизию под Лана, Орлау, Франкенау; наконец, они нанесли поражение 2-й пехотной дивизии под Уздау. Русские воины проявляли себя в сражениях с немцами и австрийцами, как правило, лучшим образом. Но не все зависело только от их мужества и стойкости.

Отдельные успехи русских не были увязаны в общую победу. Победа досталась немцам.

Это произошло потому что Ренненкампф, командующий русской армией, будучи в двух переходах от гибнущей армии Самсонова, не пришел к ней на выручку. В ответ на просьбу о помощи он бросает штабу в адрес Самсонова слова: «Сам залез в г... пусть сам и вылезает, а нам и тут г... хватает».

Причина реакции Ренненкамфа тривиальна — элементарное сведение счетов.: 10 лет назад, во время Русско-японской войны (в битве под Ляояном), Самсонов поставил под удар японцев правый фланг войск Ренненкампфа. Вольно или невольно. И вот теперь обиды и неприязнь перевесили на чаше весов долг и честь, и 13–18 августа 1914 г. под Сольдау, в Восточной Пруссии, 2-я армия Самсонова была разбита...

Гинденбург нанес поражение и генералу Ренненкампфу. Тот вынужден был отступить из Восточной Пруссии. Россия потеряла погибшими на поле боя 200 тыс. солдат и офицеров, 60 тысяч попали в плен.

Очевидец событий тех лет, командующий Западным фронтом генерал В. Гурко писал, что генерал Самсонов «в самом буквальном смысле умер от того, что его сердце разорвалось» от горя и позора.

Как уже сказано, генерал Ренненкампф мог прийти на помощь армии Самсонова. Генерал Людендорф писал, что пережил нервное напряжение, вызванное постоянной угрозой нападения со стороны армии Ренненкампфа. Однако 1-я армия Ренненкампфа так и не сдвинулась с места, что вызвало огромнейшее облегчение в немецкой Ставке. Сам генерал Ренненкампф бросил штаб и трусливо бежал в Ковно (с двумя любовницами), «полностью отказавшись от управления войсками и предоставив им пробиваться назад

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. КАМПАНИЯ 1914 Г.

самостоятельно, ведя тяжелые и рискованные арьергардные бои». А ведь Ренненкампф — из числа лучших генералов царской армии и считался «военной звездой первой величины».

Галицийская битва. 5 (18) августа началась Галицийская битва — огромное по масштабу задействованных сил сражение между русскими войсками Юго-Западного фронта (5 армий) под командованием генерала Н. И. Иванова и четырьмя австро-венгерскими армиями под командованием эрцгерцога Фридриха. Русские войска перешли в наступление по широкому (450–500 км) фронту, имея центром наступления Львов. Боевые действия больших армий, происходившие на протяженном фронте, разделились на многочисленные независимые операции, сопровождаемые как наступлениями, так и отступлениями обеих сторон.

Действия на южной части границы с Австрией вначале складывались неблагоприятно для русской армии (Люблин-Холмская операция). К 19–20 августа (1–2 сентября) русские войска отступили на территорию Царства Польского, к Люблину и Холму. Действия в центре фронта (Галич-Львовская операция) оказались

неудачными для австро-венгров. Наступление русских началось 6 (19) августа и развивалось весьма быстро. После первого отступления австро-венгерская армия оказала ожесточенное сопротивление на рубежах рек Золотая Липа и Гнилая Липа, но вынуждена была отступить. Русские 21 августа (3 сентября) взяли Львов, 22 августа (4 сентября) — Галич. До 31 августа (12 сентября) австро-венгры не прекращали попыток отбить Львов, бои шли на 30–50 км западнее и северо-западнее города (Городок — Рава-Русская), но окончились полной победой русской армии. С 29 августа (11 сентября) началось общее отступление австрийской армии (более походившее на бегство, так как сопротивление наступающим русским было незначительным). Русская армия сохранила высокий темп наступления и в кратчайший срок захватила огромную, стратегически важную территорию — Восточную Галицию и часть Буковины. К 13 (26) сентября фронт стабилизировался на расстоянии 120–150 км западнее Львова. Сильная австрийская крепость Перемышль оказалась в осаде в тылу у русской армии (Осада Перемышля).

Обратим внимание на то, что Галицийская битва по масштабам того времени действительно была грандиозной. Военные действия шли на фронте шириной до 400 км в течение 35 дней. Русские армии Юго-Западного фронта под командованием генерала от артиллерии Н. И. Иванова, наступая тремя группами, продвинулись на 300 км. 8 августа перешли государственную границу Австро-Венгрии.

Тогда же случилось и самое масштабное и кровавое кавалерийское сражение Первой мировой войны. В битве под Ярославицем во встречном бою сошлись две дивизии: 10-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта графа Ф. А. Келлера и 4-я кавалерийская дивизия австро-венгерской армии. Келлер был прирожденный кавалерист, «первая шашка России». Его отношение к солдатам и офицерам было требовательным, но гуманным.

А. Г. Шкуро о Келлере: «Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. За время нашей службы при 3-ем конном корпусе я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особое внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. Неутомимый кавалерист, делавший по сто верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен. Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папахе и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодцеватой посадкой, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования».

Немец Келлер был одним из тех офицеров, коими по праву гордилась русская армия. Будучи добровольцем русско-турецкой войны, он награжден за выдающуюся храбрость солдатскими Георгиевскими крестами. (Во время Первой русской революции террористы бросили в него бомбу, но тот каким-то чудом уцелел. В апреле 1917 г. генерал откажется привести к присяге Временному правительству свой корпус и будет уволен за «монар-

Генерал Ф. А. Келлер

хизм». Генерал, сторонник «великой и неделимой» России, должен был возглавить белую северную армию, но не успел. Возглавив оборону Киева от войск Петлюры, он был схвачен петлюровцами и тут же расстрелян у памятника Богдану Хмельницкому.) Русские одержали полную победу.

Значимая победа в Галицийской битве вызвала ликование в России. Захват Галиции, с преобладающим в ней православным (и униатским) славянским населением, воспринимался в России не как оккупация, а как возвращение оторгнутой части исторической Руси. Австро-Венгрия потеряла веру в силы своей армии и в дальнейшем не рисковала приступать к крупным операциям без помощи германских войск. Так, в начале кампании 1914 г. ни австрийцы, ни немцы не смогли остановить наступление русских войск. Пришлось им снимать с французского фронта ряд корпусов. В воспоминаниях генерала Э. Людендорфа то и дело встречаются горькие сетования на то, что «немцы не приобрели жизнестойких боевых союзников», что «двуединая монархия неизлечимо больна» и что для немцев «обернулся серьезной бедой союз с такими отмирающими империями, как Австро-Венгрия и Турция».

Успехи доставались нам дорогой ценой: к концу 1914 г. Россия потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести или пленными 1,2 млн человек.

Военные действия в Царстве Польском. Предвоенная граница России с Германией и Австро-Венгрией имела далекую от сглаженности конфигурацию — в центре границы территория Царства Польского резко выдавалась на запад. Очевидным образом обе стороны начали войну с попыток сгладить фронт — русские пытались выровнять «вмятины», наступая на севере на Восточную Пруссию, а на юге — на Галицию, в то время как Германия стремилась убрать «выступ», наступая по центру на Польшу. После того, как русское наступление в Восточной Пруссии провалилось, Германия могла наступать только южнее, в Польше, чтобы фронт не развалился на две несвязные части. Кроме того,

Немцы в Польше

Немецкие пулеметчики

успех наступления в южной части Польши мог помочь и терпящим поражения австро-венграм.

15 (28) сентября наступлением германцев началась Варшавско-Ивангородская операция. Наступление шло в северо-восточном направлении, имея целью взять Варшаву и крепость Ивангород. 30 сентября (12 октября) немцы дошли до Варшавы и вышли на рубеж реки Вислы. Начались ожесточенные бои, в которых постепенно определилось преимущество русской армии. 7 (20) октября русские войска начали переходить Вислу, а 14 (27) октября германская армия начала общее отступление. К 26 октября (8 ноября) германские войска, не добившись результатов, отошли на первоначальные позиции.

29 октября (11 ноября) немцы с тех же позиций по довоенной границе предприняли повторное наступление в том же северо-восточном направлении (Лодзинская операция). Центром сражения оказался город Лодзь, захваченный и оставленный германцами несколькими неделями ранее. В динамично разворачивающемся сражении немцы вначале окружили Лодзь, затем сами были окружены превосходящими силами русских и отступили. Результаты боев оказались неопределенными — русским войскам удалось отстоять и Лодзь, и Варшаву; но в то же время Германии удалось захватить северо-западную часть Царства Польского — фронт, стабилизировавшийся к 26 октября (8 ноября), шел от Лодзи к Варшаве.

Позиции сторон к концу 1914 года. К новому 1915 году фронт выглядел следующим образом — на границе Восточной Пруссии и России фронт шел по довоенной границе, далее следовал плохо заполненный войсками обеих сторон разрыв, после чего снова начинался устойчивый фронт от Варшавы к Лодзи (северо-восток и восток Царства Польского с Петроковым, Ченстоховым и Калишем был занят Германией), в районе Кракова (остался за Австро-Венгрией) фронт пересекал довоенную границу Австро-Венгрии с Россией и переходил на захваченную русскими войсками австрийскую территорию. Большая часть Галиции досталась России, Львов (Лемберг) попал в глубокий (180 км от фронта) тыл. На юге фронт упирался в Карпаты, практически незанятые войсками обеих сторон. Находящаяся к востоку от Карпат Буковина с Черновцами перешла к России. Общая длина фронта составляла около 1200 км.

Итоги кампании 1914 года на русском фронте. Кампания в целом сложилась в пользу России. Столкновения с германской армией закончились в пользу немцев, и на германской части фронта Россия потеряла часть территории Царства Польского. Поражение России в Восточной Пруссии было морально болезненным и сопровождалось большими потерями. Но и Германия ни в одном пункте не смогла достичь запланированных ею результатов, все ее успехи с военной точки зрения были скромны. Между тем России удалось нанести крупное поражение Австро-Венгрии и захватить значительные территории. Сформировался определенный шаблон действий русской армии — к германцам относились с осторожностью, австро-венгров считали более слабым противником. Австро-Венгрия превратилась для Германии из полноправного союзника в слабого партнера, требующего непрерывной поддержки. Фронты к ново-

му 1915 году стабилизировались, и война перешла в позиционную фазу; но при этом линия фронта (в отличие от французского театра военных действий) продолжала оставаться несглаженной, а армии сторон заполняли ее неравномерно, с большими разрывами. Эта неравномерность в следующем году сделает события на Восточном фронте значительно более динамичными, чем на Западном. Русская армия к новому году начала ощущать первые признаки грядущего кризиса снабжения боеприпасами. Также выяснилось, что австро-венгерские солдаты склонны к сдаче в плен, а германские — нет.

Однако в 1914 г., несмотря на успехи русских войск, «немцам удалось вырваться из мешка и спастись» (Гурко), хотя в плен тогда чуть было не попал один из сыновей императора Вильгельма, его переправили на самолете через линии русских войск. Людендорф так оценил действия: «Под мощным давлением русских» австро-венгерская армия откатывалась назад; «Русские не отставали ни на шаг»; «Их мощь и упорство доставили нам массу неприятностей».

Страны Антанты смогли скоординировать действия на двух фронтах — наступление России в Восточной Пруссии совпало с самым тяжелым для Франции моментом боев, Германия была вынуждена сражаться на двух направлениях одновременно, а также и производить переброску войск от фронта к фронту.

Трофейная австрийская пушка

Балканский театр военных действий

На сербском фронте дела шли для австрийцев неудачно. Несмотря на большое численное превосходство, им удалось занять находившийся на границе Белград только 2 декабря, но 15 декабря сербы отбили Белград и выбили австрийцев со своей территории. Хотя требования Австро-Венгрии к Сербии и были непосредственной причиной начала войны, именно в Сербии военные действия 1914 года шли достаточно вяло.

Вступление в войну Японии

В августе 1914 года странам Антанты (прежде всего Англии) удалось убедить Японию выступить против Германии, невзирая на то, что эти две страны не имели существенных конфликтов интересов. 15 августа Япония предъявила Германии ультиматум, требуя вывести войска из Китая, а 23 августа — объявила войну. В конце августа японская армия начала осаду Циндао, единственной германской военно-морской базы в Китае, окончившуюся 7 ноября сдачей германского гарнизона.

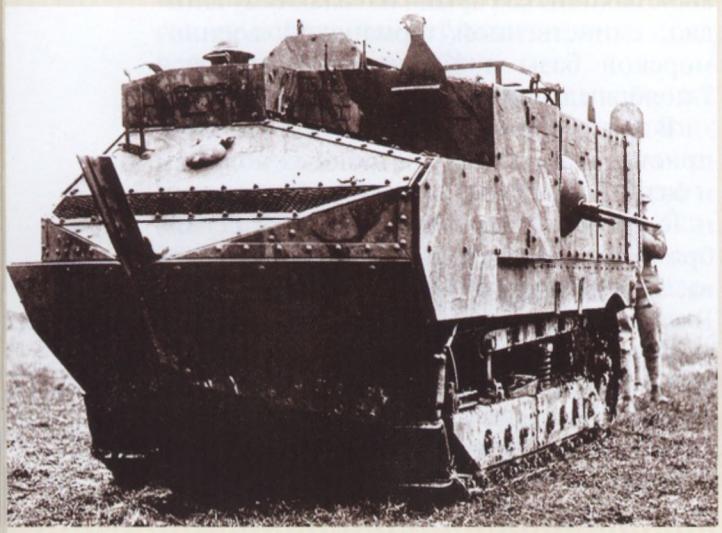
В сентябре-октябре Япония активно приступила к захвату островных колоний и баз Германии (Германской Микронезии и Германской Новой Гвинеи). 12 сентября были захвачены Каролинские острова, 29 сентября — Маршалловы острова. В октябре японцы высадились на Каролинских островах и захватили ключевой порт Рабаул. В конце августа войска Новой Зеландии захватили Германское Самоа. Австралия и Новая Зеландия заключили с Японией соглашение о разделении германских колоний, линией раз-

дела интересов был принят экватор. Силы Германии в регионе были незначительны и резко уступали японским, так что боевые действия не сопровождались крупными потерями. Участие Японии в войне на стороне Антанты оказалось крайне выгодным для России, полностью обезопасив ее азиатскую часть. Россия не имела больше нужды тратить ресурсы на содержание армии, флота и укреплений, направленных против Японии и Китая. Кроме того, Япония постепенно превратилась в важный источник снабжения России сырьем и вооружениями.

Вступление в войну Османской империи и открытие Азиатского театра военных действий

С началом войны в Турции не было согласия — вступать ли в войну и на чьей стороне. В неофициальном младотурецком триумвирате военный министр Энвер-паша и министр внутренних дел Талаат-паша были сторонниками Тройственного союза, но Джемаль-паша был сторонником Антанты.

Французский танк «Шнейдер»

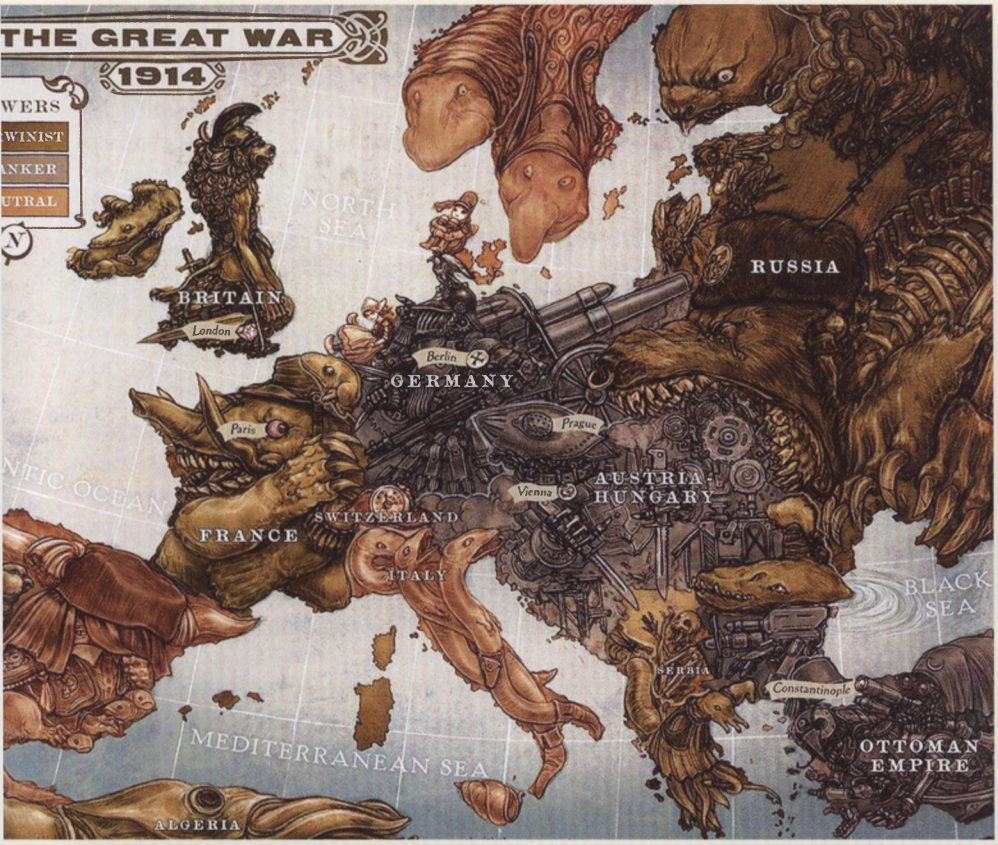
2 августа 1914 года был подписан германо-турецкий союзный договор, по которому турецкая армия фактически отдавалась под руководство германской военной миссии. В стране была объявлена мобилизация. Однако в то же время турецкое правительство опубликовало декларацию о нейтралитете.

10 августа в Дарданеллы вошли немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау», ушедшие от преследования британского флота в Средиземном море. С появлением этих кораблей не только турецкая армия, но и флот оказались под командованием немцев.

9 сентября турецкое правительство объявило всем державам, что оно приняло решение отменить режим капитуляций (льготное правовое положение иностранных граждан). Это вызвало протест со стороны всех держав.

Тем не менее большинство членов турецкого правительства, в том числе великий визирь, все еще выступали против войны. Тогда Энвер-паша вместе с немецким командованием начал войну без согласия остальных членов правительства, поставив страну перед свершившимся фактом. Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты. 29–30 октября (11–12 ноября) турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. 2 (15) ноября Россия объявила Турции войну. 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция.

Между Россией и Турцией возник Кавказский фронт. В декабре 1914 — январе 1915 года в ходе Сарыкамышской операции русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, а затем разгромила их и перешла в контрнаступление. Взяты Саракамыш и Эрзерум. Полезность Турции как союзника уменьшалась тем, что Центральные державы не имели с ней сообщения ни по суше (между Турцией и Австро-Венгрией располагалась еще не захваченная Сербия и пока что нейтральная Румыния), ни по морю (Средиземное море контролировалось Антантой).

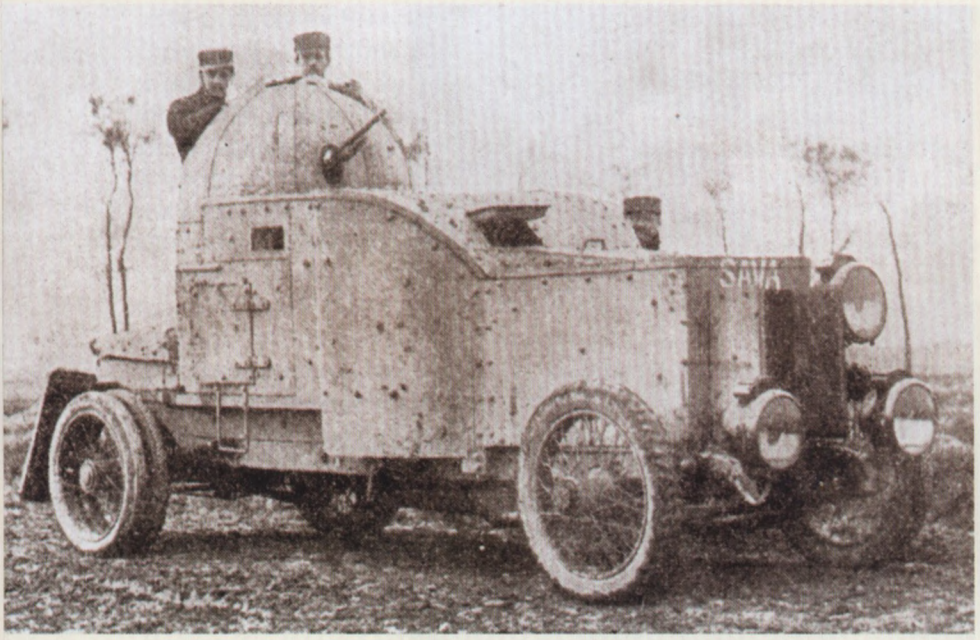
«Мировая песочница». Английский плакат

Вместе с тем и Россия потеряла самый удобный путь сообщения со своими союзниками — через Черное море и Проливы. У России осталось два порта, пригодных для перевозки большого количества грузов — Архангельск и Владивосток; провозная способность железных дорог, подходивших к этим портам, была невысокой.

Французский театр военных действий — Западный фронт

Вторжение германской армии в Бельгию. Перейдя бельгийскую границу утром 4 августа, германская армия, следуя Плану Шлиффена, легко смела слабые заслоны бельгийской армии и двинулась в глубь Бельгии. Бельгийская армия, которую германцы превышали по численности более чем в 10 раз, неожиданно оказала активное сопротивление, которое, однако, не смогло существенно задержать противника. Обходя и блокируя хорошо укрепленные бельгийские крепости: Льеж (пал 16 августа), Намюр (пал 25 августа) и Антверпен (пал 9 октября), — немцы гнали перед собой бельгийскую армию и 20 августа взяли Брюссель, в тот же день войдя в соприкосновение с англо-французскими силами.

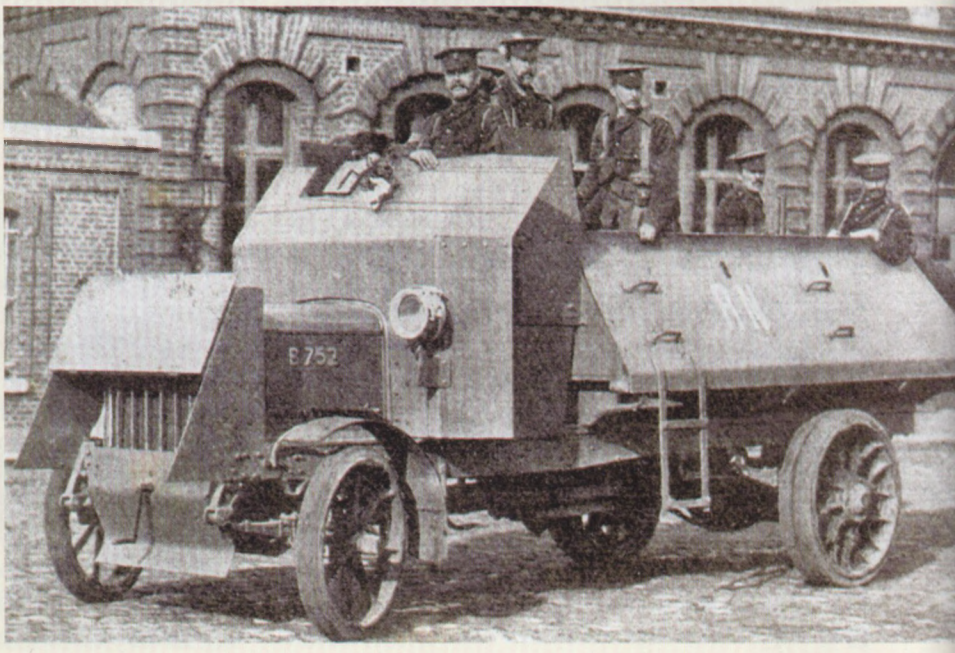
Движение германских войск было стремительным, немцы, не останавливаясь, обходили продолжавшие защищаться города и крепости. Правительство Бельгии бежало в Гавр. Король Альберт I с последними сохраняющими боеспособность частями продолжал оборонять Антверпен. Вторжению не предшествовало объявление войны, что начальник Генерального штаба Германии фон Мольтке младший объяснил тем, что «оно нежелательно, поскольку есть надежда, что руководству

Бельгийская бронемашина

страны станет ясной суть происходящих событий». Вторжение в Бельгию оказалось неожиданностью для французского командования, однако французы сумели организовать переброску своих частей в направлении прорыва значительно быстрее, чем то предполагалось германскими планами.

Действия в Эльзасе и Лотарингии. 7 августа 1914 г. французы силами 1-й и 2-й армий начали наступление в Эльзасе, а 14 августа — и в Лотарингии. Наступление имело для французов символическое значение — территория Эльзаса-Лотарингии была отторгнута у Франции в 1871 году, после поражения во франко-прусской

Английская бронемашина

войне. Хотя первоначально им удалось углубиться на германскую территорию, захватив Саарбрюккен и Мюльтхаузен. Одновременно разворачивающееся наступление германцев в Бельгии заставило их перекинуть туда часть своих войск. Последовавшие контрудары не встретили у французов достаточного сопротивления, и к концу августа французская армия отошла на прежние позиции, оставив Германии небольшую часть французской территории.

7 августа англо-французские и германские войска пришли в соприкосновение — началось Пограничное сражение. Французское командование к моменту начала войны не ожидало, что основное наступление германских войск произойдет через Бельгию, основные силы французских войск были сосредоточены против Эльзаса. С начала вторжения в Бельгию французы начали активное перемещение частей в направлении прорыва, к моменту соприкосновения с врагом фронт находился в достаточном беспорядке, и французы и англичане были вынуждены принять бой тремя не соприкасающимися группами войск.

На территории Бельгии, у Монса, располагался Британский экспедиционный корпус, юго-восточнее, у Шарлеруа, стояла 5 французская армия. В Арденнах, по границе Франции с Бельгией и Люксембургом, размещались 3-я и 4-я французские армии. Во всех трех районах англо-французские войска потерпели тяжелое поражение (битва при Монсе, при Шарлеруа, Арденнская операция (1914)), потеряв около 250 тысяч человек, и немцы с севера широким фронтом вторглись во Францию, нанося главный удар западнее, в обход Парижа, беря таким образом французскую армию в гигантские клещи.

Германские армии стремительно шли вперед. Английские части отступали к побережью, французское командование не было уверено в возможности удержать Париж, 2 сентября правительство Франции переместилось в Бордо. Оборону города

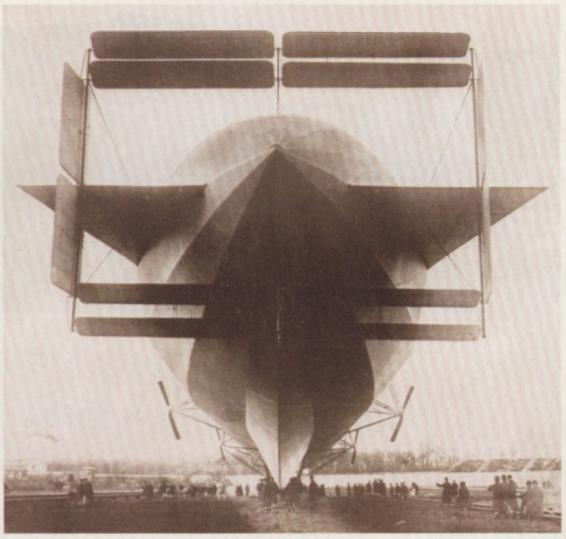

Тяжелый английский танк

возглавил энергичный генерал Галлиени. Силы французов перегруппировывались к новому рубежу обороны по реке Марна. Французы энергично готовились к защите столицы, принимая экстраординарные меры. Широко известен эпизод, когда Галлиени приказал срочно перекинуть на фронт пехотную бригаду, использовав для этой цели парижские такси.

Неудачные августовские действия французской армии заставили командующего ею генерала Жоффра немедленно заменить большое количество (до 30 % от общего числа) плохо проявивших себя генералов; обновление и омоложение французского генералитета впоследствии оценивалось крайне положительно.

Битва на Марне 2–12 сентября 1914 г. Для завершения операции по обходу Парижа и окружению французской армии у германской армии не хватило сил. Войска, пройдя с боями сотни километров, вымотались, коммуникации растянулись, нечем было прикрывать фланги и возникающие бреши, резервов не было, маневрировать приходилось одними и теми же частями, гоняя их туда-сюда, поэтому Ставка согласилась с предложением командующего: совершавшей обходной маневр 1-й армии фон Клюка сократить фронт наступления и не совершать глубокий охват французской армии в обход Парижа, а повернуть на восток севернее французской столицы

Французский дирижабль

и ударить в тыл основным силам французской армии.

Поворачивая на восток севернее Парижа, немцы подставляли свои правый фланг и тыл под удар французской группировки, сосредоточенной для обороны Парижа. Прикрыть правый фланг и тыл было нечем: 2 корпуса и конная дивизия, изначально предназначавшиеся для усиления наступающей группировки, были отправлены в Восточную Пруссию на помощь терпящей поражение 8-й германской армии.

Тем не менее германское командование пошло на роковой для себя маневр:

Немцы в окопах

повернуло войска на восток, не доходя до Парижа, надеясь на пассивность противника. Французское командование не преминуло воспользоваться представившейся возможностью и ударило в неприкрытые фланг и тыл германской армии. Началась Первая битва на Марне, в которой союзникам удалось переломить ход боевых действий в свою пользу и отбросить немецкие войска на фронте от Вердена до Амьена на 50–100 километров назад. Измотанных боями немцев порой брали в плен спящими, настолько изнурительными были сражения.

Битва на Марне была интенсивной, но непродолжительной — основное сражение началось 5 сентября, 9 сентября поражение германской армии стало очевидным, к 12–13 сентября был закончен отход германской армии к рубежу по рекам Эна и Вель. Приказ об отходе был встречен с полным непониманием. В результате впервые за время военных действий в немецкой армии получили распространение настроения разочарованности и подавленности. Битва на Марне имела большое моральное значение для всех сторон. Для французов она стала первой победой над германцами, преодолением позора поражения в франко-прусской войне. После битвы на Марне капитулянтские настроения во Франции заметно пошли на спад. Англичане осознали недостаточную боевую мощь своих войск и в дальнейшем взяли курс на увеличение своих вооруженных сил в Европе и усиление их боевой подготовки. Германские планы быстрого разгрома Франции потерпели крах; возглавлявший Полевой генеральный штаб Мольтке был заменен Фалькенгайном. Жоффр, напротив, приобрел во Франции огромный авторитет. Битва на Марне стала поворотным моментом войны на французском театре военных действий, после которого прекратилось непрерывное отступление англо-французских войск, фронт стабилизировался, а силы противников — приблизительно сравнялись.

«Бег к Морю». Сражения во Фландрии. Битва на Марне перешла в так называемый

Французы ищут новости о войне

«Бег к морю» — двигаясь, обе армии пытались окружить друг друга с фланга, что привело лишь к тому, что линия фронта сомкнулась, упершись в берег Северного моря. Действия армий в этой плоской, населенной, насыщенной дорогами и железными дорогами местности отличались чрезвычайной мобильностью; как только одни столкновения оканчивались стабилизацией фронта, обе стороны быстро перемещали свои войска на север, в сторону моря, и сражение возобновлялось на следующем этапе. На первом этапе (вторая половина сентября) бои шли по рубежам рек Уаза и Сомма, затем, на втором этапе (29 сентября — 9 октября), бои шли вдоль реки Скарпы (сражение при Аррасе); на третьем этапе произошли сражения у Лилля (10–15 октября), на реке Изер (18–20 октября), у Ипра (30 октября — 15 ноября). 9 октября пал последний очаг сопротивления бельгийской армии — Антверпен, а потрепанные бельгийские части присоединились к англо-французским, заняв на фронте крайнюю северную позицию.

К 15 ноября все пространство между Парижем и Северным морем было плотно заполнено войсками обеих сторон, фронт стабилизировался, наступательный потенциал германцев исчерпался, обе стороны перешли к позиционной борьбе. Важным успехом Антанты можно считать то, что ей удалось удержать порты, наиболее удобные для морского сообщения с Англией (прежде всего Кале).

Позиции сторон к концу 1914 г. К концу 1914 года Бельгия была почти полностью завоевана Германией. Фронт начинался на побережье у Остенде и шел прямо на юг к Ипру. Таким образом, за Антантой осталась только небольшая западная часть Фландрии с городом Ипр. Лилль был отдан германцам. Затем фронт шел через Аррас на Нуайон (за германцами), поворачивал на Восток к Лану (за французами), затем на юг к Суассону (за французами). Здесь фронт ближе всего подходил к Парижу (около 70 км) и отсюда через Реймс (за французами) шел в направлении на Восток и переходил во Верденский укрепленный район. Потерянная французами территория имела форму веретена протяженностью вдоль фронта 380–400 км, глубиной в самом широком месте 100–130 км от довоенной границы Франции в сторону Парижа. После этого, в районе Нанси, заканчивалась зона активных боевых действий 1914 года, фронт далее в целом шел по границе Франции и Германии. Нейтральные Швейцария и Италия (пока) в войне не участвовали.

Итоги кампании 1914 г. на французском театре военных действий. Кампания 1914 года отличалась чрезвычайной динамичностью. Крупные армии обеих сторон активно и быстро маневрировали, чему способствовала насыщенная дорожная сеть района боевых действий. Расположение войск не всегда образовывало сплошной фронт, войска не возводили долговременных оборонительных линий. К ноябрю 1914 года начала складываться стабильная линия фронта. Обе стороны, исчерпав наступательный потенциал, приступили к постройке траншей и проволочных заграждений, рассчитанных на постоянное использование. Война перешла в позиционную фазу. Так как протяженность всего Западного фронта (от Северного моря до Швейцарии) составляла немногим более 700 километров, плотность расположения

войск на нем была существенно выше, чем на Восточном фронте.

Особенностью кампании было то, что интенсивные военные действия велись только на северной половине фронта (севернее Верденского укрепленного района), где обе стороны сконцентрировали основные силы. Фронт от Вердена и южнее рассматривался обеими сторонами как второстепенный. Потерянная французами зона (центром которой являлась Пикардия) была плотно заселенной и значимой как в сельскохозяйственном, так и в индустриальном отношении.

11 ноября в битве под Лангемарком немцы провели атаку, поразившую мировую общественность своей бессмысленностью и пренебрежением к человеческой жизни, бросив на английские пулеметы подразделения, набранные из необстрелянных молодых людей — студентов и рабочих. Затем подобное неоднократно стали повторять военачальники с обеих сторон, а солдаты на этой войне стали рассматриваться как «пушечное мясо».

К началу 1915 года воюющие державы столкнулись с тем, что война приняла такой характер, который не предусматривался довоенными планами ни одной из сторон, — она стала затяжной. Хотя германцам удалось захватить почти всю Бельгию и значительную часть Франции, их главная цель — стремительная победа над французами — оказалась совершенно недоступной. И Антанте, и Центральным державам пришлось, по существу, начать еще не виданную человечеством войну нового типа — изматывающую, долгую, требующую тотальной мобилизации населения и экономики.

Накопленных в предвоенные годы запасов боеприпасов как раз хватило только до конца 1914 года и требовалось срочно наладить их массовое производство. Сражения 1914 г. доказали силу тяжелой артиллерии, роль которой до войны во всех армиях, кроме германской, недооценивалась. В связи с переходом к позиционной войне резко возросла роль инженерно-саперных войск. При этом война показала уязвимость крепостей, которые показали способность к обороне только при поддержке полевых армий. Относительный неуспех Германии имел еще один важный результат — Италия, третий член Тройственного союза, воздержалась от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Вооружение французской армии

Боевые действия на море

С началом войны германский флот развернул крейсерские действия по всему Мировому океану, что, однако, не привело к существенному нарушению торгового судоходства противников. Тем не менее для борьбы с германскими рейдерами была отвлечена часть флота стран Антанты. Германской эскадре вице-адмирала фон

Английский корабль «Лузитания», перевозивший пассажиров из Англии в США. Потоплен торпедой с германской подлодки в мае 1915 г.

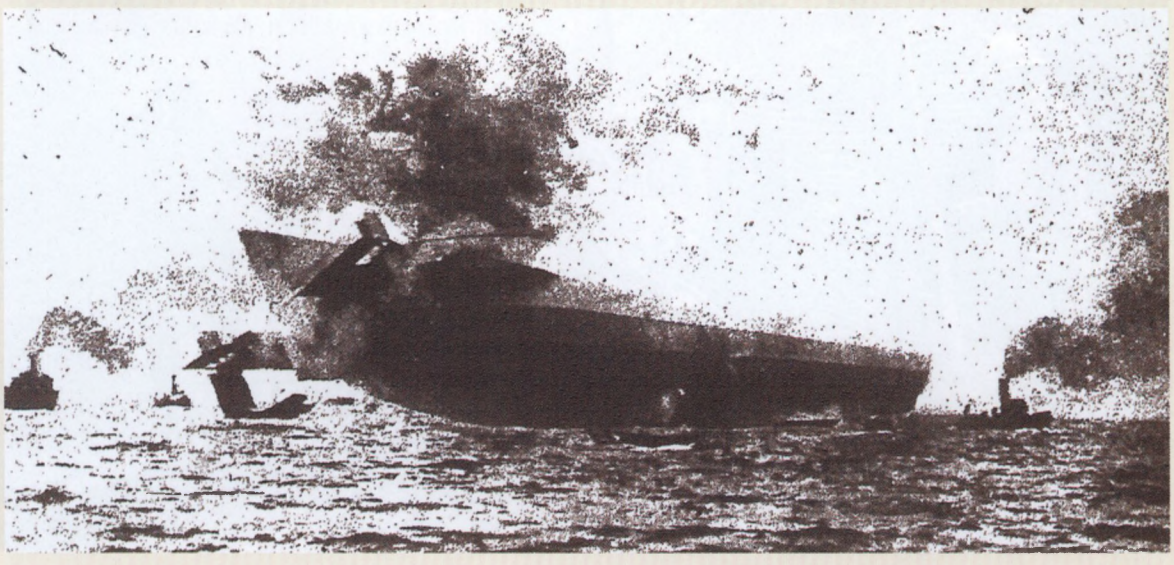

Символические похороны «Лузитании»

Шпее с хорошо тренированными экипажами, получавшими призы при стрельбе с качающейся платформы, удалось нанести поражение английской эскадре под командованием Кредока, укомплектованной резервистами, в бою у мыса Коронель (Чили) 1 ноября. Причиной поражения стала, в частности, невыгодная позиция по отношению к заходящему солнцу.

Позже Шпее получил указание идти на Фолкленды, где 8 декабря попал в ло-

Гибель немецкого дирижабля «Персифаль» на Балтике. Пароходы пытаются оттащить тонущий дирижабль

вушку и его эскадра (броненосные крейсеры «Шарнхорст» и «Гнейзенау») была расстреляна в Фолклендском бою линейными крейсерами англичан, тайно направленными в Порт-Стенли. В Северном море флоты противоборствующих сторон осуществляли набеговые действия. Первое крупное столкновение произошло 28 августа у острова Гельголанд (Гельголандский бой). Победу одержал английский флот.

Балтийский флот России занимал оборонительную позицию, к которой германский флот, занятый действиями на других театрах, даже и не приближался.

Черноморский флот, главной ударной силой которого были броненосцы додредноутного типа, в начальный период войны вел неравную борьбу с новейшим германским тяжелым крейсером «Гебен». Перелом наступил лишь в конце 1915 г. с вступлением в строй двух современных линкоров-дредноутов «Императрица Мария» (июль 1915) и «Императрица Екатерина Великая» (октябрь 1915). До конца 1917 г. флот принимал активное участие в поддержке действий Кавказского фронта.

После Октябрьской революции русский флот потерял боеспособность, и военные действия на Черном море прекратились. База флота в Севастополе по Брестскому договору перешла под контроль Германии.

Кампания 1915 года

Французский театр военных действий — Западный фронт]

Действия начала 1915 года. Интенсивность действий на Западном фронте с начала 1915 года значительно уменьшилась. Германия сосредоточила свои силы на подготовке операций против России. Французы и англичане также предпочли воспользоваться образовавшейся паузой для накопления сил. Первые четыре месяца года на фронте царило почти полное затишье, боевые действия велись только в Артуа, в районе города Аррас (попытка наступления французов в феврале) и юго-восточнее Вердена, где германские

Газовая атака

позиции образовывали так называемый Сер-Миельский выступ в сторону Франции (попытка наступления французов в апреле). Англичане в марте предприняли неудачную попытку наступления у деревни Нев-Шапель.

Немцы, в свою очередь, предприняли контрудар на севере фронта, во Фландрии у Ипра, против английских войск (22 апреля — 25 мая, вторая битва при Ипре). При этом Германия, впервые в истории человечества и с полной неожиданностью для англо-французов, применила химическое оружие (из баллонов был выпущен хлор). От газа пострадало 15 тыс. человек, из которых 5 тыс. умерли. Германцы не имели достаточных резервов, чтобы воспользоваться результатом газовой атаки и прорвать фронт. После ипрской газовой атаки обе стороны очень быстро сумели разработать противогазы различных конструкций, и дальнейшие попытки применения химического оружия уже не захватывали врасплох большие массы войск. В дальнейшем немцы применят это оружие на Восточном фронте против русских.

В ходе этих боевых действий, давших самые малозначимые результаты при заметных жертвах, обе стороны убедились в том, что штурм хорошо оборудованных позиций (несколько линий окопов, блиндажи, заграждения из колючей проволоки) бесперспективен без активной артиллерийской подготовки.

Немцы под Ипром

В окопах под Ипром

Весенняя операция в Артуа. 3 мая Антанта начала новое наступление в Артуа. Наступление велось совместными англо-французскими силами. Французы наступали севернее Арраса, англичане — на смежном участке в районе Нев-Шапель. Наступление было организовано по-новому: огромные силы (30 дивизий пехоты, 9 корпусов кавалерии, более 1700 орудий) было сосредоточено на 30 километрах участка наступления. Наступлению предшествовала шестидневная артиллерийская подготовка (было израсходовано 2,1 млн снарядов), которая, как предполагалось, должна была полностью подавить сопро-

Во время газовой атаки

тивление германских войск. Расчеты не оправдались. Огромные потери Антанты (130 тыс. человек), понесенные за шесть недель боев, полностью не соответствовали достигнутым результатам — к середине июня французы продвинулись на 3–4 км по фронту 7 км, а англичане — менее чем на 1 км по фронту 3 км.

Осенняя операция в Шампани и Артуа. К началу сентября Антанта подготовила новое большое наступление, задачей которого было освобождение севера Франции. Наступление началось 25 сентября и происходило одновременно на двух участках, отстоящих друг от друга на 120 км — на 35 км фронта в Шампани (восточнее Реймса) и на 20 км фронта в Артуа (у Арраса, третья битва при Артуа). В случае успеха наступающие с двух сторон войска должны были через 80–100 км сомкнуться на границе Франции (у Монса), что привело бы к освобождению Пикардии. По сравнению с весенним наступлением в Артуа масштабы были увеличены: к наступлению было привлечено 67 пехотных и кавалерийских дивизий, до 2600 орудий; во время операции было выпущено свыше 5 млн снарядов. Англо-французские войска применяли новую тактику наступления несколькими «волнами». К моменту наступления германские войска сумели усовершенствовать свои оборонительные позиции — в 5–6 километрах за первой оборонительной линией была устроена вторая оборонительная линия, плохо просматриваемая с позиций противника (каждая из оборонительных линий состояла, в свою очередь, из трех рядов траншей). Наступление, продолжавшееся до 7 октября, привело к чрезвычайно ограниченным результатам — на обоих участках удалось прорвать только первую линию германской обороны и отбить не более 2–3 км территории. В то же время потери обеих сторон были огромными — англо-французы потеряли убитыми

Британская тяжелая артиллерия

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. КАМПАНИЯ 1915 Г.

и ранеными 200 тыс. человек, германцы — 140 тыс. человек.

Позиции сторон к концу 1915 г. и итоги кампании. За весь 1915 год фронт практически не сдвинулся — результатом всех ожесточенных наступлений явились подвижки линии фронта не более чем на 10 км. Обе стороны, все более и более укреплявшие свои оборонительные позиции, не смогли выработать тактики, по-

Немецкий плакат

зволяющей прорвать фронт, даже на условиях чрезвычайно высокой концентрации сил и многодневной артиллерийской подготовки. Огромные жертвы обеих сторон не дали никакого значимого результата. Ситуация, однако, позволила Германии усилить натиск на Восточном фронте — все укрепление германской армии было направлено на борьбу с Россией, в то время как улучшение оборонительных линий и тактики обороны позволяло германцам быть уверенными в прочности Западного фронта при постепенном сокращении задействованных на нем войск.

Действия начала 1915 года показали, что сложившийся тип военных действий создает огромную нагрузку на экономики воюющих стран. Новые сражения требовали не только мобилизации миллионов граждан, но и гигантского количества вооружений и боеприпасов. Довоенные запасы оружия и боеприпасов исчерпались, и воюющие страны начали активно перестраивать свои экономики под военные нужды. Война из сражения армий постепенно стала превращаться в сражение экономик. Активизировались разработки новой военной техники, как средства выхода из патовой ситуации на фронте; армии становились все более и более механизированными. Армии заметили значительную пользу, приносимую авиацией (разведка и корректировка артогня) и автомобилями. Усовершенствовались методы траншейной войны — появились траншейные орудия, легкие минометы, ручные гранаты.

Франция и Россия снова предприняли попытки скоординировать действия своих армий — весеннее наступление в Артуа было призвано отвлечь германцев от активного наступления на русских. 7 июля в Шантильи открылась первая Межсоюзническая конференция, направленная на планирование совместных действий союзников на разных фронтах и организацию различного рода экономической и военной помощи. 23–26 ноября там же состоялась вторая конференция. Было признано необходимым начать подготовку к согласованному наступлению всех союзных армий на трех главных театрах — французском, русском и итальянском.

Русский театр военных действий — Восточный фронт

Зимняя операция в Восточной Пруссии. В феврале русская армия предприняла очередную попытку наступления на Восточную Пруссию, на этот раз с юго-востока, из Мазурии, от города Сувалки. Плохо подготовленное, необеспеченное артиллерийской поддержкой наступление мгновенно захлебнулось и перешло в контрудар немецких войск, так называе-

Австрийская артиллерия

мую Августовскую операцию (по названию города Августов). К 26 февраля германцам удалось вытеснить русские войска с территории Восточной Пруссии и продвинуться в глубь Царства Польского на 100–120 км, захватив Сувалки, после чего в первой половине марта фронт стабилизировался, Гродно остался за Россией. 20-й русский корпус был окружен и почти полностью уничтожен. Несмотря на победу германцев, их надежды на полное крушение русского фронта не оправдались. В ходе следующего сражения — Праснышской операции (25 февраля — конец марта) — германцы встретились с ожесточенным сопротивлением русских войск, перешедшим в контратаку в районе Пщасныша, приведшей к отходу германцев на довоенную границу Восточной Пруссии (Сувалкская губерния при этом осталась за Германией).

Зимняя операция в Карпатах. 9–11 февраля австро-германские войска начали наступление в Карпатах, особенно сильно нажимая на наиболее слабую часть русского фронта на юге, в Буковине. В то же время русская армия начала встречное наступление, рассчитывая перейти Карпаты и вторгнуться в Венгрию с севера на юг. В северной части Карпат, ближе к Кракову, силы противников оказались равными, и фронт за время боев в феврале и марте практически не сдвинулся, оставшись в предгорьях Карпат с российской стороны. Но на юге Карпат русская армия не успела сгруппироваться, и концу марта русскими войсками была потеряна большая часть Буковины с Черновцами. 22 марта пала осажденная австрийская крепость Перемышль, сдалось более 120 тыс. человек. Взятие Перемышля стало последним крупным успехом русской армии в 1915 г.

Горлицкий прорыв. Начало Великого отступления русских армий — потеря Галиции. К середине весны ситуация на фронте в Галиции изменилась. Германцы расширили зону своих операций, перебросив на северную и центральную часть фронта в Австро-Венгрии свои войска, более слабые австро-венгры теперь отвечали только за южную часть фронта.

На участке в 35 км германцы сосредоточили 32 дивизии и 1500 орудий; русские войска уступали по численности в 2 раза и были полностью лишены тяжелой артиллерии, начала сказываться и нехватка снарядов основного (трехдюймового) калибра. П. Д. Долгоруков вспоминал: «Уже в начале 1915 года, когда я со своим передовым отрядом союза городов был в Галиции, на сотни германо-австрийских снарядов мы выпускали десятки, а потом единицы.

Австрийские войска в Карпатах

Русские артиллеристы, вооруженные трехдюймовыми пушками, на боевых позициях

Снарядов не было. Мы всю зиму проработали в Тарнове на Дунайце под ударами 16-дюймовой „Берты“, которая образовывала воронки в десять аршин диаметром, дробила окна, засыпала нас землей и камнями... И нельзя было в таких случаях показаться не только автомобилю, но и пешим, чтоб не быть забросанными снарядами. А у нас Радко Дмитриев, командующий 3-й армией, объезжая фронт, все время только и говорил: „Берегите снаряды!“».

Другой участник боев вспоминал: «Не хватало боеприпасов. Из трех снарядов, выпущенных нашей батареей, два не взорвалось. Немцы ответили несколькими залпами тяжелой артиллерии».

19 апреля (2 мая) германские войска начали наступление на центр русской позиции в Австро-Венгрии — Горлице, нацелив основной удар на Львов (Горлицкий прорыв). Дальнейшие события сложились неблагоприятно для русской армии: численное преобладание германцев, неудачное маневрирование и использование резервов, нарастающая нехватка снарядов и полное преобладание германской тяжелой артиллерии привели к тому, что к 22 апреля (5 мая) фронт в районе Горлиц был прорван. Начавшийся отход русских армий продолжался до 9 (22) июня (Великое отступление 1915 года). Весь фронт южнее Варшавы передвинулся в сторону России. В Царстве Польском были оставлены Радомская и Келецкая губернии, фронт прошел через Люблин (за Россией); из территорий Австро-Венгрии была оставлена большая часть Галиции (только что взятый Перемышль был оставлен 3 (16) июня, а Львов — 9 (22) июня, за русскими войсками осталась только небольшая (до 40 км глубиной) полоса с Бродами, весь регион Тарнополя и небольшая часть Буковины. Отступление, начавшись с прорыва германцев, к моменту оставления Львова приобрело плановый характер, русские войска отходили в относительном порядке. Но тем не менее, столь крупная военная неудача сопровождалась потерей русской армией боевого духа и массовыми сдачами в плен.

Воздушный бой

Немецкие окопы на Восточном фронте

Продолжение Великого отступления русских армий — потеря Польши. Добившись успеха на южной части театра военных действий, германское командование решило немедленно продолжать активное наступление в северной его части — в Польше и в Восточной Пруссии — Остзейском крае. Так как Горлицкий прорыв не привел, в конечном счете, к полному падению русского фронта (русские войска смогли стабилизировать ситуацию и закрыть фронт ценой значительного отступления), на этот раз тактика была изменена — предполагался не прорыв фронта в одной точке, а три независимых наступления. Два направления наступления нацеливались на Царство Польское (где русский фронт продолжал образовывать выступ в сторону Германии) — германцы планировали прорывы фронта с севера, со стороны Восточной Пруссии (прорыв на юг между Варшавой и Ломжей, в районе реки Нарев), и с юга, со стороны Галиции (на север по междуречью Вислы и Буга); при этом направления обоих прорывов сходились на границе Царства Польского, в районе Брест-Литовска; в случае выполнения германского плана русским войскам приходилось оставить всю Польшу, чтобы избежать окружения в районе Варшавы. Третье наступление, из Восточной Пруссии в сторону Риги, планировалось как наступление на широком фронте, без концентрации на узком участке и прорыва.

Наступление между Вислой и Бугом было начато 13 (26) июня, а 30 июня (13 июля) началась Наревская операция. После ожесточенных боев фронт был прорван в обоих местах, и русская армия, как и было предусмотрено германским планом, начала общий отход из Царства Польского. 22 июля (4 августа) были оставлены Варшава и крепость Ивангород, 7 (20) августа пала крепость Новогеоргиевск, 9 (22) августа — крепость Осовец,

Казаки на фронте

13 (26) августа русские войска оставили Брест-Литовск, а 19 августа (2 сентября) — Гродно.

Наступление из Восточной Пруссии (Риго-Шавельская операция) началось 1 (14) июля. За месяц боев русские войска были оттеснены за Неман, германцы захватили Курляндию с Митавой и важнейшей военно-морской базой Либавой, Ковно, вплотную подошли к Риге.

Успеху германского наступления способствовало то обстоятельство, что к лету кризис военного снабжения русской армии достиг максимума. Особое значение имел так называемый «снарядный голод» — острейший недостаток снарядов для артиллерийских орудий русской армии. Генерал Головин писал: «Как громадный зверь, немецкая армия подползала своими передовыми частями к нашим окопам, но лишь настолько, чтобы приковать к себе наше внимание, и в то же время готовая немедленно же после очищения окопов занять их. Затем зверь-гигант подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Последняя становилась в районы, малодоступные для нашей легкой артиллерии, часто вне достижимости ее выстрелов, и с немецкой методичностью начинала барабанить по нашим окопам. Она молотила по ним до тех пор, пока те не были сровнены с землею, а их защитники перебиты. После этого зверь осторожно вытягивал свои лапы — пехотные части — и занимал окопы; в это время тяжелая артиллерия держала под жестоким огнем наши батареи и наш тыл, а выдвинувшаяся легкая артиллерия и пулеметы охраняли выдвигающуюся пехоту от наших контратак».

Русские солдаты в окопах

Такое положение с вооружением, снарядный голод деморализующе влияли на армию и вели к падению духа русских войск. И напрасно царь сотрясал воздух речами и проклятиями: «Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя». Конечно, словами не поможешь — нужны дела, нужны были жесткие меры и твердая рука. Нужны были снаряды, остро необходима тяжелая артиллерия, а их не было.

Взятие крепости Новогеоргиевск, сопровождавшееся сдачей больших частей войск и неповрежденного оружия и имущества без боя, вызвало в российском обществе новую вспышку шпиономании и слухов об измене. Царство Польское давало России около четверти добычи каменного угля, потеря польских месторождений так и не была скомпенсирована, с конца 1915 года в России начался топливный кризис.

Завершение великого отступления и стабилизация фронта. 9 (22) августа германцы переместили направление главного удара; теперь основное наступление происходило по фронту севернее Вильно, в районе Свенцян, и было направлено на Минск (Виленская операция). 27–28 августа (8–9 сентября) германцы, воспользовавшись неплотностью расположения русских частей, смогли прорвать фронт (Свенцянский прорыв). Результатом оказалось то, что русские войска смогли заполнить фронт только после того, как отошли непосредственно к Минску. Виленская губерния Россией была потеряна.

14 (27) декабря русские войска начали наступление против австро-венгерских войск на реке Стрыпе, в районе Тернополя, вызванное необходимостью отвлечь

австрийцев от сербского фронта, где положение сербов стало очень тяжелым. Попытки наступления не принесли никаких успехов, и 15 (29) января операция была остановлена.

Между тем отход русских армий продолжался и южнее зоны Свенцянского прорыва. В августе русскими войсками были оставлены Владимир-Волынский, Ковель, Луцк, Пинск. На более южной части фронта положение было стабильным, так как к тому моменту силы австро-венгров были отвлечены боями в Сербии и на итальянском фронте. К концу сентября — началу октября фронт стабилизировался, и на всей его протяженности наступило затишье. Наступательный потенциал германцев был исчерпан, Россия начала восстанавливать свои сильно пострадавшие при отступлении войска и укреплять новые оборонительные рубежи.

В результате пятимесячного Великого отступления русская армия потеряла убитыми и ранеными 1,5 млн человек. «Столь храбрую армию немцы гнали огнем, как стадо... В мучениях этих храбрецов виновата чиновная тупость, из-за нее оказались они лишены средств защиты себя и своей страны, за которую готовы были умереть», — писал о тех драматических событиях премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж.

Позиции сторон к концу 1915 г. К концу 1915 года фронт превратился практически в прямую линию, соединяющую Балтийское и Черное моря; выступ фронта в Царстве Польском полностью исчез — Польша была полностью занята Германией. Курляндия была занята Германией, фронт вплотную подходил к Риге и далее шел по Западной Двине до укрепленного района Двинска. Далее фронт проходил по Северо-Западному краю: Ковенская, Виленская, Гродненская губернии, западная часть Минской губернии были заняты Германией (Минск остался за Россией). Затем фронт проходил через Юго-Западный край: западная треть Волынской губернии с Луцком была занята Германией, Ровно осталось за Россией. После этого

Санитарный обоз

фронт переходил на бывшую территорию Австро-Венгрии, где за русскими войсками осталась часть района Тарнополя в Галиции. Далее, к Бессарабской губернии, фронт возвращался на довоенную границу с Австро-Венгрией и заканчивался на границе с нейтральной Румынией.

Новая конфигурация фронта, не имевшего выступов и плотно заполненного войсками обеих сторон, естественным образом подталкивала к переходу к позиционной войне и к оборонительной тактике.

Итоги кампании 1915 г. на Восточном фронте. Результаты кампании 1915 года для Германии на востоке были определенным образом схожи с кампанией 1914 года на западе: Германия смогла добиться существенных военных побед и захватить территорию противника, тактическое преимущество Германии в маневренной войне было очевидным; но в то же время генеральная цель — полное поражение одного из противников и вывод его из войны — не была достигнута и в 1915 году. Одерживая тактические победы, Центральные державы были неспособны полностью разбить ведущих противников, в то время как их экономика все более и более слабела.

Россия, невзирая на большие потери в территории и в живой силе, полностью сохранила способность продолжать войну (хотя ее армия за длительный период отступления потеряла наступательный дух). Кроме того, к концу Великого отступления в России был преодолен кризис военного снабжения, и ситуация с артиллерией и снарядами для нее к концу года норма-

Немцы осматривают подбитый английский танк

лизовалась. Ожесточенная борьба и большие людские потери привели экономики России, Германии и Австро-Венгрии к перенапряжению, негативные результаты которого будут все более и более заметны в последующие годы.

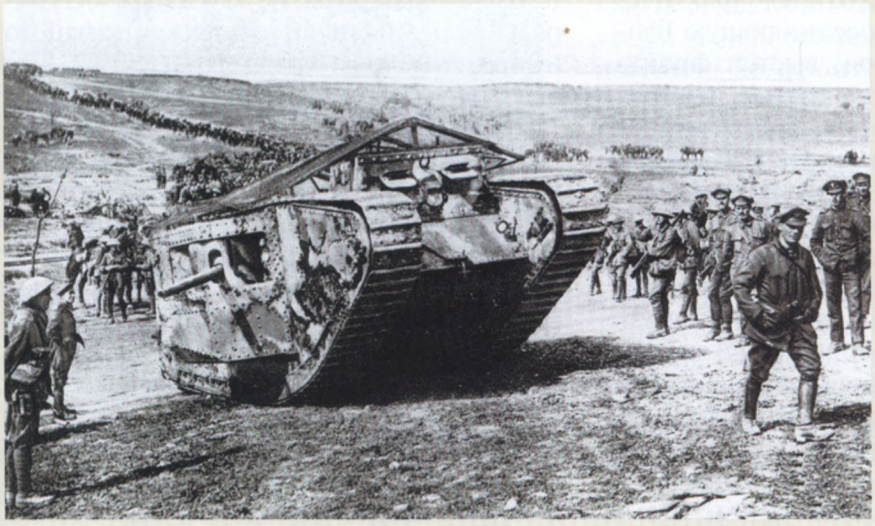
Вступление в войну Италии

С началом войны Италия оставалась нейтральной. 3 августа 1914 г. итальянский король сообщил Вильгельму II, что условия возникновения войны не соответствуют тем условиям в договоре о Тройственном союзе, при которых Италия должна вступить в войну. В тот же день итальянское правительство опубликовало декларацию о нейтралитете. После длительных переговоров Италии с Центральными державами и странами Антанты 26 апреля 1915 года был заключен Лондонский пакт, по которому Италия обязалась в течение месяца объявить войну Австро-Венгрии, а также выступить против всех врагов Антанты.

В качестве «платы за кровь» Италии был обещан ряд территорий. Англия предоставила Италии заем в 50 млн фунтов. Несмотря на последовавшие ответные предложения территорий со стороны Центральных держав, на фоне ожесточенных внутриполитических столкновений противников и сторонников двух блоков, 23 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии.

Балканский театр военных действий, вступление в войну Болгарии

До осени на сербском фронте не наблюдалось никакой активности. К началу осени, после завершения удачной кампании по вытеснению русских войск из Галиции и Буковины, австро-венгры и германцы смогли перебросить для нападения на Сер-

Английский танк

бию большое количество войск. В то же время ожидалось, что Болгария, под впечатлением успехов Центральных держав, намеревается вступить в войну на их стороне. В таком случае малонаселенная Сербия с небольшой армией оказывалась окруженной врагами с двух фронтов, и ей предстояло неизбежное военное поражение.

Англо-французская помощь прибыла с большим опозданием — только 5 октября войска стали высаживаться в Салониках (Греция); Россия помочь не могла, так как нейтральная Румыния отказалась пропустить русские войска. 5 октября началось наступление Центральных держав со стороны Австро-Венгрии, 14 октября Болгария объявила войну странам Антанты и начала военные действия против Сербии. Войска сербов, англичан и французов численно уступали силам Центральных держав более чем в 2 раза и не имели шансов на успех.

К концу декабря сербские войска покинули территорию Сербии, уйдя в Албанию, откуда в январе 1916 года их остатки были эвакуированы на остров Корфу и в Бизерту. Англо-французские войска в декабре отошли на территорию Греции, к Салоникам, где смогли закрепиться, образовав Салоникский фронт по границе Греции с Болгарией и Сербией. Кадры Сербской армии (до 150 тыс. человек) были сохранены и весной 1916 года усилили Салоникский фронт. Западу сербы всегда были нужны как «пушечное мясо». Присоединение Болгарии к Центральным державам и падение Сербии открыло для Центральных держав прямое сообщение по суше с Турцией.

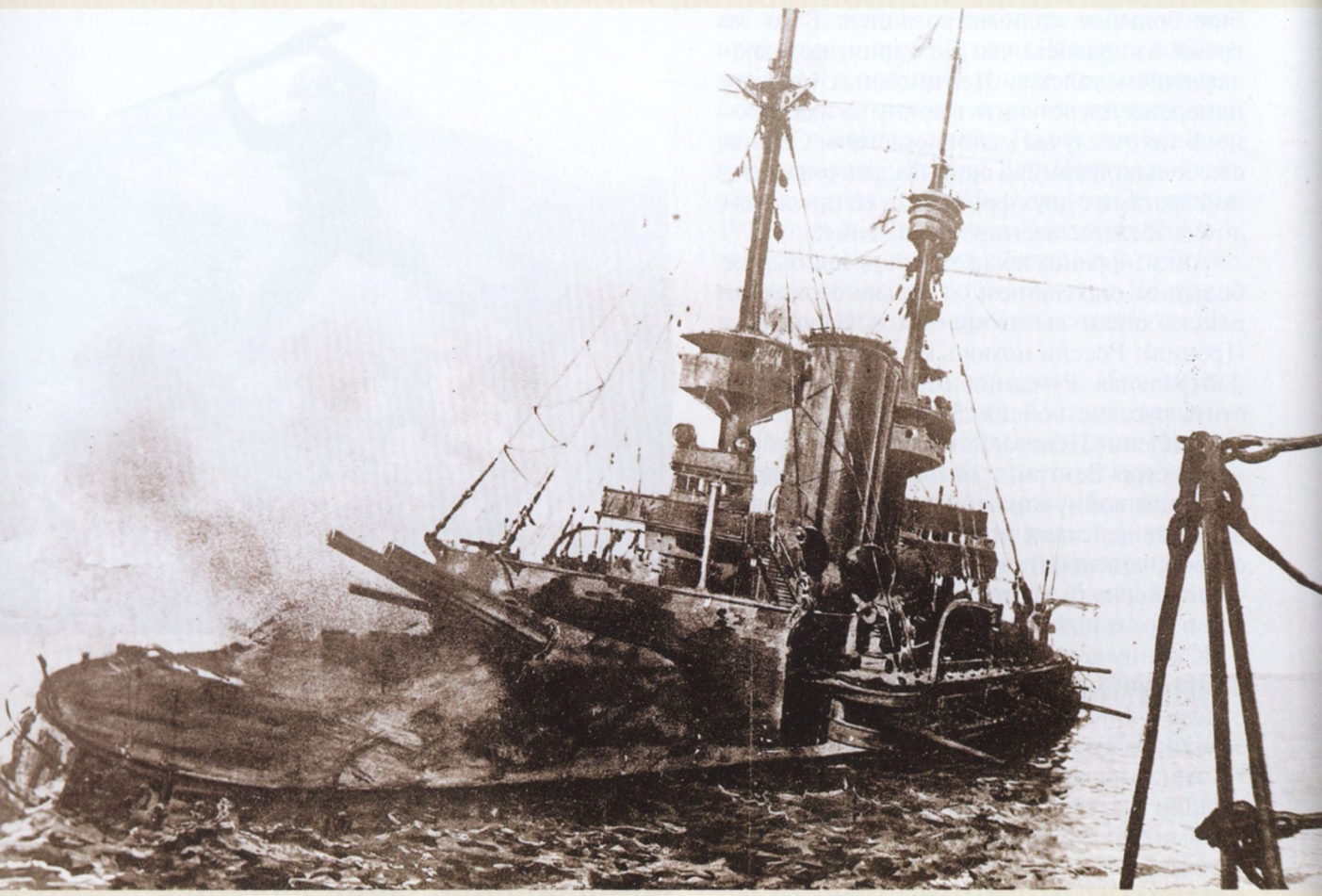
Английская пехота

В окопах войны

Военные действия в Дарданеллах и на Галлиполийском полуострове

К началу 1915 г. англо-французским командованием была разработана совместная операция по прорыву Дарданелльского пролива и выходу в Мраморное море, к Константинополю (Дарданелльская опе-

Английский крейсер в Дарданелльской операции

рация). Задачей операции было обеспечение свободного морского сообщения через проливы и отвлечение сил Турции от Кавказского фронта. По первоначальному плану прорыв должен был производиться британским флотом, которому надлежало уничтожить береговые батареи без высадки десанта. После первых неудачных атак небольшими силами (19–25 февраля) британский флот произвел 18 марта генеральную атаку, в которой было задействовано более 20 линкоров, линейных крейсеров и устаревших броненосцев. После потери 3 кораблей британцы, не добившись успеха, ушли из пролива.

После этого тактика Антанты изменилась — было решено высадить экспедиционные силы на Галлийполийском полуострове (на европейской стороне проливов) и на противоположном азиатском берегу. Десант Антанты (80 тыс. человек), состоящий из англичан, французов, австралийцев и новозеландцев, начал высадку 25 апреля. Высадка производилась на трех плацдармах, разделенных между участвующими странами.

Нападавшим удалось удержаться только на одном из участков Галлиполи, где был десантирован автралийско-новозеландский корпус (АНЗАК). Ожесточенные бои и переброска новых подкреплений Антанты продолжались до середины августа, однако ни одна из попыток наступления на турок не дала значимого результата. К концу августа стал очевидным провал операции, и Антанта стала готовиться к постепен-

ной эвакуации войск. Последние войска из Галлиполи были эвакуированы в начале января 1916 года. Смелый стратегический замысел, инициатором которого был У. Черчилль, окончился полным провалом. Это было первое поражение величайшего циника, мечтавшего о славе Наполеона.

На Кавказском фронте в июле русские войска отразили наступление турецких войск в районе озера Ван, уступив при этом часть территории (Алашкертская операция). Боевые действия распространились на территорию Персии. 30 октября русские войска высадились в порту Энзели, к концу декабря разгромили протурецкие вооруженные отряды и взяли под контроль территорию Северной Персии, предотвратив выступление Персии против России и обеспечив левый фланг Кавказской армии.

Кампания 1916 года

Не добившись решительного успеха на Восточном фронте в кампании 1915 г., германское командование решило в 1916 году нанести основной удар на западе и вывести из войны Францию. Оно запланировало мощными фланговыми ударами в основание Верденского выступа срезать его, окружив всю верденскую группировку противника, и создать тем самым огромную брешь в обороне союзников, через которую затем предполагалось нанести удар во фланг и тыл центральным французским армиям и разгромить весь фронт союзников.

21 февраля 1916 года германские войска начали наступательную операцию в районе крепости Верден, получившую название Битва при Вердене, или Верденская мясорубка. После упорных боев с огромными потерями с обеих сторон немцам удалось продвинуться на 6–8 километров вперед и взять некоторые из фортов крепости, но их наступление было остановлено. Эта битва продолжалась до 18 декабря 1916 года. Французы и англичане потеряли 750 тыс. человек, немцы — 450 тысяч.

Немецкие солдаты

По просьбе французского командования в марте 1916 года на русском Западном фронте была предпринята наступательная Нарочская операция. Двухнедельные попытки прорвать линию германской обороны завершились неудачей, однако на протяжении этого времени натиск немцев на Верден существенно ослаб.

В ходе Верденского сражения впервые применялось новое оружие со стороны Германии — огнемет. В небе над Верденом впервые в истории войн были отработаны принципы ведения боевых действий самолетов — на стороне войск Антанты сражалась американская эскадрилья «Лафайет». Немцы впервые начали применять самолет-истребитель, в котором пулеметы стреляли синхронно сквозь вращающийся пропеллер, не повреждая его.

В июне — июле 1916 года по просьбе итальянского командования на русском Западном фронте была предпринята наступательная Барановичская операция, имевшая целью прорыв германского фронта в Белоруссии и наступление на Брест-Литовск.

Параллельно 4 июня 1916 года на Юго-Западном фронте началась вспомогательная наступательная операция русской армии, получившая название Брусиловский прорыв по имени командующего фронтом А. А. Брусилова. Однако Барановичское сражение фактически закончилось с нулевым результатом, в то время как Юго-Западный фронт нанес тяжелое поражение

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. КАМПАНИЯ 1916 Г.

На Западном фронте

германским и австро-венгерским войскам в Галиции и Буковине, общие потери которых составили более 1,5 млн человек.

В июне же началась битва на Сомме, продолжавшаяся до ноября, в ходе которой впервые были применены танки. В битве на Сомме союзники потеряли около 625 тыс. человек, а немцы — 465 тыс. человек.

На Кавказском фронте в январе-феврале в Эрзурумском сражении русские войска наголову разгромили турецкую армию и овладели городом Эрзурум, в апреле в ходе Трабзонской операции был взят город Трапезунд, в июле — августе — города Эрзинджан и Муш. Успехи русской армии побудили Румынию выступить на стороне Антанты. 17 августа 1916 года был заключен договор между Румынией и четырьмя державами Антанты. Румыния брала обязательство объявить войну Австро-Венгрии. За это ей были обещаны Трансильвания, часть Буковины и Банат. 28 августа Румыния объявила Австро-Венгрии войну. Однако к концу года румынская армия была разбита, и большая часть территории страны была оккупирована.

Военная кампания 1916 года ознаменовалась важным событием. 31 мая — 1 июня произошло крупнейшее за всю войну Ютландское морское сражение.

Все предыдущие описанные события продемонстрировали перевес Антанты. К концу 1916 года обе стороны потеряли убитыми 6 млн человек, около 10 млн было ранено. В ноябре — декабре 1916 года Германия и ее союзники предложили мир, но Антанта отклонила предложение, указав, что мир невозможен «до тех пор, пока не обеспечено восстановление нарушенных прав и свобод, признание принципа национальностей и свободного существования малых государств».

Кампания 1917 года

Положение Центральных держав в 1917 г. стало катастрофическим: для армии уже не было резервов, разрастались масштабы голода, транспортной разрухи и топливного кризиса. Страны же Антанты стали получать значительную помощь со стороны США (продовольствие, промышленные товары, а позднее и подкрепления), одновременно усиливая экономическую блокаду Германии, и их победа, даже без проведения наступательных операций, становилась лишь делом времени.

Тем не менее, когда после Октябрьской революции большевистское правительство, пришедшее к власти под лозунгом окончания войны, заключило 15 декабря перемирие с Германией и ее союзниками, у немецкого руководства появилась надежда на благоприятный для него исход войны.

Главные театры военных действий

1—20 февраля 1917 г. состоялась Петроградская конференция стран Антанты, на которой обсуждались планы кампании 1917 года и, неофициально, внутриполитическая обстановка в России. Генерал Николай Головин писал, что к 31 декабря 1916 г. в Действующей армии находилось 6,9 млн человек. Однако, в эту цифру не входят еще 2,2 млн человек, относившихся к запасным частям и 350 тыс. человек,

Американские войска во Франции

подчиняющихся военному министру (они учитывались отдельно, в отличие от Действующей армии, подчиненной Верховному главнокомандующему). Складывая все эти подразделения воедино, получим 9,45 млн человек.

6 апреля на стороне Антанты выступили США (после так называемой «телеграммы Циммермана»), что окончательно изменило соотношение сил в пользу Антанты, однако начавшееся в апреле наступление (Наступление Нивеля) было неудачным. Частные операции в районе города Мессин, на реке Ипр, под Верденом и у Камбре, где впервые были массированно применены танки, не изменили общей обстановки на Западном фронте.

На Восточном фронте из-за антивоенной агитации со стороны революционных партий и популистской политики Временного правительства русская армия разлагалась и теряла боеспособность. Предпринятое в июне наступление силами Юго-Западного фронта провалилось, и армии фронта отошли на 50–100 км. На

Американский плакат

Западном фронте наступательная Кревская операция, несмотря на блестящую работу русской артиллерии, не привела к прорыву фронта противника. Однако, несмотря на то, что русская армия утратила способность к активным боевым действиям, Центральные державы, понесшие огромные потери в кампанию 1916 года, не могли использовать создавшуюся благоприятную для себя возможность, чтоб нанести России решающее поражение и вывести ее из войны военными средствами.

На Восточном фронте германская армия ограничилась лишь частными операциями, никак не влиявшими на стратегическое положение Германии: в результате операции «Альбион» германские войска захватили острова Даго и Эзель и вынудили русский флот уйти из Рижского залива.

Голландский плакат «Америка против Германии»

Русский плакат времен Первой мировой войны

Другие театры военных действий

На Итальянском фронте в октябре — ноябре австро-венгерская армия нанесла крупное поражение итальянской армии у

Американские солдаты в окопах

Немецкие войска на Балтике. Грузятся на корабль

Капоретто и продвинулась в глубь территории Италии на 100–150 км, выйдя на подступы к Венеции. Только с помощью переброшенных в Италию английских и французских войск удалось остановить австрийское наступление.

В 1917 г. на Салоникском фронте установилось относительное затишье. В апреле 1917 г. союзные войска (которые состояли из английских, французских, сербских, итальянских и русских войск) провели наступательную операцию, которая принесла войскам Антанты незначительные тактические результаты. Однако это наступление не смогло изменить ситуацию на Салоникском фронте.

Русская Кавказская армия из-за чрезвычайно суровой зимы 1916–1917 гг. в горах активных действий не вела. Чтобы не нести лишних потерь от морозов и болезней, Юденич оставил на достигнутых рубежах лишь боевое охранение, а главные силы разместил в долинах по населенным пунктам. В начале марта 1-й Кавказский кавкорпус генерала Баратова разгромил персидскую группировку турок и, захватив в Персии важный узел дорог Синнах (Сенендедж) и город Керманшах, двинулся на юго-запад к Евфрату навстречу англичанам. В середине марта части 1-й Кавказской казачьей дивизии Радда-

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
КАМПАНИЯ 1917 Г.

Линия фронта к началу 1917 г.

Линия фронта к концу кампании

Митавская операция 12-й русской армии 5-11.I

Июньское наступление русских войск и изменение линии фронта к 13.VII

Прорыв русского Юго-Западного фронта германскими войсками 19-28.VII

Июльское наступление русских войск

Рижская операция 8-й германской армии 1-6.IX

Моонзундская операция русского и германского флотов 12-19.X

ца и 3-й Кубанской дивизии, преодолев более 400 км, соединились с союзниками у Кизыл Рабата (Ирак). Турция потеряла Месопотамию.

После Февральской революции активные боевые действия русской армией на турецком фронте не велись, а после заключения большевистским правительством в декабре 1917 г. перемирия со странами Четверного союза прекратились окончательно.

Вначале турецкая армия сумела остановить английское наступление в Месопотамии, и была сделана попытка с помощью Германии блокировать Суэцкий канал. Но в 1917 г. на Месопотамском фронте британские войска добились значительных успехов. Увеличив численность войск до 55 тыс. человек, британская армия повела решительное наступление в Месопотамии. Британцы захватили ряд важнейших городов: Эль-Кут (январь), Багдад (март) и др. Англичанам удалось вооружить бедуинов Арабского полуострова и вызвать восстание против турок, ставившее своей целью создание единого арабского государства. В этом предприятии большую роль сыграл полковник Томас Лоуренс, вначале археолог, а после окончания войны автор широко известных на Западе мемуаров.

На стороне британских войск сражались добровольцы из арабского населения, которое встречало наступавшие английские войска как освободителей. Также британские войска к началу 1917 г. вторглись в Палестину, где завязались ожесточенные бои под Газой. В октябре, доведя число своих войск до 90 тыс. человек, британцы перешли в решительное наступление у Газы, и турки были вынуждены отступить. Англичане к концу 1917 года захватили ряд населенных пунктов: Яффо, Иерусалим и Иерихон.

В Восточной Африке германские колониальные войска под командованием полковника Леттов-Форбека, значительно уступая по численности противнику, оказывали продолжительное сопротивление и в ноябре 1917 г. под давлением англо-португало-бельгийских войск вторглись на территорию португальской колонии Мозамбик.

Дипломатические усилия

19 июля 1917 г. германский рейхстаг принял резолюцию о необходимости мира по обоюдному соглашению и без аннексий. Но со стороны правительств Англии, Франции и США эта резолюция не встретила сочувственного отклика. В августе 1917 г. Папа римский Бенедикт XV предложил свое посредничество для заключения мира. Однако правительства Антанты отвергли и папское предложение, так как Германия упорно отказывалась дать недвусмысленное согласие на восстановление независимости Бельгии.

Кампания 1918 года

Выход России из войны и решающие победы Антанты

После заключения мирных договоров с Украинской Народной Республикой, Советской Россией и Румынией и ликвидации Восточного фронта Германия получила возможность сосредоточить почти все свои силы на Западном фронте и по-

Западный фронт. Кавалеристы в ожидании сигнала атаки

пытаться нанести решающее поражение англо-французским войскам до того, как на фронт прибудут основные силы американской армии.

В марте-июле Германская армия предприняла мощное наступление в Пикардии, Фландрии, на реках Эна и Марна и в ходе ожесточенных боев продвинулась на 40–70 км, однако ни разгромить противника, ни прорвать фронт так и не смогла. Ограниченные людские и материальные ресурсы Германии за годы войны были истощены. Кроме того, оккупировав после подписания Брестского мира обширные территории бывшей Российской империи, германское командование для сохранения контроля над ними было вынуждено оставить крупные силы на востоке, что негативно сказалось на ходе боевых действий против Антанты. Генерал Куль, начальник штаба группы армий принца Рупрехта, определяет численность германских войск на Западном фронте примерно в 3,6 млн человек; на Восточном фронте, включая Румынию и исключая Турцию, находилось около 1 млн человек.

В мае на фронте начали действовать американские войска. В июле-августе произошла вторая битва на Марне, которая положила начало контрнаступлению Антанты. К концу сентября войска Антанты в ходе ряда операций ликвидировали результаты предшествующего германского наступления. В ходе дальнейшего всеобщего наступления в октябре — начале ноября была освобождена большая часть захваченной территории Франции и часть бельгийской территории.

На Итальянском театре в конце октября итальянские войска нанесли поражение австро-венгерской армии у Витторио Венето и освободили итальянскую территорию, захваченную противником в предыдущем году.

На Балканском театре наступление Антанты началось 15 сентября. К 1 ноября войска Антанты освободили территорию Сербии, Албании, Черногории, вошли после перемирия на территорию Болгарии и вторглись на территорию Австро-Венгрии.

29 сентября перемирие с Антантой заключила Болгария, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия, 11 ноября — Германия.

Другие театры военных действий

На Месопотамском фронте весь 1918 год стояло затишье, боевые действия здесь завершились 14 ноября, когда британская армия, не встречая сопротивле-

Наступает немецкая пехота

ния со стороны турецких войск, заняла Мосул. В Палестине также было затишье, ибо взоры сторон были обращены на более важные театры военных действий. Осенью 1918 года, британская армия начала наступление и заняла Назарет, турецкая армия была окружена и разбита. Завладев Палестиной, британцы вторглись в Сирию. Боевые действия здесь завершились 30 октября.

В Африке германские войска, теснимые превосходящими силами противника, продолжали сопротивляться. Покинув Мозамбик, германцы вторглись на территорию английской колонии Северная Родезия. Лишь когда германцы узнали о поражении Германии в войне, их колониальные войска (которые насчитывали всего 1400 человек) наконец сложили оружие.

«Дрались как львы»

Первая мировая знала и громкие победы русского оружия. Одну из них связывали с именем генерала А. А. Брусилова (1853–1926).

Участник русско-турецкой войны, в начале мировой войны Брусилов получил назначение командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Боевой генерал, ранее отмеченный за успешные действия руководимых войск двумя орденами Святого Великомученика Георгия Победоносца. Он писал жене: «Мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще... но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело».

Под командованием генерала А. Брусилова на Юго-Западном фронте и осуществлен так называемый Брусиловский прорыв (3 июня — 22 августа 1916 г.). 22 мая

Генерал А. А. Брусилов

1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила начало наступления войск Юго-Западного фронта русской армии. Боевые припасы в мае 1916 г., по словам генерала Иванова, были в таком количестве, в каком никогда за войну еще не было. «Одним словом, пошли удачи, но потери были большие, комплектование приходило необученным».

Следует сказать, что участники событий тех лет расходились в оценках способностей командующего Брусилова. Служивший в школе под его началом перед Русско-японской войной К. Маннергейм вспоминал: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя

На фронте. Генерал Брусилов докладывает царю

интересными». Однако карьеру он сделал благодаря протекции великого кн. Николай Николаевича».

Русские одержали победу под Люблином, у Тарнавки, где особо отличился Гвардейский корпус генерал-майора Н. М. Кисилевского. О кровопролитном характере боев говорит такой факт. За два дня боя лейб-гвардии Московский полк потерял убитыми и ранеными 63 офицеров и 3200 нижних чинов. Лейб-гвардии Гренадерский полк, одержав победу, потерял 50 офицеров и 2500 нижних чинов. Бригада гвардейской пехоты, атаковавшая в штыки австрийцев, сумела их опрокинуть в бою, но при этом лишилась двух третей состава. Были и другие яркие победы русских войск.

Немцы явно не ожидали столь драматического поворота событий. Произошел, как писал немецкий генерал М. Гофман, недопустимый скандал, стоивший Центральным державам потери Галиции и Буковины, 1,5 млн человек убитыми, ранеными и пленными. Брусиловское наступление 1916 г. продолжалось около 4 месяцев. Тактические результаты битвы были громадными. Взята важнейшая крепость австрийцев — Перемышль. Поэт В. Хлебников писал: «Вы помните, мы брали Перемышль — Пушкинианской красоты...»

Русские взяли в плен 8924 офицера, 408 тыс. нижних чинов, захвачены 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов, минометов. Австрия потеряла территорию более чем в 25 000 кв. километров. таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников России в 1915, 1916, 1917 гг.

Русские армии добились громких побед на Юго-Западном фронте против Австро-Венгрии, но эти победы оказались выгодны прежде всего союзникам России. Эта «пушкинианская красота» стоила России и другим странам моря крови.

Н. Е. Врангель писал, что на театрах Первой мировой войны солдаты и офицеры русской армии дрались, как львы. Следует отметить роль в этом победном сражении генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Ханжина, начальника артиллерии Юго-Западного фронта. Именно его называли главным «виновником» брусиловской победы. Он и есть истинный

Полный Георгиевский крест и медали времен Николая II

автор и разработчик всей блестящей операции. М. В. Ханжин стал георгиевским кавалером. Отличились в боях и другие высшие офицеры. Генерал Деникин за проявленную при захвате Луцка доблесть получил редкую тогда награду — «георгиевское оружие, бриллиантами украшенное» (1916). За руководство боевыми операциями генерал Каледин был удостоен ордена св. Георгия 3-й степени. К слову сказать, именно его таланту обязаны белые своими высшими достижениями в Гражданской войне в Сибири и на Урале...

В первые годы, что бы там ни толковали, а солдаты и офицеры «жили душа в душу», уверял Ханжин, и дисциплина была образцовая. Потом, по мере выбытия кадровых офицеров и замены их офицерами военного времени, она расшаталась.

Во время одного из боев немалое мужество проявил и поэт Н. Гумилев. 331-й Орский полк 83-й пехотной дивизии, в котором он служил, взял в плен более 800 вражеских солдат и 20 офицеров. Приказом по второй Гвардейской кавалерийской дивизии от 5 декабря 1915 г. Гумилев за бой был награжден Георгиевским крестом третьей степени № 108 868. А в приказе № 528 по Уланскому полку от 26 декабря 1915 г. отмечено, что Гумилев как кавалер Геор-

А. А. Брусилов принимает рапорт

гиевского креста «повышается в унтерофицеры». Гумилев пишет жене из села Заболотцы: «Мы были в резерве, но дня за четыре до того перед нами потеснили армейскую дивизию, и мы пошли утрясать дело. Вчера с этим управились, кое-где выбили врага и теперь снова отошли валяться на сене и есть вишни. С австрийцами намного легче воевать, чем с немцами. Они скверно стреляют. Вчера мы хохотали от души, глядя, как они обстреливают наш аэроплан. снаряды рвались по крайней мере верстах в пяти от него. Сейчас война приятна, неприятности доставляют лишь пыль во время переходов и дожди, когда лежишь в лаве. Но и то и другое бывает редко. Здоровье мое отличное...»

До 11 июля полк, в котором он воевал, стоял в селе Беличи. После этого началось отступление на север вдоль Западного Буга.

Гумилев пишет Анне Ахматовой: «А мы все воюем, хотя теперь и не так яростно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах, и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Тут тоже непрерывный бой, но много пехоты, и мы то в резерве у нее, то занимаем полевые караулы и т.д. Тут каждый день берут по несколько сот пленных, все германцев, а уж убивают без счета, тут отличная артиллерия и много снарядов. Солдаты озверели и дерутся прекрасно... Я все читаю „Илиаду“; дивно своевременное чтиво. У ахейцев тоже были и окопы, и заграждения, и разведка. А отдельные описания, сравнения и детали сделали бы честь любому модернисту. Нет, неправ был Анненский, когда говорил, что Гомер как поэт умер». Античные сравнения вполне к месту в данном случае, особенно если вспомнить такие строки из «Илиады»: «Множество пышных оружий, множество юношей красных плавало мертвых».

В первые месяцы войны в армии сохранялись эйфория и уверенность в победе. Царь в письме к жене из ставки сообщал

Русский поэт и офицер Н. Гумилев

(9 сентября 1915 г.): «Здесь я могу судить правильно об истинном настроении разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается».

Первая мировая война знает массу примеров доблести солдат, офицеров, проявлений массового героизма, стойкости, мужества, самоотверженности русских.

Образцы героизма показывали русские авиаторы. Тогда законодателями моды в авиастроительстве считались французы. Именно они запустят производство в 1912 г. популярного «морана-солье» (простой в конструкции и быстрый). Его можно было собрать и подготовить к полету всего за 11 минут двум механикам. Француз Ролан Гарро установил на «моране» мировой рекорд высоты (5610 метров), а англичанин Густав Хэмел разогнал аэроплан до 122 км в час. В 1914 г. несколько заводов в России наладят выпуск этих самолетов...

Нельзя не рассказать и о нашем смелом летчике Петре Нестерове.

Петр Нестеров родился в 1887 г. в Нижнем Новгороде, в семье воспитателя кадетского корпуса Н. Нестерова. Вскоре отец умер, на руках вдовы штабс-капитана Нестерова Маргариты осталось четверо детей. Дети не были оставлены без внимания. По окончании Нижегородского графа Аракчеева кадетского

корпуса (1904) Петр Нестеров поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. В 1906 г. едет на службу во Владивосток, в 9-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду, шефом которой был великий князь Михаил Николаевич. Нестеров знакомится со знаменитыми летчиками — Уточкиным, Васильевым, изучает труды ученых по аэродинамике. Будучи в отпуске в своем родном Нижнем Новгороде, Нестеров строит свой планер и даже проводит его испытания на поле за Петропавловским кладбищем.

Однако понимает, как не хватает ему технических знаний. И добивается своего зачисления в Офицерскую воздухоплавательную школу (ОВШ) в Санкт-Петербурге. Нестеров окончил ОВШ по двум специальностям — пилот-аэронавт и пилот-авиатор. В 1912 г. сдал полный экзамен на военного летчика.

Из характеристики, полученной в Офицерской воздухоплавательной школе: «Поручик Нестеров: летчик выдающийся, технически подготовлен отлично. Энергичный и дисциплинированный офицер. Нравственные качества очень хорошие. Офицерскую воздухоплавательную школу окончил по первому разряду. Достаточно подготовлен к должности начальника отряда». Он научился летать на гоночном «Фармане» и боевом «Ньюпоре», освоил глубокие виражи, планирующий спуск, научился парировать скольжение на крыло и на снос. За успехи в учении в связи с окончанием школы Нестеров получил орден Святой Анны 3-й степени.

В апреле 1913 г. Петр Николаевич для прохождения службы прибыл в Киев. Там, над Сырецким военным аэродромом, он выполнил наконец-таки давно задуманную и рассчитанную им фигуру высшего пилотажа, которую потом назовут «петлей Нестерова».

Прославленный летчик Петр Нестеров

Вот слова из протокола, увековечивающего это историческое событие. «27 августа 1913 г. в шесть часов десять минут вечера поручик Нестеров, поднявшись на „Ньюпоре“ на высоту 1000 метров, остановил мотор, начал планировать почти вертикально вниз. На высоте 600–800 метров от поверхности земли летчик включил мотор, выровнял рулем глубины аэроплан, поставил его носом кверху, повернул на спину и, опять переведя в вертикальное положение носом вниз и, замкнув таким образом кривую в вертикальной плоскости, выключил мотор и нормальным планирующим спуском аттерировал на стартовой площадке Сырецкого военного аэродрома. Весь поворот в вертикальной плоскости проведен без перегибов плавной кривой в течение 6–8 секунд».

Это было новое слово в технике воздушного боя. Среди авиационного начальства и в печати появлялись самые разные мнения о беспримерном полете Нестерова. Одни отрицали практическую ценность так называемой «мертвой петли», другие считали подобные «трюки» неоправданным риском. Однако военные летчики, соратники Нестерова, и сам Петр Николаевич видели в «мертвой петле» одну из важнейших фигур высшего пилотажа, которая поможет бойцу в небе решать самые

неожиданные задачи. Время доказало, как прав был Нестеров.

С начала Первой мировой войны штабс-капитан Петр Нестеров возглавляет 11-й корпусной авиационный отряд Юго-Западного фронта. Боевые действия на фронте разгорались с каждым днем все сильнее. Командованию необходимы были все новые сведения о действиях противника. И здесь авиация должна была сыграть главную роль. Хотя тогда далеко не все российские военачальники понимали, сколь велика эта роль в новой, планетарной войне и какой опасности подвергается русский летчик, который был оснащен, несомненно, более «скромно», чем противник. Русским войскам сильно мешали регулярные полеты австрийца Розенталя. Нестеров пообещал сбить австрийца и слово сдержал. 26 августа 1914 г. он, заметив в воздухе над городом Жолкиев неприятельский аэроплан, производивший разведку, по личной инициативе поднялся на своем аппарате «Моран» и протаранил двухместный неприятельский аэроплан «Альбатрос», который упал около деревни Воля-Высоцка. Штабс-капитан Нестеров погиб. Это первый воздушный таран, показавший миру трагедию небесного боя и

Воздушный бой

Александр Казаков сидит на колесе своего самолета

величайшую отвагу военного летчика. За этот подвиг капитан П. Н. Нестеров награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Армия гордилась и знаменитым летчиком Александром Александровичем Казаковым, сбившим не менее 12 самолетов. Он был воспитанником Воронежского кадетского корпуса Дождавшись своего самолета, 15 декабря 1914 г. Казаков отбыл на фронт... Начались боевые вылеты. Тогда полеты аэропланов шли спокойно. В функции летчиков входила в основном разведка. За семь разведывательных полетов и добытую информацию Казаков в 1915 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость» и Анненским оружием. 18 марта 1915 г. их аэродром подвергся бомбардировке с вражеского аэроплана. Русский летчик решил наказать наглеца. Он поднял самолет в воздух, занял удобную позицию над германским «альбатросом» и уже решил пустить в действие «кошку» (якорь с пироксилиновой шашкой на нем), но тот как назло заклинило.

«Что было делать? — вспоминал Казаков. — Два фронта, 40000 глаз — русских и немецких — смотрели на нас из окопов. Уйти, не сделав ничего, находясь в нескольких метрах от противника, — позор перед этими 20000 русских глаз». «Разве раздумывал в такой ситуации Нестеров?» — мелькнуло в голове. И Казаков дал руль вниз... От удара кусок крыла «Мора-

на» отвалился. Одной лопасти на винте не было. Вражеский «Альбатрос» наклонился на бок, сложил крылья, как подбитый коршун, и полетел камнем вниз. Отважному летчику удалось дотянуть планировавший самолет до своих. Бой занял полчаса. Таран оказался первым, где совершивший его летчик остался жив, и последним в истории Первой мировой войны. Больше этот прием боя не решался применить ни один пилот той или иной сторон.

За этот подвиг Казаков был награжден Георгиевским оружием. Потом он еще сбивал самолеты противника, но уже с помощью пулемета. Впервые схему стрельбы сквозь вращающийся винт предложил французский летчик Ролан Гарро, а затем его усовершенствовали немцы.

К концу 1916 г. в России уже насчитывалось 724 боевых самолета. Русские летчики сделали около 15,5 тыс. боевых вылетов. Большая часть потерь боевой авиации приходилась на аварии: 52 летчика из 100 погибали из-за неполадок техники, 18 — от зенитного огня противника и только 7 — в бою... В марте 1917 г. Казаков стал командиром группы. В его служебной характеристике сказано: «Выдающийся военный летчик и офицер. Своей беззаветной храбростью и решительностью всегда служит блестящим примером своим подчиненным». Казаков был рожден «для службы ратной».... В бою он был неудержим... У него есть награды не только за сбитые вражеские самолеты, разведку и т.п., но и за бой на земле. В ночь с 7-го на 8-е марта 1916 г. он при штурме немецкой позиции к югу от озера Нарочь под губительным пулеметным и ружейным огнем, забрасываемый ручными гранатами, ворвался во вторую линию окопов с ротой и, переколов упорно оборонявшихся защитников, захватил действующий пулемет и лично открыл огонь по убегавшим немцам. За этот подвиг он получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Нельзя не упомянуть и подвига экипажа русского бомбардировщика «Ильи Муромца-XVI»... Напомним, что в Первую мировую Россия вступила, имея уникальный военный самолет, детище конструктора И. И. Сикорского (считается лучшим бомбардировщиком начала XX в.). Самолетов такого класса у других стран не было, что, конечно, частично опровергает идею нашей технической отсталости. Самолеты такого класса явились в Германии в 1917-м, в Великобритании — в 1918 г. Многого достигла и Италия.

Экипаж «Ильи Муромца-XVI» состоял из 4-х человек... Как мы бы сказали, это был интернациональный экипаж (командир — Д. Д. Макшеев, пилоты — М. А. Рахмин, О. С. Карпов, Фарух Гаибов... Боевое крещение экипажа произошло 21 августа 1916 г., когда ему удалось подбить атаковавший их вражеский самолет. Ну а 12 сентября 1916 г. и произошел тот героический, трагический бой... Перед группой «муромцев» поставили задачу разбомбить в районе деревни Боруны Виленской губернии штаб 89-й германской резервной дивизии, узел узкоколейной железной дороги, аэродром и склады. Бомбардировщиков должны были в этом полете поддерживать 13 наших истребителей. Однако по разным причинам технического характера не все русские бомбардировщики смогли отправиться на задание, а сопровождаю-

И. И. Сикорский у самолета

Самолет «Илья Муромец»

щие их истребители взлетели с большим опозданием. В результате только два бомбардировщика, по сути без сопровождения истребителей, ушли к цели. Но и в полете самолеты преследовали неприятные неожиданности. У «муромца» Макшеева вдруг заглох крайний правый двигатель. Нужно было возвращаться на аэродром. Офицер-наблюдатель Карпов решил поправить положение: выйдя на крыло летящего самолета, он сумел на ходу починить правый мотор.

«Полет продолжался... Илья Муромец» приближался к цели... На пути им встретился бомбардировщик капитана Башко: тот успешно отбомбился и уходил на аэродром (бензина было в обрез и помочь товарищам он не мог). Около 7 утра аэроплан Макшеева был над целью... Внизу горели артиллерийские склады немцев (следы от бомб Башко)... И тут на перехват «муромца» поднялись 4 германских истребителя (2 «фоккера» и 2 «альбатроса»)... К несчастью, у сопровождавшего «муромца» русского истребителя «морана» заклинило пулемет и тот был сбит (летчик К. Янсон погиб).

Наш бомбардировщик остался один на один с 4 немецкими истребителями. Русские бросились к пулеметам и открыли ураганный огонь. По свидетельству очевидцев того героического, и по канонам авиации почти немыслимого боя, нашим стрелкам удалось сбить или повредить 3 из 4-х немецких бипланов. Дымя, они уходили в сторону, выходя из боя... Но последний немец, рассвирепев, вцепился в русского богатыря, как пес в бок потревоженного в своей берлоге медведя... Управлял им лейтенант Вольф... Это был смелый летчик... Он

Обложка журнала

Козьма Крючков

сумел пулеметным огнем убить командира. Макшеев выпустил штурвал из рук только мертвым... При падении «Ильи Муромца» взорвались бомбы, что были на его борту. На месте падения запылал огромный костер... Так горели погребальные костры, которые некогда возжигали наши предки-скифы, провожая в последний путь своих погибших в бою героев-воинов...

За подвиг все члены экипажа «Ильи Муромца-XVI» были посмертно удостоены высшей воинской награды России, ордена Св. Георгия 4-й степени. Погибший над Борунами «муромец» стал единственным самолетом такого типа, погибшим на фронте 1-й мировой войны... Экипаж «Ильи Муромца-VII» под командованием капитана И. С. Башко отомстил за смерть товарищей. 2 ноября 1916 г. над белорусским городом Сморгонь его экипаж, оснащенный новыми пулеметами, сбил трех «фоккеров» и вернулся на базу.

Конечно, было немало известных летчиков и среди союзников, и среди противников. У французов — замечательный мастер воздушного боя Роллан Гарро, о котором уже говорилось выше, у немцев — Манфред фон Рихтгофен.

Кроме летчиков в русской армии можно назвать имена еще многих героев, показавших на полях сражений чудеса храбрости. Настоящие легенды ходили о донском казаке, первым георгиевским кавалере Козьме Крючкове, уничтожившем в неравном бою 12 немцев Суть подвига такова... Неподалеку от деревни Выгреляй Сувалкской губернии (ныне граница Литвы и Польши, а тогда русско-германской границы) разъезд из 4 казаков столкнулся с 27 германскими драгунами... Немцы, увидев русских казаков и сочтя, что это дозор идущих за ними главных сил, стали уходить, не рискуя вступить в бой. Донцы преследовали их 12 верст. Когда же немцы сообразили, что к чему, они повернулись и бросились на русских. Один из казаков, В. Астахов, удачным выстрелом сразил немецкого офицера. Немецкие драгуны были вооружены пиками, а у наших были только винтовки и шашки. Драться с драгунами было трудно.

Вот как описывал тот бой сам Крючков: «»Нас было четверо — я и мои товарищи: Иван Щегольков, Василий Астахов, Михаил Иванков. Начали подыматься на горку и наткнулись на немецкий разъезд в 27 человек, в числе их офицер и унтерофицер. Сперва немцы испугались, но потом полезли на нас. Однако мы их встретили стойко и уложили несколько человек. Увертываясь от нападения, нам пришлось разъединиться. Меня окружили 11 человек.

Не чая быть живым, я решил дорого продать свою жизнь. Лошадь у меня подвижная, послушная. Хотел было пустить в ход винтовку, но второпях патрон заскочил, а в это время немец рубанулл меня по пальцам руки, и я бросил винтовку.

Схватился за шашку и начал работать. Получил несколько мелких ран. Чувствую, кровь течет, но сознаю, что раны неважные. За каждую рану отвечаю смертельным ударом, от которого немец ложится пластом навеки. Уложив несколько человек, я почувствовал, что с шашкой трудно работать, а потому схватил их же пику и ею поодиночке уложил остальных. В это время мои товарищи справились с другими. На земле лежали двадцать четыре трупа, да несколько раненых лошадей носились вокруг в испуге».

Подвиг Козьмы Крючкова

Атака казаков

По уточненным данным, итоги кавалерийского боя 30 июля 1914 года таковы: из 27 германцев убито было 22 (из них 11 — Крючковым), двое ранено и попало в плен, а троим удалось бежать с поля боя.

1 августа 1914 г. командующий 1-й армией генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф лично вручил К. Ф. Крючкову в лазарете Георгиевский крест 4-й степени. Это был первый солдатский «Георгий», врученный во время Первой мировой войны. Его товарищей наградили георгиевскими медалями 4-й степени...

Крючков же и в дальнейшем участвовал в боях, получил три раны — и еще три Георгия, став кавалером всех четырех степеней ордена Св. Георгия.... Погиб герой Первой мировой, хорунжий Крючков, 18 августа 1919 г. в бою с красными

Таких примеров было немало. 29 августа 1914 г. у деревни Лувча старший урядник Матвей Федорович Плешаков, преследуя вражеских разведчиков, был окружен 13-ю австрийскими кавалеристами. Ловко орудуя шашкой, он смог в одиночку уложить шестеро нападавших. И продолжал сражаться даже когда выпущенная вражеским офицером пуля попала ему в рот, пробив язык и выбив несколько зубов. Однополчане пришли на выручку. Враг бежал. Плешаков получил 16 сабельных

Французский летчик А. Пуаре, служивший в русской армии в годы Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер

и одно пулевое ранение. Герой удостоен Георгиевского креста 4-й степени....

...Казачество дало множество героев Первой мировой войны. Это и немудрено... Донское казачество отправило на войну 113 тыс., Кубанское — 90 тыс., Оренбургское — более 36 тыс., Терское — 18 тыс., Забайкальское — 14 тыс., Уральское — 13 тыс., Сибирское — 11,5 тыс., Семиреченское — 4600, Амурское — 3500, Астраханское –2600, Уссурийское — 2500. Из более чем 368 тысяч казаков, участвовавших в боевых действиях Первой мировой, 8314 отдали жизнь за Родину, 30032 были ранены, 6453 пропали без вести и попали в плен. Десятки тысяч из них получили георгиевские награды, были удостоены ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия.

Война продолжалась с переменным успехом, но все больше и больше становилось в рядах русской армии юных героев. Они понимали, что, участвуя непосредственно в боевых действиях, защищают и свою малую родину. Один из них «доброволец Станислав Игнатьевич Викторович, — как сообщал еженедельник, — награжден Георгием 4-й степени». Станислав отличился в разведке. Даже получив ранение, он выполнил задание и сумел вернуться к своим, да еще с трофеями. Другой подросток, 15-летний Антон Харашкевич, за боевые подвиги также был награжден солдатским Георгием с присвоением звания унтер-офицера. 15-летний казачок из станицы Усть-Медведицкой Иван Казаков несколько раз отличился в боях с немцами: отбил пулемет, спас прапорщика Юницкого, ходил в разведку. В одной из вылазок обнаружил батарею противника, которая затем была захвачена нашим отрядом. Грудь юного героя украсили три Георгиевских креста и три Георгиевские медали, а плечи — погоны унтер-офицера.

Некоторые из добровольцев, погибали при выполнении боевых заданий. Например, Харитон Владимирович Жук, ученик частной гимназии Воронина (г. Смоленск) был убит 24 ноября 1914 г. во время разведки боем у деревни Богдановой. Посмертно его наградили Георгиевской медалью «За храбрость».

Брусилов, веря в русского солдата, писал: «Я больше 50 лет служу русскому на-

Сын полка

роду и России, хорошо знаю русского солдата и не обвиняю его в том, что в армии явилась разруха. Утверждаю, что русский солдат — отличный воин, и, как только разумные начала воинской дисциплины и законы, управляющие войсками, будут восстановлены, этот самый солдат вновь окажется на высоте своего воинского долга, тем более, если он воодушевится понятными и дорогими для него лозунгами».

Трудно переоценить вклад многих царских офицеров и генералов в победы Российской империи. Хотя иные из них забыты. Среди героев Первой мировой войны упомянем имя К Л. Гильчевского. О первых годах его службы в армии известно немногое. Даже его подвиги при взятии турецкой крепости Карс в 1877 г. в официальной истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не упоминались. Возможно, потому, что почти каждого из участников штурма (без преувеличения) можно назвать героем. Тогда он, сын солдата, был произведен из вольноопределяющегося в прапорщики. В 1905 г. полковник Гильчевский командовал полком и мог рассчитывать на скорое производство в генералы. но в России грянула революция, которую пришлось подавлять с помощью войск. И тут проявился характер истинного сына народа. Военный теоретик А. Свечин писал о Гильчевском: «В революцию 1905 г., командуя Мингрельским полком, отказался выступить в карательную экспедицию в Кутаисскую губернию». За это его обходили в чинах. Генералом он стал только перед Первой мировой и получил в управление дивизию.

Старший унтер-офицер Мария Бочкарева, участница войны, награжденная двумя Георгиевскими крестами, командир женского «Батальона смерти» в 1917 г.

Готовы к Брусиловскому прорыву

В мае 1916 г. дивизии поставили задачу — прорвать австрийский фронт. Приказ был выполнен. Но, как только генерал выполнял невозможное, ему ставились все новые и новые тяжелейшие задачи. „Сто первая дивизия,— вспоминал он,— обратилась в ударную. Становилось тяжело... Дивизия с 22 мая по 15 июля 1916 г., в течение 54 дней, дала девять боев, сделала 7 прорывов сильно укрепленных позиций, из них 4 с предварительным форсированием болотистых рек.

Дивизия за 9 боев потеряла более 20 000 человек, несколько составов офи-

церов, двух командиров полков и начальника штаба дивизии. Трофеями только что созданной дивизии были 424 офицера и около 22 000 здоровых пленных солдат". Не замечать его победы было уже невозможно. Гильчевского наградили Георгиевским оружием, орденом святого Георгия 4-й степени и произвели в генерал-лейтенанты».

А чего стоит хотя бы легендарная оборона крепости Осовец (рядом с Восточной Пруссией), через которую лежал кратчайший путь в Россию?! Русские обороняли ее 190 дней, с января 1915 г. И это несмотря на подавляющее превосходство немцев в тяжелой артиллерии и войсках. Мощный кулак из 4 «Больших Берт» и 67 тяжелых орудий молотил по крепости без устали. Под конец, желая сломить сопротивление, немцы применили газы. У наших не было противогазов. «Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть», — вспоминал участник обороны. На уцелевших русских воинов пошли немецкие цепи, но когда те приблизились, русские пошли в атаку.

Зрелище страшное: словно фильм ужаса. Бойцы «шли в штыковую с лицами, обмотанными тряпками, сотрясаясь от жуткого кашля, буквально выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки. Это были остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка, чуть более 60 человек. но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы, не приняв боя, ринулись назад, затаптывая друг друга и повисая на собственных проволочных заграждениях. И по ним с окутанных хлорными клубами русских батарей стала бить, казалось, уже погибшая артиллерия. несколько десятков полуживых русских бойцов обратили в бегство три германских пехотных полка!» Ничего подобного мировое военное искусство не знало. Сражение вошло в историю как «атака мертвецов». Командирами крепости Осовец были генералы А. Шульман и Н. Бржозовский. Оборонительными работами руководил С. А. Хмельков (в 1939 г. вышла его книга «Борьба за Осовец»). В 1924 г. обнаружат и последнего живого защитника Осовца. Будучи засыпан землей, солдат 9 лет пробыл в склепе. Таковы некоторые герои той далекой и забытой войны.

На южном направлении

Военные действия на южном направлении имели свои особенности, поэтому остановимся на них поподробнее. Отметим ряд важных побед русского оружия на Кавказском фронте против войск Турции. После вступления Турции в войну на стороне Германии турки начали боевые действия силами 3-й турецкой армии. Развернулась знаменитая Сарыкамышская операция (с 9 декабря 1914 г. по 3 января 1915 г.), в ходе которой русским удалось полностью уничтожить 9-й турецкий корпус и нанести большие потери 10-му и 11-му корпусам противника. Турки потеряли свыше 90 тыс. человек (из них 30 тыс. человек замерзли) и свыше 60 орудий. Потери же русских войск составили около 20 тыс. человек.

Участник боев на этом фронте, русский офицер-разведчик Н. Г. Корсун, впоследствии сражавшийся в рядах Красной Армии, писал: «Сарыкамышская операция имела весьма важное значение не только для России, но и для Антанты: положение России на Кавказско-Персидском театре упрочилось; произошло усиление турецких войск, направленных против Кавказской армии, что облегчило действия англичан в Месопотамии и по обороне Суэцкого канала».

Те, кто привык относиться к туркам свысока, делают очень большую ошибку. Во-первых, турки — воины. В их пользу говорит и создание ими огромной империи. Ее несколько веков пытались разрушить и без особого успеха. Во-вторых, в Первой мировой войне они нанесли пораже-

Энвер-паша

ние англичанам и французам у Дарданелл. Дарданелльская операция 1915–1916 гг., Галлипольская операция, операция вооруженных сил Англии и Франции в мировой войне, проведена была с 19.2.1915 по 9.1.1916. Целью той операции было овладение проливами Дарданеллы и Босфор, взятие столицы Турции Константинополя (Стамбул) и принуждение Турции к выходу из войны, союза с Германией. Англия и Франция стремились упредить Россию в овладении стратегически важными проливами. В-третьих, нельзя забывать, что на стороне турок выступали немцы. Шесть военных учреждений Германии в Стамбуле осуществляли руководство турецкими войсками через 2 фельдмаршалов, 3 адмиралов, 10 генералов и 800 офицеров. Те контролировали хозяйственную и политическую жизнь страны. Почти 32,5 тыс. военнослужащих Германии и Австро-Венгрии составляли аппарат этого контроля, сосредоточивший в своих руках поставки оружия, управление войсками и все средства связи. Германо-турецкий союз продержался до конца войны. По всей стране немцы открыли свыше 60 „информационных бюро“, являвшихся фактически разведцентрами. В Стамбульском университете все важнейшие кафедры заняли немецкие профессора. Турция онемечивалась, ибо выхода не было...

Впрочем, турки не очень-то жаловали европейцев (особенно, англичан). Те повели себя в отношении турок в высшей степени коварно и даже по-свински... Приведем лишь один пример. Надеясь одержать победу в войне с Грецией, турки заказали у Великобритании два дредноута. Англия их построила, получила деньги за построенные корабли и тут же надула Турцию, причем самым бессовестным образом, не передав им суда.

Хотя и немцы вели себя в отношении союзников как грабители. В руки немцев и немецких монополий перешли все важнейшие отрасли экономики Турции и Болгарии. Они заграбастали и большинство концессий, принадлежавших ранее странам Антанты.

К августу 1918 г. госдолг Турции возрос более чем втрое и достиг 2,2 млрд долл. Германские займы тяжелейшей ношей повисли на шее у народа Турции. Всего за годы войны Турция получила от союзников займов на 800 млн долл., и из них 585 млн были израсходованы в самой Германии на закупку турками оружия и амуниции. В результате, в Стамбуле ежедневно регистрировали десятки голодных смертей. Дневная норма составляла 250, а иногда и 150 г. почти несъедобного кукурузного хлеба. Спекулянты подняли цену на хлеб в 10–15 раз.

Русские в сражениях с турками защищали жизнь и будущее братских народов, народов Закавказья. Прежде всего это касалось армян и грузин. Известно давняя

Плакат времен Первой мировой войны

взаимная неприязнь этих наций. После вступления Турции в войну среди армян и грузин усилились проантантовские настроения. Турки считали, что как только русская армия перейдет в наступление, армяне в Западной Армении, входившей в Османскую империю, начнут борьбу против турок. Турки утверждали, что есть инструкция армянам «использовать все возможные средства для оказания помощи государствам Антанты, прилагая все силы в борьбе за победу в Армении, Китикии, на Кавказе и в Азербайджане...» Действительно, 11 апреля 1915 г. армянское и ассирийское население в Хеккияри (у озера Ван) подняло восстание против турок. Стороны не знали пощады.

Как ответные действия, турецкие руководители Энвер-паша и Талаат-паша 28 апреля 1915 г. направили властям Восточной Анатолии приказ о всеобщей депортации армян.

Заметим, что за три дня до этого союзники высадили галлипольский десант. Турки имели все основания опасаться удара в спину. Отныне армяне рассматривались как пособники врага. Их решено было отправить в пустынные области Северной Месопотамии. Талаат-паша заявил, что надо покончить со *всеми* армянами и даже постараться уничтожить само название «Армения» в Турции. Местному мусульманскому населению было указано следить за колоннами женщин, стариков и детей: «Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина». Конечно, многие армяне пострадали в ходе депортации. Некоторые мужчины моложе 50 лет подверглись кровной мести

Геноцид армян. 1915 г.

и погибли в ходе движений этих «караванов смерти». Часть из них погибли в концлагерях далекой Месопотамии.

Печальной была участь и армянских женщин. В сентябре 1915 г. турецкий официоз «Танин» поставил вопрос в чисто каннибальском смысле: все женщины должны быть или уничтожены, или обращены в мусульманство. Но и в этом случае их ожидала горькая участь сексуальных рабынь в гаремах. «Банды младотурецких погромщиков насиловали армянских женщин, многие из которых затем кончали жизнь самоубийством. В Орду и Гиресуне были случаи, когда муж убивал свою жену, сын — мать, брат — сестру, отец — детей, чтобы избежать позора. Семьи же тех, кто сумел спастись путем бегства в Россию и Иран, подлежали уничтожению, чтобы у спасшихся не осталось никакой связи с родиной» (Дж. Киракасян). Глава турецкого правительства Талаат-паша заявлял тогда, что он «больше сделал за три месяца для разрешения армянского вопроса, чем Абдул-Хамид за тридцать лет».

К успехам русского оружия отнесем военные действия наших войск на Кавказе (взятие Трапезунда). Но и на турецком направлении не все шло ладно. Показательно сражение под Сарыкамышем зимой 1914–1915 гг. Дело в том, что русское командование вначале пропустило момент перехода противника в наступление.

Генерал Н. Н. Юденич

Трофеи: турецкие знамена

Н. С. Самокиш. Бой под Кепри-Кеем (Азиатская Турция)

Энвер-паша, искусно сосредоточив зимой войска на Кавказском фронте, нанес неожиданный удар, с целью захватить город и станцию Сарыкамыш, где проходили все коммуникации русской армии. Потеряв Сарыкамыш, армия была бы оттеснена к впадине Аракса, что означало бы в условиях снежной и холодной зимы ее полное физическое уничтожение.Наконец, уяснив всю опасность наступления противника, исполняющий обязанности командующего Кавказской армией генерал Мышлаевский отдал приказ об общем отступлении и, поручив оборону Сарыкамыша случайно оказавшемуся на этой станции полковнику Букретову, бежал в Тифлис. В Тифлисе А. З. Мышлаевский поднял панику, представил доклад об угрозе турецкого вторжения на Кавказ, чем вызвал дезорганизацию тыла армии.В январе 1915 г. он отстранен от командования. Его сменил, и весьма успешно, генерал Н. Н. Юденич.

Отметим успех русских войск в этой операции. Турки очень хотели захватить Сарыкамыш, железнодорожную станцию, являвшуюся главной тыловой базой российской армии на Кавказе, устроить нам этакие «кавказские Канны» в духе Шлиффена. Но русское командование, сняв войска с других участков, нанесло контрудары 9 и 10 турецким корпусам. В итоге Сарыкамышская операция завершилась полным разгромом 3-ей турецкой армии. Та была почти полностью уничтожена.

Армия турок потеряла 90 тыс. человек и свыше 60 орудий (30 тыс. турецких солдат замерзли в горах). До конца войны та так и не смогла восстановить свою боеспособность. Русская Кавказская армия потеряла в этой битве 20 тыс. человек убитыми, ранеными и обмороженными.

Посол Франции в России М. Палеолог отметил в дневнике: «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами... Там ужасный холод и постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия совершает там каждый день изумительные подвиги» (6 января 1915 г.).

Велика роль и Эрзерумской операции 1915–1916 гг., в ходе которой взята сильная турецкая крепость — Эрзерум. Взятие крепости позволяло России выйти к морю и захватить обширную береговую полосу Черного моря и г. Синоп (турецкую морскую базу на Черном море). От успеха операций на Кавказе, можно сказать, зависели жизнь или смерть армян. Турки хотели включить их в «независимую» Великую Армению в пределах своей империи. «Ассимиляция» завершилась, как известно, резней. В итоге русские взяли 327 орудий, крепостную и значительную часть полевой артиллерии, до 137 офицеров и 13 000 солдат,6 знамен регулярных полков, 3 знамени курдских конных полков, большие запасы продовольствия и разного рода имущества. Победа особенно ценна с учетом тяжелых боев на германском фронте, нехватки у русских оружия и боеприпасов. Помнит ли Армения подвиг России!?

«Дикая дивизия» в атаке

Бессмертная «Слава»

Были определенные успехи наших войск и на море... Командующий Черноморским флотом, вице-адмирал А. В. Колчак осуществил минную блокаду Босфора и Варны, что снизило активность немецкого флота. Именно в годы Первой мировой войны на Черноморском флоте фактически были созданы авианосно-ударные группы. В этом направлении морского строительства Россия оказалась в мировых лидерах.

Относительный успех был достигнут и в результате действий на Балтике против немецкого флота. Ведя наступление в 1915 г., немцы рассчитывали на помощь флота. Но в начале войны русским удалось захватить секретный шифр, достав его со дна морского (с севшего на камни и затем захваченного немецкого крейсера «Магдебург»). Получив тайну шифра, русские знали, что немцы намерены крупными силами прорваться через Ирбенский пролив в Финский залив. Решено было встретить врага. И благодаря умелым действиям наших минеров, немцы потеряли несколько миноносцев. Флот их ушел восвояси из Рижского залива. Их армия, наступавшая на Ригу без поддержки флота, вынуждена была отойти. Здесь-то и отличился капитан 1-го ранга А. В. Колчак, за что был награжден орденом Святого Георгия IV сте-

пени. Вскоре его утвердят командующим минной дивизией и начальником обороны Рижского залива.

В историю вошла битва у Моонзунда, мелкого пролива, соединявшего Рижский и Финской заливы, которая произошла в 1917 году. В ней важную роль сыграл броненосец «Слава». Немцы послали тогда на Балтийский театр две трети своего флота и очень рассчитывали на победу. Она дала бы им двойной выигрыш: «Мы убиваем русскую революцию и ликвидируем германскую в самом ее начале». Революция уже стучалась и к ним... Так, на «Вестфалене» вспыхнул бунт, матросы швырнули командира за борт, команда «Нюрнберга»,

А. В. Колчак

Плакат времен Первой мировой войны

следуя примеру «Потемкина», арестовала офицеров, а затем попыталась укрыться в норвежском фиорде. Экипаж «Принц-регента Луитпольда» объявил голодовку, а на «Пилау» объявили стачку, будто на заводе (В. Пикуль). Но битва при Моонзунде перечеркнула планы немцев.

При Моонзунде отличился броненосец «Слава». Как пишет С. Е. Виноградов в книге «Броненосец «Слава», в годы Первой мировой войны броненосец стал самым прославленным русским кораблем, не просто головной болью, а настоящим наваждением для германского командования — во всех планах немецких операций 1915–1917 гг. на Балтике основное внимание уделялось «Славе». Сам кайзер якобы не раз требовал покончить с ненавистным кораблем, что был центром и точкой опоры всей обороны Рижского залива, сыграв решающую роль в срыве первой и второй попыток германского флота прорваться к Риге, а затем и к Петрограду. Ни вражеские дредноуты, ни миноносцы и подводные лодки, ни цеппелины и аэропланы

Эсминец «Новик», ставивший минные заграждения на Балтике

так и не могли одолеть русский броненосец, превратившийся в важный стратегический фактор борьбы на море.

В июле-августе 1915 г. линкор, под командованием капитана 1-го ранга С. С. Вяземского, неоднократно вступал в бой с германскими линейными кораблями. Осенью 1915 года «Слава» под командованием капитана 1-го ранга В. В. Ковалевского поддерживала огнем сухопутные войска на побережье Рижского залива, а 22 октября обеспечивала высадку десанта у мыса Домеснес. Аналогичные задачи линкор решал в Рижском заливе и в кампанию 1916 г. Ну а 8 сентября 1917 г. «Слава», под командованием капитана 1-го ранга В. Г. Антонова приняла участие в Моонзундском сражении.Корабль получил несколько пробоин. Русским пришлось затопить корабль после неравно-

Моонзунд. Русские дирижабли

Броненосец «Слава»

го боя. Возможно, потому, что вышла из строя одна из двух башен корабля. В Моонзундском проливе было затоплено еще четыре транспорта, чтобы преградить путь немецким кораблям к нашим базам на Балтике.

Разведка в годы войны

В годы войны особую роль играет разведка. Сегодня можно прочесть о том, как прекрасно работала наша разведка в годы Первой мировой войны. Один из авторов пишет: «Уже к июлю 1915 г. русская агентурная сеть в рейхе охватывает ряд крупнейших военных предприятий Берлина, Кельна, Лейпцига, Дрездена, Мюнхена, держит под своим контролем тесно связанные с отечественной оппозицией кружки и группы типа „Мир“, „Благоденствие и процветание“, „Великий Восток народов России“. В Подунавье на Петроград нелегально работали высокопоставленные чиновники оборонных структур, москво-

Немецкие генералы Гинденбург и Людендорф

филы Буковины и Закарпатья, ряд влиятельных политических деятелей чешской Богемии. В Дании тщательно отслеживались контакты левых радикалов с германскими пропагандистскими службами, в Норвегии нейтрализовалась преступная агитация в Христиании (Осло) и Экерзунде, в Швеции, под «крышей» полковника Кандаурова, обреталось до 6 групп оперативного реагирования. Швейцарских нелегалов возглавлял генерал-лейтенант Головань, руководивший действиями таких асов политического сыска, как прапорщик Ленкшевич (Брут) и некоторые другие. На территории Нидерландов аналогичные же функции выполнял ротмистр Мейер, успешно боровшийся с попытками неприятеля «обложить» подчиненных ему людей своими дезинформаторами. В тени Эйфелевой башни притаилось «специальное бюро» графа Павла Игнатьева, куда стекались соответствующие донесения из Португалии, Испании, Италии, Болгарии, а служебный персонал так называемых русских квартир Лондона контролировал информацию, поступающую не только из самой Великобритании, но и из Исландии, Бельгии, Люксембурга. на Востоке признанным центром русской разведки считался иранский город Мешхед, где подполковнику Скуратову 30 сентября 1914 года удалось раскрыть обширный заговор,«связывавший воедино преступные элементы Бухары, Афганистана и Китая».

Называли царское МВД «самой грозной силой на земле». Почему же мы потерпели поражение?

Вопрос состояния русской разведки перед Первой мировой войной требует, конечно, тщательного анализа специалистов. Работа проделана М. Алексеевым и издательским домом «Русская разведка», выпустившими ряд томов «Военной разведки от Рюрика до Николая II» (1998). Если подвести по прочтении книги краткий итог, можно сказать, что русская разведка в лице представителей Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) действовала «вполне удовлетворительно», будучи неплохо осведомлена «о всех текущих событиях стратегического и военно-политического характера на Дальнем Востоке», как и в Восточной Европе.

Однако наряду с такими оценками самих верхов есть масса фактов, свидетельствующих о том, что ее состояние, как и ее действия следовало бы признать «по меньшей мере безотрадными». Дело в том, что основными источниками интересующей Россию информации всегда были агенты-иностранцы, а это, как совершенно ясно, далеко не всегда надежный материал. Поэтому на Востоке получение такой информации, скажем, из Японии было осложнено в связи с особым менталитетом жителей. Японцы крайне неохотно шли на контакты с русскими. Военные понимали, что Россия «не может противостоять при существующем состоянии армии натиску Германии и Австро-Венгрии с их союзниками». Но при этом А. П. Извольский утверждал, что две эти страны «в состоянии в корне пошатнуть наше государственное существование».

М. Алексеев в «Военной разведке в России» писал: «По состоянию на 1 (14) января 1914 г., постоянная негласная агентура ГУГШ состояла из шести негласных агентов и шести агентурных организаций. Из шести негласных агентов, четверо работали на Востоке и в Азии: № 12 — в Китае (Брей); № 17 — в Индии (Андреев); № 18 — в Сеистане (Выгорницкий); № 22 — в Китае (Чжао-юй-тин) и только двое — на Западе: № 87 — в Германии и № 118 — в Румынии и Болгарии (Шнейдер). Пять из шести агентурных организаций действовали на Востоке и в Азии (четыре из них возглавлялись негласными военными агентами) — №6 — в Корее (Бирюков, консул в Гензане); № 14 — в Маньчжурии (Афанасьев, консул в Цицикаре); №15 — в Корее и Маньчжурии (Надаров, вице-консул в Янцзыфу); №20– в Монголии (Ладыгин, коммерческий агент на КВЖД); № 23–в Азербайджане (военный секретарь в Урмии Андреевский). На Западе имелась всего одна агентурная организация №30 в Западной Германии. В течение

Поймали немецкого шпиона

1914 г. планировалось развернуть еще две агентурных организации ГУГШ в Западной Европе: одну — № 31 — в Австро-Венгрии и вторую — в Восточной Германии. К началу войны агентурная организация № 31 находилась в стадии формирования. Планы насаждения подобной организации в Восточной Германии так и остались на бумаге». И это перед мировой войной!

Все это однако нисколько не умаляет действий умных и опытных русских разведчиков в той войне. Так, военный агент в Германии полковник Базаров, анализируя результаты командно-штабной игры 1913 г., проведенной германским большим генеральным штабом, пришел к верному выводу: первый удар немцев будет нанесен по Франции. Немцы усиливали крепости (особенно Познани и Бреславля), планировали иметь на Восточном фронте в начале кампании намного меньше сил, чем на Западном фронте (это подтверждала наша агентура).

Представляет интерес статья Н. С. Кирмеля «Становление военной контрразведки в Российской Империи». Автор пишет о том, что военный министр В. А. Сухомлинов утвердил Положение о контрразведывательных отделениях военных округов (8 июня 1911 г), где, в частности, говорилось: «Контрразведывательные отделения военных округов учреждаются для борьбы с военным шпионажем, для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, что могут вредить интересам обороны Российской Империи». Инструкцией, разработанной Генштабом, было определено, что «военным шпионством (военной разведкой) является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских), об укрепленных силах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране, путях сообщений, производимый с целью передачи их иностранным державам». Борьбу со шпионажем предлагалось вести с помощью агентуры и наружного наблюдения. В условиях мирного времени агентура подразделялась на следующие категории: консульская агентура, внедренная или завербованная из числа обслуживающего персонала или родственников служащих иностранных представительств, расположенных на территории страны; штабная агентура, занимавшаяся личным составом военных и военно-морских учреждений России, как в центре, так и на местах; внутренняя агентура, обслуживавшая общественные места, расположенные вблизи учреждений, посещавшихся «военными чинами» (торговые лавки, чайные, рестораны и т.п.), а также точки, подходившие для проведения «свиданий» агентов иностранных разведок «с лицами, дающими им сведения».

Однако следует заметить, что с переходом полномочий по реализации контрразведывательных функций к военному ведомству ситуация с так называемой офицерской штабной агентурой осталась неизменной. Проблема консервировалась и загонялась вглубь. Менталитет кадрового офицерства изначально был негативен по отношению к любому виду оперативного поиска в своей среде. Данная особенность видна в нормативных документах военной контрразведки. Инструкциями запрещалось вербовать агентуру среди военнослужащих, а устанавливать наблюдение за офицерами разрешалось лишь с санкции генерал-квартирмейстера, да и то, как от-

мечалось, «только в исключительных случаях».

Военная контрразведка изначально была поставлена в «щекотливое» положение при ведении оперативно-розыскной деятельности в армейской среде. Сложность с вербовкой осведомителей, продолжает автор, заключалась еще и в специфике борьбы со шпионажем. В отличие от революционеров, которые действовали в составе подпольной организации, агенты иностранных спецслужб работали в одиночку. Поэтому найти „сексота", пожелавшего выдать шпиона, а потом следить за ним до самого ареста было непростым делом. Контрразведчики вербовали информаторов среди обиженных поставщиков секретных сведений, мелких осведомителей и любовниц шпионов. Шли на контакт с сотрудниками КРО и лица, желавшие заработать деньги на выдаче иностранного агента, но иные также по идейным соображениям. Если внутренняя агентура служила для освещения намерений шпиона, то наружное наблюдение следило за конкретными действиями.

«Филерская служба, — писал начальник разведывательного отделения Варшавского военного округа полковник Н. С. Батюшин, — требует от агентов наружного наблюдения, кроме умственного развития, памяти и находчивости, особого развития зрительной памяти, которая должна фиксировать все доступные глазу мелочи повседневной уличной жизни, и умения вести наблюдение на расстоянии, дабы не попасть в поле зрения наблюдаемого».

Создание органов армейской контрразведки в течение 1911 г. не означало учреждения некой особой системы, в частности потому, что отсутствовал управляющий центр, который бы координировал и планировал борьбу с агентурой противника, а тем более прогнозировал вероятные действия иностранных спецслужб по стране в целом. По мнению специалистов Департамента полиции, военное ведомство, создавая контрразведывательную службу, совершило ошибку, законспирировав деятельность контрразведывательных органов. По этой причине сотрудники КРО были лишены всякой исполнительной власти, даже той, которую имели как жандармские офицеры. Инструкция предписывала им только вести наружное наблюдение, а для обысков и арестов обращаться к местным жандармским органам.

А. А. Игнатьев

Парадокс ситуации заключался в том, что после создания в Военном министерстве контрразведывательных отделений циркуляром Департамента полиции от 18 сентября 1911 г. борьба с иностранными спецслужбами была изъята из круга прямых обязанностей Главного жандармского управления и охранных отделений, хотя им были даны указания по-прежнему передавать поступавшие сведения о фактах шпионажа окружным генерал-квартирмейстерам. Иначе говоря, разоблачение иностранных шпионов перешло из такого крупного учреждения, как Департамент полиции, в ведение скромных по численности отделений

.Бывало и так, что под прикрытием «разведывательных операций» скрывали действия нечистые на руку дельцы. Небезынтересна судьба графа А. А. Игнатьева, полковника русской армии (брата П. А.Игнатьева). С 1908 г. он военный агент в Дании, Швеции и Норвегии; в 1912–1917 гг.— военный агент во Франции; представитель русской армии при французской главной квартире. Он руководил размещением военных заказов во Франции и поставкой их в Россию в годы Первой мировой войны. По мнению эмигранта А. Маркова, через руки графа А. А. Игнатьева «прошли мил-

лиарды русских денег в погашение сделанных военным министерством во Франции заказов, и из этих громадных сумм к его рукам прилипло столько, что к концу войны Игнатьев был уже не в состоянии представить отчета».

Поддержку графом большевиков связывали именно с этими растратами. Ежемесячно через Игнатьева проходило около 120 миллионов франков, а всего миссией с 1 (14) января 1914-го по 1 (14) января 1918 года было потрачено 1 млрд 70 млн 177 тыс. 302 франка 60 сантимов. В качестве финансиста при нем выступал „кухонный мужик" Ильинский. Игнатьев произвел своего денщика в офицеры, поручив ему счетный отдел. По данным французской военной разведки, этот Ильинский был «абсолютным ничтожеством, человеком с довольно темным прошлым...». Не будучи профессиональным бухгалтером, он вел у Игнатьева финансовую отчетность по огромным суммам. Но министр позволил вести финансы в армии кому угодно.

Каким образом Игнатьев зарабатывал деньги? О том писал А. Ганин в статье «Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России?» Пример первый. Вместо заказа на поставку дистанционных трубок для русской артиллерии по 6 франков за штуку Игнатьев делает заказ, но по 12 франков за штуку. Куда идет разница? Пример второй. Весной 1916 г. русским военным агентом получено при посредничестве Русского торгово-промышленного банка, не пользовавшегося его покровительством, предложение пяти французских предприятий о поставке двух миллионов тяжелых снарядов. Граф Игнатьев, преследуя свои интересы, разместил заказ в различных отделениях завода «Крезо-Шнейдер», не справлявшегося с русскими заказами из-за их обилия. Как следствие, недополучение снарядов и тот самый снарядный голод, о котором буквально стон стоял во всей армии. Документально подтверждено, что Игнатьев при размещении заказов отдавал предпочтение исключительно заводам Шнейдер и связанным с ними, причем деньги переводились исключительно через Русско-Азиатский банк и директора его парижского отделения А. Г. Рафаловича.

На нажитые с поставок деньги Игнатьев, по показаниям французского офицера Дофина, приобрел «для одной артистки» ожерелье стоимостью 300 000 франков. Но, может, у графа были собственные средства? Никак нет. Родовой майорат Игнатьева, имение Ольгово Московской губ., по данным на 1916 г., приносил ему ежегодно 50 000 рублей убытка. Говорили и о сотрудничестве Русско-Азиатского и других с немцами.

Полковник военно-судебного ведомства Ю.И. Лисовский, расследуя деятельность Игнатьева, писал: «Могу предположить, что в то время, когда русский солдат и офицер умирали в России на фронте, изнемогая от недостатка снарядов и другого боевого материала, в Париже были люди, занимавшие ответственные места в заготовительной комиссии и думавшие очень мало о том, что на русском фронте умирают русские люди и что их добросовестная работа может уменьшить количество этих смертей».

Конечно, разведка действовала во всех странах. Откуда же враг узнавал военные тайны русской армии? И как тут не вспомнить такую легендарную личность, как Мата Хари, нидерландку, бывшую на службе не у одной разведки. После развода с мужем, шотландским офицером, что был старше ее на 20 лет, она танцевала в Мадриде, Монте-Карло, Берлине. Ей посылал цветы сам Пуччини, а Массне писал: «Я счастлив, когда смотрю, как она танцует!». Газета «Курьер Франсэ» писала: «Даже оставаясь неподвижной, она околдовывает зрителя, а уж когда танцует, ее чары действуют магически». Во время танца она постепенно снимала с себя роскошное восточное одеяние, оставаясь лишь в жемчужном ожерелье и сверкающих браслетах, игрой тела воздействуя на

Мата Харри

публику». В то время стриптиз был настоящей сенсацией, и вот уж весь Париж лежал у ног прелестной танцовщицы. Газеты называли ее экзотический танец «индийской религиозной мистерией». Так она покорила немало знатных особ, выступая в дорогих кабаре, салонах знаменитостей (в том числе барона Ротшильда), в прославленном театре «Олимпия». Будучи двойным агентом (Франции, Германии), Мата Харри расстреляна в октябре 1917 г... Пусть и не столь вызывающе, но ничуть не менее эффективно работали сотни других агентов.

Я не думаю, что говорить о шпионах в правительстве — смешно. Вовсе нет: агенты влияния в правительстве России были и есть. Тому есть основания. «Нашу осведомленность, — писал руководитель австрийской разведки М. Ронге, — русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоящих к царю и высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть около 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиограммы их предают, они подумали, что мы купили их шифры».

Действия вражеской радиоразведки в кампании 1915 года и стали одной из причин наших военных неудач. Так, в январе—феврале 20-й армейский корпус оказался окруженным в Августовских лесах (Восточная Пруссия, близ г. Августов), а 10-я армия вынужденно отступала. По воспоминаниям начальника штаба последней, из рук нашего командования «была окончательно вырвана инициатива действий, и с этого времени все операции Северо-Западного фронта свелись к пассивной обороне или к отражению отдельных ударов, систематически наносившихся немцами». Наши штабы часто действовали на авось, не имея точных сведений о противнике. Генерал И.А. Хольмсен писал: «Опасения генерала Сиверса о возможности охвата противником фланга [русской] 10-й армии были оставлены без внимания Штабом фронта на том основании, что, как выразился Генерал-Квартирмейстер Штаба фронта, ген. Бонч-Бруевич, „противник вряд ли на это решится, имея на фланге 12-ю армию“». Но 12 армия (командующий генерал от кавалерии П.А. Плеве) с сосредоточением запаздывала. Хотя ее маневр «строго засекретили», немцы по переговорам через искровой телеграф (вновь сказалось знание чужих шифров) «проникли» и в эту тайну. По свидетельству австрийского разведчика М. Ронге, «осведомленность о секретнейших планах русских не могла долго оставаться тайной для них», хотя «разведывательная служба русских также проявляла большую активность». На нее тратились «большие расходы и усилия», а она не знала «о нас столько, сколько знали мы и германцы о них».

А. И. Спиридович писал: «...В те первые дни войны как-то странно сильно

стали говорить в Петербурге о шпионаже немцев. Имя графини Клейнмихель, у которой, будто бы, был политический салон, где немцы почерпали много нужных сведений, было у всех на устах. Рассказывали, что ее арестовали. Говорили, что уже даже расстреляли за измену бывшего градоначальника Д. Все это были досужие сплетни, вздор, но ему верили. Были даже очевидцы расстрела...А знает ли оно — это учреждение (Генштаб. — *В.М.*), — что хозяином единственно приличной гостиницы в Петергофе «Самсон» уж 25 лет состоит немец? Что летом он справлял юбилей, на который из Петербурга приезжали чины немецкого посольства? А знает ли оно, что чуть не в каждом номере «Самсона» висит портрет Мольтке, Бисмарка или иного немецкого генерала? Офицер делал удивленные глаза. А знает ли ваше начальство, что постройкой железнодорожной ветки, что пойдет по берегу из Петербурга к Петергофу, ведают немецкие инженеры?» Слухи эти росли и множились...

Фронтовая разведка была организована не лучшим образом, переговоры между штабами в ходе боевых действий велись по радио открытым текстом. О «скрытности» секретной информации у русских говорят слова Людендорфа: «24 августа (1914 г.) нам передали захваченную радиограмму русских, в которой открытым текстом излагался план действий противника на ближайшие дни». Это не могло не оказать влияние на общий ход военных действий. Радиоболтовня штабов стоила России армии Самсонова, но не утихала и всю войну. Так, по словам австрийского разведчика М. Ронге, даже Временное правительство оказалось столь же бездарно, как и царское. Когда 5 июля 1917 г. прибыли первые эшелоны германских войск, переброшенных с западного фронта, 9 июля из Петербурга была отправлена незашифрованная радиограмма: «Для создания ударной группы против нашего наступления германцы перебросили с западного фронта на восточный 12 дивизий». Как видим, за три года войны мы так ничему и не научились!

Безусловно, были и успехи, не раз выручала наши войска и отвага обычных фронтовых русских разведчиков... Немало их пало в боях за родину. Об этом говорят документы... «В феврале 1915 г. отряд русских разведчиков в составе одного офицера и трех нижних чинов пытался у занятого германцами села Дмисевичи, Августовского уезда, перейти по льду реку Неман, но открытый неприятелем огонь вывел из строя всех нижних чинов, а офицера ранил. Раненого германцы захотели принести к себе и послали за ним несколько местных жителей во главе с одним из своих солдат, который во время переноски раненого отобрал у него часы, кошелек и сапоги. Принесенного с реки раненого поместили в доме местного крестьянина С. Кравчика, где находились германские офицеры, солдаты и какой-то чин с повязкою Красного Креста, по-видимому, врач.

Здесь, несмотря на то, что раненый офицер сильно страдал и стонал, германцы никакой помощи ему не оказали, а, положив его на полу, на соломе, они начали о чем-то между собою переговариваться и пересмеиваться, видимо, довольствуясь страданиями русского офицера. Затем к нему подошел врач и начал всыпать в рот какой-то белый порошок. Раненый пытался сопротивляться и отмахиваться руками и ногами, но один из солдат, сидевший на стуле, поставил свои ноги на его руки, а другие солдаты навалились на его ноги. Таким образом, несмотря на сопротивление несчастного, порошок ему в рот был всыпан, отчего он минут через 20 и скончался в страшных мучениях. После этого германцы выбросили труп скончавшегося под забор. На следующий день в село вступили русские войска, подобрали тело убитого и похоронили его за Неманом. Изложенное удостоверено показаниями очевидцев С. Кравчика и А. Ядешко, допрошенных, по поручению Чрезвычайной следственной комиссии, с предупреждением о присяге судебным следователем Сувалкского окружного суда».

Глава 7

Главные причины поражений русских войск в войне: Николай II, его окружение и российская буржуазия

Почему мы проиграли войну?

Войны не бывают без поражений. На долгом пути страны к победе всегда есть дни тяжких потерь и неудач. Однако ни одна война из тех, что вела Россия ни до, ни после, не приведет нас к столь страшной катастрофе, как Первая мировая.

Среди причин поражений царской России на полях Первой мировой войны следует назвать пять главных... Первая, Российская империя, как и Австро-Венгерская (и даже в большей мере), представляла собой крайне неоднородное тело. Поэтому и сегодня одни смотрят на одну часть «туловища», т. е. на лучшую часть высокообразованной элиты, совершенно забывая о другой. «Государственная система имперской России в начале двадцатого столетия представляла собой неустойчивое соотношение сил — небольшую вестернизированную элиту и огромную массу автохтонного населения, живущего в собственном мире, в доиндустриальной эпохе» (А. И. Уткин).

Во-вторых, невысокий уровень образования масс, а отсюда слабый уровень управления и взаимодействия войск на уровне фронтов, армий, корпусов и дивизий.

В-третьих, все-таки крайне невысок был уровень развития промышленности и техники. И как следствие —слабое оснащение армии. В новую эпоху многое решало новое оружие. У нас же, как отмечал, М. Э. Месснер, даже после Русско-японской войны не сделали выводов — и «штыколюбы» оттеснили на второй план «огнепоклонников» (артиллеристов): «Сотнями тысяч жертв заплатила Русская армия в 1914 г. за то, что кабинетными фантазиями был извращен опыт маньчжурской войны». Огромные потери несли и французы, «выйдя на войну со слабосильной артиллерией». Ну а мы вообще оказались в этом плане самыми отстающими. А ведь артиллерия — Бог войны!.

А. А. Брусилов в «Воспоминаниях» отмечал: «К началу войны помимо недостатка огнестрельных припасов в реформах Сухомлинова были и другие крупные промахи, как, например, уничтожение крепостных и резервных войск. Крепостные полки были отличными, крепкими частями, прекрасно знавшими свои районы, и при их существовании наши крепости не сдавались и не бросались бы с той легкостью, которая покрыла позором случайные гарнизоны этих крепостей. Скрытые полки, образованные взамен уничтоженных резервных, также не могли заменить их по недостатку крепких кадров и спайки в мирное время. Правда, некоторые второочередные дивизии, в общем, дрались впоследствии недурно, но обнаружили многие недостатки, которых не было бы в старых резервных частях. Уничтожение крепостных районов, стоивших столько денег, на западной границе

не было продумано и так же сильно способствовало неудачам 1915 года. И это — тем более что был разработан новый план войны, с легким сердцем сразу отдававший противнику весь наш Западный край; в действительности же мы его не могли покинуть и должны были выполнить план, совершенно непредвиденный и неподготовлявшийся».

В-четвертых, слабая идейная крепость многих генералов и офицеров. Вспомнились прогнозы, что сделаны за десять лет до мировой войны. Министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф писал в дневнике, что и германский кайзер с возмущением сообщал русскому царю о том, как в парижском салоне некий русский генерал на вопрос, что будет, если Россия все же столкнется с Германией, с удивительным цинизмом заявил: «Нас разобьют вдребезги, ну что же, тогда и у нас будет республика». Если таковы были настроения у высших чинов Российской империи, то что же можно сказать о солдатах, которым война эта вообще была не нужна!

В-пятых, и видимо это главное, абсолютно противоположными были цели, что стояли в той войне перед правящим классом России и всем остальным народом!

Частично согласимся с авторами, утверждающими, что причины поражения России лежат не в военной, а в политической сферах. Талантливый автор Н. Стариков в книге «Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века» пытается нас уверить, что „главным врагом" России в Первой мировой войне, как это на первый взгляд ни покажется странным, были наши союзники — Англия, Франция, США. Он привел мнение главы разведки России графа П. А. Игнатьева: координирующий межсоюзный орган создать так и не удалось из-за обструкции Англии и Франции. Бесспорно, неискренность и коварство со стороны союзников имели место. Особенно, со стороны Англии и США. Но с главным тезисом автора– «Именно наши „союзники" по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом марше играла британская разведка», — согласиться не могу.

Поэтому надо осторожно воспринимать „открытия" последних лет, когда стало модно называть «мифами» факты о «бездарных генералах», «отсталой стране», «слабой экономике» и т. д. Некоторые и сегодня продолжают и продолжают твердить: «Главной причиной гибели империи, ее официального поражения (Брестского мира) стал не военный или экономический фактор, а политический. Внутренние и внешние враги смогли организовать две революции, которые и стали причиной поражения. Так, кампания 1916 г. была вполне успешна для наших вооруженных сил, экономика успешно перестроилась на «военные рельсы», созданы запасы вооружений и боеприпасов, армия была готова в 1917 г. внести перелом в войне... Запасов, созданных к кампании 1917 года: снарядов, патронов, винтовок, пулеметов, обмундирования, хватило потом Красной Армии на всю Гражданскую войну (когда практически вся промышленность, в том числе оборонная, встала), остались даже после нее. Но случился Февраль 1917 г., и армия, страна были брошены в хаос безвластия и смуты. Дух армии, общества был подорван, фронт стал разваливаться. Если бы Николай II уничтожил в стране «пятую колонну», расклад на планете был бы совсем другим». Все это прекрасно... Только вот армии как таковой уже не было в 1917 г. Это первое... И второе. Уничтожить надо было всю ворующую и жирующую правящую бюрократическо-буржуйскую мафию.

Ситуация внутри страны

Не могла победить страна, которую раздирали чудовищные социально-экономические и нравственные противо-

М. А. Зичи. Дворцовый бал

речия. Торгово-промышленная буржуазия, пылко призывавшая русский народ к жертвам во имя России, сама вела жизнь алчную, подлую, бессмысленную. Для нее смысл европейской и мировой войны не в подвиге во имя России! Не в спасении Родины! А в невиданных ранее прибылях, получаемых за счет гибели людей! Призывы защиты отечества падали в пустоту, вызывая недоумение у честных людей, видящих, что творится в высших эшелонах общества. Служивший в императорской ставке М. К. Лемке писал в дневнике (27 января 1916 г.): «Когда сидишь в ставке, видишь, что армия воюет, как умеет и может; когда бываешь в Петрограде, в Москве, вообще в тылу, видишь, что вся страна... ворует. В этом главное содержание моих впечатлений. Все ворует, все грабит, все хищничает». С болью и А. И. Деникин отмечал: «Петербург „устал“ от войны больше, чем армия».

Солоневич рисует в «Белой империи» типичную сцену, характеризующую российскую правящую элиту. Более всего потрясло его обилие шкурников и спекулянтов, что, словно жирные пьяные тараканы, сновали из конца в конец по улицам Москвы и Петербурга...

Ну а организация такой гигантской «работы», как война, да еще мировая, велась у нас из рук вон плохо. Армия была скверно снабжена, плохо организована и плохо управлялась. Как это часто у нас бывает, все и вся делалось спустя рукава. Боеприпасов не хватало, из-за нехватки снарядов все начинания часто сводились на нет. Уже первые месяцы войны показа-

ли, что между фронтом и тылом не было глубокой и органичной связи.

А ведь для успеха войск необходим целый ряд условий. В любой войне надо не только изготовить достаточное количество вооружения, обмундирования, и причем добротного качества, но еще и вовремя доставить их на место сражений. Однако вплоть до 1917 г. единой системы подвоза материальных средств не было. В начале войны боеприпасы подвозились на фронты готовыми комплектами непосредственно на станции выгрузки войск. Другие виды материальных средств подвозились из окружных складов в адрес корпусов. В откликах с мест боев слышались жалобы: «Мы голые». Общее мнение таково: «И вообще казенное добро слишком плохое в носке». Обстановка в тылу жуткая: небрежность, недобросовестность, злоупотребления, как всегда, взятки. Взяточничеством особо славились

Плакат времен войны

чины артиллерийско-инженерного ведомства. Один из авторов пишет («картина маслом»): «Тыловые склады были забиты до предела, но войска на фронте постоянно испытывали их нехватку. Наступление австро-германских войск на Восточном фронте весной и летом 1915 г. показало всю глубину кризиса боеснабжения русской армии». Неспособность сановной бюрократии, царя решить проблему экономического обеспечения войны становилась все очевиднее.

В этих условиях буржуазные круги попытались было взять на себя руководство делом военно-экономической мобилизации и строительства. В мае 1915 г. IX съезд представителей промышленности и торговли принял решение о создании военно-промышленных комитетов, которые должны были заниматься переводом частных предприятий на военное производство. Политически активные круги российской буржуазии — главным образом деловой мир Москвы — стремились использовать военно-промышленные комитеты для усиления своего влияния на процесс управления страной. Царское правительство, вынужденное санкционировать создание этих организаций, ограничило их деятельность. В итоге комитеты в развитии военного производства большой роли не сыграли, хотя кое-что сделали для обеспечения армии вещевым и интендантским довольствием, для мобилизации мелких и средних предприятий.

В целом доля военно-промышленных комитетов в общей массе заказов Военного ведомства в 1915–1917 гг. составила лишь 3–5 %, а в фактических поставках — не более 2–3 %. Как видим, ничтожно мало!

Ряд военно-хозяйственных функций выполняли возникшие еще летом 1914 г. Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы. Для координации деятельности в 1915 г. был образован Главный комитет по снабжению армии (Земгор). Но

их усилия были недостаточны. Поскольку местные парки были вскоре опустошены, боеприпасы стали подвозиться на фронтовые склады, где они формировались в местные парки и уже оттуда доставлялись на станции, чтобы отправиться на фронт.

С конца 1916 г. установился единый порядок подвоза всех видов материальных средств. В тылу за пределами театра военных действий развернуты распределительно-сортировочные станции для размещения грузов по тыловым базам фронтов. У тыловой границы фронтовых тыловых районов развертывались фронтовые тыловые базы. И тем не менее на фронте и в прифронтовой полосе продолжала царить полная неразбериха. Во время одной из инспекторских поездок на малом участке фронта обнаружили на оставленной позиции 8 миллионов вполне

Медсестра, награжденная орденом Св. Анны и Георгиевским крестом

Карикатура времен Первой мировой войны

исправных патронов. Другой пример. За всю войну армия получила более 65 миллионов пар сапог, но что дошло до солдат — большой вопрос. на войне наживался, кто только мог. Нехватка обуви в армии случилась не потому, что армейских сапог было мало, а вследствие развала тыла. Почти вся Россия, писал Брусилов, ходила в тех сапогах, и большая часть прибывавших на фронт легко продавала их по пути обывателям, часто за бесценок, получая на фронте новые. «Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать по два-три раза. То же происходило и с одеждой, которую, не стесняясь, продавали. Зачастую солдаты, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми и обутыми, на фронт приходили голыми. Против таких безобразий никакие меры не принимались или меры недостаточные, не дававшие никаких благих результатов». Но главный фактор тотальное воровство и аферы тыловиков и снабженцев.

Кузина Николая II Мария Романова, к слову сказать, честно отработавшая какое-то время в войсках главной медсестрой, принимавшая участие в операциях, поведала о том, что видела в военных госпиталях: «Получая сообщения о позорной запущенности и плохом управлении делами в этих военных госпиталях, я решила

вскоре после своего приезда в Псков предпринять расследование. Я могла провести его только поверхностно, так как у меня не было официальных полномочий. но я начала без предупреждения посещать военные госпитали, всегда стараясь приехать неожиданно. Во время этих своих неожиданных визитов по страху чиновников и служащих этих госпиталей я видела, что у многих совесть неспокойна. Особенно отчетливо я помню одно мое такое посещение казарм, где находились несколько сотен больных и раненых военнопленных. Трудностью было найти дежурного врача. наконец он прибежал с заспанным и распухшим лицом. Белье в палатах, так же как и сами пациенты, было грязным. Очевидно, и кормили их плохо, потому что все они выглядели измученными и слабыми.

В перевязочной было далеко до чистоты. Все было в таком беспорядке, что я посчитала необходимым в этом случае позабыть о своей робости. Я послала за главврачом и громко отругала его. Это был первый раз в моей жизни, когда я кого-то ругала. Главврач, гинеколог по специальности, был так перепуган, что от заикания едва мог отвечать на мои вопросы. несколько таких инспекций убедили меня, что военным госпиталям нужна помощь хотя бы постельным бельем и перевязочными материалами. Я написала письмо императрице, спрашивая ее, не может ли она для них что-нибудь сделать. Ей это было легко: в прошлом та организовала в Зимнем дворце мастерскую и кладовую для хранения постельного белья и перевязочных средств. Но ее ответ на мое предложение не был обнадеживающим. Она намекала, что я вмешиваюсь не в свое дело... Императрица все-таки приехала в Псков, но это не изменило к лучшему ситуацию в военных госпиталях». Если такова была реакция на призыв великой княжны, то о каком там влиянии простого народа или нижних чинов на ситуацию можно было вести речь! Конечно, были сотни отважных русских женщин (из всех слоев обще-

В госпитале

Русский санитарный поезд

ства), что не жалея ни сил помогали раненым. Около 60 тыс. русских женщин работали в лазаретах и госпиталях за время Первой мировой войны. Многие из них шли на передовую, как русская героиня Римма Иванова, спасшая от смерти немало солдат. Когда в роте погибли оба офицера, именно она повела солдат в атаку.

Ощущалась нехватка и железнодорожного подвижного состава. После мобилизации до половины вагонов на нужды фронта возникли острые транспортные проблемы. Было затруднено обеспечение предприятий и подвоза продовольствия в города, не хватало лазаретов, кроватей, одеял, лекарств. Всюду царили неразбериха, бардак, воровство. Врач С.П. Боткин, пробыв 7 месяцев на Балканском фронте во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в качестве лейб-медика при царской ставке, писал о том, в каком положении было обеспечение русской армии лекарствами и средствами материального довольствия: «Бывший печальный опыт в Крымской кампании, очевидно, не послужил ни к чему... До сих пор не мог добраться, где находится настоящий корень всех этих безобразий, где и в чем лежит вся механика, почему пропадают бесследно вагоны с теплыми вещами, почему пропадает транспорт с хинином и т.д. В прошлую Крымскую войну безобразия до такого размера не доходили — я по крайней мере этого не помню».

Боткин не смолчал и попытался донести горькую эту правду до царя — «о громадном скоплении народа (раненых) в Зимнице, о том, что там из-за скверных условий хирурги не могут взять нож в руки; о том, что здесь даже не хватает лекарств, не доставляют больным хлеба, целые палатки по целым дням не видят врача и пр.». Царедворцы, что в России крутятся вблизи ставки и высших лиц государства, получая прибыли, его изгнали. Через 35–40 лет сцены, описанные Боткиным повторились. Это наблюдалось в годы первой мировой в более крупных масштабах.

Причиной тому тотальный хаос и воровство, царившее в системе управления, но особенно преуспели на этой ниве «славные российские интенданты». И. В. Кулаев, хорошо знавший ситуацию в Харбине, где он прожил четверть века (1900–1925), в мемуарах сообщал, что он «полностью осведомлен о том, как велось хозяйство в армии в годы войны». Среди этой мерзостной публики царило правило, сформулированное одним из крупных военных поставщиков, неким Манасевичем: «Нужно непременно поставлять все скверное и в значительно меньшем количестве, чем следует по договору, — тогда, может быть, кое-что и останется».

Словно пауки, раскинули сети дельцы типа генерала Ланге, интенданта Виленского военного округа, Манасевича, главы продовольственного отдела Харбинского интенданства, капитана В. Каппеля, А. Циклинского, Л. Трофимова, Слаута, Носова и проч. и проч. Мало того, что из глубины России было невозможно двинуть войска на театр военных действий, за совершенной неприспособленностью железнодорожных путей к воинским перевозкам, так этим перевозкам еще и мешали начальники складов, отделов, станций, спекулянты. Понятно, все это делалось с одной-единственной целью — прибрать к рукам поставки, сбыть их спекулянтам и заработать на этом огромные деньги. Так,

на Иннокентьевской станции Забайкальской железной дороги во время Первой мировой войны «творились колоссальные хищения, можно сказать, прямо грабежи». Торговали скопившимися грузами сами начальники и местные чиновники. Они нарочно задерживали вагоны с имуществом, продавая их кому ни попадя. За продвижением грузов никто в России не следил, никто за них не отвечал. И такая картина — всюду.

«По окончании войны было установлено, что на станции Иннокентьевская было за военное время расхищено товаров частных лиц на 7 миллионов рублей». В итоге бесцеремонного взяточничества и массовых хищений такое богатое и важное предприятие, как Китайско-Восточная железная дорога, оказалось совершенно парализовано. Паровозы «были переморожены, составы вагонов приведены в негодность, и неизвестно было даже, где таковые находятся. О точном выполнении расписания поездов и правильности их движения не могло быть и речи... Положение казалось совершенно безнадежным». Порой случались люди типа инженера Б. В. Остроумова, назначенного управляющим Китайско-Восточной железной дороги. «Как было бы хорошо, если бы в свое время и вся Россия смогла обрести для себя подобного энергичного „управляющего“, твердого духом премьер-министра». Ему удалось навести порядок, пресечь царившие там хищничество и взяточничество. Но это было редчайшее исключение на фоне лихоимства чиновничества.

Плакат времен Первой мировой войны

Спекулянты чувствовали себя как рыба в воде. Воровство высших военных чинов становилось обычным и заурядным явлением... Вот одна из историй еще времен Русско-японской войны. В эти годы жил в Гродно генерал Р., тогда еще полковник. Поехал на войну. Еще до конца войны его жена купила доходный дом и стала строить особняк на Кирочной улице. О том, что у этого генерала ни гроша за душой не было, знали все. После войны в его нажитый на русской крови особняк ездили все. Его принимали „в лучших домах“. Все это видели, не могли не видеть солдаты его полка, которые, как и „все общество“, прекрасно знали, из каких изменнических и кровавых источников выстроен особняк. Но „общество“ никак не реагировало. Суд не реагировал тоже. Военное ведомство, защищая честь офицерского мундира, сор из избы не выносило. По тогдашним законам нельзя было отдать под суд подчиненного без согласия его начальника — за служебные преступления, конечно. А начальники тоже строили себе особняки соответственно чину. Масштабы мировой войны были куда большими — и более грандиозными были случаи воровства, обмана государства и народа со стороны мафии промышленников, государственных чиновников и генералов. На войне и на торговле эта торгово-бюрократическая и капиталистическая мафия обогащалась безмерно. Бешеные деньги заработали те же самые люди, что нынче находятся в эмиграции, говорил Солоневич.

А. Н. Хвостов, министр внутренних дел в 1915–1916 гг.

Кривошеин подчеркнул: «У нас кричат — все для войны, но от удовольствий и пьяного времяпрепровождения отказаться не желают добровольно. Ведь сотни тысяч умирают на позициях и в беженских эшелонах, а аквариумы гремят музыкой и сияют огнями».

Хвостов предложил установить срок для закрытия «увеселительных мест» и сократить часы работы ресторанов. «Совершенно излишне, чтобы люди сидели там до утра и получали запрещенные напитки. Два часа на обед, два на ужин и два на завтрак достаточно». Премьер-министр Горемыкин согласился: «Чем меньше увеселений, тем меньше безобразий». Но все это были только слова и слова. В них тонула Россия.

Раскаявшийся монархист Л. Тихомиров, выпустивший книгу «Почему я перестал быть революционером», записал в дневник 27 февраля 1916 г.: «Мне даже надоело размышлять и беседовать с самим собой об одном и том же безысходном вопросе о войне и о судьбах России. но что делать? Как избавиться от этого кошмара, давящего тебя днем и ночью? Нет сил примириться с гибелью родины, а между тем перед всеми умами стоят самые грозные предвидения. Во-первых — исход войны. теперь, кажется, уже нет ни единого человека, верующего в возможность победы. Наше положение на войне решительно всем кажется безнадежным. совершенно ясно бедствие армии. Отсутствие военных дарований видно ясно. Невозможно не видеть бесталанность генералов, скверное качество офицеров — и, наконец, даже солдат. Хотя солдаты при хороших офицерах могли бы быть хороши, но при таких начальниках — плохи. Масса сдающихся в плен поражает всех. Итак, даже полная военная катастрофа не удивила бы, а успех возможен только при какой-нибудь не от нас зависящей и непредвидимой случайности. Еще хуже дело внутри. Неумение устроиться грозит голодом и истощением сил не Германии, а нам. Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, проводимые евреями, наполняют тревогой. Черви и бактерии разъедают тело».

Все ждали окончания войны со страхом. «Тогда, по общему ожиданию, произойдет внутренний разгром в форме некоторой пугачевщины. Настроение солдат в этом отношении тревожное. Они после войны будут „бить господ“, как они выражаются, забирать землю и имущество. Крайне распространено мнение (вероятно, распространенное немецкими пособниками и нашими революционерами), будто бы Россия объявила войну, а не Германия, и что война

Трофейная русская мортира в Гродно

нужна собственно „господам“, которые теперь и наживаются (на ней)... Вот после войны с ними-то и будет расправа. А усмирять пугачевщину нечем, солдаты — это сами же „мужики“, своих стрелять не станут. Это разговоры солдат в больницах. Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный — ловкий на всякое хищничество, — лишен идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага. Авторитета не существует. Духовный чин провален и опозорен и все больше падает в глазах народа», — печально заключает Тихомиров. К этим словам нечего прибавить.

Непростым вопросом является тема участия евреев в войнах и революциях в России. Ныне говорят: мифом было утверждение, что евреи — прирожденные уклонисты от военной службы («Русский воюет, а еврей в лавке торгует»). Но ведь и дыма без огня не бывает... Ежегодно правительственная статистика сообщала о значительном недоборе евреев по сравнению со списками лиц, подлежащих призыву.

По данным Главного штаба, в 1885 г. 38, 8% евреев уклонились от призыва в армию. В 1886 г. процент уклонившихся от призыва упал до 13,4 %, в 1890 г. до 8,6 %. Главный штаб объяснял это явление введением в 1886 г. 300-рублевого штрафа, налагаемого на семью не явившегося к призыву новобранца. Затем процент уклонившихся от призыва евреев начал опять быстро расти и достиг в 1909 году 27,9 %.

Главный штаб связывал этот недобор с тем, что евреи научились обходить наложенный на них штраф. Однако были и иные причины. В русской армии евреи не допускались к производству в офицеры. Нижние чины — евреи (их звали «исповедующие Еврейский Закон талмудисты») к вступлению в военные и юнкерские училища не допускались, а евреи вольноопределяющиеся (их в частях не должно было быть более 3 % от общего числа) не допускались к держанию офицерского экзамена.

По словам М. В. Грулева: «При самом поступлении на службу он (еврей) встречал уже атмосферу обычной, преследующей его всюду вражды и ненависти...

главным образом со стороны начальствующих офицеров. При первой же беседе с новобранцами ротный командир не преминет прибавить, при обращении к новобранцу еврею что-нибудь ироническое, дышащее глумлением и недоверием... Солдаты старались, конечно, подражать начальству».

С началом Первой мировой войны антисемитизм принял новое направление. Добавим, что весной и летом 1915 г. многие евреи были высланы из прифронтовых регионов. У них введена была и система заложников: евреи отвечали за выдачу ими русских граждан в оккупированных немцами районах. Свирепствовала и полиция... В 1917 г. жандармский полковник Громыко попытался уличить служащих еврейского госпиталя в планировании сброса вируса холеры и сибирской язвы в водопровод Смоленска. Он же обвинял евреек в том, что те соблазняют русских солдат, заманивая их в постель — с целью сбора и передачи военных секретов немцам. Возбужден был ряд уголовных дел по поводу «массовой скупки изделий из меди с целью отправки во враждебные державы». Евреев обвиняли в «искусственном вздорожании предметов первой необходимости и исчезновении из обращения звонкой монеты». Дела прекращены из-за отсутствия состава преступления. Купца Мелиаха Полянского посадили на две недели в тюрьму лишь за то, что тот отправил сына учиться в Палестину. Разумеется, все это настраивало евреев резко антимонархически. Хотя, по свидетельству А. Шнеера, к октябрю 1917 г. в составе русской армии служили около 450 тыс. евреев, без малого 10 % еврейского населения. Тем не менее мнение об уклонении евреев от воинской службы было широко распространено.

За отвагу в годы Первой мировой тысячи евреев были награждены Георгиевскими крестами. При этом 11 человек были удостоены полного банта — четырех степеней высшей солдатской награды. С. Медведовский награжден четырьмя Георгиевскими крестами, Георгиевской медалью и получил звание подпрапорщика. Более высокие офицерские звания в царской армии имели лишь крещеные евреи. Известны два еврея генерала. В составе еврейского «Союза Георгиевских кавалеров» в России в 1918 г. насчитывалось почти 2500 человек. Народ ничего против евреев не имел, выступая против царя, дворян, бюрократов, буржуазии...

Генералы были разные

Первые дни войны показали, что генеральский состав царской армии зачастую был ниже всякой критики. Хотя, конечно же, во все времена были и есть разные солдаты, офицеры и генералы.

Великий князь А. В. Романов писал о генерале Данилове: «Главное, что Данилов (Черный) — сухой педант. Жизни не знает. нравственного элемента, который составляет главный успех боя, он не понимает и с ним не считается. Ведь на карте, на которой он орудует, нет людей. Есть кружки, означающие корпуса. Есть известное между ними расстояние, а всякий успех, стоивший десятки тысяч жертв, отражается на карте только тем, что наносится новый кружок впереди старого. И печатают в газетах: такой-то город взят. А что это стоило усилий, потерь — эта ему область недоступная. Ведь что нам стоила эта стратегическая операция отхода всех армий за Сан и Вислу. Сколько напрасных жертв, а главное — моральных страданий для тех войск, которые должны были отступить назад, бросив кровью взятые места. Кто возместит эту нравственную муку? А без этой нравственной веры победы не бывает. Видел я сам эти бедные корпуса бывшей 1-й армии, ныне 10-й. Как им трудно снова поверить в свои силы. насколько они

потеряли веру в начальство. А почему отступили — вина тут Штаба Верховного главнокомандующего, того же Данилова. Он нашел нужным им отойти (стратегические соображения). И не мог этот сухой муж понять, что он наносит своим же войскам куда больший удар, нежели неприятель».

Ничем не блеснул в период своего командования русской армией и Главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич. Хотя немцы видели в нем опытного и умелого солдата. Генерал Людендорф писал: «Великий князь был настоящим великим полководцем и стратегом». Итоги его «великих трудов» говорят об обратном. Он привел армию на грань катастрофы.

П. Мультатули в книге «Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов» писал: «История знает множество мифов. Эти мифы бывают иногда настолько живучи, что их воспринимают как истину. Мифы эти создаются конкретными людьми ради конкретных целей, но затем они уже начинают жить как бы сами по себе. Бороться с ними бывает крайне нелегко. К числу таковых относится миф о „выдающемся полководце великом князе Николае Николаевиче". Великий князь всегда противопоставлялся Царю, их сравнивали, желая принизить и всячески умалить роль Императора Николая II в управлении войсками. Возражения и протесты против подобных утверждений тонули в панегириках, воздаваемых великому князю Николаю Николаевичу. Причем авторами этих панегириков были люди, перед авторитетом которых невольно отступали на второй план разоблачители».

Среди тех, кто внес немалую лепту в общий подхалимаж, был и уважаемый генерал А. Брусилов, писавший в воспоминаниях: «Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. По моему мнению, в это время лучшего Верховного главнокомандующего найти было нельзя. Это человек, всецело преданный военному делу, и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло». Генерал Ю. Н. Данилов: «Великий князь Николай Николаевич! Кто не слышал этого имени? Первый русский Верховный главнокомандующий в период участия России в мировой войне. Лицо, стоявшее во главе огромной пятимиллионной армии; человек, имевший на своей ответственности задачу защиты огромного государства, составлявшего

Николай II, министр Императорского Двора В. Б. Фредерикс и Николай Николаевич в Ставке

Великий князь Николай Николаевич

1/6 часть всей суши земного шара. Через ряды этой армии за все время командования ее Великим Князем прошли по крайней мере еще столько же миллионов людей, собранных со всех концов России. Подчиненную ему армию он умел вести к победам; ее достоинство он умел сохранить и в период тяжких неудач. Великий князь Николай Николаевич поражал всех, впервые его видевших, прежде всего своей выдающейся, царственной внешностью, которая производила небывалое впечатление. Чрезвычайно высокого роста, стройный и гибкий, как стебель, с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные черты его открытого и благородного лица, обрамленные небольшой седеющей бородкой клинышком, дополняли его характерную фигуру».

Но за этой скульптурной статью, за гусарской бравадой скрывался совсем иной человек. Судите сами: когда в мае 1915 г. только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в ставку. Там он застал картину полнейшего уныния. Высшее военное командование России было полностью деморализовано. Вот слова Нико-

лая II: «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич Младший. — *Ред.*), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком».

Великий князь и его штаб несут ответственность за провал успешно начатой кампании 1914 г. и за кровавое отступление 1915 г. Россия весной и летом 1915 г. оказалась перед угрозой военного поражения. Ему обязана Россия тем, что оставлены огромные территории, сотни тысяч мирного населения вынуждены стать беженцами, а также выбиты лучшие кадры.

Факты говорят, что после отстранения князя от Верховного командования ситуация стабилизировалась и в 1916 г., стала меняться в лучшую сторону. Хотя это улучшение и было недолгим. Великий князь Александр Михайлович писал о брате: «Из всех членов императорской семьи вел. кн. Николай Николаевич имел, пожалуй, большее влияние на государственные дела, отличался редкой честностью, но и ограниченностью ума, он был превосходным строевым офицером, но никудышным политиком». При этом не уставал активно вмешиваться в государственные дела. Говорили, что того в молодости, обучая езде на лошади, ефрейторы секли его по ногам. Видно, секли не там или секли недостаточно. Хотя руководить армиями в бою да еще с таким серьезным противником, конечно, намного тяжелее, чем управлять лошадью.

А были в царской армии и такие, с позволения сказать, «отцы-командиры», что раз за разом бросали войска на верную смерть. В. Литтауэр вспоминал командира бригады, генерала, что звонил каждые полчаса и спрашивал, перешли ли войска в наступление. Командир полка Гротен требовал поддержки артиллерии, но ее не было... И тогда сверху последовал его категорический приказ — наступать. «Что ж, — в бешенстве закричал Гротен, — если им необходимы потери, я обеспечу их потерями!» И отдал приказ. Конечно, наступление потерпело неудачу. Половина эскадрона увязла в болоте, половина остановилась. Полковник Гротен называл подобные приказы генералов довольно точно — «пускать в расход». Вот она, хваленая царская армия — причем в начале войны. Потом солдаты «пустят в расход» уже генералов.

Привыкли думать, что заградительные отряды, расстрелы бегущих солдат в России —изобретение Сталина. Это не так. В начале XX в. эту практику применял и царизм.

М. Кушниров в статье «За ценой не постоим» («Родина», № 7. 2005) пишет о том, как генералитет русской армии поступал с солдатами и офицерами, когда выяснилось, в начале войны (зимой 1914 г.), что те не жаждут класть головы за царя и буржуазию. Из приказа по 2-й армии: «Все сдавшиеся в плен, какого бы они ни были чина и звания, будут по окончании войны преданы суду... О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была немедленно прекращена. Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь орудийный, пулеметный и ружейный».

На привале

Или же из приказа по 4-й армии: «...Пресечь возможность сдачи в плен, укоренив у нижних чинов убеждение, что сдающиеся добровольно будут уничтожены огнем собственных пулеметов». Начальник штаба 3-й армии доносит, что, «пользуясь отсутствием патриотизма и сознания долга у наших солдат, германцы и австрийцы широко комплектуют пленными свои тыловые учреждения... Доходит до того, что немцы переодевают наших пленных, ездящих при полевых кухнях и обозах, в германскую форму, на что те безропотно соглашаются». В донесении сказано, что надо, «отбросив в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, немилосердно расстреливать забывших присягу».

Немудрено, что солдат с таким бездарным генералитетом не хотел воевать. Не удивительно, что эти же солдаты, когда наступит их час, не пощадят таких царских генералов. В конце 1917 г. арестован и убит в Смоленске бывший командующий Западным фронтом генерал от инфантерии А. Е. Эверт, убит конвоирами по дороге в Петроград и генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич, та же участь постигла в Таганроге генерала от кавалерии П. К. Ренненкампфа, виновника позора армии у Мазурских болот, генералы от инфантерии Н. В. Рузский и Р. Дмитриев убиты в Пятигорске.

Характерно, что в Первую мировую войну царь и российское правительство так и не смогли сделать ничего маломальски стоящего в вопросе организации партизанской войны. Анализ партизанских действий русской армии в Первой мировой войне был проведен В.Н. Клембовским, бывшим генералом от инфантерии, в годы войны командовавшим 16 армейским корпусом. Он являлся начальником штаба армий Юго-Западного фронта, командующим XI армией, помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующим армиями Северного фронта.

В. Н. Клембовский отмечал: «Хотя в мирное время достаточно говорилось и писалось официально и неофициально о пользе развития в широком масштабе партизанских действий против Германии с целью замедлить и затруднить ее мобилизацию, а затем и вторжение в наши пределы... наш Генеральный штаб ничего не подготовил для этого и, по-видимому, даже забыл о таком вспомогательном средстве борьбы с противником».

«Обширные болотисто-лесистые пространства, бездорожье, полное сочувствие населения; богатство в коннице; длинные коммуникационные линии противника; наше отступление, содействовавшее оставлению партизанских отрядов в тылу противника; первоначальное сочувствие всех к открытию партизанских действий, — писал Клембовский, — все способствовало партизанской войне не в меньшей степени, чем в 1812 г. А результаты получились нулевые. В чем причина? Не ошибаясь, можно ответить: в том, что благоприятная минута для ее организации была безвозвратно пропущена; что можно и должно было сделать до осени 1915 года, того не сделали; а затем началась позиционная война, в период которой можно было пожинать плоды,но не засевать, не приниматься за дело, не существовавшее даже в зародыше».

Но отдельные партизанские действия все же имели место. Как пишет полковник В. В. Квачков, известный специалист разведывательной и подрывной борьбы, в ночь на 15 ноября 1915 года сводным партизанским отрядом был разгромлен штаб 82-й германской резервной дивизии под Невелем, командир которой генерал Фабариус оказался в плену, а другой генерал был убит. Тевтоны бежали...

Причина того, что эти действия не обрели размаха в ином: Первая мировая война была буржуазной, а не народной, когда

речь идет буквально о жизни страны и ее народов.

Во главе с царем

В августе 1915 г. по России разнеслась сенсационная весть. Командование русской армией на себя решил принять Николай II... Немцы удивились. Союзники обрадовались. Приезд царя в ставку означал, что Россия будет биться «до последнего солдата» (до конца империи). Наставник царевича Алексея, П. Жильяр писал:«Он (Николай — *Ред.*) повторил клятву, которую принял в самом начале войны, и тем самым поставил на кон свою корону. Во Франции и Англии известие об этом было воспринято с удивлением и не без опаски. Однако этот его поступок расценили как клятву, которой Россия (в лице царя) связывала себя с Антантой. Это было как раз в тот момент, когда серия военных неудач послужила толчком к зарождению сепаратистских настроений. Все ведущие газеты стран Антанты подчеркивали важность принятого царем решения. Выражалась надежда, что оно поднимет дух русского войска и будет способствовать победе в войне. Русские газеты пестрели восторженными статьями, однако на самом деле поначалу мнения резко разделились. В самой армии, как мы увидим, присутствие царя способствовало подъему духа войска и придало новый импульс военной кампании. Когда-нибудь история покажет, каковы были политические и военные последствия этого шага, который, без сомнения, со стороны царя являлся актом мужества и веры».

Николай II пробует солдатскую кашу

Однако каких еще оценок можно ожидать от приближенных? Последствия этого шага вскоре стали понятны всем— и они, увы, были не в пользу России.

Основным мотивом для Николая II, решившего возглавить командование, была не забота об общем благе, а зависть к «Николаше», которого считали сильной личностью в императорской родне. До Николая II доходили слухи, что тот не опровергал высказываний, что он будет коронован на царство как Николай III. Сразу же после решения возглавить армию «на полях сражений» восемь министров направили в адрес царя слезное письмо, прося его отменить решение: «Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями».

Николай так объяснил решение великому князю, бывшему главнокомандующему: «Сейчас, когда враг проник глубоко в страну, которую Бог вручил мне, мой долг перед ней заключается в том, чтобы я принял на себя Верховное главнокомандование вооруженными силами, нес тяжесть и труд войны с моей армией и помог ей защитить Русскую землю от вторжения врага. Пути Господни неисповедимы; но мой долг и мое собственное желание укрепляют меня в решении, которое внушено заботой об общем благе»

Напомним, что царь и в годы войны с Японией рвался в ряды сражающейся армии. Тогда его отговорили. Теперь все уговоры оказались напрасны. Николай решил все же стать во главе армии.

Для Николая II это был не столько смелый, сколь самоубийственный шаг. В этом случае царь просто обязан был выиграть войну, т. е. стать царем-победителем. Масштаб, цена сражений Первой мировой войны были несравненно большими, нежели битвы Крымской, Русско-японской, турецкой войн. Речь шла о самом существовании империи... Отсюда и иные социально-политические последствия в случае поражения. То, что он взял на себя всю ответственность за русскую армию и за исход войны, в иной ситуации можно было бы поставить ему в заслугу.

Возможно, основанием для принятия такого решения было и то, что на войне геройски погиб его родственник, князь Олег Константинович Романов. Этот смелый и честный юноша говорил: «Мне приятно, мне радостно, что мы, Константиновичи, все впятером, на войне!» Смерть правнука императора Николая I на поле битвы явилась вызовом царю — того могли обвинить и в трусости. Но, как отмечает Р. Мэсси, уехав в армию, за сотни миль от местопребывания правительства, царь полностью утерял контроль над делами государства. Возможно, он просто сбежал от острых проблем в столице. Об этом говорят его слова: «В Ставке спокойнее и не надо думать». Роковые последствия этого шага для Николая II вскоре не преминут сказаться. Ведь царь в России, надолго покидающий столицу, перестает быть полноценным правителем.

Чем же еще можно было объяснить решение Николая II?

Летом 1915 г. русская армия, отступая, несла большие потери. Обстановка в стране резко обострилась... Председателем Совета министров тогда был И. Л. Горемыкин. Заседание 16 июля 1915 г. началось с резкого заявления военного министра

И. Л. Горемыкин, председатель Совета министров

А. А. Поливанова, человека прямого и честного. Он сказал: «Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности». Затем он кратко обрисовал удручающую картину положения на фронтах. Пользуясь огромным преимуществом в артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы фактически заставляли русские войска отступать одним только артиллерийским огнем. тогда как они стреляли из орудий чуть ли не по одиночным целям, наши батареи вынуждены были молчать из-за отсутствия снарядов. Обладая возможностью не пускать в дело пехоту, неприятель почти не нес потерь, тогда как русские солдаты гибли тысячами. По словам министра, в ставке Верховного главнокомандующего наблюдается растущая растерянность. Отмечаются «угрожающее нарастание раздражения в стране

А. А. Поливанов, военный министр

и признаки революционных волнений не только в тылу, но и на фронте».

«Печальнее всего, что правда не доходит до Его Величества, — сказал военный министр А. А. Поливанов. — Государь оценивает положение на фронте и дальнейшие перспективы только на основании сообщений, обработанных Ставкой». Некоторые министры договорились до того, что склонны были объяснять отход войск «заманиванием неприятеля внутрь страны», а когда «немцы достаточно зарвутся и отойдут от своей основной базы», им будет нанесен сокрушительный удар». Он же предупреждал: «Надо воевать, если мы хотим жить!»

Вся власть принадлежала Верховному главнокомандующему, тот облечен чрезвычайными полномочиями. Министр внутренних дел князь Н. Б. Щербатов сказал, например, что губернаторы завалили его запросами и телеграммами о невыносимом положении, порождаемом действиями военных властей. «При малейшем возражении, — продолжал министр, — окрик и угрозы, чуть ли не до ареста включительно. Невозможно разобраться, чьи приказы и требования следует исполнять... Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика. В возникающих спорах и столкновениях высшее военное начальство становится на сторону своих, но за беспорядок отвечать должны чины Министерства внутренних дел. Среди последних все сильнее проявляется стремление или перевестись во внутренние губернии, или же просто уйти в отставку. Получается в итоге полное расстройство местной службы». Генерал-прокурор А. А. Хвостов отметил: «А что творится с эвакуацией очищаемых нами местностей? Ни плана, ни согласованности действий. Все делается случайно, наспех, бессистемно. Сплошь и рядом учреждения получают приказ об отъезде чуть ли не за несколько часов до очищения города войсками. Были случаи выезда суда с арьергардом. Архивы, имущество бросаются на произвол судьбы».

Позорный разлад господствовал в окружении царя. Чего стоит хотя бы заявление, сделанное командующим фронтом Куропаткиным генералу Брусилову: «Далось вам, батенька, это наступление! И чего вам, батенька, неймется? У вас без того прекрасная репутация, не рискуйте!»

Власть в стране сосредоточилась в руках министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Он был богатым человеком, владельцем земель, поместий, фабрик. В его лице царь имел убежденного сторонника монархии. Это был типично русский человек старого закала, один из тех, кто не войдет в комнату, не осенив себя крестным знамением... Но вряд ли его военные знания соответствовали уровню тех сложных задач, которые приходилось решать в тот момент.

Неважно, если не сказать более, работала и служба связи в русской армии. Генерал-лейтенант Н. Головин, отмечая неразбериху в тылу и на передовой, приводил слова А. Гучкова, сказанные тем после посещения в декабре 1914 г. линии фронта: «Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют. Убыль в пе-

А. А. Хвостов, генерал-прокурор

хоте, в офицерах, огромная. Есть полки, где (осталось всего) несколько офицеров. Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов. Читали мне приказ командира корпуса не расходовать более 3–5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорвались из мешка, на правый фланг прислали укомплектование — 14 000 человек без ружей...» Другие очевидцы писали: «Хотя в течение 1916 г. и произошли некоторые улучшения в деле снабжения нашей армии вооружением, огнестрельными припасами и техническим снабжением, но улучшения эти очень мало коснулись вопроса снабжения русских войск тяжелой артиллерией и авиацией. А между тем для наступательных действий в сфере укрепленных позиций необходимо именно наличие большого количества могущественной артиллерии, богато снабженной снарядами и хорошо корректируемой при стрельбе. Из-за бедности наступательных средств также гибли десятки и сотни тысяч русских людей, гибли в их стремлении облегчить положение союзников». Каков итог?

Министр внутренних дел А. Д. Протопопов (в центре). Сентябрь 1916 г.

Военная инициатива полностью перешла в руки немцев... Русские армии отступали по всему фронту. Это походило, скорее, на паническое бегство... Управляющий Военным министерством (и.о. военного министра) генерал А. А. Поливанов начал доклад со слов: «Считаю своим долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности...» Сообщение повергло в шок.

Яхонтов, что вел запись, делает ремарку, что при дальнейшей записи у него дрожали руки. На просьбу председателя Совета министров И. Горемыкина разъяснить, в чем дело, Поливанов сказал: «Наше отступление развивается с возрастающею быстротою, во многих случаях принимающею характер чуть ли не панического бегства...», «пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем», «неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами».

А вот официальные данные о положении за 30 июля 1915 г.: «На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается. Вся армия постоянно передвигается внутрь страны и линия (фронта) меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают

грандиозные размеры». «Не знаем, как глубоко придется нам очистить Россию, скоро ли прекратится эвакуационно-беженский период военных действий». 4 августа 1915 г.: «По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности». Из письма солдата домой: «Теперь идем в глубь России, да собственно не идем, а бежим. Герман двигается за нами по пятам. Где остановимся не известно. Кажется, до Москвы будем утекать или до Урала. Эта война хуже и японской. Ту пропили, а эту продали. Есть слух будто германцы, отпуская перевязанных раненых говорили. «Зачем вы сопротивляетесь, отступайте без боя. Ведь еще в 1912 году весь польский край до Ковны продан нам, сопротивление бесполезно. Значит, зря губят людей, показывая, что ведут войну». На что же надеется командование армии, военный министр? «Уповаю, — заявил Поливанов, — на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси».

Кажется, князь В. П. Мещерский как-то точно подметил, что первый министр в России — это почему-то всегда Николай Чудотворец. Надеемся на чудо. Хотя Ф. Тютчев верно заметил, что должность Русского Бога — не синекура. Считал и считаю, что главная вина в цепи поражений ложится на Ставку и на буржуа, что, желая войны, готовились к ее ведению из рук вон плохо. А затем, как скажет А. В. Кривошеин, отступление и «великое переселение народов и повлекут Россию в бездну, к революции и гибели».

Большую угрозу для русского общества представляла и печать, далеко не всегда находившаяся в руках истинных патриотов Очень многие возмущались ее разнузданностью паникерством и трусостью. А. В. Кривошеин говорил: «...сплошная брань, голословное осуждение, возбуждение общественного мнения против власти, распускание сенсационных известий — все это день за днем действует на психику 180-миллионного населения». Генерал-прокурор А. Хвостов был полностью с ним солидарен. «Особенно надо обратить внимание на статьи, которыми в обществе возбуждаются неосновательные надежды и ожидания. Вранье с расчетом оповестить, а потом свалить на правительство или, еще хуже, на влияния... Нельзя допускать в газетах печатания слухов в заведомо агитационных целях». От министра финансов П. Л. Барка требовали воздействовать на банки, от которых во многом зависит курс большинства русских «независимых газет». Сошлись в том, что надо бы побыстрее ввести печать в границы. На одном из секретных заседаний Совета министров затронули вопрос о распространении в Петрограде паники (в связи с тяжелыми событиями на фронте). Министр внутренних дел призвал «избавить Петроград от слабонервных болтунов, шатающихся по ресторанам и смущающих общественное сознание». Хвостов поддержал:«Было бы недурно. Мочи нет от сеятелей паники».

1916 год не принес улучшений на фронте... Общее мнение в Германии и России таково, что «военное положение России очень плохо». Реакцией на поражения стала смена премьера. 10 января во главе правительства стал обрусевший немец Б. В. Штюрмер. Все, в том числе немцы, увидели признак желания начать переговоры о мире. Германский кронпринц, убеждал правительство, что «необходимо как можно скорее схватиться за протянутую руку...» Летом и в начале осени 1916 г. говорили как о чем-то «само собой разумеющемся», что может упустить только «самая бездарная дипломатия». К сожалению, миссия Штюрмера оказалась невыполнимой.

Виной тому действия продажной российской бюрократии, генералитета, финансистов в России. Тысячами нитей они были связаны, как и ныне, с западным капиталом. Поэтому и настаивали на продолжении самоубийственной войны с Германией. Буржуазия не захотела подумать о своем народе и была готова воевать «до

Биржа в Петрограде

последней капли русской крови», относясь к подданным, как к скоту, который обязан по первому мановению царской руки покорно взойти на жертвенник. Показательны слова главнокомандующего русскими войсками Николая Николаевича. Так, после гибели армий Самсонова и Ренненкампфа в Восточной Пруссии он заявил генералу Лагишу, военному атташе Франции: «Мы счастливы принести такие жертвы ради наших союзников». То, что за ними — горы раненых и убитых, его не волновало.

«Если бросить только беглый взгляд на события, происходившие на русском фронте с конца 1915 г. и в течение всего 1916 г., без особого углубления в их существо, то может получиться впечатление, что год этот протек для русской армии в томительном сидении в окопах, изредка прерывавшемся хотя и очень кровавыми, но довольно бесплановыми наступлениями с целью вырваться из удручающей обстановки позиционной войны. На самом деле это было вовсе не так, всякая наступательная операция русских армий на протяжении указанного времени хотя и не диктовалась прямыми интересами собственного фронта, но имела всегда своей целью оказание помощи то Сербии, то Франции, то Италии, то, наконец, Румынии. Такой способ действий вызывался условиями коалиционной войны. Эта малопочетная роль вынуждала между тем русские войска вести ряд очень трудных операций тактического характера, выполняемых в условиях крайней торопливости и недостаточной подготовленности, что, в свою очередь, вело (армии) к излишним кровавым потерям», — комментировал ситуацию генерал Ю. Н. Данилин.

Царь все более склонялся к идее сепаратного мира с Германией. Это была неплохая идея, да что там, превосходная идея... Войну надо было заканчивать как можно скорее... Прежде всего во имя России! В этом направлении работал единственный умный человек в царской семье — великий князь Николай Михайлович (может, был еще один, князь К. Романов, «псалмопевец Давид», умер-

ший в 1915 г.). Николай Михайлович сидел в архивах, писал сам и прекрасно знал русскую историю! Пожалуй, он единственный в окружении царя, с кем считался Николай II.

В оценках Первой мировой войны, как и путей выхода из нее, были единодушны, как ни странно, две большие головы России — великий князь Николай Михайлович Романов — историк, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук, желавший сохранить империю, видевший гибельность продолжения этой войны, и враг царизма В. И. Ленин, пытавшийся уничтожить царизм. Большевики, опасаясь умного Н. М. Романова, после революции его расстреляли... Профессор, историк, юрист М. А. Таубе писал в мемуарах: «Великий князь задумывал, вероятно, вести в Стокгольме через Папкова доверительные переговоры с идеологически совершенно преданным России тамошним германским послом бароном Люциусом, чтобы подготовить возможные переговоры о сепаратном мире с Германией, — тот, кого в Петербурге считали самым умным из членов императорской фамилии, не мог не видеть, что по военной и политической обстановке 1916 г. единственный шанс для России избежать дальнейших военных неудач и революции заключался в прекращении во что бы то ни стало опротивевшей всему народу войны.

Николай II, тесно связанный своими союзниками по рукам и ногам, не мог и никогда не пошел бы на такое решение вопроса. Но не думал ли великий князь Николай Михайлович, что государь, в конце концов, осуществит свое давнишнее желание отказаться от престола, и что тогда Регентский совет при несовершеннолетнем Алексее Николаевиче мог бы осуществить эту меру при проклятиях Лондона и Парижа, но в силу абсолютной политической необходимости. Разве в Лондоне и в Париже не поступили бы так же, если бы находились в тогдашнем нашем положении».

Великий князь Николай Михайлович

Надо упомянуть и вот еще что. 12 декабря 1916 г. последовало и предложение России мира со стороны Германии:«Эта катастрофа, которую не могли сдержать узы совместной тысячелетней цивилизации, грозит человечеству в его наиболее ценных достижениях. Она угрожает превратить в обломки духовный и материальный прогресс, который составлял гордость Европы в начале двадцатого столетия».

Немцы вспомнили и о достижениях цивилизации и об опасности «превратить в обломки» прогресс после того, когда стала явно видна угроза поражения. И все же продолжать войну до победного конца с немцами означало класть в могилы новые сотни тысяч русских людей. И, главное, во имя чего? Только ради выгод Антанты!

Если бы усилия немецкой и русской сторон по заключению мира все-таки увенчались успехом, Россия и Германия избегли бы позора поражения, революций и развала империй.

Глава 8

Россия, действия ее союзников и противников

Замыслы разные, а цель одна

Вернемся к событиям начала Первой мировой войны и рассмотрим более подробно, как вели себя в ходе сражений союзники и противники России, какую роль ей отводили члены Антанты и на что они рассчитывали.

Участие Англии в войне на стороне Франции вытекало из всей многолетней логики противоборства этих империалистических стран с Германией. Но окончательно планы приняли конкретные формы весной 1914 г., когда завершена разработка плана прибытия во Францию английского экспедиционного корпуса. Когда возглавлявший штаб англичан Вильсон спросил Фоша, сколько войск тот хочет видеть на своей территории, тот ответил с мрачным юмором: «Пришлите одного англичанина, а мы позаботимся, чтобы его тут быстро укокошили». В действительности планировалось переправить во Францию шесть английских дивизий.

Надо сказать, что Англия и Франция видели в России решающую силу, которая должна была быть брошена против Германии. Министр иностранных дел Англии Э. Грей говорил, что ресурсы России столь велики, что она и одна без помощи союзников сможет одолеть или по крайней мере ослабить Германию. Такое потребительское отношение к России как к поставщику «пушечного мяса» сохранится до конца мировой войны. В самом деле, в августе 1914 г. у России было уже 114 боеготовых дивизии, тогда как у Франции всего 62 дивизии, к которым присоединились 6 английских. У немцев же имелось в первый месяц войны 78 дивизий, к ним добавлялись 49 австро-венгерских. Россия представляла собой главную силу. Поэтому мобилизация русской армии произвела в Германии впечатление «удара молнии». Как заявит немецкий посол в Петербурге Пурталес, в Германии это решение «может быть понято только в том смысле, что Россия хочет войны во что бы то ни стало». Союзники наши будут придерживаться тактики, которую озвучит уже во Вторую мировую войну Трумэн (США): «Пусть немцы и русские как можно больше убивают друг друга».

У. Черчилль в молодости

Что касается немцев, то они стояли перед нелегкой задачей — как обеспечить успех войны на два фронта. Военные возможности Франции были сравнимы с немецкими, но вот Австро-Венгрия не могла в одиночку противостоять России. Следовало учесть и участие Англии и США на стороне Антанты. Общий баланс сил был явно не в пользу Тройственного союза. Тем не менее военный теоретик Х. Мольтке (старший) еще в конце XIX века подготовил такой план. Конечно, для Германии риск был огромный.

Немцы сочли, что быстрая победа над русскими в силу пространств и огромных ресурсов невозможна. Поэтому оставался единственный выход — быстрая и полная победа над Францией. Французов надо было во что бы то ни стало разгромить еще до полного развертывания сил русских. Поэтому немцы и попытались вначале разбить Францию. Однако русские наступления в Восточной Пруссии и в Карпатах и Галиции спутали немцам все карты. Пришлось менять планы. Командование группы немецких армий на Востоке в лице главнокомандующего на Восточном фронте П. Гинденбурга и его помощника генерала Э. Людендорфа и австро-венгерское командование (Конрад), которых поддержал канцлер Бетман-Гольвег, уже потребовали разгромить сначала Россию, а затем заставить Париж и Лондон подписать выгодные для Вены и Берлина условия мира. Гинденбург и Людендорф сумели убедить в необходимости удара по России главу немецкого Генштаба генерала Фалькенхайна. В. Раушер пишет: «Это должно было привести к уничтожению царских вооруженных сил и прекращению войны на Востоке. Факельхайн, разумеется, не должен был терять из виду угрожающее положение на Западном фронте и развитие событий на Балканах».

Каков же был расклад сил на Западном фронте, где немецкой армии противостояли армии французов, англичан и их близких союзников?

В отличие от Восточного фронта, где немцам и австрийцам приходилось действовать на разных направлениях, на Западном фронте развернулась позиционная война. План германской стратегии «молниеносной войны» провалился с самого начала. Хотя первые же пограничные сражения складывались в их пользу. Французские войска, потерпев тяжелое поражение на всех участках, в беспорядке вместе с толпами беженцев отступали к Парижу, преследуемые по пятам. Попытки остановить продвижение оказывались безрезультатными и влекли за собой новые тяжелые потери. Правительство перебралось в Бордо.

Основой германских сил под Парижем являлись 1-я армия Александра фон Клука и 2-я армия Карла фон Бюлова. В их взаимодействии они и должны были согласно плану Шлиффена производить охват Парижа. По мере развития наступления

П. Гинденбург

6-й французской армии Монури и подхода основных сил 1-й армии сражение начало принимать характер встречных боев. Атакующий порыв французов был сбит, и немцы готовились нанести ответный удар.

Как отмечают военные историки, в результате последовавшего наступления французов и англичан генерал Г. Мольтке (младший), племянник старшего Мольтке и запаниковавший Бюлов решили прекратить атаки и отступить, несмотря на все возражения Клука. 9 сентября начался отход — 3 правофланговые германские армии начали отходить на север: 1-я армия — к Нижней Эне, 2-я — за Марну и 3-я — к Марне.

Отходившие немецкие армии даже никто не преследовал — командование союзников не могло поверить в то, что немцы отступят на пороге собственной победы. Один из авторов того времени сообщает: «Ключевые ошибки, повлекшие за собой срыв блицкрига и в конечном итоге поражение Германии в войне на истощение, были совершены в самых высоких штабах. Отсутствие железной воли у Мольтке-младшего, ставшего недостойным своего великого дяди, неподконтрольная инициатива командиров на местах и, главное, — чрезмерная самоуверенность в те сентябрьские дни 1914-го года, — стоили Германии миллионов жертв, революции, веймарского позора и в конечном итоге прихода к власти Гитлера. Союзникам был сделан царский подарок, — открытый коридор между рвущимися к Парижу армиями; одна лишь угроза их разъединения заставила запаниковать германский генштаб, и свести на нет все выдающиеся успехи на других участках... Соучастник французской победы сидел, увы, в германском штабе, а не воевал в лесах Восточной Пруссии. Ну а главный ее творец, — в окопах Западного фронта, и имя ему, — французский солдат, который выдержал катастрофу Пограничного сражения, смог прийти в себя и перейти в решительное наступление против уже, казалось бы, победивших немцев».

Автор справедливо заметил, что потери русских войск в Восточной Пруссии и успехи Брусиловского наступления не следует уж очень тесно привязывать к результатам битвы немцев против французов и англичан на Западном фронте. «В то же время в попытке отвлечь немцев от Марны русская армия потеряла более 80 тысяч только пленными — в наступлении, которое по сути не оказало влияния на ход боев под Парижем. Наступление плохо подготовленное, без развернутых тылов, до окончания мобилизации по довоенным планам. Но разве у генералов был выбор, если стратегию Российской империи определяли не в русском генштабе, а во французском?» Возможно, в том или ином отдельном сражении бои русских на Восточном фронте и не имели прямой связи. Но то, что воздействие русского фактора было не только важным, но и решающим в ходе всей военной кампании первой мировой сомнения не вызывает.

«Чудо на Марне»

Однако и мужество французов достойно наивысшей похвалы. Битва на Марне закончилась отступлением немцев. За четыре дня, оставшиеся до завершения стратегического плана, Германия не смогла добиться «решающей победы» и таким образом упустила возможность выиграть войну. Для Франции, ее союзников и в конечном итоге для остального мира трагедия Марны заключалась в том, что победа, которая была близка, осталась нереализованной...

Б. Такман писал в книге «Первый блицкриг»: «Фош, зажатый в болотах Сен-Гонда армией Хаузена и войсками Бюлова, в критическую минуту, когда его правый фланг отступал, а левый заколебался, отдал свой знаменитый приказ: «Атаковать во что бы то ни стало! Силы немцев

В окопах на Марне

истощены... Победа достанется тому, кто сумеет дольше продержаться... Так близко подошли немцы к победе, а французы — к катастрофе, так велико было горестное изумление мира, следившего с затаенным дыханием за триумфальным маршем германских армий и отступлением союзников к Парижу, что битву, решившую исход войны, стали называть «чудом на Марне».

Бергсон, сформулировавший в свое время для Франции таинство «воли», рассматривал битву на Марне как чудо, уже однажды имевшее место в истории. «Сражение на Марне выиграла Жанна д'Арк» — таков был его вердикт». Французский командующий Ж. Жоффр в работе «Подготовка войны и ведение операций» дает описание того, что в ходе так называемого «чуда на Марне» ни одной из сторон не удалось достичь поставленных целей: «Если немцы не могли быть обойдены, то, по крайней мере, они, в свою очередь, не сумели обойти нас и угрожать английским сообщениям». По мнению многих, Франции повезло с этим ярким волевым командиром. «Без Жоффра союзные силы не смогли бы выдержать удара германских армий. Именно его несокрушимая уверенность предотвратила превращение французской армии в бесформенную, деморализованную массу». Его заслуги перед Францией значительны.

Вторым решающим сражением на Западном фронте следует признать бои за французскую крепость Верден и прилегающий к ней укрепрайон. Почему Франция стала на Западе ключом к исходу войны, хотя немцы считали своим главным противником англичан? Немецкий команду-

Ж. Жоффр, маршал Франции

ющий Э. Фалькенхайн называл Францию «лучшим мечом» Англии. Стоило сломать этот меч — и англичане, считали немцы, уж не смогут сами драться.

Битва при Вердене — совокупность боевых действий немецких и французских войск Первой мировой войны на Западном фронте (21 февраля–18 декабря 1916 г.). Это одна из крупнейших и самых кровопролитных военных операций в Первой мировой войне, вошедшая в историю как Верденская мясорубка.

Для удара по Вердену немцы развернули на огневых позициях 1204 орудия и 202 миномета. Основная масса их сконцентрирована была на направлении главного удара. На участке корпусов ударной группы находились 850 орудий, из них 493 тяжелых Кроме того, здесь должны были действовать 29 сверхтяжелых орудий калибром 380 и 420 мм. В среднем на километр линии прорыва плотность артиллерии составляла 63 орудия и 15 минометов. Немцы на направлении главного удара превосходили противника по числу дивизий в 4 раза, а артиллерии — более чем в 4 раза.

Огнеметы на Западном фронте

21 февраля 1916 г. немцы открыли ураганный огонь. Французов засыпали снарядами тяжелой артиллерии, обстреливали химическими снарядами, шли бомбардировки с самолетов железнодорожных станций. В частности, против укреплений Вердена было использовано тяжелое немецкое сверхорудие — «Большая Берта».... «Немцы, — отмечал командующий 2-й французской армией А. Петен, которому поручат оборону Вердена, — пытались создать такую „зону смерти“, в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнелей и ядовитых газов разверзлась над нашими лесами, оврагами, траншеями и убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов».

Затем немцы пошли в атаку, овладев первой линией окопов, затем взяли форт Дуомон и Веврскую долину. Французы стояли на смерть. Им удалось организовать «дорогу жизни» (шоссе Бар-ле-Дюк-Верден длиной 65 км). По нему французское командование и перебрасывало подкрепления, называя ее «священным путем». В итоге уже ко 2 марта численность французских войск увеличилась в два раза, а германских — только на 10%. Пришлось немцам переходить к осаде. М. фон Гальвицу, командовавшему ударной группой на левом берегу Мааса германскому генералу, так объясняли задачу: «Верден должен быть взят во имя престижа — главной цели войны. Взять Верден надо осадой».

Контратакуя, французы вернули почти все ранее утерянное. Город являлся ареной одной из самых яростных битв между немецкой и французской армиями в середине 1916 г. и в результате был почти полностью разрушен. Верден — единственный город, награжденный орденом св. Георгия 4-й степени. Окрестности Вердена и по сей день изобилуют военными кладбищами и мемориалами, где покоятся останки 130 тыс. павших на поле сей кровопролитной битвы.

Полагаю, не лишне взглянуть на военные события с геополитической и стратегической точек зрения. Что дали России победы? Кому они были выгоднее? Выполняя роль «парового катка», скорее даже, спасательного круга для Антанты, русский народ своею кровью оплачивал вожделенные аппетиты западных и отечественных монополистов и правителей.

Уже в 1915 г. французы потребовали отправлять на Западный фронта 400 тыс. русских солдат, по 40 тысяч ежемесячно, чтобы те воевали там за французов (требовали они и присылки рабочих). Жоффр заявлял генералу Жилинскому: «Войну ведет только одна Франция, остальные лишь просят у нее содействия». Брусиловский прорыв 1916 г. и другие действия помогли Антанте добиться решающего перелома в войне в свою пользу.

В ходе наступления в 1916 г. Юго-Западного фронта русские войска нанесли ощутимое поражение противнику, хотя и сами понесли немалые потери. Наши потери составили около 0,5 млн человек, в том числе 65 тыс. убитыми и около 60 тыс. пропавшими без вести, но потери врага были гораздо серьезнее — 1,5 млн человек, в том числе свыше 400 тыс. пленных.

Русский легион во Франции

Россия демонстрировала примеры союзнической верности, послав войска на помощь Франции, на полях которой в Первую мировую воевал 45-тысячный Экспедиционный русский корпус. Первая бригада приняла бой против немцев у

Ф. Фош, французский военачальник и военный теоретик

Командир русского экспедиционного корпуса Н. Лохвицкий в Париже

Русский легион в Париже

Реймса в июле 1916 г. Особое же мужество проявили русские в ходе боев за крепость Помпель. В 1918 г. знаменитый русский Легион чести перегородил дорогу немцам, прорывавшимся на Париж. В боях Легион потерял 85 % личного состава и всех офицеров. Маршал Фош писал: мы будем всегда помнить, что достигнутые Францией в первые годы войны успехи стали возможны во многом благодаря военному союзу с русскими и их участию в борьбе против немцев. Увы, память оказалась короткой.

Чтобы восстановить фронт, залатать страшные бреши в обороне, немцы перебросили с Западного фронта на Восток 34 немецких и австро-венгерских дивизии, убрав от Вердена 18 дивизий. Русские, которых после понесенных ими год назад поражений ни противники, ни союзники не рассматривали в качестве решающей силы при планировании кампании 1916 г., нанесли неожиданный и, как первоначально предполагалось, вспомогательный удар. Этим они едва не вывели из войны Австро-Венгрию, спасли итальянцев в Трентино, заметно облегчили положение французов под Верденом, побудили Румынию отказаться от политики нейтралитета и присоединиться к державам согласия.

Эта победа сыграла решающую роль в общей победе союзников над странами Тройственного блока, позволив Антанте добиться в битве перелома в ее пользу. Русские спасли и европейскую культуру. Немцы показали, что на самом деле представляют собой Европа и Германия.

Великобритания укрепляет армию

Великобритания официально вступила в Первую мировую войну 3 августа 1914 года, но еще 28 июля, в день, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, У. Черчилль, который в 1911 году возглавил морской флот Британии, приказал флоту выдвинуться на боевые позиции у

Англичане во Франции

берегов Англии, получив разрешение у премьер-министра задним числом. 5 октября Черчилль прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который бельгийское правительство предлагало сдать немцам. Несмотря на все усилия, город пал 10 октября, погибло 2500 солдат. Черчилля обвиняли в неоправданной трате ресурсов и жизней, хотя оборона Антверпена помогла удержать Кале и Дюнкерк.

Уже тогда стало ясно, что на британской политической арене в лице Уинстона Черчилля появилась сильная, волевая, талантливая личность. В качестве председателя «Комиссии по сухопутным кораблям» Черчилль принял участие в разработке первых танков и создании танковых войск. В 1915 году он стал одним из инициаторов Дарданелльской операции, закончившейся катастрофически для союзных войск и вызвавшей правительственный кризис. Ответственность за фиаско Черчилль честно взял на себя, и когда было сформировано новое, коалиционное правительство, консерваторы потребовали его отставки с поста первого лорда Адмиралтейства. 15 ноября подал в отставку и отправился на Западный фронт, где в звании полковника командовал 6-м батальоном Шотландских Королевских Фузилеров, изредка наведываясь в парламент для участия в дебатах.

В течение войны Британские вооруженные силы претерпели серьезную реорганизацию, например, были созданы Королевские военно-воздушные силы. Впервые в истории страны был проведен принудительный призыв. В 1916 г. в связи с военными событиями в Великобритании был принят закон о всеобщей воинской повинности. Численность войск возросла, правда, во многом благодаря помощи союзников из доминионов. Так, Канада послала сражаться в Европу 400 тыс. своих солдат из 600 тыс. Австралийцы направили на различные фронты 330 тыс. человек. Новая Зеландия мобилизовала 100 тыс. человек, т. е. 20% своего мужского населения, что в процентах больше Канады и Австралии. Австралийцы принимали участие в обороне Суэцкого канала и в военных действиях в Палестине. Южно-Африканский Союз в годы войны поставил под ружье около 200 тыс. человек. Англичане мобилизовали местных жителей в Кении и Уганде. Все эти колониальные части, вместе с англичана-

Бельгийская голубиная почта

Окопы англичан

ми и индусами, с первых дней мировой войны бросились отхватывать немецкие территории в Африке (Германское Того, Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка). При этом около миллиона египтян были привлечены в так называемые «трудовые корпуса» для рытья окопов, строительства дорог, иных вспомогательных миссий. Расходы Англии на войну превысили 25 млрд фунтов стерлингов. Государственный долг вырос за годы войны втрое. Проценты по долгу и нужда выплаты пенсий легли на страну тяжелым бременем. Число убитых и пропавших без вести составляло примерно 680 тыс. человек, а число мобилизованных — 5,7 млн Помимо военных действий во внешнем мире, Пасхальное восстание в Ирландии в 1916 г. создавало угрозу для Соединенного Королевства в ее собственном тылу. Британцы потерпели сокрушительное поражение от турецкой армии в Месопотамии. И хотя в дальнейшем англичане смогли вернуть себе преимущество, они потеряли в борьбе за Суэцкий канал огромное число людей. Впервые в истории Англия стала жертвой опустошительных бомбардировок, в результате которых она потеряла значительную часть своего торгового флота. Безусловно, это подрывало былую мощь Великобритании, которая все явственнее уступала США.

Что касается операций на море в Первую мировую войну, то их можно условно разделить на две части. В первом случае охота велась за отдельными группами немецких судов, а во втором — целью операций был захват немецких колоний. Особое внимание уделялось союзниками операции у Дарданелл, в ходе которой, как надеялись союзники государств Антанты, «произойдет одно из величайших событий в мировой истории, очищение пути из Черного моря в Средиземное море от 460-летнего владычества турок». Но если

Немецкая гаубица

Войска Антанты наступают

эта фаза морских операций имела немалое значение и для России, то вот сохранение Суэцкого канала и захват германских колоний особо интересовал англичан и французов.

Капитан-лейтенант В. Энгельман в очерке «Великая война на море» пишет: «Занятие бывших германских владений началось с первых дней войны, и к середине октября 1914 г. все бывшие германские владения были отрезаны от моря, а порт Циндао доживал последние дни. Кроме того, к этому времени англичанами, французами и японцами были заняты все германские острова Тихого океана, Земля императора Вильгельма (в Новой Гвинее), архипелаг Бисмарка и к 12 октября были закончены операции в Камеруне, а к 25 — в Того. В этот же день пал Циндао, гарнизон которого сдался японцам». Что касается самых больших германских владений, а именно, в Восточной и Юго-Западной Африке, то и они в скором времени оказались в руках англо-французских империалистических хищников.

Важнейшее значение для Германии и Антанты имел именно этот захват источников сырья и ресурсов, о чем автор справедливо пишет, говоря, что все остальные события являются, по сути, мелочью при колоссальном масштабе битвы между Антантой и странами Тройственного союза. Важно то, что Германия «потеряла все свои колонии начиная с первого же месяца войны, когда эти колонии были отрезаны от своей метрополии, и она лишилась владений с общей площадью в 2.954.952 квадр. верст, с 12 миллионами населения, и куда она вложила многие миллиарды, и сравнительно недавно стала получать от этих владений немалый доход».

Чем и как платила Россия

Усилия русских войск, сражавшихся против держав Тройственного союза, оказали большое влияние на ход военных операций. В записках Е. Месснера, русского офицера, военного теоретика, сражавшегося в годы Гражданской войны на сторо-

не белых, есть слова о том, как в Первой мировой войне «союзники» безжалостно и цинично эксплуатируют российскую армию и народ. Он привел цифры потерь воюющих сторон. Россия потеряла больше всех.

Англичане за первые 8 месяцев войны теряли 17 500 убитых и раненых в месяц, русские — по 140 000 убитыми и ранеными. Французы в Верденских битвах теряли по 20 000 солдат в месяц убитыми на протяжении 20 месяцев, немцы — примерно по 30 000 солдат. Россия же на протяжении 31 месяца войны (до Февральской революции) теряла убитыми по 50 000 воинов в месяц, потеряв в общей сложности в результате войны 1 650 000 человек. В то же время союзники, Антанта и США, выполнили заказы России на винтовки на 5%, на патроны — на 1%.

Перед началом боевых действий в 1914 г. англичане пообещали России полную помощь и военную поддержку на случай войны. С началом же боевых действий предоставляемая ими нам помощь упала до 10 % от предвоенного объема. Впрочем, русские военные считали, что Англия привыкла «загребать жар чужими руками» и на нее рассчитывать не приходится. Так же считали во французском Генеральном штабе, говоря: «Англия не обеспечила своего сотрудничества определенным образом и даже не пожелала дать никакого письменного обязательства. На море можно рассчитывать на ее флот. На суше... благоразумнее на него не рассчитывать». Нечего было рассчитывать и нам на их содействие в войне.

Документы из военного представительства России в Париже показывают: в то время как от начала войны до сентября 1915 г. неприятельские силы на Западе по числу дивизий не увеличились,

Немцы атакуют английский танк

держась на цифре 83 пехотных дивизий, на Восточном фронте число неприятельских дивизий возросло с 50 до 137. Цифры свидетельствуют: во многом благодаря жертвенности и отваге русских солдат, заливших своей кровью поля Галиции, Восточной Пруссии и Франции, англичане, французы, янки одержали победу в битве с тевтонами, а французы одержали победу и сохранили независимость. Позднее французский маршал Фош в порыве откровенности признал: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России».

В 1922 г. делегация РСФСР оценит понесенный Россией ущерб от невыполнения союзниками обязательств в области материально-технической помощи России в 3 миллиарда рублей. Россия в ходе войны с Германией получила от британцев 776 орудий всех калибров, 2,7 млн снарядов, 208 локомотивов и вагонов, займы в 568 млн ф. стерлингов (треть британских займов периода войны). Этого с учетом масштаба битвы было недостаточно.

Британский министр вооружений Ллойд Джордж в «Военных мемуарах» признал: безразличие к военным нуждам России обошлось дорого союзникам и русскому народу. «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, впоследствии потерянных на Западе, и одну пятую пушек, стрелявших ими, не только было бы предотвращено поражение России, но (и) по немцам был бы нанесен жестокий удар». И еще: «История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в его эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей на гибель, тогда как Англия и Франция легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе».

Мировая война привела ряд наций на край гибели. В результате жестоких боев первых лет войны, побед и поражений миллионы людей были убиты и пленены. В России выбита была практически половина кадрового офицерского корпуса (25 из 49 тыс.), то же касается элитных гвардейских и лейб-гвардейских частей, что были задействованы на самых горячих участках. Гвардейцам было уже не до «Яра». В дальнейшем на смену кадровой армии (1,4 млн кадровых военных и 5,6 млн лиц запаса) в армию шли 10,6 млн наспех мобилизованных, наскоро обученных, плохо вооруженных, не желающих воевать лиц. В гигантской «мясорубке» перемалывались жизни и судьбы.

То же было по другую сторону фронта, у французов, немцев, англичан, австрийцев.

В книге «Население России в XX веке» сказано: «В целом около половины населения Российской империи непосредственно или в виде солдат, беженцев, выселенцев или жителей оккупационной зоны стали жертвами Первой мировой войны».

Эвакуация промышленных предприятий из западных губерний в центр России еще добавит горючего материала. Вся эта масса людей, включая представителей тех народов, что попали в плен в России и были тут интернированы, была взбудоражена катастрофой (последовала серия немецких и еврейских погромов, подавление восстания в Туркестане и т.д. и т.п.). Под ружье призваны миллионы гражданских лиц, крестьян, оставивших дома, семьи, хозяйство. Усилились миграционные процессы. В непропорционально больших количествах в столицы хлынули «инородцы», которых ранее не брали в армию. К тому же в России появились свыше 2 млн человек военнопленных чужих стран. К ним добавилась масса беженцев, покинувших родные дома и земли и оказавшихся в бедственном и крайне наэлектризованном состоянии. Общая численность их была, по самым скромным подсчетам, 20 млн человек.

Массу людей оторвали от мирного труда: 20 млн человек были мобилизованы на войну и оборонные работы, из них 17,6 млн призвали в вооруженные силы

Воздушный бой

(12,8 млн крестьян). свыше 10,8 % населения России прошли школу кровавых боев, школу ненависти, вшей, окопов, смертей, увечий, лагерей военнопленных.

В годы Первой мировой войны 67 млн (36,1 %) оказались на оккупированной территории; от 5 до 7 и более миллионов мирных жителей (3–4 %) насильственно выселены из прифронтовой полосы или эвакуированы на восток. 0,5 млн евреев выселят из прифронтовой полосы, порой по надуманному обвинению в шпионаже.

Со дна цивилизации поднялась мутная волна одичания, а вместо гуманности и соблюдения заповедей Христовых весь мир погряз в грязи и смраде окопной жизни. Это касалось всех без исключения. Война изуродовала Европу и мир, забрав миллионы жизней и у России (3,3 млн непосредственно на поле боя или же в плену). По подсчету, сделанному одним из членов Государственной думы, получалось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразилось цифрой 15 %, но в отношении офицерства этот процент выразился цифрой 30 %, а раненых еще больше; по соотношению состава офицеров и солдат — число убитых офицеров во время войны было в два раза больше.

В боях и плену побывала огромная масса людей. К примеру, в период 1915–1916 гг. в плену у неприятеля были около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта в России насчитывалось к тому времени около 1,5 миллиона человек. Это означало, что страна потеряла 4 млн боеспособных людей.

Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20 %, между тем как по отношению к офицерам это обозначение должно быть только 3 %, дезертиров-офицеров не было вовсе...

Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25 % в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров. Заметим, эти данные приведены представителем заинтересованной в войне российской буржуазии. Если принять во внимание потери России за все 3,5 года войны: 68 тыс. 994 генерала и офицера, 5 млн 243 тыс. 799 солдат, 4 млн пленных, станет понятной, мягко говоря, непопулярность войны.

Русские солдаты в плену

Война пощады не знает

В 1914 г. люди были потрясены сведениями, поступавшими с фронтов. Это были вести о чудовищных зверствах немцев. Отовсюду, куда ступала нога германцев, — из Бельгии, Франции, России — получали сводки о фактах, поражавших воображение. Все отказывались верить: ведь немцы — культурная нация. В 1914 г. в Петрограде вышла книга «Немецкие зверства», где были собраны документы и показания очевидцев. Там сказано: «На поверку вышло, что немецкие офицеры, в особенности цвет их — пруссаки, лишены нравственных понятий культурного человека, потому что только нравственный урод или половой психопат способен на глазах родителей убить их ребенка или изнасиловать их дочь или в присутствии оскорбленной и униженной девушки расстрелять ее отца...»

Бельгийские беженцы

Что ждало русских солдат, попавших в плен к немцам и австрийцам? Среди бумаг, попавших в следственную комиссию, созданную в начале войны, были и письма убитых солдат германской армии домой. Те откровенно писали родным, что «...в том случае, когда наступление делается слишком трудным, мы берем пленных русских и гоним их перед собой на их же соотечественников, таким образом, они по крайней мере несколько сокращают наши потери...». «Мы не знаем, куда девать пленных. Отныне каждого сдающегося в плен русского будут выгонять впереди линии наших укреплений для расстрела их...» В свирепости немцев сомневаться не приходится. Так, к примеру, когда 2 июня 1916 года в деревне Госсензас 500 пленных русских отказались рыть для неприятеля окопы, офицер отдал приказ расстрелять каждого десятого. И только когда 4 чело-

века расстреляли, другие русские военнопленные ради спасения своих жизней согласились работать.

О жестокости немцев говорит и признание начальника Разведуправления германского Верховного командования во время Первой мировой войны, небезызвестного полковника В. Николаи. «Уже Мольтке сказал относительно гуманности, что во время войны наиболее гуманным является— как можно скорее расправиться с врагом. Чем беспощаднее мы воюем, тем скорее кончится война. Чем быстрее мы расправляемся с противником, тем меньше его мучения. Такова единственная форма гуманности, доступная во время войны».

А вот еще несколько документальных свидетельств, взятых из государственных архивов.

«В деревне Сурохув, что в 5 верстах к востоку от Ярославля, я сам видел, как немцы заперли в деревянный сарай 9 человек русских пленных и потом подожгли его со всех сторон. Несчастные мученики пробовали выламывать доски, чтобы вырваться из горящего строения, но тем, кому удавалось просунуться в образовавшуюся щель, немцы со смехом разбивали головы длинными дубинами и вталкивали окровавленные трупы в огонь. Видевшие это крестьяне, хозяева горевшего сарая, сначала умоляли германцев прекратить муки несчастных пленных, но потом принуждены были замолчать. «Если вы будете заступаться за этих собак и изменников, отдавшихся в наши руки, то мы вас прибавим к ним в сарай», — отвечали им германские солдаты...

При переходе в мае месяце тыловых частей германо-австрийской армии через реку Сан, на мостах получилось большое скопление обозов и войск, дороги оказались забитыми, а тут еще навстречу прибыла огромная партия русских пленных, которых и без того множество толпилось у переправ. Германцы рассвирепели, и их офицеры отдали нечеловеческий жестокий приказ: «Бросать этих мерзавцев в Сан». Я увидел потрясающую картину, картину, которая никогда не изгладится из моей памяти: озверелые солдаты, немцы, сбрасывали русских пленных с мостов в реку, а сопротивляющихся сбивали штыками и прикладами. Вскоре немцы увидели, что большинство сброшенных спасается, выбираясь на берег. Тогда было приказано пленных прикалывать и раненых или их трупы сбрасывать в Сан. Не одна сотня несчастных русских была переколота и потоплена в реке.

Директор-распорядитель
Оскар Ламкерт».

«Ефрейтор пехотного полка Василий Водяной, 24 лет, был захвачен в плен германскими войсками 27 апреля с. г. вблизи г. Ш. во время производившейся им разведки.

Под угрозой выколоть глаза и отрезать уши германский унтер-офицер в лесу, в присутствии двух нижних чинов, потребовал от Водяного сообщения сведений о расположении русского штаба и численности русской пехоты.

Ввиду последовавшего со стороны Водяного отказа дать эти сведения, унтер-офицер, вытащив с бранью кинжал, отрезал Водяному сперва мочку левого уха и верхний край правого, а затем, сказав Водяному „мы тебя научим говорить“, сжал руками его горло, после чего Водяной лишился сознания.

Очнувшись от обморока, продолжавшегося несколько часов, Водяной почувствовал, что у него отрезан язык.

Несмотря на боль от полученных ранений, истекая кровью, Водяной пополз наудачу из лесу и вскоре наткнулся на русский разъезд, который доставил его в один из штабов русской армии.

Изложенное Водяной подтвердил под присягой при допросе его членом Чрезвычайной следственной комиссии.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии первоприсутствующий сенатор Алексей Кривцов».

«...Младший урядник... казачьего полка Иван Пичуев, 33 лет, был захвачен в плен 2 сего мая около местечка О. германскими войсками.

Ввиду отказа Пичуева дать сведения о расположении и численности русских войск, Пичуева подвешивали сперва за руки, а затем за ноги вниз головой. Но так как и после этого Пичуев не сообщил требуемых сведений, то германский офицер и один из нижних чинов подрезали Пичуеву правое ухо, отрезали верхнюю часть левого и на правом бедре вырезали 4 продольные, параллельные борозды в виде 2 лампас и обещали кроме того на следующий день повесить.

3 мая, вечером, Пичуеву удалось бежать из германского плена и благополучно достигнуть расположения русских войск.

Изложенное Пичуев подтвердил под присягой при допросе членом Чрезвычайной следственной комиссии.

7 мая Пичуев был освидетельствован врачами в Московском Серафимовском этапном лазарете Российского общества Красного Креста в присутствии полковника американской национальной гвардии Роберта Кормика и пленного германского офицера Теодора Раабе.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии первоприсутствующий сенатор Алексей Кривцов».

По словам историков, в плену умерли 190 тыс. русских военнослужащих. Во многом причиной потерь были болезни и скудное питание.

Вернувшийся из немецкого плена солдат поведал о питании русских пленных. Ежедневное меню пленных выглядело так: понедельник: завтрак — болтушка из отрубей, обед — нечищеная морковка, ужин —«болтушка из костей»; вторник: завтрак — кукурузная болтушка, обед — каштановый суп, ужин — похлебка ячменная с лузгой; среда: завтрак — болтушка с бобовой лузгой, обед — брюквенный суп, ужин — селедка и $^{5}/_{8}$ фунта (фунт — 409,5 грамма) картофеля в мундире; четверг: завтрак — серая болтушка (из чего приготовлена, определить нельзя), обед — суп с болотной травой, ужин — $^{1}/_{16}$ фунта тухлого сыра с кофе; пятница: завтрак — чечевичная похлебка, обед — суп с нечищеной толченой картошкой и луговой травой, ужин — желтая болтушка; суббота: завтрак — кофе без всего, обед — гороховые стручки, ужин — картошки $^{3}/_{8}$ фунта, чищеной, толченой, политой чем-то кислым; воскресенье: завтрак — мучная болтушка, обед: суп с фасолью и конским мясом. Кроме того, каждый день дают $^{1}/_{2}$ фунта хлеба с картофелем и другой какой-то примесью...

Впрочем, иного и ожидать нельзя было. А между тем для немцев пленные значили очень много как дармовая рабочая сила. Хотя генерал Людендорф и уверяет, что они «не стремились угнетать другие народы железной рукой завоевателя», признает: «Для всей нашей экономики военнопленные значили чрезвычайно много; без большого числа русских, захваченных на Восточном фронте, германская экономика не смогла бы как следует функционировать».

Безжалостностью по отношению к русским и сербам отличались не только немцы, но и австрийцы, и даже поляки...

Когда во Львове скончался польский адвокат С. Загурский (1925), газета «Dziennik Ludowy» писала, что «без содрогания трудно писать о его деяниях»: «Доктор С. Загурский, адвокат во Львове, председатель Союза защитников Львова, в роли судьи австрийской армии вынес более 100 приговоров смерти. В памяти галицкого населения, как польского, так и украинского, живы еще кровавые оргии беззакония, какие совершали австрийские войска с населением, массово гонимым за мнимый шпионаж и пособничество русским войскам. тысячи невинных людей вывозились на Запад, чтобы держать их без суда в тюрьмах и ужасных лагерях для

интернированных. Много лет; тысячи невинных людей гибли на основании спешно и массово вынесенных смертных приговоров; тысячи гибли без приговоров — просто-напросто их убивали фронтовые войска по приказу их военачальников. Чем трусливее вели австрийские войска в виду вооруженного неприятеля, тем мстительнее они вели себя с мирным гражданским населением. Время мировой войны — период разнузданного преступления и беззакония на Галицкой Руси».

Однако когда русские сибирские полки отбили немецкое наступление на Варшаву (к слову сказать, немцы намеревались сделать из Польши придаток Саксонии, унаследовав корону польских королей, и даже подготовили автомобиль для короля Саксонии), поляки в Варшаве ликовали и провозглашали здравицы в честь славных русских воинов. Как жаль, что со временем они это забыли!

Будем объективны: русские солдаты тоже не были ангелами. В немецком Гумбиннене в ходе наступления войск Ренненкампфа они также действовали не лучшим образом, но, конечно же, зверств там не допускали.

Очевидец свидетельствует: «Некоторые семьи, очевидно, решили покинуть город. Их пожитки были нагружены в повозки, стоявшие посреди дворов, или были разбросаны на улице среди сена и соломы. Там и сям на улице валялись вещи, которые уронили или забыли; солдаты тщательно разглядывали эти вещи и, как правило, немедленно присваивали их, независимо от их величины или полезности... Я никогда не забуду этого города. Внешне немногие дома пострадали; на первый взгляд аккуратные немецкие кирпичные строения казались чистыми и нетронутыми, но внутри все было иначе: не было ни одной не разграбленной квартиры. Покосившиеся двери были раскрыты, замки взломаны, посудные шкафы зияли пустотой, одежда разбросана по полу, глиняная посуда и зеркала лежали разбитыми, мебель была перевернута и проткнута штыками».

Особую «пикантность» этому откровенному признанию добавляет великая княжна Мария Романова: «Я сама подобрала новенький кофейник и гордо показала его своим спутницам, как свой трофей. Я засунула его себе под мышку и долго пользовалась им, всегда рассказывая историю своей находки». Если уж царская семья воспринимала в таком ракурсе имперские задачи так называемой Великой войны, то что уж говорить о простом солдате! Как говорит один из героев писателя И. Бунина в очерке «Записная книжка»: «Не можем себе волю давать. Взять хоть меня такого-то. Ты не смотри, что я такой смирный. Я хорош, добер, когда мне воли не дано. А то я первым разбойником, первым разорителем, первым вором окажусь». Война и высвободила всю эту грязь и дикость, будя в народе зверя.

Сибирские стрелки

Народы устали

В сражающихся армиях миллионы людей все чаще задавали вопрос: «Зачем воюем?» Особенно часто он возникал среди солдат. И постепенно до них стала доходить простая истина: война идет ради интересов буржуазии, крупных капиталистов и мировых спекулянтов. Разложение русского фронта и войск шло стремительно... Русский историк, философ и публицист Г. П. Федотов писал: «На третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию... Будет ли существовать Россия?» Начальник Штаба немецкого Восточного фронта генерал М. Гофман в апреле 1917 г. записывает в дневник: «Россия — настоящий бедлам, все гниет, всюду беспорядок и хаос». Анархия, неповиновение, братание. И дело, конечно, не в злом умысле Ленина и большевиков, что призывали «развивать братание (не позволяя немцам обманывать русских)». Те же процессы шли и по другую линию фронта.

Разложению армий способствовала и агитация, которая особенно активно велась против стран Тройственного союза. С самого начала войны Англия обнаружила непревзойденное искусство создавать в нейтральных странах враждебность к центральным державам. Это искусство она сохранила еще со времен классически организованного ею убийства Павла I, травли Наполеона I. Теперь она приступила к грандиозному развертыванию пропаганды для революционизирования Австро-Венгрии и Германии с тем, чтобы этим компенсировать непрерывные неудачи Антанты... Ежедневно на фронте при помощи самолетов, снарядов, ракет и патрулей распространялось около миллиона экземпляров листовок. Поставленные в окопах граммофоны призывали на славянских языках переходить на сторону противника.

Агент агитационной организации Джексон приобрел в Роттердаме типографию, издавал информационный бюллетень, скупал голландские газеты, учреждал пункты по конспиративной пересылке агитационных материалов и попутно занимался военным шпионажем... Активная пропаганда опиралась на известные чешские и югославские круги, на поляков и румын. Очень умело подчеркивалась опасность, связанная с подчинением Австро-Венгрии германскому политическому и экономическому влиянию.

Источники Антанты сообщали: «Почва везде хорошо подготовлена, осеннее выступление не встретит больших трудностей и быстро приведет к цели. Авторитет государственной власти и военная дисциплина подорваны. Даже скептик должен видеть, что в короткий срок, максимум в течение года, обстановка приведет к желаемой катастрофе. Энергичной пропагандой можно значительно сократить этот срок. Расходы незначительны. Логика велит энергично продолжать пропаганду (воздействие на газеты, прокламации и т. п.). Сейчас слова поражают лучше, чем снаряды, а бумага дешевле пушек. Бескровное наступление приведет к цели в кратчайший срок. Было бы бессмысленно в этих условиях говорить о мире».

Санитарный поезд во Франции

Уставшие от бессмысленной войны, от страданий и смертей народы хотели одного: скорее завершить эту бойню. Душевный вопль доносится со страниц тысяч солдатских писем — «Хотим мира!» А буржуазия требовала от народа войны до победы — «до последнего солдата». Николай II заявил послу Франции в России Морису Палеологу: «Что касается меня, то я буду бороться до последней крайности. Для того чтобы достичь победы, я пожертвую всем, вплоть до последнего рубля и солдата. Пока останется хоть один враг на Русской земле или на земле Франции, до тех пор я не заключу мира».

Глава Думы М. В. Родзянко во вступительной речи на думской сессии 1 ноября 1916 г. заявил: «Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы. Война должна быть выиграна, чего бы это стране ни стоило, во что бы то ни стало. Этого требуют народная честь и народная совесть; этого повелительно требует не только государственная безопасность, но и благо грядущих поколений».

Обращение к совести народа — демагогия. Война служила интересам помещиков и капиталистов! Рабочий депутат верно заметил: «Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали, так это понятно... У Родзянко есть, что спасать. Не малый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Родзянко и другим помещикам из Государственной думы есть, что спасать». Родзянко, будучи председателем Комитета членов Думы по оказанию помощи раненым и пострадавшим от войны (1914), председателем Комитета по надзору за распределением военных заказов (1915), председателем Комитета общественного содействия военным займам, одним из инициаторов создания и членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, как никто другой, вскормлен войной. В дни Февральской революции 1917 г. он возглавил Временный комитет Государственной думы и безуспешно

М. В. Родзянко

пытался придать ему функции верховного органа власти. Он же после Октября 1917 г. стал в ряды Добровольческой армии, участвовал в 1-м Кубанском походе и пытался создать «опору власти» в лице депутатов Думы всех созывов при Белой армии. Однако тот же самый Родзянко, не забывайте, был во главе тех, кто и предал столь восхваляемую им на словах монархию!

После Февральской буржуазной революции, оценивая события тех лет, Ленин скажет: война на 30 лет приблизила социалистическую революцию (война «за три года подтащила нас вперед лет на тридцать»). В 1915 г. в Циммервальде социалисты 11 стран подписали манифест, призывающий все стороны к прекращению войны. Манифест заканчивался словами: «К вам, рабочие и работницы, к вам... раненые и искалеченные, к вам всем, жертвам войны, взываем мы: протяните друг другу руки через все пограничные линии, через поля сражений, через руины городов и сел. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

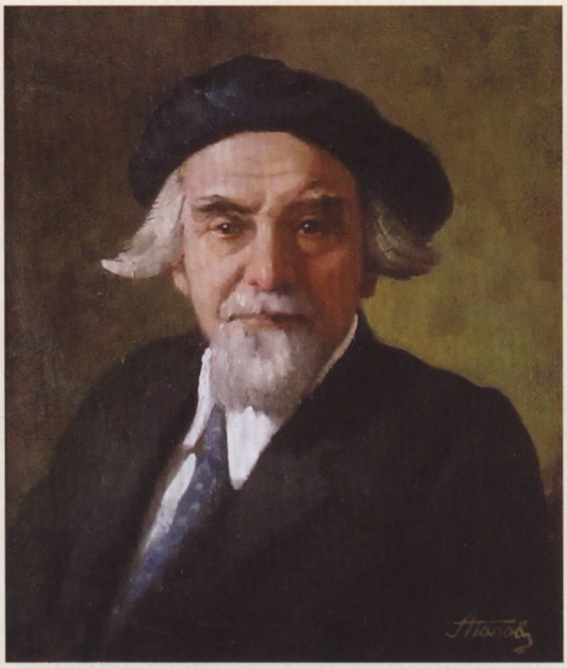
Результатом Первой мировой войны стало изменение баланса сил в мире. Англия, Франция, Германия, Россия вынуждены были уступить пальму первенства Соединенным Штатам Америки. США вступили в войну на самой последней стадии, хотя и «к шапочному разбору», но вовремя, когда шел дележ мировых богатств.

Глава 9

Рост протестных настроений. Николай II, царица, Распутин

«Вести о революционном движении преувеличены»

Мировая бойня приведет к глубоким переменам в жизни русской нации. Бердяев в «Душе России» (1915) скажет: война «остро ставит вопрос о русском национальном самосознании». Россия еще не играла «определяющей роли в мировой жизни», она «не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества». И тем не менее она — «особенная страна, не похожая ни на какую страну мира». Бердяев делает предположение, что «в очистительном огне мирового пожара многое сгорит, истлеют ветхие материальные одежды мира и человека», а затем последует и «возрождение России к новой жизни». Впоследствии, уже находясь в Берлине, в эмиграции, он пишет этюд, который назовет «Новое средневековье» (1923). В этой небольшой книжке, переведенной на 14 языков, Бердяев попытался объяснить причины того, что произошло с Россией в 1917 г. Там есть и такие знаменательные строки: «Россию погубило превращение народа в войско. Войско разрушило государство... Буржуазно-капиталистический милитаризм сам себя разрушил... Войны роковым образом превратились в революцию...»

А. Попов. Н. А. Бердяев

Философ не мог отрицать того, что войны, во-первых, прямое следствие преступной политики, которую веками проводили представители буржуазии и милитаризма ведущих стран мира, во-вторых, наступавшая эпоха означала отход от того, чему поклонялись (разумеется, только на словах) те же буржуазные политики, — от свобод, демократии и либерализма. Бердяев очень точно уловил дух времени: «Мы живем в эпоху цезаризма». Однако мы бы дополнили философа: Россия жила в эпоху разлагающегося цезаризма. Цезаризм как система власти, возможно, и законен, если цезарь силен. Когда же он слабеет или терпит поражения, его убивают. так было в Древнем Риме, так произойдет в Третьем Риме — России. Россия потерпела поражение в Первой мировой войне, что

было очевидно. Случайных поражений не бывает. Но за них правящий класс побежденной страны, во имя интересов которого, собственно, и велась эта чудовищная война, должен был заплатить свою цену!

Правящая элита России, похоже, еще не вполне осознавала, что ей угрожает... Свидетельство тому и слова премьера России В. Коковцова, сказанные буквально перед революцией. Споря с немцем Вольфом, главным редактором «Берлинер Тагетблат», он высказал мнение, что революционное движение в России носит поверхностный характер и ничем всерьез не угрожает. «Я старался пояснить ему, что Россия идет по пути быстрого развития своих экономических сил, что народ богатеет, промышленность развивается и крепнет, в земледелии заметен резкий переход к лучшей обработке, что использование земледельческих машин и искусственных удобрений растет, урожайность полей поднимается и самый существенный вопрос земельный — стоит на пути к коренному и мирному разрешению. На вопрос Вольфа, какое значение придаю я революционным вспышкам, я сказал ему, что ни одна страна не свободна от этого явления, но что в России оно гнездится преимущественно в крупных промышленных центрах и не идет далеко от них. Я прибавил, что России нужен мир более, чем какой-либо другой стране, уже по тому одному, что во всех проявлениях своей внутренней жизни она чувствует, как усиленно бьется ее пульс, насколько велики результаты, достигнутые за последние 6—7 лет в ее экономическом развитии, и насколько была бы прискорбна всякая остановка в этом прогрессе.

Я хорошо помню, что, отвечая на вопросы Теодора Вольфа о... внутреннем положении, я употребил выражение, подхваченное потом князем Мещерским, вышученное им и сделавшееся даже заголовком одного из его дневников, посвященных нападению на меня. „Поверьте мне, — сказал я Вольфу, — что все доходящие до Вас вести о грозном революционном движении внутри страны крайне преувеличены и исходят, главным образом, из оппозиционной печати. Отъезжайте радиусом на 100—200 километров от крупных промышленных центров, каковы Петербург, Москва, Харьков, Киев, Одесса, Саратов, и Вы не найдете того революционного настроения, о котором Вам говорят Ваши информаторы“. Однако события вскоре опровергли столь радужные заверения премьера и стали развиваться совсем в ином направлении.

«Создадим мы строй иной!»

Мировая война сделала идеи социалистов еще актуальнее и востребованнее. Все надежды, что социализм «отошел в прошлое», были преждевременны. Социализм становился популярен, как и требования экономического равноправия в обществе. С. и Б. Веббы в «Промышленной демократии» (1897) показали, что рабочие союзы могут влиять на регулирование заработной платы. Более того, не только эти союзы, но и государство под давлением требований жизни начало действовать в этом направлении, задавшись целью путем специального законодательства не дать заработной плате упасть ниже определенного уровня.

В 1914 г. вышла книга П. Кропоткина «Великая Французская революция. 1789—1793» (в Лондоне и на русском языке), где идеолог анархизма писал: «В истории всякого народа неизбежно наступает когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное изменение во всем строе его жизни становится неизбежным. так было во Франции в 1789 г.: королевский деспотизм и феодализм доживали свой век. Долее удержать их было невозможно, надо было от них отказаться. но тогда представлялось два возможных выхода: реформа или революция. Всегда в таких случаях бывает минута, когда реформа еще возможна. Но

П. Кропоткин

М. И. Туган-Барановский

если этой минутой не воспользовались, если правители страны, вместо того чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивляются проявлениям новой, возникающей жизни и вследствие этого кровь начнет литься на улицах, как это случилось 14 июля 1789 г., — тогда начинается революция. И раз началась революция, т. е. не простой политический переворот, а нечто более глубокое, революция неизбежно разовьется до своих крайних последствий, т. е. до той точки, до которой она может достигнуть хотя бы на короткое время при данном состоянии умов в данный исторический момент. Так и было во Франции».

Схожая ситуация складывалась в России. Ученые обратили внимание на социализм как на метод модернизации. Представитель «легального марксизма», экономист и историк М. И. Туган-Барановский рассматривал социализм «как положительное учение». В работе «Теоретические основы марксизма» он писал: «Капиталистическое хозяйство не заключает в себе моментов, которые могли бы сделать его дальнейшее существование невозможным...Я не допускаю возможности наступления такого экономического положения, при котором капиталистическая организация хозяйства стала бы экономически невозможной и из капиталистического пепла возродился бы, как Феникс, новый общественный строй... Капитализм никогда не умрет естественной смертью — ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека». Такой «смертельный удар» и будет вскоре нанесен капитализму в России.

Правда, в начале XX в. многие рабочие имели очень смутное представление о социализме. Историк Ю. Кирьянов приводит данные, говорящие о том, что рабочая масса плохо понимала, что это за «зверь» — социализм. Один из корреспондентов писал в «Искру»:«В настоящее время о конечных целях движения (люди) говорят неохотно, а если и говорят, то конфузясь и краснея» (1901). В письме из Тулы упоминалось о том, что пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и «считают его ругательным словом» (1902). О полном невежестве в этом вопросе рабочих говорят и другие факты. Однако то, что социализм должен представлять собой справедливое и равноправное общество, уже крепко засело в головах рабочих, особенно среди наиболее активной и сознательной их части. Вот что писал в стихотворении один из членов Иваново-Вознесенского рабочего союза (1895):

Мы, как члены славной партии
Социальной демократии,
Мы прогресс желаем ей.
Мы — гроза купцов, царей...
Мы — враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, все создавших, —
Страшным голодом морят.
Нашей партии задача: ниспровергнуть
Этот строй, а на месте стона, плача
Создадим мы строй иной,
Строй такой, где люди будут
Все всеобщее иметь: и землей,
И капиталом сообща будут владеть.
Будут все равно трудиться,
И продукты от труда
Будут поровну делиться
Меж рабочими тогда.
Всю нетрудящуюся сволочь
Пошлем мы к черту!.
И тогда осуществим мы царство мира,
Свободы, равного труда.

Крепко ли держится самодержавие?

Однако в России историки, философы, юристы, деятели церкви как ни в чем не бывало продолжали петь осанну самодержавию, словно молитву, твердя слова о даровании государю императору долгих лет царствования и здоровья. Романович-Славатинский писал: «Совершив свои реформы, совершила ли самодержавная власть свою историческую миссию, исчерпала ли она уже все те реформы, в которых нуждается родная земля? нет и нет! Пока стоит Россия, она будет ее палладиумом, „днищем доброму стоянию всего народа“, как выражался некогда Крыжанич, главным цементом, связывающим громадные разбросанные пространства в единую и цельную русскую государственную территорию и претворяющим разноязычные и разноверные ее племена в мощную русскую нацию, прирожденную защитницу и руководительницу всего славянства. Пока будет стоять русское самодержавие, оно будет охраной равноправия русского народа, защитой слабых, убогих и малых от сильных, богатых и больших...»

Неограниченное самодержавие есть основа государственного устройства России, своего рода «залог светлого будущего русского государства», — так считали многие. Публицист Н.И. Черняев писал, что незыблемость самодержавия — главный догмат государственного права и нашей государственной мудрости.

Член III Государственной думы В.А. Образцов заявил: «Не в первый раз потрясается до основания Царство наше, не в первый раз становится оно на край гибели от врагов внешних и внутренних, но общим порывом религиозного воодушевления, установлением единодержавия и утверждением самодержавия спасались Русь,

III Государственная дума

самодержавный венец и Глава великого Царства нашего. Кто хочет поразить Главу, хочет поразить все тело. Россия без самодержавия будет великим трупом, который расклюют хищные коршуны. недаром в то время, когда мы слышали крики „долой самодержавие", торжествующие преждевременную победу враги наши кричали также „мы растопчем русский народ". недаром в то время, когда оскорблялись храмы наши, когда расстреливались и разрывались царские портреты, одновременно с этим поднимались портреты Гирша и Ротшильда и православный русский народ, как рабов, заставляли поклоняться им и кричали: вот „цари наши и ваши". Господа, поражая самодержавие, нам готовят иноземное иго».

Декан юридического факультета Императорского новороссийского университета П. Е. Казанский (1866–1947) в книге «Власть Всероссийского Императора» писал о том, что враждебные России избрали пролетариат орудием сокрушения страны.

Монархисты критиковали абстрактный социализм, отождествляя его с марксистской социал-демократией. Правые видели, что в России «весь напор идет со стороны социал-демократии» (П. Л. Ухтомский) и что «социал-демократическая партия — это зерно нашей революции» (митрополит Владимир). Они видели опасность, побаивались последствий ориентации марксистов на промышленный пролетариат, но взамен ничего не могли предложить трудящимся. Социалистическое движение представлялось им дикой и возмутительной атакой на их строй.

Монархист, протоиерей И. Г. Айвазов так описывал эпоху рождения социализма. Из горнила Французской революции на арену вышла так называемая демократия, под знаменем сперва рационализма, а затем и естественно-научного материализма вступив в борьбу с христианством «за обладание миром». В XIX в. благодаря немецкому экономисту К. Марксу эта идеология воплотилась «в новейшее мировоззрение, получившее название научного социализма или экономического материализма». Пока шли споры теоретиков, в обществе крепли и консолидировались две самые мощные силы, которые и должны были решить, в чьих же руках окажется власть — в руках буржуазии или пролетариата. Буржуазия России, еще не вполне сформировавшись как класс, пришла к эпохе революций 1905–1917 гг. со смутными и неопределенными политическими целями.

По словам Г. Федотова, эта новая сила «не предъявляла никаких притязаний на власть».Это не так. К 1917 г. в российском обществе созрели предпосылки для решения вопроса о власти, на которую претендовали три силы: 1) царь и монархические круги; 2) буржуазия и ее партии; 3) революционеры, крестьяне и пролетарии. Каждая из них была свято убеждена, что историческая правда на их стороне. У участников конфликта возможности договориться практически не было. 50–85 % всех властных структур (монархисты, высшая бюрократия, т.п.) были помещиками. Правда, к началу века эта часть общества заметно оскудела, но тем яростнее цеплялась она за остатки силы, влияния, равно как и собственности. А как говаривал еще Макиавелли, «люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства». И далее: «Если не трогать имущество и честь людей, то они вообще довольны жизнью, и приходится бороться только с честолюбием немногих, которое можно обуздать разными способами и очень легко». Но в России как раз и случилось то, что надо было затронуть и собственность, и «честь» верхних эшелонов власти.

Буржуазия хотела убрать от власти монархистов, ибо те мешали им всем заправлять и умножать их капиталы. Одна-

М. В. Нестеров. Мыслитель. Портрет И. А. Ильина

ко против нее были настроены не только монархисты, но и разночинное чиновничество, живущее взяткой и цеплявшееся за царизм как за спасительную соломинку. Наконец, против тех и других выступала разношерстная команда революционеров (меньшевики, эсеры, большевики). Желая захватить власть, те используют силы пролетариата, солдат, матросов, крестьян, одним словом, всю неимущую братию, включая люмпенов, в качестве дубинки. Вопрос стоял на удивление просто: кто из них победит? Падет монархия в результате атак буржуазных легионеров или красногвардейских толп? Вопрос отнюдь не риторический.

Гораздо позже, спустя 35 лет после крушения монархии в России известный русский философ И. А. Ильин задавался вопросом: «Почему же сокрушился в России монархический строй?» Среди причин он называл природный анархизм народа, его нежелание более терпеть, отсутствие в нем дисциплины, недостаток крепкого и верного монархического правосознания, многое другое. Он писал: «Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии». При всей кажущейся справедливости упреков Ильина они неверны в сути своей. В народе это монархическое сознание исчезало, испарялось вместе с новыми поражениями и палаческими действиями монархии, ее слуг. А эксплуатировать образ абстрактной монархии вечно нельзя. Монархия везде конкретна, а на Руси тем более. Этот царь оказался на редкость слабым, неумным, неумелым. Естественно, облик его «поблек». Усилия сторонников конституционной монархии сохранить самодержавие были тщетны. Это не удалось сделать ни Победоносцеву, обер-прокурору Синода, «идейному Дон Кихоту», стороннику неограниченного самодержавия, сражавшемуся против социалистов, нигилистов, либералов, критику «говорильни» (земства), ни П. А. Столыпину, ни предпринимателям-монархистам, ни даже господам банкирам. Политически правые силы слабо консолидированы, отличались шовинизмом, узостью мышления и больше занимались склоками и сведениями счетов с соперниками.

«Его недостаток — в слабости характера»

Одной из причин шаткости самодержавной власти в России было то, что государь попал в полную зависимость от ближайшего окружения, чиновников и слуг.

В свое время еще де Кюстин в книге «Россия в 1839 году», говоря о тирании бюрократии в России, писал (и, видимо, справедливо): «Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях; тот хоть и понимает, что не столь всемогущ, как о нем говорят, но, к удивлению своему (которое желал бы сам от себя скрыть), порой не вполне сознает, насколько ограничена его власть. Болезненно ощущая этот предел, он даже не осмеливается сетовать, а ставит ему этот предел бюрократия, страшная всюду, ибо злоупотребление ею именуют любовью к порядку, но в России более страшная, чем где-либо».

Э. Липгарт. Портрет Николая II. 1915 г.

Итог очевиден: от Николая II, как от зачумленного, готовы были отшатнуться даже свои. Нелицеприятную оценку правления Николая II и самодержавия давал и известный царский генерал К. Дитерихс. Он утверждал, что, начиная с Екатерины I, русские цари, помазанники Божии все дальше и дальше отдалялись от простоты общения с народом. Это отчуждение от народа привело к тому, что царь стал уже не отцом народа, а политиканом, личным самодержцем. Иначе говоря, он превратился в инородное тело для России, утратил «духовное обязательство служения людям». Он был не нужен уже никому, кроме своей семьи.

Вот что говорила о Николае II К. Битнер, учительница царских детей в Тобольске (в свидетельских показаниях следователю Н.А. Соколову): «Государь производил на меня чарующее впечатление. Он был человек образованный, весьма начитанный. Он хорошо знал историю. Он производил впечатление человека необычайно доброго и совсем простого. В нем не было ни малейшей надменности, заносчивости. Он был замечательно предупредительный человек. Если я иногда по нездоровью пропускала урок, не было случая, чтобы он, проходя утром через нашу комнату, не расспросил бы меня о моем здоровье. с ним я всегда чувствовала себя просто, как век знала, привыкла к нему. Он вызывал у меня чувство, что хочется сделать ему что-нибудь приятное. Так он относился ко всем окружающим его. С офицерами нашего отряда он был прост, вежлив, корректен. У него была

Николай II с семьей

поразительная выдержка характера. Его недостаток, мне думается, заключается в его бесхарактерности, в слабости характера. Он, видимо, сам не решал никаких вопросов, не посоветовавшись с Александрой Федоровной. Это была его обычная фраза: „Я поговорю с женой". Он, мне думается, не знал народа. У него было такое отношение к народу: добрый, хороший, мягкий народ. Его смутили худые люди в этой революции. Ее заправилами являются „жиды". Но это все временно. Это все пройдет. народ опомнится, и снова будет порядок».

Ускорило его падение отсутствие у Николая сильной гражданской воли, без которой на Руси на престоле делать вообще нечего. Весь трагизм ситуации состоял в том, что правящие слои всячески препятствовали получению права остального народа на достойную жизнь и в конечном счете и довели Россию до революции. Полагать, что империя «столетиями стояла скалой» — и рухнула «в три дня» или «слиняла в два дня», — конечно, пустое объяснение, непозволительное даже неразумному дитяти, не то что серьезному ученому или политику.

Показательно, что с именем Николая II стали связывать все беды в России. Такова психология народа — во всех бедах винить царя-батюшку. Царь давно уже выглядел в глазах российской, мировой общественности как позор России, как ее наказание и даже проклятие.

Интересные воспоминания о Николае II оставил А. Ф. Кони: «Перебирая впечатления, оставленные во мне павшим так бесславно Николаем II и, быть может, обреченным на гибель, и воспоминания о его деятельности как человека и царя, я не могу согласиться ни с одним из господствующих о нем мнений. По одним — это неразвитый, воспитанный и укрепившийся в безволии человек, соединявший упрямство с привлекательностью в обращении: un charmeur (франц. — очаровать). По другим — коварный и лживый византиец, признающий только интересы своей семьи и их эгоистически оберегающий, человек, недалекий по кругозору, неумный и необразованный. Большая часть этих определений неверна... Можно сказать, что из пяти (качеств) мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь средним и, быть может, бессознательно первым. Мне думается, что искать объяснения многого, приведшего в конце концов Россию к гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сердца, бросающемся в глаза в целом ряде его поступков».

Добавим сюда и еще одну характеристику, составлявшую, на мой взгляд, главную суть его натуры. Как сказал один из правых членов Государственного совета о Николае II в 1906 г.: «Это трусость, он — трус!» («C`est un lache, et un lacheur!»). Если мы соединим две эти половинки, мы получим, как мне представляется, и самую точную характеристику последнего царя, Николая Романова — трус и бессердечный эгоист!

Важно то, что Николай стал ассоциироваться в сознании общества как полное ничтожество и «баба». Народ рассуждал просто, обсасывая иные «подвиги» Распутина в кругу Анны Вырубовой и царицы: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?!»

Кто владел монархией?

Среди множества причин поражений России заметную роль играл и личностный фактор. Можно сказать, две «особы дамского пола» погубили старую Россию — Европа и Александра Федоровна... Роль царицы оказалась роковой. Всем женщинам свойственно желание повелевать. Если умные ограничиваются чаще лишь сердцем и кошельком мужчин, иным подавай еще и царство. Это была нервная, психически не уравновешенная женщина, склонная к гипнотизму. Как сказала об Александре Федоровне одна из дам, Занотти: «Государыня была больна, как мне кажется, истерией... Чем именно питалась истеричность императрицы, я не могу сказать. Может быть, у нее была какая-либо женская болезнь (вокруг нее все время вились гипнотизеры, целители, шушера)».

Императрица Александра Федоровна

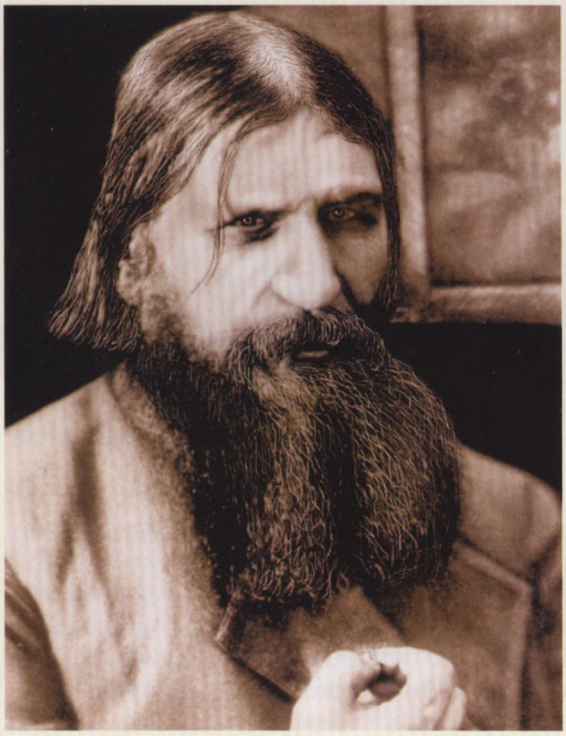

В Ливадии. Николай II с семьей

Русская царица, что случается с недалекими, но властными женщинами, чувствуя слабость мужа, решила выступить, видимо, в роли то ли Клеопатры, «жены Цезаря», то ли Екатерины Великой. Александра Федоровна решила подчинить себе почти полностью деятельность правительства и монарха.

Современник писал: «В сущности, известно только одно лицо, сумевшее вполне овладеть личностью последнего русского монарха. Это была жена, императрица Александра Федоровна, Аликс, как звали ее император Николай и неофициально вся царская семья. Эта полубольная женщина постепенно завладела умом, сердцем, всеми поступками и мыслями мужа, который перед ее волей стушевался окончательно. Впитав в себя преклонение перед самодержавием и веру в какую-то неземную связь русского царя с его народом, она приблизила к своей царственной семье Распутина, простого сибирского мужика, который вследствие своего крайнего невежества и аморальности явился проводником к царскому престолу самых темных влияний, сгубивших в конце концов Россию».

Справедливости ради надо признать, что в вопросах войны и мира влияние Распутина на царя и царицу было скорее благоприятным... тот вел себя куда разумнее,

Григорий Распутин

Великая княгиня Елизавета Федоровна

чем вся сановная и околоцарская шушера... О. А. Платонов в своей книге «Терновый венец России», ставшей историко-литературной классикой, отмечал, что Распутина очень тревожила грядущая мировая война и ее возможные последствия для России. Он ее не хотел и был убежден: Россия ни за что не должна влезать в эту войну. Территории ей не нужны — чего-чего, а земли хватает. Нужны руки, чтобы эти просторы поднять и обработать. Война в нравственном смысле — великий грех. «Воевать вообще не стоит: лишать жизни друг друга, отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу, — считал Распутин. К чему России влезать в бойню! Пусть забирают друг друга немцы и турки — это их несчастье и ослепление, а мы любовно и тихо, смотря в самих себя, выше всех станем...» Разумные и мудрые слова... По мнению Витте, такая позиция Распутина отодвинула мировую войну на два с половиной года.

Со временем влияние Распутина все росло. Царь выпустил из рук бразды правления страной. С 1915 г. прослеживается особенно настойчивое вмешательство царицы и Распутина в министерские назначения, и оно «все усиливается в геометрической прогрессии».«Подумай, женушка моя, — писал Николай II Александре Федоровне 25 августа 1915 г. — не прийти ли тебе на помощь муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполнила этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны! Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как я гордился все последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым, держаться своего мнения».

Один из эмигрантов, крупный историк, монархист по убеждениям, изучая переписку царицы, отмечал: «Письма царицы в полной мере подтверждают, что Александра играла решающую роль в установлении курса внутренней политики и в деле правительственных назначений». День за

днем, сначала неопределенно, но затем «все с большей уверенностью эту роль (т. е. роль преемника самодержца. — *Ред.*) приняла на себя императрица Александра Федоровна». К тому же Николай II был еще и упрямее мула... С. Мельгунов заметил: «На условные традиции Двора могли оказывать влияние и личные свойства монарха: Как часто бывает у людей слабой воли, Николай хотел царствовать „сам". Однако во всем и всегда он невольно подчинялся более властной жене».

Советы великих князей, как и просьбы о конституции, были отклонены. Разговор родных сестер — царицы и Елизаветы Федоровны, на долю которой в июле 1918 г. также выпадет ужасная судьба, закончился скандалом. Хлопнув дверью, Елизавета Федоровна бросит своей сестре пророческую фразу: «Вспомни судьбу Людовика XVI и Марии Антуанетты». Мария Федоровна говорила о сыне: «Царь слушает лишь льстецов». С царской четой в резкой форме говорил и великий князь Александр Михайлович. Он посоветовал царице ограничить заботы чисто семейными интересами и не лезть в государственные дела. «Я вижу, вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем! — воскликнул вскипевший князь и добавил: — Но не забывайте о нас! Вы не имеете права увлекать за собой ваших родственников в пропасть!» Не помогли ни уговоры матери царя, Марии Федоровны, ни советы брата и царских дядьев.

В те дни газеты и журналы были буквально переполнены разного рода слухами и домыслами. «Когда Александра, навинченная Распутиным, является в кабинет Государя, — откровенничал в бульварном листке князь Феликс Юсупов, — он — я не преувеличиваю — буквально прячется от нее под стол». Особую злобу царица вызывала у светской публики. Императрица стала объектом ненависти, ей желали смерти. В чем только ее не обвиняли: в попытках захвата власти, в шпионаже в пользу Германии, в супружеской измене, разврате... В выражениях не стеснялись: «Долой Сашку!» «Долой самодержца Всероссийского Алису Гессенскую!»— кричал люд на улицах в ходе демонстраций в феврале 1917 г. Она «насадила такой разврат, что затмила собой самых отъявленных распутников и распутниц человечества».

Если не щадили коронованных особ, то что уж тут говорить о крестьянине Г. Е. Распутине. «Император царствует, но управляет императрица. Под указку Распутина». «Честолюбивая немка» и «развратный мужик». «Канцлер Российской Империи», «некоронованный монарх», «неофициальный русский царь и патриарх», — как только его не называли.

Конечно же, не стоит так демонизировать эту фигуру. «Ясно то, что «Распутин — „газетная легенда" и Распутин — настоящий человек из плоти и крови — мало что имеют общего между собой. Распутина создала печать» («Московские ведомости», 1914).

Современник, к слову сказать, разделявший мнение тех, кто хотел убить старца, писал: «...Никто Распутина не сможет заменить; поэтому устранение Распутина будет иметь хорошие последствия. Если Распутин будет убит, императрицу придется через несколько дней посадить в дом для душевнобольных; ее душевная жизнь поддерживается только Распутиным; она вся рассыплется, когда его уберут; а если императрица будет сидеть в больнице и не сможет влиять на государя, то по своему характеру он будет очень недурным конституционным государем».

Не думаем, что Николай II был в восторге от всего этого. Известны его письма, где он умолял жену не вмешиваться бесцеремонно в государственные дела. Однако тут же он поступал и наоборот, идя на поводу у любой ее прихоти и пожелания. Дочь П. А. Столыпина вспоминала, как морщился ее отец всякий раз, когда слышал о Распутине, хотя при нем тот еще не достиг такого влияния на царя

и царицу. Он говорил: «Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. но вот что он мне недавно ответил: «Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Столыпин пришел к царю и потребовал удаления Распутина от двора, указав на непристойное поведение последнего в кругу отнюдь не самых достойных дам, а император на это заметил: «Я знаю, что он и там (в банях) проповедует Священное Писание». Когда же тот ушел, царь бросил в камин доклад с компроматом на Распутина, что был собран полицией.

Императора обманывали все, кому не лень, им манипулировали. Секретарь Распутина, Симанович, протаскивал в министры знакомых, за деньги устраивая им встречи с Распутиным. Министры, прокуроры, чиновники торговали услугами при царском дворе. Известна история с назначением министром внутренних дел А. Н. Хвостова... Современник сообщает: «За неделю до убийства Столыпина в Нижний Новгород, где губернаторствовал Хвостов, приезжал „от Государя“ Распутин, чтобы „посмотреть... душу“ Хвостова и предложить ему новый ответственный пост». Он же пишет о том, что надо было пройти «министерский стаж» у Распутина, чтобы попасть в министры. Позже, когда в этом министре, «одном из величайших безобразников», разочаровались, императрица напишет письмо, где уверяет: «Я в отчаянии, что мы через Гр. (Распутина) рекомендовали тебе Хв. (Хвостова)». Но тот старался, как мог, поддержать династию и при посредстве тов. министра С. Белецкого усилил полицейский надзор за деятельностью левых партий, жестоко подавлял рабочее, крестьянское, национально-освободительное движение, на эти цели истратив 1,5 млн руб. из казны (на субсидирование монархических организаций и подкуп прессы). Не помогло — и Хвостов был расстрелян по постановлению СНК в 1918 году.

Что касается Распутина, В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что на людях он любил занять позу, говоря: «Для народушка жить нужно, о нем помыслить...» Верные слова. Да грош им цена! И кто это у нас наверху хотя бы на йоту «жил для народушка»?! Да и старец был себе на уме... Встречавшийся с ним за два дня до гибели С. Белецкий писал, что увидел в нем просто «жизнерадостное настроение и полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Добровольского».

Влияние «нечистой силы» росло... Вскоре Александра Федоровна стала еще активнее вмешиваться в дела государства. И Николай это поощрял. Министерская чехарда стала показателем все усиливающегося кризиса власти (за время Первой мировой войны в России сменились 4 премьера, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, 4 министра юстиции). Учитывая краткость пребывания в столице (9 месяцев — в ставке, 4 месяца — в разъездах), вопреки логике и даже чувству самосохранения Николай II поручил царице функции контроля и надзора. «На твоей обязанности, — писал он царице в 1916 г., — лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты окажешь огромную пользу мне и нашей стране!

В Царском Селе. Николай II с семьей

О бесценное солнышко, я так счастлив, что ты наконец нашла себе подходящее дело. Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучаться по крайней мере во внутренних делах».

Ситуация в стране складывалась драматическая. Царское семейство («семья») все более воспринималось как злейший враг России, который может ее погубить и привести к революции. Против Николая настроена даже его мать — вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Известно отношение Марии Федоровны (Дагмар, супруги Александра III и матери Николая II) к тому, что происходило в семье царя. С. Витте выделял в ней такие качества как ум и дипломатические способности. Умница, она еще обладала редким обаянием. Мария Федоровна вела большую попечительскую и благотворительную деятельность, возглавляя Отдел институтов императрицы Марии, Общества Красного Креста, помогая, в частности, Мариинской больнице для бедных в Москве. Она пользовалась в отличие от императрицы и самого Николая II симпатией в различных кругах. Она умоляла сына расстаться с Распутиным, прося его запретить царице вмешиваться в государственные дела. В адрес невестки говорила: «...несчастная...не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвратить несчастье».

Императрица вмешивались даже в ход военных действий... 25 июля 1916 г. она пишет мужу: «наш Друг (Распутин) находит, что лучше будет не наступать слишком настойчиво, так как потери будут слишком большими».

8 августа 1916 г.: «наш Друг надеется, что мы не перейдем Карпат и не будем пытаться захватить их, так как, он повторяет, потери опять будут большими».

Мария Федоровна, жена Александра III

Николай покорно отвечал: «Я сказал Алексееву, чтобы он приказал Брусилову остановить наши безнадежные атаки». Правда, вскоре он отменил свое решение под влиянием Алексеева и Брусилова.

Убийство Распутина. Кому выгодно?

Старца хотели убрать. Великий князь Николай Николаевич, люто ненавидевший Распутина, в ответ на предложение того приехать в ставку освятить икону, телеграфировал «старцу»: «Приезжай. Я тебя повешу!» Говорили, что он даже отдал приказ своим офицерам: «Если же Григорий

Ефимович появится в ставке или хотя бы в прифронтовой полосе, повесить его на первом суку с последующими извинениями перед царской четой»

Заговор вызревал давно. Убийство было задумано молодым Феликсом Юсуповым и явилось результатом сложного заговора, в котором, кроме Юсупова, участвовали великий князь Дмитрий Павлович, монархист М. Пуришкевич, член Государственной думы и промышленник. Распутина убили в квартире князя Ф. Ф. Юсупова, в доме его отца, на Мойке, в Петрограде. Убийство описано в монографии «Распутин», написанной А.И. Спиридовичем, начальником дворцовой охраны царя, опубликованной. в Париже (1935). А. И. Спиридович сообщал ,что произошло в ночь на 17 декабря 1916 г.

В ту роковую ночь князь Юсупов, прельстив Распутина обещанием познакомить его со своей красавицей-женой (в действительности та находилась в Крыму), чего давно домогался старец, привез его к себе в гости, где для него уже была приготовлена западня. Юсупов услаждал Распутина пением цыганских романсов под аккомпанемент гитары, усердно угощал отравленным цианистым калием вином и пирожными. Распутин пил и ел много, но яд не действовал. Обескураженный князь посоветовался с сообщниками. Вынул револьвер. Заинтересовав Распутина красивым распятием, он дважды выстрелил в него, когда тот рассматривал распятие. Тяжело раненный, Распутин упал, но, когда Юсупов стал его ощупывать, он очнулся, поднялся.

В. М. Пуришкевич

Ф. Юсупов с женой

В ужасе Юсупов побежал к сообщникам, а Распутин как-то выбрался во двор и направился к воротам. За ним погнался Пуришкевич. Сделав по нему несколько выстрелов, Пуришкевич добил старца. Над трупом еще и надругались. Юсупов пережил нервный припадок. Затем труп втащили в дом.

Во двор заглянул привлеченный выстрелами городовой. Ему ответили сначала, что ничего не случилось, а затем Пуришкевич, назвав себя, объявил ему, что это он убил Распутина, и просил никому об этом не докладывать. Городовой ушел. труп одели в шубу, завернули в ковер, свезли на Петровский мост, что через Невку. Участвовали: доктор Лазаверт, служившие у него в санитарном поезде поручик Сухотин, солдат из поезда, сам Пуришкевич. Доставил их туда великий князь Дмитрий Павлович на своем автомобиле. Там труп бросили в реку, в полынью, что заранее облюбовал Пуришкевич. «Казалось, что теперь, в буквальном смысле и „концы в воду“, но это только казалось».

Великий князь Дмитрий Павлович

«Продиктованное любовью к родине, наивно задуманное с целью спасения России, плохо и несерьезно продуманное, выполненное же гадко и аморально, это убийство явилось не спасением России, а началом ее гибели. Стрельба по Распутину явилась первым выстрелом русской революции и даже больше», — таково мнение Спиридовича.

Оценки А. И. Спиридовича имеют особый вес, если вспомнить, что тот был главой Киевского охранного отделения, когда при его прямой и «неусыпной бдительности» Богров, еще один «друг России», убил премьера Столыпина. «Консультантом» в деле Распутина выступал кадет и масон Маклаков. В книге «Распутин» (1935) Спиридович писал, что старец просил приставить к нему охрану, утверждая: «Несомненно, они убьют меня, милый мой. И вы все тоже погибнете! Они убьют всех вас. Папу и Маму (царя и царицу. — *Ред.*) они убьют тоже».

Смерть Распутина

Показательно, что Николай II до самой смерти (в Ипатьевском доме в 1918 г.) хранил при себе письмо Г. Распутина — грозное предупреждение о тех страшных бедах, что ожидают Россию в случае ее вступления в Первую мировую войну... «Милый друг! — умолял он императора Николая. — Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет; слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неописуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят и верные, не зная, что ради гибели. тяжко Божье наказание, когда уж отымет путь, — начало конца.

Ты — царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому. не было от веку горшей страдалицы, все тонет в крови великой, погибель без конца, печаль. Григорий».

Смерть Распутина вызвала бурю ликования в светских кругах... «...Офицерство в ставке ликует. В столовой потребовали шампанского. Кричали ура». Глупо создавать вокруг этой фигуры ореол величия и мистической тайны. Нелепы слова Керенского: «Без Распутина не было бы Ленина». Нелепы инсинуации иных «разоблачителей тайн», но это нравится толпе, что разломала на похоронах крышку гроба «святого старца» и растащила ее на сувениры. Однако и представлять его в образе невинного мученика с «искренним сердцем и правдой веры» глупо.

Куда важнее политические аспекты убийства... Распутин трезвым умом мужика понял, что война кончится трагедией для России и монархии. В последнее время возникла версия, что Распутин мог быть причастен к секретным переговорам с немцами о возможности сепаратного мира с Германией. К нему в июне 1916 г.

из Берлина отправилась делегация, «неофициально, для связи с элементами русского двора, которые имели стремление добиться заключения сепаратного мира с Германией». Цель поездки балтийского барона Эстена, члена тайного общества «Балтикум», и прибывшей с ним в Петроград группы — «воспользоваться тяжелым внутренним положением России и предупредить влиятельные элементы русского двора, что от грядущей революции может спасти только выход России из войны с Германией и некоторые внутренние реформы. Ему было поручено в случае необходимости, работать вместе с другими лицами над проведением дворцового переворота и устранением Николая II от трона, так как последний был лично противником сепаратного мира с Германией».

Угроза революцией выглядела как открытый шантаж русской монархии... Тем временем множились слухи о наличии измены в царской семье. Говорили о наличии прямого телеграфного кабеля между Петербургом и Берлином. Это обеспокоило военных, и те решили проверить. Председатель Петроградской цензурной комиссии Адабаш решил нарушить покой датских граждан и 14 июня 1916 г. дал указание об удалении иностранных граждан от обслуживания кабеля на русской территории. Русские специалисты внимательно изучили устройство системы и, к изумлению, действительно обнаружили якобы случайное подключение германской телеграфной сети к аппаратам станции в Александровске. В тот же день они приняли 14 немецких телеграмм (в том числе и шифрованных), отправленных из Берлина и Щецина! Было возбуждено расследование. Возникал вопрос: кто посылал и кто получал телеграммы? Несомненно, что речь шла о выходе России из войны, даже, возможно, о тайном дворцовом перевороте... К концу декабря 1916 г. было решено подписать сепаратный мир с Германией! Англичане и французы, конечно, этого допустить не могли.

Если непосредственными исполнителями убийства Распутина стали князь Феликс Юсупов (масон, хлыщ, демагог и большой друг Европы), В. М. Пуришкевич, поручик Сухотин и доктор Лизаверт, то главным вдохновителем и организатором преступления стал адвокат, масон, внук бухарского еврея В. А. Маклаков (известен речью в защиту Бейлиса, после чего получил неограниченный доступ к еврейскому золоту).

Стали известны новые сенсационные факты о смерти старца. Оказалось, в убийстве Распутина, сторонника прекращения войны с Германией, принимали активнейшее участие английские разведчики О. Рейнер, Дж. Скейл и др. Вероятно, они спланировали убийство и тайно направляли его. Мотив их действий понятен. Англичане не могли допустить, чтобы немцы в случае замирения с Россией перебросили на Западный фронт 350–500 тыс. войск.

Английский медэксперт Дж. Кален и русский коллега В. Жаров провели обследование тела Распутина. Они обнаружили на лбу убитого след от третьего, по сути, контрольного выстрела. Пуришкевич и Юсупов сделали два выстрела, третий же, вероятно, сделал друг Юсупова, английский разведчик О. Рейнер.

Великобритания хотела предотвратить любую возможность заключения мира с немцами. И готова была убрать кого угодно, как она убрала императора Павла I век тому назад. Теперь пришло время убрать и другую властную фигуру. только бы не допустить мирного договора России с Германией. Ни за что! Это могло в корне поменять ситуацию на фронтах.

В декабре 1915 г. Распутин написал царю: «Я чувствую, что расстанусь с жизнью еще до 1 января следующего года. Государь земли Русской, если ты услышишь звон колокола, который возвестит тебе, что Григорий убит, ты должен знать, что, если это будет твой родственник, который причинил мне зло, тогда никто из твоей семьи, никто из твоих детей не останется в живых. Не пройдет и двух лет, они будут убиты русским народом».

По кому звонил колокол?

По словам А. Блока: «Пуля, прикончившая Распутина, попала в самое сердце царствующей династии». Поэт явно преувеличил значение события. Утверждать, что убийство Столыпина и убийство Распутина сокрушили Россию?! Конечно, не их смерть сокрушила царя и династию. О смерти Распутина одна из эпиграмм тех лет скажет и проще и точнее: «...И нет Григория. Sic transit gloria» (*лат.* —«Так проходит слава»). Это же мы вправе сказать в адрес российской монархии. Политический и социальный строй императорской России сначала пошатнулся, а затем и рухнул в силу, разумеется, куда более серьезных причин и факторов. Бездарность власти, бремя мировой войны, атмосфера взаимной ненависти и подозрительности среди политиков, их аморальность и аван-

Генерал М. В. Алексеев

тюризм, но главное — упорная борьба трудовых масс против царского режима, их ненависть к самодержавию, утысячеренная страшными жертвами, понесенными в войнах, и ускорили приход русских революций.

Было очевидно: колокол звонил не по Распутину. Звонил по монархии и царскому режиму. Звонил по старой России! Надежды царя, дворян, буржуазии на победоносную войну развеялись, как дым. Все сегодня согласны с тем, что решающие условия для революции сложились после вовлечения России в мировую войну. Говоря словами У. Черчилля, Николай II «везде потерпел поражения». Общественно-политическая обстановка в России накануне 1917 г. указывала: революция назревала, близилась иная эпоха. Вот и любимец государя, флаг-капитан, адмирал К.Д. Нилов пророчески заметил: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Огонь мировой войны все ближе подбирался к царскому трону.

Любопытно, как менялись настроения управленческой верхушки в России, включая генералитет, после цепи поражений. В 1915 г. начальник штаба ставки генерал М В. Алексеев писал: «С Государем спокойнее. Его Величество дает указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам... Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним мы спелись». Но в конце октября 1916 г. Алексеев заговорил иначе, выразив горячее желание покинуть должность начальника штаба. Он говорит об императоре так: «ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. ну что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен».

Но об этом апологеты царя не любят вспоминать. Аналогичным образом они цитируют лестные отзывы генерала П. Н. Врангеля о Николае, но игнорируют такие его пассажи, как: «Последние годы царствования отшатнули от Государя

сердца многих сынов Отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями своими больше всего сам подрывает престол». Идут разговоры и о том, что надо бы присягнуть новому государю, которому люди продолжили бы служить «верой и правдой».

Барон Н. Е. Врангель, элитарный гвардейский офицер, верой и правдой служивший России, в роду которого в Европе 7 фельдмаршалов, 7 адмиралов и более трех десятков генералов, так описал состояние, в котором оказалась страна перед Февральским переворотом: «Наступил 1917 год, четвертый год кровопролитной, небывалой по своей жестокости войны. Погибли уже миллионы людей. народ страдал, мечтал о мире, но, верный еще своему Царю, терпеливо нес тяготу. Армия, еще мощная, веками сплоченная, закаленная в боях... истекала кровью. но победы не было, оружия и снарядов не хватало... Царь Николай II царствовал, был Верховным главнокомандующим, но государством не правил, армией не командовал, быть самодержцем не умел. Государством правила его жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, Царица приказывала, Царь слушался... Дурно управляемая страна беднела, роптала, приходила в уныние... Излишними необдуманными наборами деревни были опустошены, поля оставались невозделанными. Реквизированные для нужд армии продукты гнили на местах. Промышленность нелепо исполненной эвакуацией была расшатана. Десятки тысяч рабочих были лишены заработка. Миллионы запасных и новобранцев, без надобности призванные, наполняли города. скверно кормленные, плохо одетые, размещенные в тесноте и грязи, они оставались без присмотра, делу не обучались, томились от бездействия и развращались. словом, разруха была во всем, и всем становилось очевидно, что рано или поздно катастрофа неминуема; но близости ее никто не предвидел».

В России все были «задеты революционностью», хотя многие находились в состоянии «политического младенчества» (Б. Зайцев). Это ощущали представители монархического лагеря. В январе 1917 г. Маклаков передал царю записку члена Государственного совета Говорухи-Отрока, где дана точная, мы бы даже сказали, пророческая картина того, что может случиться с Россией. Отстаивая идею сохранения и укрепления неограниченной монархии, автор просил не обольщаться в отношении либерально-демократических сил: «Будет ли собрана Госдума в январе (1917), будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ее полномочия или назначены новые выборы, положение остается столь же нетерпимым, как и в настоящее время!. Оно, несомненно, будет даже ухудшаться с каждым днем, и перед Монархом... и правительством будет стоять все та же

Форма ударных батальонов. 1917 г.

трудноразрешимая задача: остановить ли поступательное движение в сторону демократической республики либо положиться на волю Божью и спокойно ожидать государственной катастрофы.

В обществе и даже в среде самого правительства последних лет в этом отношении существует довольно прочно установившееся убеждение, что стоит Монарху даровать действительные, настоящие конституционные права и гарантии, пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве... тотчас же настанут для России светлые дни... Такого рода мнение совершенно ошибочно, и вовсе не потому, как думают некоторые из представителей противоположного течения мыслей, что цели... умеренно либеральных партий... идут гораздо дальше фактического захвата ими власти... Дело в том, что сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно...

Совершенно иное положение партий левых... Несмотря на совершенную нелепость их настоящих представителей в Думе, несмотря даже на то, что нет такого с.д. или с.р., из которого за несколько сот рублей нельзя было бы сделать агента Охранного отделения, опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические убеждения, (она) с тем же увлечением поет „Боже, Царя храни", как и орет „Долой самодержавие", но в ненависти к имущим классам... в так называемой классовой борьбе — толпа эта крепка и постоянна; она вправе потом рассчитывать на сочувствие... крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю...»

Верное понимание интересов большинства русского народа (крестьян и пролетариата). Но министр внутренних дел назвал мысли «отрока» чистейшей утопией.

Далее монархист продолжал свои рассуждения: «Можно без всякого преувеличения сказать, что обнародование акта (т. е. акта о создании ответственного министерства) сопровождалось бы прежде всего, конечно, полным и окончательным разгромом правых партий и постепенным поглощением партий промежуточных... партией кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение, но и кадетам грозила бы та же участь. При выборах в пятую Думу эти последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева... А затем... Затем наступили бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление самодержавной царской, но уже мужичьей власти в лице нового царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была бы судьба Галиции и Хорватской Руси».

Умный противник социалистов и либералов внутренним чутьем, инстинктивно ощутил ход истории. Немного времени уже оставалось до начала поголовной резни, воцарения анархии, а затем и появления в России новой власти.

В феврале 1917 г. произойдет буржуазно-демократическая революция. Самодержавие будет низвергнуто. Затем придет Октябрь, где гегемоном революции станет рабочий класс, а руководителем и организатором — партия большевиков.

Глава 10

Февральский буржуазный переворот в России. Низложение Николая II

Кривые линии «согласия»

Напряжение в стране нарастало... Сегодня иные пытаются уверить в том, что линия на национальное согласие была определяющей в политическом курсе буржуазии, называют и имя лидера кадетов П. Милюкова, который, «как и вся культурная элита страны, поддержал патриотический порыв, заявив, что в такой момент все различия между партиями должны уйти в тень... Газета крупного бизнеса «Утро России» провозгласила, что с начала войны в стране якобы «больше нет ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, есть лишь единая Русская нация». Октябристский «Голос России» взывал, патетически бия себя в грудь: «настал момент, когда все партийные различия отходят на второй план, в России может быть лишь одна партия — Русская».

В первые месяцы, возможно, эти настроения превалировали, но скоро буржуазия и бюрократия забыли о национальном единстве и интересах страны и стали реализовывать собственные финансовые и политические интересы. те, кто больше всего кричал о нуждах родины, оказались в числе предателей и изменников.

Приглядимся повнимательнее к тем, кто кричал о «согласии» громче всех. Судьба П. Н. Милюкова (1859–1943). во многом показательна для нашей интеллигенции ...

П. Н. Милюков — дворянин, православный, русский. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Затем был арестован за участие в студенческом движении в 1881 г. и исключен из университета (с правом поступления на следующий год).

Выехал в Италию для знакомства с искусством Раннего Возрождения. Окончив Московский университет, с 1886 г. работал там приват-доцентом и в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию по реформам Петра Великого. Тогда же награжден премией С. М. Соловьева. Он трудился на ниве образования, самообразования, писал в «Русской мысли», «Вопросах философии и психологии», в газете «Русские ведомости». Член Общества истории и российских древностей, Московского археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1895 г. уволен из Московского университета (за цикл лекций «Об общественных движениях в России») без права преподавания... Милюков, заметная фигура тех лет, работал в ссылке над трудом «Очерки по истории русской культуры». Царское правительство выслало его за границу на 2 года (вместо 1 года тюрьмы). Но и в Болгарии и Македонии, где он читал курсы лекций по всеобщей истории, археологии и истории, царизм не давал ему работать (по требованию посла России его уволили). Вернувшись в 1899 г. в Россию, он поселился в Санкт-Петербурге. Царизм сажает его в тюрьму

в 1901 и 1902 г. (за речи в память о П. Л. Лаврове). Сидел в «Крестах», откуда был освобожден по ходатайству историка В. О. Ключевского. В 1905 г. он вновь попал в «Кресты», где просидел 1 месяц за разработку Конституции и за обсуждение в печати положения о Государственной думе.

Милюков — инициатор создания в октябре 1905 г. партии кадетов, (Конституционно-демократической партии), автор программы партии и фактический ее лидер. Зная эти моменты его биографии, можно понять личную неприязнь и непримиримость Милюкова к институту монархии и к Николаю II. Видимо, не смог простить царю своего заключения в «Кресты». И мстил он за себя, не за Россию, стараясь развенчать образ самодержца в сознании народа.

Милюков, ярый оппонент царизма перед Февральской революцией, ведет переговоры с великим князем Михаилом Александровичем о сохранении монархии, затем кончает тем, что в 1918 г. ведет переговоры с немцами — о борьбе против России. В 1916 г. он резко выступил против действий правительства и вмешательства в дела страны императрицы, произнеся в Думе (1.12.1916) нашумевшую речь «Что это — глупость или измена?». Милюков обвинил правительство в пособничестве врагу и измене.

Любопытна оценка, которую Милюков дал Николаю, императрице и их окружению: «Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабовольной. Царствовать он вообще не готовился и не любил, когда на него упало это бремя. Этикет двора он, как и его жена, ненавидел и не поддерживал. Добросовестно, но со скукой выслушивая очередные доклады министров, он с наслаждением бежал после этих заседаний на вольный воздух —

П. Н. Милюков

рубить дрова, его любимое занятие. Как часто бывает со слабовольными людьми — как было, например, и с Александром I, Николай боялся влияния на себя сильной воли. В борьбе с нею он употреблял то же самое, единственно ему доступное средство — хитрость и двуличность. Яркий пример того, как, лавируя между влияниями окружающих, он умел скрывать свою действительную мысль, мы только что видели. Я не знаю, как она сложилась бы, если бы около него не было другой сильной воли, которой он, незаметно для себя, всецело подчинился: воли его жены, натуры волевой, самолюбивой, почувствовавшей себя сразу изолированной в чужой стране и забронировавшейся от всех, кроме тесного круга единомыслящих. Оба супруга сошлись на одинаковом понимании своей жизненной цели как передачи сыну нерастраченного отцовского наследства... Оба не могли не заметить, что идут против течения и, благодаря императрице — «единственному человеку в штанах», как она рекомендовала себя позднее в письмах к Николаю, вступили с этим течением в борьбу, как могли и умели. Это привело к тесному подбору семейных „друзей“; в большинстве это были люди крайне невысокого культурного уровня. Вне этого тесного круга были одни недоброжелатели и „враги“. Это была неприступная

крепость, доступная лишь воздействию потустороннего мира — в формах юродства и мистики, готовой воспользоваться приемами магии. Какой иной развязки, кроме случившейся, можно было ожидать от этой царственной психологии, скудной идеями и богатой лишь верой в судьбу, предрешенную Промыслом? В критический момент истории в России не нашлось иных людей, способных вывести ее на новый путь ее развития».

П. Н. Милюков выступал противником Первой мировой войны (на словах), однако потом, после победы Февральской буржуазной революции, встал на позиции поддержки правительства, гибельного курса «войны до победного конца».

Столь же примечательной личностью был и А.И. Гучков. Он выдвинулся как один из крупнейших деятелей либерального движения, в 1905 г., участвовал в создании «Союза 17 октября», став идеологом «октябризма». С 1906 г. он председатель ЦК этой партии, участник работы всех ее съездов и конференций. В политическом отношении его относят к сторонникам конституционной монархии, к апологетам «единой и неделимой» империи с сильной центральной исполнительной властью.

А. И. Гучков (1862–1936), выходец из купеческой семьи, окончил историко-филологический факультет Московского университета, учился в двух университетах Германии. В нем жил дух авантюризма. Гучков служил членом Московской городской управы, совершил путешествие в Османскую империю, охранял КВЖД в составе казачьего отряда, путешествовал по Монголии, Китаю, Тибету, Средней Азии, участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, взят в плен англичанами. Затем в ходе Русско-японской войны оказался в плену у японцев. Раненых солдат не покинул и оставался с ними в госпитале до конца. Такой человек повел себя решительно в политике. В 1907 г. А. И. Гучков избран депутатом III Государственной думы, возглавляя свою фракцию и комиссию Думы по обороне.

С марта 1910-го по март 1911 г. он являлся председателем III Государственной думы, крайне. резко критиковал деятельность Военного министерства и Министерства внутренних дел, Синода, великих князей, Распутина. Но и его высказывания в отношении своей же партии «Союза 17 октября» лестными не назовешь: «Девять десятых ее — сволочь, ничего общего с целью Союза не имеющая».

А. И. Гучков

В годы Первой мировой войны Гучков занялся организацией госпиталей, снабжением медикаментами, оборудованием, помощью армии (в роли уполномоченного Российского общества Красного Креста). Он являлся членом Особого совещания по обороне государства, создателем

и председателем Центрального военно-промышленного комитета. Именно Первая мировая война и убедила его в необходимости смены власти в России. Он говорил об этом 25 октября 1915 г. на заседании президиума Прогрессивного блока, объединившего многих деятелей Государственной думы и Государственного совета в оппозиции к власти. «Режим фаворитов, кудесников, шутов», — так называл он правящие круги России в 1915 г.

В августе 1916 г. Гучков в беседе с генералом М. Алексеевым оценил самодержавие как «слабую, дрянную, слякотную власть». Однако войдя в правительство, нанес армии удар, которого не смогли нанести даже японцы и немцы, вместе взятые. П. Н. Врангель отмечал: «Первые шаги Александра Ивановича Гучкова в роли военного министра ознаменовались массовой сменой старших начальников — одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенных было много людей недостойных и малоспособных, сплошь и рядом державшихся лишь от того, что имели где-то руку, но тем не менее смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми, чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии».

Накануне

Напряжение в стране все нарастало. В январе 1917 г. вступило в силу постановление о хлебной продразверстке и в столице встал «хлебный вопрос». Цены на хлеб стали расти, кое-где возникли очереди. некоторые стали выпекать белый хлеб в домашних условиях. И хотя, по свидетельству Г. Каткова, 12-дневный запас муки для булочных столиц «не падал ниже средней нормы», по городу ползли панические слухи. В результате хлеб в булочных исчез. напрасно газеты убеждали людей не поддаваться панике. Хлебные «хвосты» росли... Как верховная власть, так и оппозиционные политики не придали этому никакого значения. Керенский утверждал, что разум толпы просто затемнен «желанием погрызть корку черного хлеба». Императрица презрительно брюзжала: «Это — хулиганское движение; мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба. Если бы погода была еще холоднее, они все, вероятно, сидели бы по домам». И ушла на могилу Распутина, повторяя, словно заклинание: «Все будет хорошо, солнце светит так ярко». Следствием плодящихся слухов и бездействия власти стала крайне нервозная политическая атмосфера. Ее подогревали и «телефонные страсти».

Компрадорская буржуазия уже в силу своей природы склонна к предательству. И лучший тому пример Россия. Русская буржуазия решила, что война — самое удобное время для захвата власти в стране. В начале «Великой войны», как она любила выспренно заявлять, буржуа приступили к организации династического переворота в России. Конечно, никто из этих господ и не помышлял о прекращении войны, тем более не предлагал осуществить кардинальные социально-экономические реформы в стране. Решили идти по накатанной дорожке, как давно заведено было в России. Правда, вначале попытки Гучкова, Милюкова, их сторонников привлечь кого-то из высших офицеров к планам отстранения Николая II от государственных дел успехом не увенчались: большинство генералов, даже сочувствующих идее переворота, в тогдашних условиях наотрез отказались от участия в заговоре. Хотя известно, что осенью 1916 г. определенные круги уже составили и план — «выкрасть царя из Ставки, перевезти в Москву и заставить присягнуть конституции». Впоследствии Гучков скажет, что русское общество в лице руководящих кругов в тот момент еще недостаточно полно сознавало «необходимость этого перевороо-

та» и предоставило возможность «слепым стихийным силам... выполнить эту болезненную операцию» — свержение самодержавия. Признания ключевого деятеля Временного правительства ясно указывают на то, кто на самом деле был главным инициатором и фактическим руководителем антимонархического переворота, т. е. смены власти.

Кто виноват?

Трудно дать название тому, что именно произошло в России в феврале 1917 г. некоторые хотят представить события, свалившие некогда могучую империю, чуть ли не как цепь случайностей. Историк В. Булдаков в книге «Красная смута», где дана «несколько гиперболизированная картина катастрофического прошлого», уверял нас, что беды начались «со случайности»: монархию свалили снежные заносы, поставившие под угрозу продовольственное снабжение столицы, слухи, что власть не может накормить народ, действия агитаторов. В. Шамбаров в книге «Белогвардейщина» уверяет, что: «Февраль, в отличие от Октября, был стихийным явлением. Как в грозовой туче: накопилась разность потенциалов — и грянуло». А. Боханов характеризует события весны 1917 г. как «безрассудный порыв». Сам Николай II причины революции, корень всех зол увидел в действиях смутьянов: «Всюду происходит та же самая история — два-три скверных коновода мутят и ведут за собою всех остальных».

Как же на самом деле развивались события? 23 февраля Николай II приехал из Петрограда в Ставку. В тот же день в столице начались массовые волнения, переросшие в общую стачку. Шли массовые митинги, на которых доминировал один лозунг: «Долой самодержавие!» Хотя митинги и не затронули всей России, но массовое недовольство разрасталось, как снежный ком... Все сплелось в один тугой узел: поражения армии, алкоголик-

Ставка русской армии в Могилеве

император, Распутин, царица, вертящая царем как ей вздумается (царь подписывал письма к ней словами: «Твой слабый, безвольный муженек»), голод и бездарные министры — все это, вместе взятое, приближало революцию (переворот). К тому же в руках у миллионов оказались винтовки. Забастовали путиловцы... Улицы Петрограда полны женщин с лозунгами: «Верните мужей из окопов! Долой войну! Долой царя!» Февральская революция родилась из клича масс: «Хлеба!» и «Долой войну!»

Очень сложным было положение в войсках. Официальные сводки штабов и армий свидетельствовали об изменении отношения солдат к войне, о падении дисциплины. Стремление к миру, скорейшему окончанию войны становится главным в настроениях армии. Начальник Петроградского охранного отделения в одном из своих донесений в Департамент полиции в 1916 г. отмечал, что «Петроградский гарнизон не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно». На призывы защищать отечество «до победного конца» все чаще можно было услышать ответ: «Да его, Петроград-то, и так давно бы надо отдать... Там одно безобразие».

Стремление солдат к миру проявлялось в различных формах. Широкий размах приобрели братание и дезертирство. Последнее, как форма протеста широких масс против войны, выросло со 195 тыс. человек в феврале 1917 г. до 2 млн человек к октябрю 1917 г. Г. В. Плеханов жаловался, что проповедь братания превращает армию в дикую орду.

Взбунтовались матросы Балтийского флота, поубивали офицеров. Капитан 2-го ранга Г. Граф писал: «...убийства офицеров происходили в обстановке ужасной. Их убивали при встрече на улице или врываясь в их квартиры и места службы, бесчеловечно издеваясь над ними в последние минуты».

По мере роста протестных настроений рабочие и солдаты, не желая стоять в стороне, вступали в борьбу с царизмом. С новой силой вспыхивает стачечное движение. Растет число политических забастовок. В 1915 г. в России было 2 тыс. стачек с 900 тыс. участников, в 1916 г. — 2,3 тыс. стачек с 1800 тыс. забастовщиков. Рабочие и солдаты ведут уже настоящие бои с полицией. В сентябре 1915 г. на Николаевском (Московском) вокзале в Петрограде произошло столкновение направлявшейся на фронт партии ратников в 500 человек с полицией. с криками «Бей фараонов и дармоедов» новобранцы пытались расправиться с городовыми. Причем, по словам начальника Петроградского охранного отделения, сопровождавшая ратников вооруженная солдатская команда «в усмирении беспорядка» участия не приняла. Среди рабочих крепло убеждение: солдаты — их братья по классу и не будут участвовать в подавлении массовых выступлений, как в годы первой русской революции. Одним словом, к 1917 г. сложилась пренеприятная ситуация для власти. Армия, включая элитные части, перемолота в битвах. Офицеры с равной ненавистью относятся ко двору, Думе, революционерам и вообще к политиканам разного рода. Все решал вооруженный народ. Солдаты являли собой толпу дезорганизованных, распропагандированных, возмущенных, взвинченных людей, готовых в любую минуту взорваться эксцессами восстания.

Наблюдая за поведением вооруженных толп, генерал А. С. Лукомский писал в те дни: «После отъезда царя из Ставки события в Петрограде 28 февраля и 1 марта развивались чрезвычайно быстро. Мы в ставке получали одну телеграмму за другой, свидетельствующие о том, что революционное движение приобрело полный размах, когда почти все войска присоединились к революционерам, когда убивали офицеров и полицейских». Все указывало на то, что дело шло к финалу».

Не забудем и о том, как вели себя крестьяне: они сжигали и громили помещичьи усадьбы

Таким образом, главной причиной революционных настроений было прежде всего настроение масс, которые уже окончательно потеряли веру в царя и его окружение

Еще одной важной причиной падения монархии стало предательство российской буржуазии. Когда же для монархии в России наступил поистине роковой час — февраль 1917 г., — правые, ранее в своем «верноподданничестве» громившие всех и

Братание русских и германских солдат

А. И. Деникин (в центре)с офицерами

вся, не только не нашли в себе моральных и духовных сил встать на защиту царя, но фактически предали его. Почти все покинули корабль монархии. Поразительный исторический феномен. Практически никто в стране не проявил готовности поддержать и протянуть руку помощи теряющему власть Николаю II. Иные монархисты еще и объясняли свое предательство чуть ли не как знак физического и нравственного возрождения дворянства.

А правильнее (и честнее) было бы сказать, что дворяне и буржуазия решили сделать российского самодержца козлом отпущения за все грехи, в том числе за свои собственные. А потому, возможно, правы те, кто утверждал: «Православная Россия и царствующая династия своей гибелью обязаны только дворянскому правящему слою». Эти господа сами же и выдернули одну из главных опор царского трона. В письме А.И. Деникина сказано было откровенно (1915): «На родине стало из рук вон худо. Своеручно рубят сук, на котором сидят спокон веку».

В сложной цепи причин и обстоятельств, которые привели к краху царизма и самодержавия, одной из главных причин стали нежелание и неспособность царя пойти на конструктивное, умное приспособление к новым социально-политическим и экономическим реалиям мира в XX веке.

Посол Великобритании Дж. Бьюкенен в книге «Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата» писал о Николае II и его политике следующее: «Его главной и основной ошибкой была неспособность понять, что сегодняшняя Россия не может управляться тем же способом, что и во времена Петра Великого. За это время произошло огромное территориальное расширение империи. Ее население превысило 60 миллионов человек; произошли освобождение крепостных, зарождение промышленности в больших городах с вытекающим отсюда увеличением численности пролетариата и ростом влияния интеллигенции. Уже действовали новые силы, и надежды народа росли вместе с ними. Старая политика централизованного управления была уже непригодна, и самоуправление было единственным эффективным средством. Однако бюрократия противилась передаче земствам части полномочий по управлению их областями, поскольку к тому моменту она сосредоточила в своих руках все административные функции. Более того, у самого императора не было желания проводить такую политику, да еще сталкиваясь с противодействием сил, которые видели в этом посягательство на свои привилегии. Хоть он и не мог лично контролировать административный аппарат огромной империи, он нес ответственность за все огрехи и упущения бюрократии, которая управляла Россией от его имени».

Как это было

27 февраля 1917 г. разъяренная, озлобленная масса солдат и матросов устремилась к Таврическому дворцу. Там заседали депутаты Государственной думы, представители ряда политических партий, делегаты от воинских частей, заводов и фабрик, ряд видных революционеров. Был создан Временный исполком Совета рабочих и

крестьянских депутатов — Петросовет (в основном, из социал-демократов и эсеров). Организовали также Временный комитет Государственной думы во главе с октябристом М. В. Родзянко, председателем IV Государственной думы. Все царские министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

1 марта вышел приказ №1, который фактически поставил армию под контроль солдатских комитетов. 2 (15) марта на совещании Временного комитета и Петросовета было решено создать Временное правительство во главе с князем Львовым. Образовалась так называемое двоевластие.

Таврический дворец заполнили вооруженные люди с винтовками, красными бантами. Среди них, видимо, были и те, кто, по некоторым сведениям, получал из «революционного фонда» ежедневно по 25 рублей (скорее всего, это были слухи). Всюду царила неразбериха. Милюков в мемуарах скажет, что «в этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров», а беспорядки «приняли обличье форменной революции».

Когда толпа залила Таврический дворец, где заседала Дума, произошло то, что потом испытали на себе сотни тысяч буржуазных либералов и «демократов». «С первого же мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность „великой“ русской революции», — откровенничал Шульгин.

Что творилось в помещении Таврического дворца — этого не может воспроизвести самое пылкое воображение: «Солдаты, матросы, студенты, студентки, множество всякого сброда, какие-то депутации., какие-то ораторы на столах и стульях, выкрикивающие что-то совершенно непонятное, арестованные вроде меня в сопровождении такого же конвоя, снующие френчи, вестовые, неведомые люди, передающие кому-то какие-то приказания, несмолкаемый гул голосов, грязь и сутолока, в которой бродят сконфуженные тени недавно еще горделивых членов Государственной думы, собиравшихся разом показать всему миру волшебный переворот, совершившийся без пролития крови в судьбах России».Американец Р. Пайпс в известном труде «Русская революция» называл гарнизон Петрограда «сбродом». Но если даже назвать народ «сбродом», надо признать, что сей «сброд» был на стороне восставших, численностью превосходя верные правительству части. В ходе Февральской буржуазно-демократической революции самодержавие рухнуло под напором народных масс...

Сам царь в это время был в Пскове. Говорят, что Февральскую революцию власти якобы «проморгали», указывают на воспоминания генерала. А. С. Лукомского. Он писал: «26 февраля вечером и утром 27 февраля были получены телеграммы от председателя Государственной думы на имя государя императора, в которых в очень мрачных красках описывалось происходящее в Петрограде и указывалось, что единственный способ прервать революцию и водворить порядок — это немедленно уволить в отставку всех министров, объявить манифестом, что Кабинет министров будет ответствен перед Государственной думой, и поручить сформирование нового Кабинета министров какому-либо лицу, пользующемуся доверием

Солдаты против самодержавия. Февраль 1917 г.

общественного мнения. Генерал Алексеев доложил эти телеграммы государю, который приказал вызвать генерал-адъютанта Н.И. Иванова и поручить ему отправиться в Петроград и принять руководство подавлением мятежа... Приказано было с генералом Ивановым послать какую-нибудь надежную часть.

Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, передал ему приказание государя и сказал, что вместе с ним из Могилева будет отправлен Георгиевский батальон». Насколько тогда еще не придавали серьезного значения происходящему в Петрограде, указывает то, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов там не торопились, было приказано лишь «подготовить» войска к отправке. Николай II на все советы отвечал, что он «сами с усами» — и прекрасно знает, что ему делать.

Робкие шаги по сохранению монархии предпринял генерал Н. Иванов. Пытаясь подавить бунт (то была революция), он поднял по тревоге батальон георгиевских кавалеров-ветеранов при Ставке (800 человек) и двинул оный в Царское Село. На станции Дно он усмирил эшелон с мятежными солдатами. Генерал подошел к пьяным солдатам и применил к ним «патерналистские методы». Выставив воинственно бороду-лопату, он крикнул им: «На колени!» Приказ быстро выполнили, дисциплину восстановили. Но всю Россию на колени поставить было уже невозможно!

«Революционных» солдат разоружили как собственные сослуживцы, так и бойцы из батальона георгиевских кавалеров. Строптивых посадили под арест. но такая покорность была исключением. Конный корпус генерала, графа Ф.А. Келлера, не веря, что царь отрекся добровольно, также готов был двинуться на Петроград. но на роль «наполеоновской гвардии» ни Иванов, ни Келлер явно не тянули: их миссия завершилась полным фиаско. Спасти монархию эти спорадические усилия уже не могли. Ведь серьезной опоры в войсках у монархистов не было, аресты активистов революционных организаций успеха не давали, попытка ввести продразверстку провалилась, расстрел демонстрантов на Знаменской площади и Невском проспекте накануне революции лишь подлил масла в огонь всеобщего недовольства.

И 27 февраля 1917 г. войска Петроградского гарнизона перешли на сторону революции. Романовы ошиблись, полагая, что «их народ» будет воевать за веру, царя и отечество (до последнего солдата).

Москва. Митрополит Тихон благословляет ударный батальон перед отправкой на фронт. 1917 г.

Демонстрация за продолжение войны. 1917 г.

А как реагировали на ситуацию генералы? Ставка прежде всего ввиду наличия революции, стихийного развития событий приняла неофициальное решение поддержать Временный комитет... Генерал М. В. Алексеев до вечера 28 февраля усердно трудился над планом усмирения питерских волнений, а после отречения Николая II признавался своему генерал-квартирмейстеру А. С. Лукомскому: «Никогда я не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграммы главнокомандующим по вопросу об отречении царя от престола».

Но в данном случае речь идет не о раздвоении личности начштаба Ставки, а о попытке обелить себя. Н. В. Рузский глубоко сожалел, что «в своей длительной беседе с государем вечером 1 марта поколебал устои трона, желая их укрепить...» и якобы до конца дней не мог без волнения говорить о трагических днях 1 и 2 марта. А. В. Колчак — из всех командующих фронтами и флотами, кому Алексеев 2 марта разослал телеграммы, запросив мнения об отречении Николая II — он единственный не поддержал ультиматума царю. Затем, в разгар революционных событий на Черноморском флоте он в знак протеста против изъятия оружия у офицеров и постановления собрания делегатов армии, флота и рабочих об их аресте добровольно сдал должность. Л. Г. Корнилов стал «первым революционным генералом», 7 марта 1917 г. арестовав императрицу Александру Федоровну. Хотя даже «ближние» мечтали придушить ее как «немецкое отродье», что уже говорило о многом. Корнилов оправдывался: «Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом».

П. Милюков позже вспоминал: «Никто из руководителей Думы не думал отрицать большой доли ее участия в подготовке переворота. Вывод отсюда был тем более ясен, что... кружок руководителей уже заранее обсудил меры, которые должны были быть приняты на случай переворот, намечен был даже и состав будущего правительства...» Основная часть военных также добровольно или вынужденно его

Николай II, генерал Н. Н. Янушкевич и генерал Н. В. Рузский

Приложеніе къ № 18 Под. Губ. Вѣд. 1917 г. Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно со славными Нашими Союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить Народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и непарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены. Принеся въ томъ непарушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Дано в марта 15 часовъ 1917 г.

Городъ Псковъ.

Подписанъ Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ Фредериксъ.

Высочайший Манифест об отречении Николая II

поддержала. Депутат-монархист Василий Шульгин вспоминал: «Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт? „Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. но, с другой стороны, ведь правительства нет. Как же быть? Отойти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Ведь это Россия же, наконец!"»

В. Шульгин на вопрос М. Родзянко «Брать или не брать власть?» решительно ответил: «Берите, Михаил Владимирович. никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный... Что же нам делать, если императорское правительство сбежало так, что с собаками их не сыщешь!» Другое дело, что почти сразу же между ключевыми игроками, как признал лидер кадетов П. Милюков, меж сторонами возникли острые противоречия, разрешить которые в мирном порядке было просто невозможно. В результате ненависти и предательства и «стал возможен... большевистский исход». но такое объяснение — лишь попытка «сделать хорошую мину при плохой игре».

2 марта к царю приехали председатель Военно-промышленного комитета А. И. Гучков и член Временного комитета Государственной думы В. В. Шульгин. У них была одна задача — подписать документ об отречении царя. Николай уже знал, что большая часть генералов настаивала на его отречении. В частности среди них были начальник штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев и командующий армиями Северного и Северо-Западного фронта Н. В. Рузский. Рузский писал: «Сомневаюсь, чтоб мне удалось бы уговорить государя, если бы не телеграмма Алексеева». Поведение генералов иначе как прямой изменой не назовешь.

Николай почти не сопротивлялся заговорщикам: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку...»

Эти слова никого из заговорщиков не могли убедить. Те настояли на отречении царя, мотивируя действия требованиями народа. В конце концов под давлением военных, Шульгина и Гучкова, которые и набросали акт об отречении, Николай II 2 марта 1917 г. принял решение отречься от престола (за себя и цесаревича), передав власть брату Михаилу.

Подписав отречение, Николай на следующий день со странным спокойствием занес в дневник: «спал долго и спокойно». А. Блок в «Последних днях императорской власти» отмечал то, как поразился Гучков тому, с какой легкостью ими было получено отречение царя. «Сцена произвела на него тяжелое впечатление своей обыденностью, и ему пришло в голову, что он

имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлению Гучкова, был совершенно лишен трагического понимания события: при самом железном самообладании можно было не выдержать, но голос у царя как будто дрогнул только тогда, когда он говорил о разлуке с сыном».

Документ об отречении подписан 2 марта 1917 г. в 23 час. 40 мин. Царь уехал из Пскова в Могилев, оставив в дневнике запись: «Кругом измена, трусость и обман».

Приказ об аресте царицы во дворец привез не кто иной, как генерал Корнилов. Объявив Александре Федоровне об аресте, Корнилов, как писала «Русская Воля», распорядился приставить стражу к телефонам и телеграфу во дворце, чтоб изолировать бывшую царицу. Императрица (уже бывшая) сразу заплакала и забилась в истерике. Корнилов, по словам Бенкендорфа, заверил ее, что арест — мера сугубо охранительная и что царская семья после выздоровления детей будет отправлена в Мурманск.

Вагон поезда, в котором было подписано отречение

В. Шульгин (слева) читает текст отречения царя

В «Очерках Русской смуты» А. И. Деникин попытался ответить на вопрос, почему армия после отречения Николая II не предприняла попыток восстановить статус-кво. Лишь командующий Румынским фронтом, генерал В. Сахаров назвал заговор буржуа «гнуснейшим предложением», сказав: «Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей».

Деникин писал: «Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи... Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной „демократической республики“, что в ней не было „верных частей“ и „верных начальников“,

которые решились бы вступить в борьбу. несомненно, были... но сдерживающим началом для всех них явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, „облеченному всей полнотой власти", выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть».

В. С. Кобылин в «Заговоре генералов» пишет: русский народ, видя, «что Царя нет, что Царь низложен своими же генералами и заключен ими же, не захотел слушаться этих же генералов. Бунт, начавшийся подонками, распропагандированными злобными изуверами-социалистами, перешедший в революцию из-за поддержки заговорщиков из Думы и государственный переворот, совершенный генералами во главе с Алексеевым, давали свои плоды: Хам торжествовал. 2 марта в момент насилия, совершенного генералами над императором (добровольное отречение), перевернулась страница не только Русской Истории, но Истории всего мира».

Изменники получат по заслугам: Алексеев умер на юге, Корнилов убит в бою, Рузский порублен большевиками.

Чтобы яснее понять причины крушения Российской империи, следует познакомиться с мнением умных людей из окружения царя. Один из них — великий князь Александр Михайлович (1866–1933). Генерал-адъютант и адмирал, он заведовал авиационной частью в российской армии в годы Первой мировой войны. Князь рисует довольно любопытную картину, которая дает представление о весьма широком фронте оппозиции последнему царю Российской империи, в том числе среди самых избранных членов общества: «Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы красная опасность исчерпывалась такими любителями аплодисментов, как Толстой и Кропоткин, такими теоретиками, как Ленин и Плеханов, старыми психопатками вроде Брешко-Брешковской или Фигнер и авантюристами типа Савинкова и Азефа.

Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных переносчиках заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляли армию разносчиков этой заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров, других общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами, но совершенно напрасным трудом пытаться угодить, — пишет князь, — многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в книги российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах» (1931). Как надо было поступить с великосветскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли про царя и царицу «гнусные слухи»? Как надо было поступить в отношении отпрысков старинного рода Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что делать с князем Трубецким, ректором Московского университета, превратившим старейшее русское высшее учебное заведение «в рассадник революционеров»? Что делать с Милюковым, Витте, думцами, что ездят по заграницам и там порочат царский режим? Все эти вопросы члена царского семейства тогда повисли в воздухе!

Но великий князь мог бы и значительно расширить круг обвинений, включив в число прямых виновников и членов царствующего дома Романовых. Те вели себя, как скорпионы в банке, кусая друг друга исподтишка, — великий князь Николай Никола-

евич и двоюродный брат Николая, Кирилл Владимирович, командир Гвардейского экипажа. Это он снял охрану Александровского дворца, где жила царица с детьми, отозвав его из Царского села в Петербург. Царь, узнав об этом, взволнованным голосом заявил Воейкову: «Все изменили... Первый — Николаша». В феврале 1917 г. Кирилл Владимирович вывесил красный флаг у дома и, нацепив красный бант, направился в Думу выражать ей свое почтение и полную лояльность. В начале марта Кирилл Владимирович дал интервью «Петроградской газете», где обливал грязью царя, царицу, обвинял их в германофильстве и пр. Он демонстративно, с «революционным» красным бантом, вышагивал в толпе. «на улицах красные флаги, и красные банты в петлице, и праздник ликующих толп...»

Историк П. В. Мультатули пишет: «К 1914 г. русская правящая элита и многие представители императорской фамилии были также охвачены стремлением к переменам, их тоже не устраивала незыблемость русской традиционной власти. Служение Царю и Отечеству все больше заменялось у нее государственным прожектерством, склонностью к тайным обществам, политическим интриганством. Император Николай II при вступлении на престол получил в наследство страну, морально готовую к революции. Внешнее благополучие и спокойствие были обманчивыми...» Нельзя не видеть — это чрезвычайно важно, — что действия генералов были во многом предопределены настроениями, царившими к тому времени в армии. Сколь глубок и серьезен кризис монархизма (в том числе среди немалой части офицерства), можно судить по атмосфере тех дней.

Показательны воспоминания штабс-капитана А. М. Василевского, воевавшего на фронтах мировых войн и впоследствии

Петроград. Похороны жертв Февральской революции, павших за свободу. 23 марта 1917 г.

ставшего красным маршалом. Воюя на Румынском фронте, где значительным было влияние консервативных сил, он так описал настроения рядовых людей в русской армии: «Среди офицерского состава, в том числе и в нашем полку, чувствовалась некоторая растерянность. Значительная часть кадрового офицерства, монархически настроенная и не желавшая вообще никакой революции в стране, откликнулась в августе на призыв нового Верховного главнокомандующего, генерала Л. Г. Корнилова и была официально направлена в его распоряжение. Другая часть офицеров, особенно из тех, что пришли в армию в период войны (прежде всего наиболее прогрессивная в 26-м корпусе нашего фронта), постепенно сближались с солдатскими массами. Этой дорогой, сначала медленно, а затем все быстрее шел и я... Падение монархии я встретил с энтузиазмом. Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую — те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? нет! — отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по иллюзиям нанес Корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству». Солдаты отказывались стрелять в собратьев, стрелять в тех, кого буржуазия и тогда и сейчас предпочитает называть не иначе как «сбродом».Классовые симпатии никто не отменил.

После отречения царя

Знаковым было то, что все приближенные в одночасье оставили царя и его семейство. Один из них писал: «Когда произошел переворот и царская семья находилась в Царском, я не хотел уезжать из Царского, не простившись с семьей. Я знаю, что никто тогда, даже из самых приближенных к ней лиц, не хотел идти к ней, кроме одного священника».

Троцкий отмечал в «Истории русской революции», что «среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего царя. Все торопились пересесть на корабль революции в твердом расчете найти там удобные каюты. Генералы и адмиралы снимали царские вензеля, надевали красные банты. Штатские сановники и по положению не обязаны были проявлять больше мужества, чем военные. Каждый спасался, как мог».

Хотя, по свидетельству генерала Н. М. Тихменева, начальника Военных сообщений, процедура расставания с царем оказалась для многих тяжелой: «Судорожные, перехваченные всхлипывания не утихали... Офицеры Георгиевского батальона — люди, по большей части несколько раз раненные, — не выдержали: двое из них упали в обморок. На другом конце залы рухнул кто-то из солдат-конвойцев».

Можно по-человечески понять чувства Николая II, когда он воскликнул: «Что же мне оставалось делать, когда все мне изменили!» Однако вопрос ставить надо иначе: «Что представляет собой царь и строй, которому вдруг все изменили?!» Хотя, говоря словами А. С. Пушкина, нам не хотелось бы быть «заступниками кнута и плети», однако бывают в истории такие минуты, когда сам царь в первую голову и заслуживает «первого кнута».

Образно и точно сказал о причине столь сокрушительного краха самодержавия Ленин, выступая с лекцией «Война и революция»: «Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным. Там лучшие люди своего класса во главе управления. Там нет условий для революции против самодержавия, там есть уже правительство

Икона Божией Матери Державная

Иные говорят, небесным указанием, что свершившееся было угодно не только народу, но Богу, стало чудесное явление иконы Божией Матери «Державная» (2 марта 1917 г. в селе Коломенском под Москвою). Когда принесли старинную икону и промыли ее от многолетней пыли, взору всех предстала Матерь Божья, в руках у которой были царский скипетр и держава. И та сказала, что отныне она Сама будет охранять Россию.

После обнародования «чуда» все стали гадать, что оно означает. Одни считали, что тем самым Господь явил «милость» и «любовь» к русскому народу. Другие задавались мыслью: не было ли явление «Державной» иконы знаком близкого гнева Божия за революцию, за бунт против царя как Помазанника Божьего? На это якобы указал и алый цвет порфиры «Державной» Богоматери, в котором можно было узреть символ моря крови, которая прольется. По мнению М. А. Бабкина, автора комментариев к книге архивных документов по истории отношения РПЦ к революци-

капиталистического класса. Талантливейшие представители этого класса давно там правят» (14 мая 1917 года).

Кстати, Ленин был уверен, что царь обязательно окажет сопротивление, привлечет на свою сторону хотя бы часть армии, издаст манифест о заключении сепаратного мира с Германией. Тогда всем планам заговорщиков и революционеров пришел бы конец. Но Николай II был патологически бездарен. Впоследствии будут делаться сотни и тысячи попыток найти объяснение «феномену предательства» государя императора буржуазией, верхушкой военных и вообще «элитой». Запоздалые признания идеологов буржуазии указывают и на главного виновника Февральской революции, которую гораздо правильнее было бы назвать заговором российской буржуазии. Поистине эта война станет для элиты России началом искупления... Революция была неизбежна.

Николай в Царском Селе под охраной

ям, непосредственной целью духовенства, предложившего толкование явлению иконы, было декларирование определенного оправдания (со стороны Русской церкви) провиденциального факта свержения царской власти. Согласно их версии, в России со 2 марта 1917 г. вместо царя Николая (земного грешного человека) стала якобы незримо «править» Пресвятая Богородица. Февральская буржуазная революция привела к замене царя земного на небесную Царицу.

Однако у заговорщиков были отнюдь не небесные, а земные покровители. За рубежом!

Кто стоял за спиной заговорщиков?

Важно понять, были ли действия русской буржуазии самостоятельными или кто-то ими руководил. Кто направлял и оплачивал их действия? Как уже упоминалось, переворот готовился задолго до 1917 г. на это указывает то, что в 1916 г. готовы были и списки будущих министров Временного правительства. В «Людях и ложах» Н. Берберова отмечает: «Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его „заговорщицкие планы“». Февральский переворот был спровоцирован действиями буржуазии, действовавшей в тесном сговоре с генералитетом и заграницей.

Искусственно организован был в Петрограде хлебный голод. Хотя только на складах Калашниковой биржи имелось свыше 450 тысяч пудов муки. С учетом шедших к столице эшелонов город был гарантированно обеспечен мукой по май месяц включительно, но слухи позволили заговорщикам вывести на улицы низы, запасные полки столичного гарнизона. Заговорщики получили поддержку и военного министра Поливанова. С довоенного времени тот был тесно связан с Гучковым... Еще до войны он писал: «В 1905 году революция не удалась, потому что войско было за государя... В случае новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; поэтому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами». Солдатам же эта война давно уж осточертела.

Политической силой, подхватившей буквально валявшуюся тогда на дороге власть, и были масоны... Кто только не писал о роли масонов в дореволюционной России: и этнограф А. Н. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, и романист Вс. Соловьев (сын известного историка), и писатель А. Ф. Писемский, создавший роман «Масон». Масонству отдали дань декабристы, а Лев Толстой счел возможным направить своего героя Пьера Безухова в одну из лож. Виновниками заговора считают масонов. С. П. Мельгунов в вышедшей в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту» (1931) показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота руководили две группы масонов — военная во главе с А. И. Гучковым и гражданская — во главе с А. Ф. Керенским. Г. М. Катков в книге «Февральская революция» прямо говорит: «Нигде влияние масонского движения не приобретало более важного значения, чем в подготовке государственного переворота с целью покончить с правлением Николая II». Эта масонствующая эсеровская публика вся была на одно лицо... Роль их в политической жизни страны вначале была слабой (8 человек из 518 депутатов во II Государственной думе). Тем не менее показательно, что именно из их числа и будет избран председатель Государственной думы, земский деятель и масон Ф. А. Головнин. В большинстве крупных городов вдобавок ко всему эсеры летом 1917 г. были избраны городскими головами (мэрами): в Москве — Минор, в Петрограде — Шрейдер. Во главе Петроградского совета в 1917 г. от эсеров встал Абрам Гоц. Эта партия получала немалые деньги из США.

Гершуни (агент и провокатор) говорил о лицах, дающих десятки тысяч рублей этой партии, но вовсе не стремящихся стать ее членами. «Партия получила также значительную поддержку из США, где в таких центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, были крупные колонии русских евреев, крайне враждебных царизму». Г. В. Плеханов успехи этого тайного общества объяснял отнюдь не проповедью самосовершенствования или человеколюбия, что значились на знамени масонов. Все действия «братьев» говорили, что на самом деле эта организация представляла собой не сообщество взаимного возвышения, а шайку лиц, связанных узами воровской «этики» («ты — мне, я — тебе»). «На первых порах орден завоевывал верность вновь поступившего члена, оказывая ему немедленную помощь. Под страхом лишиться полученных выгод все облагодетельствованные делались послушными своим таинственным покровителям. те же из них, кто обнаруживал свою способность отрешиться от таких „предрассудков“, как верность присяге, получали от руководства все более соблазнительные и выгодные протекции и, соответственно, поднимались вверх по иерархической лестнице братства. „ты — мне, я — тебе“ — оказывается, этот торгашеский принцип давным-давно утвердился в ложах. А железная спайка между дельцами всех профессий и убеждений служит гарантией сохранения тайны».

О. А. Платонов в книге «Россия под властью масонов» (2000) пишет, что среди царских министров и их заместителей было, по крайней мере семь членов масонских лож — Поливанов (военный министр), Наумов (министр земледелия), Кутлер и Барк (Министерство финансов), Джунковский и Урусов (Министерство внутренних дел), Федоров (Министерство торговли и промышленности. В Государственном совете сидели масоны Гучков, Ковалевский, Меллер-Закомельский, Гурко и Поливанов. Измена проникла и в Военное ведомство, главой которого был упомянутый масон Поливанов. В масонских ложах числились начальник Генштаба России Алексеев, представители высшего генералитета — генералы Рузский, Гурко, Крымов, Кузьмин-Караваев, Теплов, адм. Вердеревский, представители офицерства — Самарин, Головин, Полковников, Маниковский. Членами масонских лож были многие царские дипломаты — Гулькевич, фон Мекк (Швеция), Стахович (Испания), Поклевский-Козелл (Румыния), Лорис-Меликов (Швеция, Норвегия), Кудашев (Китай), Щербацкий (Латинская Америка), Забелло (Италия), Ислявин (Черногория).

Во главе городской администрации Москвы почти бессменно стояли масоны — городские головы Н. И. Гучков (брат А. И. Гучкова), Астров, Челноков. Масонство проникло в предпринимательскую среду в лице Рябушинского и Коновалова. Уже не говорим о том, что под контролем масонских лож большая часть средств массовой информации и издательств (газеты «Россия», «Утро России», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Голос Москвы» и др.).

Биографический словарь русских масонов XX столетия Н. Берберовой называет следующие имена: Г. Е. Львов, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, А. И. Мануйлов, А. И. Шингарев, А. Ф. Керенский, В. Н. Львов, И. В. Годнев,. Н. С. Чхеидзе (Петроградский совет) и многие другие. Под сомнением лишь имена П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова, хотя некоторые и их причисляют к скрытым масонами.

И вовсе не случайно главой Временного правительства вскоре стал А. Ф. Керенский — на его квартире и состоялось первое послереволюционное заседание Верховного совета Великого Востока народов России (2 марта 1917 г.). Он еще в молодости хотел стать террористом и войти в боевую организацию эсеров, но, как говорили, «провалился» на приеме у Азефа — Азеф его не принял...Известный провокатор хоть и оценил авантюризм Керенского, как и его склонность к интриге, но личного мужества и качеств, нужных для работы, не узрел. Став главой Вре-

менного правительства, Керенский так и остался заурядным масоном-интриганом. Почти каждый вечер (а иногда и ночью) к Керенскому приходили два близких ему масона — граф Орлов-Давыдов и великий князь Николай Михайлович, с которыми он вместе ужинал и обсуждал насущные текущие дела.

В.Д. Бонч-Бруевич в 1930 г. говорил о Керенском, что тот был «вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной думы и был специально воспитываем ими» в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время ожидаемого движения за свержение самодержавия. По словам профессора В. И. Старцева, изучавшего роль масонов в России, они «первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 г.». Еще перед Февральской революцией, по сообщению Л. Кандаурова, Верховный совет масонских лож в России «поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож». тут были и скрытые намерения, о которых открыто не говорили.

За кулисами событий действовали финансовые монополисты, в планы которых входило: поставить Россию на колени, ослабив ее как державу максимально. С этой целью в Европе и России активно действовали агенты Ротшильда. В Германии масон граф Бокдорф, посол немцев в Копенгагене, наладил связь масонов и миллионера из Израиля Гельфанда (Парвуса) с немцами. Два одессита, Троцкий и Парвус, были «духовно» близки. Оба служили сразу нескольким богам — Уолл-стрит, английской и немецкой разведкам, «мировому социализму», всем, кто давал деньги. 29 декабря 1915 г. Парвус выдал расписку на получение первого миллиона золотых рублей «на организацию революции в России».

В феврале 1917 г. самодержавие в России свергнуто. Сформированное тогда же Временное правительство было целиком

В. А. Маклаков

составлено из масонов, братьев лож Великого Востока. Утверждение это ранее подвергалось сомнению и замалчивалось (на протяжении 70 лет), пока не получило подтверждения открытием масонских архивов. Сейчас же не оспаривается никем, но особо и не афишируется.

Одним из масонов был адвокат В. А. Маклаков (1870–1957), ученик адвоката Ф.Н. Плевако. Маклаков, как мы бы сказали, давно уж был «завербован Западом» и активно работал в пользу Франции против России. Будучи с 1906 г. в кадетской партии, Маклаков служил интересам Франции.

Членский диплом Маклакова, билет масонской ложи «Великий Восток Франции», объединявший масонов Высшего совета Франции и французских владений, заверенный печатями, гласил: «По просьбе, представленной Ложей Масонский Авангард Парижского Ордена и по ее аттестации, Брат Маклаков В. А., рожденный в России, 8 мая 1870 г., живущий в Москве, был возведен в степень Мастера 18 апреля 1906 года. Мы, должностные лица Великого Востока Франции, выдали Брату Маклакову В.А. настоящий диплом Мастера, тем самым подтверждая, что он может воспользоваться всеми правами, полагающимися этой степени, рекомендуя его радушию наших Братьев и обещая взаимность всех франкмасонов, местных и зарубежных, имеющих подлинные и действующие документы».

Это во многом объясняет не только его политические позиции, но и то, что тот в дальнейшем занял пост посла во Франции, предоставленный ему Временным правительством в 1917 г. Действительно, число масонов росло от одного Временного правительства к другому (и в последнем правительстве уже все министры России — члены масонских лож).

Как встретили Февральскую революцию

Свержение царя в России вызвало почти восторг в английских правящих кругах.

Запись в дневнике британского посла в Париже Ф. Берти, сделанная им после революции в России в феврале 1917 г.: «Нет больше России, — пишет он, не скрывая глубокого удовлетворения. — Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку».

Акт об отречении царя был восторженно встречен большей частью народа. «Какие лица хорошие. Какие есть юные, новые, медовые революционеры. И какая невиданная, молниеносная революция» (З. Гиппиус).

Г. Катков писал по поводу отречения Николая II: «Значение того, что произошло в ночь на 2 марта, безмерно и выходит за пределы понимания участников драмы. Отречение предотвратило немедленное начало Гражданской войны со всеми ее международными последствиями, но оно также выбило почву из-под ног представителей военных и гражданских властей страны, которые могли в иных условиях организовать противодействие нарастающей революции. Энтузиазм, с которым была встречена революция в Петрограде и по стране в целом в последующие дни, не должен создавать впечатление, что ко 2 марта такое противодействие стало невозможным. Многие люди приняли революцию как раз из-за акта отречения: раз сам государь пришел к выводу о необходимости перемен, что могли сделать те, которые готовы ей противодействовать? Нигде, кроме Петрограда и Москвы, а также в непосредственной близости от столицы, не наблюдалось никаких признаков стихийных выступлений. Когда же пришли вести о революции, народ воспринял их как что-то произошедшее без его непосредственного участия. Разумеется, в Петрограде обстановка была иной».

На самом деле отречение царя отнюдь не предотвратило ни Октябрьской революции, ни Гражданской войны — оно их только отложило, и то на короткое время! Народ наш не желал быть тем «органчиком», что готов вечно слушать мелодию «Боже царя храни!». Он перестал быть и зрителем Российской империи, безмолвно наблюдающим за всем происходящим («народ безмолвствует»), решительно выйдя на историческую сцену как первое, главное лицо «спектакля». Ведь бурлила вся страна. Власть всюду переходила в иные руки... Городским головой Батуми был избран бывший народник И. З. Андроников (с 1902-го по 1916 г.), в Кутаиси городским головой являлся с 1901-го по 1911 г. руководитель местных кадетов Д.А. Лордкипанидзе, в Баку городским головой был А. И. Новиков, входивший в партию эсеров, член Радикальной партии

(1903–1904 гг.), в Тифлисе городскую Думу с 1891-го по 1895 г. возглавлял бывший народник П. А. Измайлов, затем его сменил на посту князь В. Н. Черкезов. В свою очередь, на смену ему придет А. И. Хатисов. Последний вспоминал: «До меня городским головой в Тифлисе был грузинский князь Черкезов, помощником которого я состоял в течение трех лет, и могу сказать, что он-то и начал исключительную роль посредничества между властью и революционными партиями. Я продолжал эту роль, исполняя ее в течение десяти лет». Так вот столпы империи вдруг подались в «революционеры». Как они же подались в демократы. Мудрено ли?! Если Кирилл Владимирович и личный состав Ставки, от которой и ждали руководства борьбой с революцией, надел красные банты и во главе с начальником штаба генералом от инфантерии М. В. Алексеевым принял участие в манифестации в Могилеве с местным населением «в целях прославления торжества революции». Историки отмечают, что «появились неслыханные ранее призывы к цареубийству»

В действительности на окраинах имел место ползучий переворот. Многие желали ниспровержения монархии и царизма. И рука об руку с социал-демократами шли местные националисты.

Следует опровергнуть и еще один миф, миф о якобы бескровном характере Февральского переворота. Лидер кадетов В. Чернов, председатель разогнанного Учредительного собрания, писал об ожесточенном характере столкновений в России в феврале 1917 г.: «Власть пыталась защитить прежние привилегии и монополии. После этого под знамя свободы собрались все униженные, оскорбленные, угнетенные и эксплуатируемые». Наступило время, когда все вопросы решались уже не с помощью слов или демократического выбора, а с помощью оружия. «Офицеры и солдаты сражались не с помощью слов, а с помощью оружия. Во многих полках мятеж начинался с расстрела собственных командиров. По-другому и не могло быть; с первых дней восстания командиры выводили своих солдат на улицу, выстраивали их в шеренгу, приказывали: „Товсь! Пли!“

Серые шинели осаждали захваченные рабочими фабрики и иногда по приказу командиров брали их с помощью штыков. Даже в феврале 1917 г. стрельба на Невском была такой ожесточенной, что мостовая была усыпана трупами безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей. Три полка, первыми примкнувшими к революции — Волынский, Литовский и Измайловский, — убили нескольких офицеров и прогнали остальных... Поэтому один вид офицерской шинели или погон приводил толпу в ярость». Вы не находите, что эти свидетельства очевидцев тех событий не оставляют камня на камне от утверждений новых апологетов буржуазии (из числа нашей вроде бы научной братии) о якобы вполне мирном характере Февральской революции?!

Так и произошла в России в 1917 г. Февральская буржуазная революция (или переворот). Как это ни называйте, но у события были свои причины, которые следует еще раз обозначить и выделить. Во-первых, это наличие у народа потребности в коренных переменах (ограничение власти самодержавия, передача земли крестьянам, окончание войны и жажда мира и т.д.). Во-вторых, упорное нежелание и неспособность старой власти решать проблемы. В-третьих, потеря ею рулей управления, малейшей способности держать народ в повиновении, пусть даже с помощью насилия. В-четвертых, полнейший коллапс всех духовных и нравственных устоев в обществе, что сопровождалось потерей уважения к правящей верхушке и главе государства. В-пятых, стремление российской буржуазии и закулисы поскорее избавиться от монархии. Дни самодержавия сочтены. Царь и все Романовы стали отыгранной картой Истории и де факто никому были уже не нужны.

Глава 11

Временное правительство. Фиаско Керенского как символа буржуазной демократии

Звездный час буржуазии

Буржуазия дождалась-таки своего звездного часа. На Миллионной, 12, в квартире княгини Путятиной в Петрограде, 2 марта 1917 г. собрались члены правительства и Временного комитета. Туда же прибыл и великий князь... Все стали обсуждать различные варианты разрешения конфликта... П. Милюков высказался в пользу сохранения монархии:«сильная власть, необходимая для укрепления порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти. Временное правительство одно, без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений; стране при таких условиях могут грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберется Учредительное собрание. Временное правительство одно до него не доживет».

Однако другие участники собрания были против передачи власти Михаилу. И возглавил эту атаку социалист Керенский. Он прямо заявил: «В. В., мои убеждения республиканские. Я против монархии. Но я сейчас не хочу, не буду... разрешите вам сказать иначе... как русский русскому, П. Н. Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете России!. Наоборот. Я знаю настроение масс... Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии... Именно этот вопрос будет причиной кровавого разлада. Умоляю вас, во имя России, принести эту жертву.

Великий князь Михаил Александрович

Если это жертва... Потому что, с другой стороны... я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае, я не ручаюсь за жизнь В. В.».

В том же духе, видимо, выступал и Родзянко: «Для нас было совершенно ясно, великий князь. процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне. Для нас было ясно, что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении не имел и поэтому на вооруженную силу опереться не мог. Великий князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли я гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно... Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был

бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него».

Хотя Гучков предложил Михаилу выступить в роли «покровителя нации», нового Кромвеля, большинство членов нового правительства идеи не одобрили и, как признал Шульгин, в решающий момент никакой опоры монархической власти «не оказали». Конкретного плана действий представители Временного правительства великому князю не предложили. На улицах Петрограда развешивали плакаты об отречении, раздавали листовки «Известий», за кулисами Исполнительный комитет принял постановление об аресте «династии Романовых». Михаилу не оставалось ничего, как передать полноту власти Временному правительству. Так произошла эта «дивная, светлая, бескровная революция». Один из лидеров кадетов, А. Кизеветтер, бурно приветствуя Февральскую революцию, назвал отречение Николая II «величайшей датой» в истории России. На деле же эта революция была сугубо верхушечным переворотом.

К власти пришло буржуазное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым, известным либеральным деятелем. Переворот совершен по воле буржуазных либералов (октябристов), стоявших на реформаторских позициях, и военных, в которых царь еще вчера видел главную опору. «Во главе первого революционного правительства, по состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на пост положением в российском земстве, — князь Г. Е. Львов, мало известный лично большинству членов Временного комитета...» Став премьер-министром Временного правительства, он говорил, что и не думал «сделаться министром». «Меня сделали, — вспоминал он. — Разве я хотел этого?» Однако участники этих закулисных интриг не хотели полностью порывать и с монархией. Видимо, они боялись не удержать рули управления. Отсюда боязнь власти, колебания, даже приглашение принять участие в заговоре против самодержавия великого князя Николая Николаевича, что позволило бы, как считали иные, в дальнейшем сохранить форму монархии, пусть даже в виде династии Романовых.

Обстановка в стране была тяжелейшая. Мировая война, пишут И.С. Ратьковский и М. В. Ходяков в книге «История Советской России», стала начальным этапом тех огромных бед и деформаций и во всех отраслях национального хозяйства.

Тяжелые последствия войны сказались на численном составе рабочей силы, заметно сократились в том числе ряды квалифицированных кадров. Мобилизации изъяли, по различным оценкам, от 14 до 19 млн человек. недостаток на промышленных предприятиях мужчин-рабочих стал компенсироваться женщинами и подростками. на ряде петроградских предприятий женский труд занимал преобладающее место: на «Скороходе» женщины составляли 70 % всех рабочих, на табачных фабриках — 80 %. Даже в металлопромышленности за 1914–1916 гг. число занятых женщин возросло почти в 10 раз. Одновременно шел процесс увеличения количества рабочих зрелого возраста — 50–60 лет и выше. Ухудшение качественного состава рабочей силы привело к неизбежному падению производительности труда. Сколько умелых рук было оторвано от производства. среднее снижение квалификации рабочих столицы за 1914–1916 гг. составит 10 %. На работавших непрерывно предприятиях военного назначения болезненный процесс роста производства деформировал экономику страны. К 1917 г. усилились отрасли промышленности, работавшие на войну (оружие, обмундирование, питание) и тыл.

Все другие — мало или совсем не связанные с обслуживанием войны — были в упадке. но ныне «критики», спешащие лизнуть пришедшую к власти в России олигархическую буржуазию, все огрехи буржуазии и чиновничества, последствия страшной войны, ими же вызванной и питаемой, спишут на советскую власть

Г. Е. Львов

и большевиков, «погубивших Россию». Хотя это в первую очередь в результате их политики страна оказалась почти полностью парализованной, никто управлять уже не мог. Генерал В. И. Гурко признавался: чтобы решить элементарную проблему доставки угля с шахт, ему потребовалось 1,5 года. И это в условиях войны и всеобщей мобилизации! К 1917 г. в России ощущались топливный, сырьевой, транспортный кризисы. Добыча нефти сократилась с 10,4 млн т в 1916 г. до 8,4 млн т в 1917 г. По свидетельству знатока национального хозяйства проф. В. И. Гриневецкого, с 1916 г. эксплуатация железных дорог все время шла под гору. Дороги все чаще выходили из строя. Горы грузов скапливались в местах складирования. Еще одна причина, возможно, ключевая, парализовала экономику России и вообще все осмысленные, четкие действия. Коррумпированные, ворующие российские чиновники фактически торпедировали попытки правительства. С этими проблемами теперь предстояло справиться уже новой власти.

А. Ф. Керенский — «всеобщий оракул»

Пришло время повнимательнее присмотреться к фигуре Керенского...

А. Ф. Керенский (1881–1970) родился в семье коллежского асессора. Его отец, Ф. М. Керенский был сначала бедным учителем, но, накопив немного денег, поступил учиться в Казанский университет, в то время один из лучших университетов России. Затем Ф. М. Керенский служил на посту директора школ в Симбирске, как и отец Ульянова-Ленина. Юноша с детства много читал. Окончив Санкт-Петербургский университет, Саша Керенский с головой ушел в политическую деятельность. Впоследствии Керенский вспоминал, что вступил в ряды революционеров «не в результате подпольного изучения запрещенных теорий — к революционной работе нас вынуждал сам режим». Но ни материального, ни рационального взгляда на мир Керенский, похоже, так и не обрел, так и остался фантазером. Он писал: «В школе на меня произвело грандиозное впечатление заявление Владимира Соловьева о том, что материалистические теории превращают людей в крохотные винтики чудовищной машины. Кроме того, я всегда сочувствовал социал-революционерам, а также народникам из-за их веры в то, что они работают ради полного освобождения человека, а не его превращения в орудие классовой борьбы. Читал я также критические статьи молодого экономиста-марксиста Петра Струве, но, когда дошел до абзаца, в котором он говорит, что индивидуум не существует и представляет собой ничтожно малую величину, я понял, что марксизм — не для меня. Мое чувство нашло подтверждение в „Манифесте Коммунистической партии“ Маркса и Энгельса, в котором человеческая мораль называется орудием классовой борьбы и утверждается, что мораль рабочего класса не имеет ничего общего с моралью капиталистического мира».

А. Ф. Керенский

А. Ф. Керенский оказался на развилке, будучи в сомнении, что выбрать из двух течений — социализм или буржуазный реформизм. Имущие слои приветствовали успех переворота и приход к власти буржуазии. Вот как описал первые шаги и действия нового правительства сам А. Керенский: «Я до сих пор с трудом понимаю, каким образом с самого первого заседания правительства мы достигали немедленного и полного согласия о том, что предстоит сделать. Все мы обладали чувством долга, которое ставили превыше лояльности к какой-либо партии. Правда, это чувство оказалось недолговечным, и в последующей истории Временного правительства уже не наблюдалось такой веры, солидарности и взаимного доверия; но тем не менее в первый месяц революции все мы, правильно или неправильно, руководствовались единственным соображением — высшими интересами народа. Многие из людей, ставших моими личными друзьями с первых дней существования Временного правительства, впоследствии говорили мне, что я выдаю желаемое за действительное и что никогда у нас не было того единства, как мне казалось.

Но как бы то ни было, первые недели революционных преобразований в России запечатлелись в моей памяти как ощущение чуда, происходившего у меня на глазах... За поразительно короткое время мы сумели заложить основы не только демократического правления, но и совершенно новой социальной системы, которая бы гарантировала руководящую роль в делах страны трудящимся массам и которая впервые ликвидировала какие-либо политические, социальные или этнические ограничения. По-иному и быть не могло, хотя бы по той простой причине, что такое новое состояние дел являлось непосредственным отражением воли бесспорного большинства населения».

Первое появление Керенского на сцене театра российской истории следует отнести к Ленским событиям... Тогда он в составе комиссии сенатора С. С. Манухина участвовал в расследовании причин и обстоятельств известного расстрела рабочих на золотых приисках. На волне повышенного общественного внимания к той трагедии Керенский и попал в Четвертую Государственную думу (от Трудовой партии). свой ораторский талант он умело использовал и был принят буржуазно-либеральной публикой на ура. Помогли, видимо, и его масонские связи: с 1912 г. Керенский состоял в масонской ложе, затем стал одним из ее лидеров. В 1915 г. он уже генеральный секретарь президиума Верховного совета масонов России. И хотя все считали его человеком хотя и даровитым, «но не крупного калибра», буржуа такие люди по сердцу, ибо соответствуют их мерке. Поэтому уже в ходе февральского переворота он вознесся на самый верх, войдя 2 марта 1917 г. в состав Временного правительства в качестве министра юстиции и генерал-прокурора.

Он активно работает на всех направлениях. А.Ф. Керенский принимает участие в решении важных задач: замена старого

чиновничьего аппарата, образование новых судебных учреждений, отмена устаревших законов, противоречащих новому, «революционному правосознанию», расследование деятельности высших царских чиновников и т.д. и т.п. И везде он выступает с речами, став «всеобщим оракулом, вождем и любимцем». так сказать, «звездный час».

В первые дни Февральской революции популярность Керенского у определенной части общества была очень велика. Прежде всего у «русских европейцев», к которым принадлежали кадеты и буржуазия. Пресса величает его «героем русской революции». Так Керенский оказался на гребне славы. Каких только восторженных эпитетов не расточала тогда печать. Его называли «министром правды»,«народным трибуном», писали, что без него русская революция была бы немыслима, и т.п. Он был популярен среди «сливок общества» и части интеллигенции.

2 марта 1917 года, как мы знаем, император Николай II отрекся от престола в пользу брата великого князя Михаила Александровича. Последний призвал всех граждан подчиняться Временному правительству. Подлинники актов об отречении Николая II и об отказе великого князя Михаила Александровича от «восприятия» верховной власти министр юстиции Керенский доставил в Правительствующий сенат. Сенаторы единогласно решили печатать акты отречения.

Революция была временем ораторов — больших и малых, талантливых и бездарных.

Генерал П. Н. Врангель, оказавшийся весной 1917 г. в Петрограде, вспоминал: «Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь были заняты речами членов Временного правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций».

Темы были одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда вожди еще не договорились), восхваление «завоеваний революции». Английский дипломат Локкарт описал одно из выступлений г-на Керенского. Действо проходило 25 мая 1917 г. Тот только что прибыл в Москву с фронта и прямо с вокзала отправился в Большой театр, где должен был состояться очередной концерт-митинг. Перед собравшейся в театре публикой читал стихи Бальмонт, пел Собинов, но это был лишь «разогрев» в ожидании главного номера. Наконец под гром аплодисментов на сцене появился Керенский. Он поднял руку и заговорил... Содержание его выступления передать сложно, но главное в данном случае не содержание, а то, что было потом. «Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест, до хрипоты крича „ура“. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания».

В условиях дефицита массовых зрелищ революционные митинги заменяли тогда сцену театра, арену цирка. На популярных ораторов «ходили», как ходили на талантливого певца или артиста. В. Федюк пишет, что не случайно расхожее выражение «теноры революции», иронически обо-

значавшее «профессионалов жанра», обращали к Керенскому. Он был на одном из первых мест среди любимцев публики.

Большая часть интеллигенции России восторженно приветствовала Февральскую революцию. Ведь то были люди их круга. М. Пришвин пишет в «Дневниках» о том впечатлении, что производили на него господа министры: «...Как все-таки сложены министры, какие все хорошие люди: Керенский, Авксентьев, Терещенко, Маслов, какая все это чистая гладь интеллигентная!». Куприн в очерках посвятил Керенскому панегирик под громким названием «Сердце народное». Поэтесса Зинаида Гиппиус превозносит его «гениальную интуицию».

Е. К. Брешко-Брешковская, одна из организаторов эсеровской партии, «бабушка русской революции», очарованная его талантом оратора, пишет: «Будучи ярко выраженным идеалистом, он не мог понять предательства так называемых коммунистов, с одной стороны, и наивного доверия их сторонников, с другой стороны. Как бы упростилась его задача, если бы он последовал примеру вождей французской революции и обратился к политике массовых репрессий! Однако история навсегда запомнит, что Временное правительство вело колоссальное Российское государство сквозь бури переходного периода от старого к новому режиму неизведанными доселе методами, обходясь без малейшего кровопролития. Невозможно сказать, сколько времени продержался бы такой мягкий и миролюбивый строй, так как в массах развивалось нетерпение, недоверие и стремление к мести. но мы знаем, что в течение этого периода воля одного человека сдерживала насилие, несмотря на неистовые призывы к жестокости, раздававшиеся даже среди интеллигентных людей».

Впрочем, вероятно, что-то в нем было, раз и куда менее восторженный человек, холодный дипломат-разведчик Р. Локкарт признавал в Керенском наличие ораторского таланта и даже, насколько искренне, это уже другой вопрос, называл его одним из величайших ораторов в истории.

Керенский с Е. К. Брешко-Брешковской

Вряд ли эти оценки нового премьер-министра соответствуют действительности. В практическом плане для России ему не удалось сделать почти ничего. Правда, он уверял, что Временное правительство осуществило фундаментальные социальную и аграрную реформы, что «в краткий период времени после Февральской революции Временное правительство даровало народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние». Однако начертать закон еще не означает провести его в жизнь.

Что творилось в стране

Впрочем, приход Временного правительства, успех Февральской революции (переворота) сопровождались внешне эффектными шагами. Революция обеспечи-

ла русскому народу юридические права de jure: из царских тюрем выпущены все политзаключенные.

В Шлиссельбурге томились в 1907–1917 гг. около 120 рабочих, десятки матросов, солдат, 50 крестьян — участников аграрного движения, а также большое число профессиональных революционеров. В Шлиссельбургскую каторжную тюрьму в 1910–1912 гг. поступили половина всех осужденных (50,5 %). За годы войны, в 1914–1916 г., сюда прибыли 17,8 % от общего числа политзаключенных. Им были даны длительные сроки заключения (от 10 лет до пожизненного), но ни один из них не «успел» полностью отбыть срок. Они освобождены восставшим народом и правительством 28 февраля и 1 марта 1917 г. На торжественных парадах и обедах выступили «герои-победители».

За границу Временным правительством направлен ряд телеграмм, в которых деятелям оппозиции предлагалось вернуться в Россию и принять участие в создании нового государства (в их числе Г. В. Плеханову, П. А. Кропоткину, В. И. Ленину). Это не удивляет, если вспомнить, что именно А. Ф. Керенский защищал на процессе при царе лидеров большевиков. Вспомнились и связи, существовавшие между семьями. Впрочем, лично они — Ленин и Керенский — друг с другом не встречались.

Разрешили вернуться в Россию даже духоборам, высланным из страны царем и синодом в конце XIX в. Министр народного просвещения Временного правительства предложил вернуть в учебные заведения всех тех, кто был ранее уволен царизмом за политическую деятельность. Последовало освобождение политических заключенных, а под шумок дадут свободу и уголовникам. Из Румынии торжественно проследовала группа матросов с броненосца «Потемкин», поднявших в 1905 г. восстание. Выдвигаются программы самых разных преобразований в трудовой сфере, например, на заводах и фабриках страны устанавливались новые принципы управления. Между Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков заключено важное соглашение о введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня, о создании на них фабрично-заводских комитетов. но наряду с этим шли и деструктивные процессы. Массы под воздействием агитаторов выдвигают все новые и новые требования. Промышленные рабочие уже вошли во вкус забастовок.

Хотя в апреле 1917 г. выпуск продукции упал на 30–40 %, они потребовали поднять заработную плату. Выплаты, если бы их сделали, превысили бы доходы предпринимателей. В Донбассе эти требования шахтеров составили 240 млн руб. в год при доходе шахт 75 млн руб. Стали закрываться заводы и фабрики, включая предприятия оборонного значения, сокращаться штаты и производство. Специалисты бегут с заводов. Союз инженеров заявил о разрухе и выходе из строя техники на большинстве фабрик и заводов Петрограда. Усиливаются случаи травли и насилия со стороны рабочих анархистского толка в отношении технического персонала и администрации. Встал транспорт. В октябре 1917 г. на московском узле и северных дорогах стояло без отправки 20 готовых поездов. на Архангельской линии — 5 брошенных поездов. В районе Нижнего Новгорода из-за отсутствия паровозов скопилось 600 вагонов. Все кондукторы сбежали. Шли открытые грабежи поездов, пакгаузов, станций.

Финансовая система страны была подорвана, а правительство включило печатный станок и выпустило кредитных билетов на 2 млрд рублей. В итоге государственный долг России значительно вырос — до 5,4 млрд руб. в начале сентября и к октябрю1917 г. составлял 49 млрд рублей.

Историк заключает: «А в стране творился хаос. Погромы, беспорядки, само-

Знак правомонархической (черносотенной) организации «Союз русского народа»

суды, преступность. Появилась угроза настоящего голода. например, в транспортах, идущих в Петроград, из 200 тыс. пудов было по пути разграблено 100 тыс. Прифронтовая полоса стала сущим адом. Разложившиеся воинские части громили крестьянские хозяйства, отбирали скот и зерно, разбивали спиртзаводы, пьянствовали и бесчинствовали». Сцены разыгрывались такие, что напоминали самые мрачные страницы нашествия французов в Россию, заметно превосходя их. Погромы идут несколько месяцев. но все это теперь называется «социализация имущества»... Кое-где делались спорадические попытки остановить грабежи силой, но безуспешно. солдаты, охранявшие магазины, банки и проч., брали кассы и их взламывали. Раз некий полк после 5-часовых героических усилий приветствовал громовым «ура!» взлом «буржуйской кассы». Правда, разочарованию не было предела— там оказались лишь мыло и карандаши. В Киеве рабочие разгромили Ильнецкий сахарный завод, избив технический персонал и директора. В Белозерске толпы народа останавливали суда, причем грабили под колокольный звон, «с Божьей милостью». Армия побросала позиции, дружно занялась торговлей казенным барахлом. В Козловском уезде Тамбовской губернии было разграблено и сожжено около 25 поместий. несмотря на то что владельцы сдали земли в Земельный комитет, их имения громили и грабили. на погром ехали, как на праздник. Всем селом запрягали подводы и целым табуном (2000 телег), как во времена Стеньки Разина, ехали, чтобы вывезти награбленное «буржуйское добро». Трехтысячная толпа разнесла имение буквально по бревнышку: сняли все железные крыши, взяли весь тес, стропила, вынули все двери и рамы, собрали весь инвентарь, увезли20 000 пудов хлеба, всю солому от него, весь необмолоченный хлеб из скирд. После развели скот по домам и подожгли барский дом. Говорили в ответ на упреки: «Мы не грабим, мы делим имущество угнетателя, к тому же, сейчас идет революция».

Разбойничьи действия крестьян нельзя отрывать от того многовекового грабежа дворянством, буржуазией, бюрократией, кулачеством российского крестьянства. Прожить сколь-либо сносно на то, чем он владел на селе, крестьянин не мог и шел в вечную кабалу к помещику или к своим зажиточным односельчанам. Часть крестьян бросали все и уходили в город, пополняя ряды рабочего класса. Кроме того, от государства не было никакой поддержки, мужик всецело зависел от прихотей природы. Выше мы уже говорили о неурожаях, когда голод поражал целые губернии. После революции 1917 г. царский министр земледелия А. Н. Наумов признал: «небывалые недороды влекли за собой почти повсеместное недоедание, в ряде районов настоящий голод с его последствиями — цингой и тифом. Россия до самой революции фактически не вылезала из состояния голода то в одной, то в другой губернии».

Февральская революция старалась использовать демократические инструменты в лице земства и кооперативов для поддержки крестьян. Однако крестьянство относилось к ним с недоверием, как к старорежимным организациям... Да, Временное правительство, буржуазные партии и соглашательские партии попытались придать низовым организациям буржуазно-демократический характер. Эти усилия наталкивались на жесткое сопротивление крестьян. Исследователи отмечают: «Политика всесословных комитетов не отвечала интересам крестьян-общинников». Но почему? В те месяцы буржуазное Временное правительство действует в условиях суровой доминанты — войны.

И сразу выяснилось, что тут демократические методы не работают. Сверху стали поступать установки типа: «...произвести перепись всего скота в Ново-Бурасской волости и произвести реквизицию скота для нужд армии у спекулянтов и, в случае нехватки, приступить к реквизиции у местного населения, если не будет добровольной продажи...» Посылались и военные отряды для обеспечения «процесса»... Заметьте, это делали не большевики, а самые что ни на есть отъявленные «буржуазисты», деятели Временного правительства. Скоро даже в восторженной буржуазной прессе появляются по отношению к Временным правительствам нотки скептицизма. Уже в начале августа 1917 г. ЦИК, ранее доверивший Керенскому «спасение революции», встретил его появление в Петербургском совете рабочих депутатов гробовым молчанием. Ситуация повторилась и в Москве на заседании Государственного совещания, где левые во время встречи с ним безмолвствуют.

Во всех революциях к революционерам примыкает и плебс, порой самая

А. Ф. Керенский на похоронах казаков

дикая и свирепая его часть... Во время Февральской революции рабочие и солдаты первым делом настежь распахнули двери тюрем, выпустив не только революционеров, но и так называемых жертв царизма, т. е. разного рода шпану. Правительство объявит в марте 1917 г. общую амнистию. На волю вольную выпустили 100 тысяч бандитов, воров, жуликов, убийц... Правительство тем самым само открыло дорогу анархии. Вдобавок распустили губернскую администрацию, полицию, упразднили Департамент полиции, Охранное отделение, Жандармский корпус. Уволены губернаторы и вице-губернаторы. Итог: правоохранительная система рухнула фактически в одночасье. К слову сказать, не пережил отречения царя небезызвестный жандармский полковник С. В. Зубатов, «крестный отец» Гапона. Узнав об отречении, бывший в отставке старый служака, полковник полиции застрелился... Результаты подобных «свобод» тут же дали о себе знать: Если за весну 1916 г. в Москве было зарегистрировано 3618 преступлений, то за весну последующего года — более 20 тысяч, а количество крупных краж выросло в 5 раз. Горький в письме Е. П. Пешковой от 19 марта (1 апреля) 1917 г. мрачно скажет: «на мой взгляд, преобладающее население России составляют злые и глупые свиньи. Их особенно много в Москве... нет сомнения, что у вас (т. е. в Москве. — *Ред.*) очень быстро развивается контрреволюция, самая пакостная и страшная — обывательская». В стране уже начинало твориться бог знает что: бандитские налеты, белые кресты на квартирах буржуазии, офицеров и евреев, массовые самоубийства и прочие «прелести» революционного невроза. В немалой степени способствовало тому и то, что страна оказалась наводнена оружием. Все, кто мог и хотел, вооружались. Только за первые дни революции было выдано 20 000 милицейских удостоверений. Отряды народной милиции напоминали, скорее, шайки разбойников или ватаги ушкуйников.

«Проблема» с царской семьей

В такой обстановке принималось и решение о судьбе бывшего царя и его семьи. Речь могла идти о депортации семейства Романовых или даже о его ликвидации. И Временное правительство, поручившее Керенскому решить «проблему с царской семьей», имело к этому прямое отношение. Керенский встретился с Николаем II в Царском Селе в апреле 1917 г. Личное его отношение к царской семье можно назвать «нейтральным» (так он уверял в мемуарах). Он писал: «...К поверженному врагу я не испытывал чувства мщения. напротив, я хотел внушить ему, что революция, в чем-то ... гуманна к своим врагам не только на словах, но и на деле». На словах он сочувствует царю.

Керенский говорил в Московском совете: «Как генеральный прокурор, я обладаю властью решать судьбу Николая II. Но, товарищи, русская революция не запятнала себя кровопролитием, и я не позволю опозорить ее. Я отказываюсь быть Маратом русской революции».

Однако личные отношения в политике уходят на задний план, а на первое место неизбежно выходят вопросы политической необходимости, целесообразности. Для ниспровержения монархии и захвата власти буржуазия приложила немало усилий, теперь же в глубине души она опасалась возможности реставрации монархии. Кроме того, она понимала, что солдаты и рабочие Петрограда, Москвы возбуждены до крайности против царя. Правые старались выгородить Романовых: уверяли, что бессмысленно и несправедливо подвергать Николая ответственности за те или иные поступки в качестве императора, ибо это противоречило «аксиоме государственного права». Но у простого народа к царю было свои, совсем иные чувства и

Король Англии Георг V

своя аксиома права. Трудовой люд требовал расправы над бывшим самодержцем, теперь уже низвергнутым и содержавшимся под арестом.

Напомним, что правительство Г. Львова выразило согласие отправить семейство царя в Англию, но не отправило. Позже, оправдываясь перед следователем Соколовым, Львов говорил: «Временное правительство не могло не принять мер в отношении свергнутого Императора. Лишение свободы прежних властителей было психологически неизбежно. Необходимо было предохранить Царя от возможных эксцессов революционного водоворота. С другой стороны, правительство обязано было расследовать тщательно и беспристрастно всю деятельность бывшего Царя и бывшей Царицы, которую общественное мнение считало пагубной для национальных интересов страны» (1920).

В разгар подготовки судебного процесса и готовилась отправка царской семьи. Милюков для выработки деталей встретился с послом Великобритании Бьюкененом. Казалось, британцы отнеслись положительно к идее переезда царской семьи в Англию. Ведь в жилах Николая и короля Англии Георга текла одна кровь. Однако, хотя «милый Джорджи» некогда и уверял Николая в дружбе, укрыть его в Англии отказался. Возможно, помешало возмущение общественных организаций. «Дейли телеграф» в апреле 1917 г. писала: «*Мы искренне надеемся, что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом*». (Правда, жену Александра III, мать Николая II императрицу Марию Федоровну все-таки возьмут на борт английского крейсера в Крыму).

Мавр сделал дело, мавр мог убираться прочь, — так думали европейские циники... Д. Жирарден писал: «Британское правительство Короля Георга V, который был кузеном, другом и почти двойником бывшего Императора, вскоре сообщило, что присутствие Романовых в Великобритании нежелательно. Франция, куда обратилось Временное правительство, тоже весьма презрительно отказала тому, кто всегда был ее верным союзником». Самодержавие в России кончилось. Романовы были отыгранной картой. Их будущее виделось мрачным.

Вот и Керенский, испытывая давление со стороны масс, пытался инсценировать процесс над монархом. Он даже заявил о намерении устроить над Николаем II и императрицей суд. 4 марта 1917 г. была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступлений царской семьи, высших должностных лиц России. Руководил ею бывший присяжный поверенный, активный участник политических процессов Н.К. Муравьев. Произведены были аресты первых лиц, причем даже без попытки сослаться на

какие-либо законы... Комиссия собрала многочисленные документы, допросила десятки должностных лиц, общественных деятелей, придворных (министров, сенаторов и т.д.). В работе комиссии, как известно, принимал участие и поэт А. Блок. Его привлекли для литературной обработки протоколов, стенографических отчетов, допросов высших должностных лиц государства. Будучи очевидцем последних дней самодержавия, Блок писал матери: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи».

Председатель комиссии Н. К. Муравьев на просьбу освободить царскую семью в гневе воскликнул: «Да вы что?! Как освободить?! Да вы хотите навлечь на нас негодование народа. Да если бы... (они)... совсем были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого». Словно намекая на возможную судьбу Николая II, Керенский заявлял: «Две, три жертвы, пожалуй, необходимы».

В конце концов в августе 1917 года, после июльских событий, Николай и его семья были отправлены в ссылку в Тобольск.

А война продолжается

Большевики были правы: «Переход государственной власти в России от Николая II к правительству Гучкова, Львова и др., к правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого классового характера и значения войны со стороны России. Особенно наглядно обнаружился тот факт, что новое «демократическое» правительство ведет ту же самую империалистическую, т. е. захватническую, разбойничью войну. Новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем, Николаем II, с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т.д., но и формально подтвердило эти договоры. «Сделано это было без опроса воли народа и с явной целью обмануть его, ибо общеизвестно, что эти тайные договоры бывшего царя насквозь разбойничьи договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т.д.», — писал В. И. Ленин. Вместе с тем Ленин требовал отбросить иллюзии, что войну удастся окончить простым отказом солдат одной из сторон воевать, т. е. односторонним действием, «втыканием штыков в землю».

Идея союза общественных классов и социальных групп во имя служения «общим ценностям» была фикцией. Раздираемая борьбой Россия стояла на пороге новой революции. Керенский вновь ввел на фронте смертную казнь, стремился арестовать большевиков и организовал поход преданных ему войск против революционного Петрограда. Но он уже не владел ситуацией.

Февральская революция, отвечая интересам буржуазии, не затронула основ собственности. После обретения власти в феврале 1917 г. буржуа не сделали решительно ничего, чтоб завоевать на свою сторону русский народ, трудящиеся массы, которые ждали конкретных мер. Главное, чего так и не поняли Керенский и К° и что давно прекрасно поняли большевики, это то, что Россия хочет мира, земли и избавления от власти помещиков. Но буржуазия, судя по всему, и не собиралась воплощать в жизнь свои политические обещания, в частности, дать народу землю и мир.

Глава коалиционного правительства князь Львов, видимо, получив нагоняй от союзников за установившееся на фронте в мае 1917 г. перемирие, стал жестко требовать: «Страна должна сказать свое властное слово и послать армию в бой». Нашли и того, кто, как они полагали, сумеет вырвать у немцев победу. В годовщину начала наступления 1916 г., день в день, генерал Брусилов получил назначение на пост Верховного главнокомандующего русской армией. Газета «Русское слово»

М. Палеолог, посол Франции в России

тогда с надеждой писала: война не выдвинула в России более популярного имени, чем имя нового Верховного главнокомандующего. Особо подчеркивалось, что генерал Брусилов вступает в командование всей русской армией в решающий момент войны с убеждением, что армия воскресает, крепнет и выполнит свой долг перед родиной. Однако на тексте карандашного приказа генерала А. А. Брусилова в связи со вступлением его в должность Верховного главнокомандующего всей русской армией (22 мая 1917 г.) есть приписка, сделанная его женой Н.В. Брусиловой: «Уже по почерку видно, как он был измучен». Мало-мальски нормальному человеку было ясно, что армия сражаться не может. Еще в большей степени измучена войной вся страна.

Однако Керенский упорно старается вызвать у масс военно-патриотический энтузиазм, призывая армию «повторить сказку Великой французской революции».

Министр иностранных дел Временного правительства П. Милюков 4 марта 1917 г. выражает решимость правительства продолжать войну до победного конца...

М. Палеолог, посол Франции в России, занося в дневник впечатления от разговора с Милюковым и Коковцовым, отправляет в Париж своему правительству телеграмму: «Если, как я того боюсь, русское правительство станет от нас добиваться пересмотра наших прежних соглашений об основах мира, мы, по-моему, должны будем без колебаний объявить ему, что мы энергично стоим за сохранение этих соглашений, заявив еще раз наше решение продолжать войну до окончательной победы...» И далее он же заявляет: «В самом деле, в случае, если мы вынуждены были бы продолжать войну без участия России, мы могли бы извлечь из победы за счет нашей отпадающей союзницы совокупность в высшей степени ценных выгод. И эта перспектива уже в сильнейшей степени волнует многих русских патриотов. В противном случае я боюсь, что Петроградский совет быстро сделается хозяином положения и при содействии пацифистов всех стран мира навяжет нам общий мир». Сказанное послом Франции, позиция российских правительств того периода (как царского, так и буржуазного) еще раз доказывают: для международной и русской буржуазии мировая война была вопросом экономического торга, коммерческих расчетов и выгод.

Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко бодро информирует наших дипломатов за границей (как будто все идет прекрасно): «Процесс постепенного оздоровления армии продолжается. Керенский вынес из своего путешествия на Юго-Западный фронт и юг России благоприятное впечатление». Желаемое выдают за действительное. Очевидна заинтересованность временщиков в продолжении мировой войны. Правительство, пришедшее к власти на деньги Запада, старалось их отработать. Генерал А. Нокс оценивал оптимистично состояние русских войск и перспективы военной кампании 1917 г. Это понятно, ибо

союзники хотели как можно дольше видеть Россию сражающейся на их стороне. В мае 1917 г. и США согласились предоставить кредит Временному правительству на 100 млн долл. Янки намерены предоставить и информационную поддержку, как это они всегда и делают... Бывший госсекретарь США Э. Рут, посланный в Россию президентом Вильсоном, добавлял при этом: «Чрезвычайно необходима посылка сюда максимально возможного числа документальных кинофильмов, демонстрирующих приготовления Америки к войне, строительство линкоров, марш войск, производство боеприпасов на заводах и прочее, убедительно свидетельствующее о том, что Америка не сидит сложа руки. Бедные парни здесь (т. е. в России. — *Ред.*) полагают, что, кроме России, никто на самом деле не воюет».

Н. Врангель признавал: «У нас уже были призваны миллионы, а мужчин в городе (Петрограде) было столько же, как в мирное время, тогда как в Париже все, что могло, было уже под ружьем. Россия, очевидно, израсходовала лишь малую часть своей наличности, имела неограниченный запас, во Франции запасов уже не было. Одна она неминуемо скоро была бы раздавлена». И все же пока наша армия еще держалась, полного развала армии, который вскоре наступит, не было. И американцы помогали русским, чем могли. В июне 1917 г. прислали во Владивосток комиссию специалистов по железным дорогам, намереваясь в ноябре 1917 г. прислать в Россию еще 200 специалистов. Э. Рут заявил Временному правительству, что если не будет военных действий, то «не последует займов».

После одной из этих речей американца не выдержал даже министр Временного правительства, заявив переводчику: «Молодой человек, не будете ли вы столь любезны рассказать этим американцам, что мы устали от этой войны. Объясните им, что мы изнемогаем от этой долгой и кровавой борьбы». Увы, Америку это не интересовало. Наверху никого не заботили перспективы войны, как и те, кто проливал кровь, устилая трупами землю...

Показательно, что полный авантюризм таких намерений понимали самые опытные русские военные. Генерал В. И. Гурко попросил отставки с поста командующего Западным фронтом, высказав несколько «теплых» слов в адрес Временного правительства. Он пишет: «Выполняя указания Временного правительства, в свою очередь являвшегося слепым исполнителем воли безответственных Советов, я употребил бы свою энергию и знания на подготовку операций, которые во время ожидаемого наступления неминуемо должны были продемонстрировать всю беспомощность русской армии. Совесть не позволяла мне принять на себя ответственность за потоки невинной крови, которая прольется в грядущих атаках. Наше наступление могло закончиться только разгромом тех немногих все еще сохранивших боеспособность полков».

Пессимистически был настроен уже и генерал А. Брусилов. Став во главе вооруженных сил России, он, по его словам, якобы «понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которой могли убаюкиваться люди, подобные Керенскому, Соколову и тому подобным профанам в военном деле, но не я». Хотя летом 1917 г. он думал и писал иначе: «Да будет воля Божья над Россией. Победа над врагом ее бы спасла... Мне лично ничего не нужно, и никакой славы для себя я не ищу, но спасти Россию нужно. Без победы это почти невозможно, и в случае поражения она может рассыпаться, ибо анархия в полном ходу». Тогда же Брусилов телеграфирует Керенскому: «Приложу все силы ума и воли, чтобы спасти Россию и завоевания, достигнутые революцией. Мною незамедлительно будут даны указания всем главнокомандующим о принятии мер по восстановлению боевой мощи на началах воссоздания железной дисциплины и власти начальников». В поздних воспоминаниях Брусилов утверждал, что подписал оный приказ и разослал его главнокомандующим фронтами якобы «по настоянию

Керенского», но что «этот приказ не был выполнен и остался на бумаге».

И тем не менее генерал Брусилов готовился к наступательной операции против немцев...16 июня 1917 г. артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. Артподготовка велась днем и ночью. Никогда за три года войны русская армия не располагала таким количеством артиллерии. В полосе прорыва русские войска превосходили противника в орудиях, в том числе в тяжелых, более чем в два раза. Проведены наземная разведка и аэрофотосъемка. Плотность наступавших войск удалось довести до 2–2,5 дивизии и 30–35 орудий на 1 км фронта, а в полосе 7-й армии, наносившей главный удар в направлении на Львов, до 44 орудий на 1 км фронта. 18 июня началась атака пехоты, имевшей на участке прорыва в целом трехкратное превосходство в людях над противником. Но и этот порыв вскоре выдохся: обозначившийся в первые дни на направлении главного удара тактический успех был эфемерным.

О том, что являло собой то наступление русских войск, писали очевидцы: «Июльское наступление русской армии представляло собой одну из самых трагичных страниц истории революции. Батальоны, сформированные из молодых людей, горящих патриотическим энтузиазмом, двинулись вперед без обеспечения резервами и без поддержки на флангах. Солдаты регулярных войск отказывались наступать, а их офицеры и прапорщики совершали самоубийственные попытки атак с горстками верных им подчиненных. Их косили пулеметные очереди противника и сражали выстрелы в спины мятежных солдат, взбешенных тем, что эти атаки ставили под угрозу их собственную безопасность. Энтузиазм и храбрость ударных войск обеспечили некоторый успех местного характера, но когда немцы и австрийцы пришли в себя после внезапного наступления, положение резко изменилось.

Авиатор снимает фотоаппаратом панораму с борта самолета

У добровольцев осталось слишком мало сил, чтобы отразить контратаки противника, другие участники наступления при одном приближении врага обращались в беспорядочное бегство. Широко разрекламированное наступление закончилось безнадежным поражением. Кровь благородных юношей пролилась зазря, а военная политика Керенского продемонстрировала полный провал».

Хронику русского наступления дают дневниковые записи генерала М. Гофмана, ставшего с августа 1916 г. начальником штаба немецкого Восточного фронта. В дневнике он пишет 18 июня: «Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8–10 дней, и тогда мы дадим им хорошенько по голове». 23 июня Гофман пишет: «Пока моя „неожиданность“ будет проведена в жизнь, нужно еще подождать 10–14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление». 24 июня запись: «Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления к „неожиданности“ планомерно продолжаются». 28 июня: «Сражение в Галиции очень тяжелое, но нет никаких поводов для опасений».

Сняв с других участков Восточного фронта до пяти дивизий и перебросив 11 дивизий с Западного, немцы нанесли мощный контрудар на правом фланге русского Юго-Западного фронта. Русские стали откатываться. Части, оборонявшие Тарнополь, отступили без боя. Немцам достались гигантские запасы снарядов и продовольствия на сумму больше 3 миллиардов рублей. Налицо полнейшая катастрофа. Напрасно Брусилов будет отчаянно взывать к командованию «не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контратаку и восстановить положение». Выполнить сей приказ так и не смогли ни командир Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Гутор, ни сменивший его в должности генерал от инфантерии Корнилов, ни ударники.

Не помогли и усилия А. Ф. Керенского, который объезжал войска, пытаясь поднять наступательный дух армии. Л. Д. Троцкий по этому поводу иронично заметил: «Керенский разъезжал по фронту, заклинал, угрожал, становился на колени, целовал землю, словом, паясничал на все лады, не давая солдатам ответа ни на один мучивший их вопрос». Керенский сам признавал, что среди части русского офицерства за ним укрепилось шутливое прозвище «главноуговаривающий».

И вот 6 июля немцы прорвали фронт 11-й армии у Злочева. Генерал Гофман записал 8 июля 1917 г.: «Дело развивается планомерно». 10 июля: «Дела идут лучше, чем мы даже ожидали. Вся русская армия до самых Карпат отступает». Уже 12 июля немцы заняли Тарнополь... Попытка Брусилова предпринять действия на других участках к успеху не привели. Заняв первую линию окопов противника, солдаты вернулись на исходные позиции. Верховный попытался восстановить положение, прибегнув к карательным мерам. но не помогло даже и то, что 12 июля была восстановлена смертная казнь на фронте, отмененная после победы Февральской революции.

Дипломат М. Палеолог ранее верно предугадал ход событий в России, заметив: «Генерал Гурко и генерал Брусилов просят освободить их от командования. Отставка Гучкова знаменует ни больше ни меньше, как банкротство Временного правительства и русского либерализма. В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина».

Правительство нашло и козла отпущения... 18 июля 1917 г. А. А. Брусилов освобожден от должности Верховного главнокомандующего и получил предписание от Временного правительства сдать дела и немедленно покинуть Ставку. На него была возложена ответственность за неудачу наступления. Так окончился новый брусиловский период летней кампании 1917 г. Это была заключительная точка войны. Всеобщее недовольство охватывало все новые слои населения России — рабочих, крестьян, солдат, прапорщиков, офицеров и даже генералов и адмиралов.

После провала наступления русских войск русская армия фактически прекратила свое существование и стала разваливаться. Число дезертиров осенью 1917 г. составило 2 млн. Если с фронта бежали больше людей, чем туда попадали, то это означало лишь одно: Россия больше сражаться не может. Полная военная катастрофа была налицо. Военный министр Временного правительства А. И. Верховский в состоянии прострации заявил: воевать мы не можем, следует как можно скорее добиваться мира с Тройственным союзом. Все очевиднее становился провал Временного правительства. Это была уже агония.

Глава 12

Последние дни Временного правительства. Конец войны

«Как щепки на волнах»

Провал наступления на фронте в июне-июле 1917 г. окончательно сломал хребет русской армии. Началось оставление позиций войсками, говоря иначе, повальное бегство. Приходилось расформировывать целые полки и даже дивизии. В их числе оказался и полк писателя А. И. Куприна,

46-й пехотный Днепровский полк, в котором тот когда-то начинал службу офицера. Его полк участвовал в натиске на Перемышль и Львов, имел и яркие победы. «И вот теперь этот же полк выступил на позиции всего лишь в половинном составе. Где же причины такого позора? Живая страна может пережить все: чуму, голод, землетрясение, опустошительную войну, кровавую революцию, — и все-таки остаться живой. Но разложилась армия — умерла страна», — отмечал Куприн. Причины агонии — продажность, предательство, интриги, равнодушие и бездарность в эшелонах высшей власти.

Военный крах неизбежно повлек за собой конец и Временного правительства. Еще в июне в Петрограде прошла политическая демонстрация. 3–5 (16–18) июля — новые массовые выступления под лозунгами «Долой войну!» Долой Временное правительство!» Демонстрации были расстреляны. На этом кончился мирный период революции. Кончилось и двоевластие. Ленин объявил о победе контрреволюции и большевики взяли курс на вооруженное восстание.

Знак лейб-гвардии Волынского полка. Февраль 1917 г.

Обратим внимание, что солдат в 1917 г. — это был уже совершенно другой солдат, нежели в 1914 г. Он не желал защищать ни царя, ни буржуазию, говоря: «Мы — пушечное мясо! Нас не жалеют и день за днем ведут на бойню! Войну ведут человеческими телами...» Видя, как в тылу засели торговцы, спекулянты, бюрократы, солдаты к ним проникались лютой ненавистью. Один из мемуаристов описал сцену, свидетелем которой ему как-то

пришлось быть. Лениво наблюдая за тем, как гибла под пулеметно-артиллерийским огнем «серая скотинка» солдат, генерал прокричал «страстно»: «Всех к крестам!» На что адъютант подумал: «на могилках!. Молодцы-то едва ли выберутся из проволоки».

«Патриот» и «империалист» И. Л. Солоневич, между прочим, и за границей все скорбел по поводу того, что Россия в 1917 г. «не додралась»... А за что ей было «додираться-то»?! За господ капиталистов?! Поражения в последних наступлениях окончательно убедили солдат да и многих офицеров в том, что все «высшее общество» и господа генералы хотят окончательно «извести» как можно больше простого народа, чтобы самим продолжать владеть землей и обогащаться. И это было во многом справедливо. Ответом же солдат стали массовое дезертирство, повальные сдачи в плен. Народ больше не желал умирать «бесполезно», т. е. за интересы толстосумов и помещиков. В 1916–1917 гг. солдаты уже находились у последней черты. Они считали, что наступил последний год войны, надеялись, что крах самодержавия, уход Николая, приход к власти «социалиста» Керенского дадут им желанный мир, но февраль 1917 г. их обманул. И крестьянство с пролетариатом в России поставят жирный крест на буржуазии и двинутся в лагерь большевиков.

А. Ф Керенский во главе Временного правительства 1 сентября 1917 г объявил об учреждении «демократической республики». Но и она по сути была политической пустышкой и фикцией... Созыв Учредительного собрания затягивался. Керенский отказался созывать и Государственную думу. Очевидно, что это не входило в его планы. К слову, в декрете, провозглашавшем республику в России, Керенский даже не упомянул об Учредительном собрании. Все указывало на желание Керенского установить режим личной диктатуры. С 27 августа 1917 г. он единолично управлял государственными делами.

Г. Катков пишет: «Но в действительности... все политические решения принимал один Керенский, настоящий диктатор, разве что не носивший этого имени, не способный проводить в жизнь свои намерения». Что это значит, если, конечно, отбросить словесно-демократическую мишуру власти? Дело шло к трансформации буржуазно-демократических органов, систем управления Временного правительства в неприкрытую диктатуру. Начав с предоставления народу определенных свобод (напомню, что благодаря ниспровержению монархии, шагам Временного правительства ряд вождей большевизма, Ленин, Троцкий и др. получили-таки возможность вернуться из эмиграции в Россию), теперь буржуазия в лице ее правящей верхушки устремилась к диктатуре. Кадеты были против коалиции с социалистами. Они настаивали на том, что необходимо устранить от власти Советы, требовали установления диктатуры капитала.

Настроения масс в эпоху революций переменчивы и неустойчивы. В марте 1917 г. на митинге рабочие и солдаты Выборгской стороны приняли требование к Совету рабочих и солдат — устранить Временное правительство и объявить себя правительством. Хотя на заводе «Галерный Остров», напротив, большевикам даже не дали выступать. Представители ЦК, члены Исполнительного. комитета Совета Р. Д., вынуждены были воздержаться от посещения казарм солдат из-за опасения обструкции со стороны «революционного народа».

Были те, кто заявлял, что, пока война, они будут поддерживать Временное правительство. Делегат Новицкий заявил: «Почти миллионная армия велела мне передать, что она верит Временному правительству без каких-либо оговорок, ибо это Временное правительство создалось самой этой революцией, нам дала этих людей революция; это — лучшие сыны родины». Напротив, другие называли Временное правительство «ширмой» и требовали установить строгий контроль за всеми его действиями. Если Гучков и Шульгин, го-

ворили они, поехали в начале переворота для переговоров с Романовыми, то это не значит еще, что они не поедут к отпрыскам Романовых и вообще к той буржуазии, которая, безусловно, заинтересована в восстановлении «если не абсолютной царской монархии, то, во всяком случае, конституционного строя». И так думали многие. Но у Временного правительства, писал большевик Шляпников, оружия тогда было больше. Соотношение сил не позволяло большевикам ставить вопрос: «не пора ли прибегнуть к его помощи?!»

Борьба за массы обострялась... Революция вскоре перемахнула через буржуазные рамки, и, как тоскливо признавал князь Г. Е. Львов, теперь мы, «как щепки, носимся на ее волнах...». Буржуазия не смогла создать прочную структуру власти в России. В порыве отчаяния один из членов сообщества признавался: «Все соединяются в союзы, сплачиваются, за исключением представителей промышленности и торговли, которые до сих пор представляют собой рассыпанную храмину, как выразился 200 лет назад Петр Великий».

Вот эта «рассыпанная храмина» почти сразу же и распалась — уже при первых признаках надвигающейся большевистской революции.

Единства не получилось

Сам факт кратковременности пребывания буржуазии у власти, на наш взгляд, уже стал свидетельством ее нежизнеспособности. Победив в феврале, буржуазия показала еще и неспособность достичь согласия с другими участниками политического процесса и, главное, не смогла установить порядок в раздираемой анархией стране. Умение говорить речи, определенный позитивный опыт в организации промышленности и торговли, ввод в правительство новых и свежих людей, как оказалось, еще не являются гарантией успеха в государственной деятельности.

Бывший председатель Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, затем министр внутренних дел Временного правительства Н. Д. Авксентьев оставил воспоминания. После Октября 1917 г. он активно боролся против большевиков, вынужден бежать в эмиграцию, где и пробыл до конца дней, активно сотрудничая с журналом «Современные записки», издававшимся в Париже. Большевики, писал он, победили потому, что массы поверили их обещаниям.

Авксентьев вынужден с сожалением констатировать: «Единое представительное учреждение и для демократии и для буржуазии было создано, а единства не получилось. те противоречия, которые существовали раньше, увы, не сгладились».

Левые и правые и после ухода большевиков не смогли договориться ни по одному серьезному вопросу. Демагоги и болтуны продолжали вести споры, дискуссии, бесконечные прения вокруг тех или иных формулировок и параграфов даже 24 октября 1917 г. Авксентьев вынужден сделать знаменательное признание:«Именно демократия» в исторический час оказалась явно не на высоте. А уже близился день новой революции — 25 октября 1917 г.

Главное — нет опоры в народе

Выяснилось, что господа либералы не в состоянии управлять таким сложным и большим государством, как Россия. Главная их проблема заключалась в том, что у буржуазии не было серьезной и прочной опоры в народе. Господствующие классы в России всегда в процентном отношении были незначительной силой (в петров-

скую эпоху — 6–7 %, во времена реформы 1861 г. — 12 %, в начале XX в. — немногим больше). «Третье сословие» не представляло собой господствующей политической силы, каковой оно уже давно случалось в Европе.

П. П. Рябушинский отмечал (1920 г.): «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины, и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути. Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступившей роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила».

Интеллигенция же насчитывала 800 тыс. человек, что вместе с семьями составляло 2 % населения России. на другом полюсе — абсолютное большинство народа, в основе бедного и нищего, и прежде всего русское крестьянство — «основной источник изъятия прибавочного продукта», подвергавшееся самой жестокой эксплуатации.

Февральский переворот и не мог иметь успешного продолжения. Это понял депутат Думы кадет В. А. Маклаков, хотя и по прошествии времени (1869–1957). Он встретил Октябрьскую революцию в Париже, куда его направило послом Временное правительство. В воспоминаниях он заметит, что Февральская либеральная революция «была обречена на гибель при самом своем появлении». Почему же? Потому, что правительство не смогло сдержать напор волн, ввести революционный поток в спокойное русло. А только так закрепляются революционные достижения. Когда разрушены сами устои государственного строя, остановить смуту можно только деспотическими, а отнюдь не либеральными мерами. Поэтому победоносные революции всегда враждебны как свободам, так и праву. «Революции ведут к диктатурам». Служить либеральным идеям, уверял Маклаков, в годы революции — это «значит начинать игру, где не может быть выигрыша». Либералам тут нечего делать. Как выразился Г. В. Плеханов в отношении возможностей русской буржуазии, «наш капитализм отцветает, не успевши окончательно расцвесть». Капитализм в России в конце XIX — начала XX века был, прямо скажем, не очень-то популярен в массах.

Откровенно высказался и В. В. Шульгин... И хотя не со всеми положениями его филиппики мы согласны, приведем ее полностью, включая и спорные места: «До Февральского переворота большевистские атаманы, прославившиеся позже на весь мир, были отделены от России двумя фронтами, через которые и птица перелететь не могла. И все эти Ленины, Троцкие, Зиновьевы и Бухарины так и кончили бы дни свои где-нибудь на мансарде в Цюрихе или Берне, если бы в России очень почтенные люди и очень влиятельные группы не делали все, что могли, чтобы стало возможным и даже неизбежным пришествие нечистого — нечистого плотью, нечистого помыслами, нечистого духом. Большевистские соблазны, все эти: земля — народу, власть — пролетариату, царство Советов, — об этом никто не только говорить не смел, но и думать не мог... Ни один честный человек не может не признать, что власть большевизма без предшествовавшей ей революции была бы невозможна. Февральский переворот был необходимым условием большевистского властвования, но также достаточным условием развала государства и порабощения страны и народа».

Ставить большевизм в ряд со смутой старомосковского образца, разинщиной, панским бунтом или чужеземным господством не только смешно, но и подло. Конечно, это историческая глупость и

политическая фальсификация. Но в этом потоке эмоций есть и крупицы правды. Революции — и Февральская и Октябрьская (а не только Февральская) — были национальными и интернациональными. Они — результат действий и усилий русских, «коренных русских людей, а отнюдь не евреев, не инородцев вообще». Да и вообще — не тех, кто сидел в Цюрихе, Берне или Лондоне (по крайней мере в первую очередь не их!).

Простому народу, крестьянам, пролетариям, солдатам, матросам, смертельно все надоело. Россия нуждалась в «твердой руке». Это становилось очевидно. Из 220 политических партий и групп, существовавших в России в марте—октябре 1917 г., должна была победить самая решительная, твердая, сильная... Помня русскую историю, где военные всегда играли заметную роль в определении судеб престола, логично было предположить, что и в этом случае военные не останутся в стороне.

Программа генерала Корнилова

Попытку переворота предпринял и генерал Л. Корнилов. Он намеревался покончить с двоевластием. В перевороте были заинтересованы монархисты, капиталисты, военные. Есть документ, проект программы, на основе которой Корнилов хотел объединить антибольшевистские силы. В документе говорилось, что ближайшими его задачами являются «сокрушение большевизма» и создание в России «образа правления», обеспечивающего в стране порядок и соблюдение гражданских прав. Среди 14 пунктов и пункты, популярные у офицерства и промышленников: восстановление дисциплины в армии, восстановление права собственности, свободы слова и печати, уничтожение классовых привилегий, отмена национализации частных предприятий, созыв Учредительного собрания, единство России, сохранение смертной казни за тягчайшие государственные преступления, ну и исполнение союзных обязательств международных договоров (война до победного конца).

Генерал Л. Г. Корнилов

Мятеж был организован с согласия ряда членов Временного правительства.

После провала путча Алексеев откровенно признался Милюкову (по следам «корниловского дела»): «Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства, вопрос этот обсуждался Савинковым, Филоненко и через них с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно об этом. Филоненко будет выведен на чистую воду. Он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно на другой день соглашаясь на пост министра внутренних дел... Участие Керенского бесспорно. Почему эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались от своих слов, я сказать не умею».

Многие деятели Временного правительства, включая того же Керенского, сначала спровоцировали выступление военных, а затем их предали, как они ранее предали и самодержца российского. Н. Реден, флотский офицер. прямо говорит о личной от-

ветственности Керенского, посвященного во все детали секретного плана «по наведению порядка» в России силами верных войск: «План военной реформы получил одобрение Генерального штаба и ряда личных представителей Керенского. Важным пунктом было усмирение неуправляемого гарнизона Петрограда, для чего предполагалось вызвать с фронта войска. Весь план разрабатывался сверху в строжайшей секретности. Керенский, знакомый с планом в мельчайших подробностях, не раскрывал его содержания лидерам Советов и скрывал его от коллег министров, которым не доверял».

В армии о плане знали только ряд высокопоставленных офицеров. Однако, понимая, что кадровые армейские офицеры консервативны, премьер-социалист вскоре стал нервничать, опасаясь, что «альянс с военной кликой откроет путь реакции и даже восстановлению монархии». Когда заговор вошел уже в завершающую фазу, Керенский фактически предал генерала, офицеров, сдал их в руки Советов.

Премьер боялся власти военных, которые его не жаловали.

Показательны слова Корнилова, сказанные им генералу Лукомскому, своему верному помощнику, доверительно: «Я уверен... что надо вышвырнуть тех слизняков, которые составляют Временное правительство; если они каким-то чудом останутся у власти, то главари большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов (Петроградского совета) стараниями Чернова и К° останутся безнаказанными. Пришло время положить конец всему этому. Пришло время повесить германских агентов и шпионов с Лениным во главе и разогнать этот Совет рабочих и солдатских депутатов — да так, чтобы они уж никогда не смогли снова собраться! Я собираюсь поручить возглавить эту операцию генералу Крымову. Я знаю, что в случае необходимости он не будет медлить и повесит всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов».

Правда, Корнилов говорил, что «не собирался выступать против Временного правительства», и выражал надежду, что «все же договорится в последний момент», но, похоже, он и сам в это не верил. Вспомним и то, что в годы Гражданской войны иных из офицеров, что ранее шли на сотрудничество с Керенским, белые расстреляют как предателей. Хотя тот указом и поставил Корнилова Верховным главнокомандующим над русской армией, опасения его не оставляли. Керенский боялся, что тот его арестует и даже предаст смерти. Он писал: «Корнилов был твердо убежден в абсолютном бессилии правительства; он смотрел на правительство, так сказать, как на некий рудимент, на который не нужно обращать никакого внимания».

Надо четко представить себе ту обстановку, в которой оказались страна и армия.

6 июля 1917 г. немцы прорвали оборону XI армии, которая стала отступать в полном беспорядке. Затем покатилась назад VII армия. Части бросали позиции и устремлялись в тыл, грабя, насилуя, убивая. Фронт развалился, хотя на одного немца приходилось примерно пять русских солдат. Нужно было срочно что-то предпринимать. Л. Корнилов, вступивший в ночь с 7 на 8 июля в должность главнокомандующего войсками Юго-Западного фронта, требовал, чтобы против тех, кто оставляет без приказа позиции, против «изменников», применялись бы пулеметы и артиллерия. Фактически он и санкционировал введение смертной казни на фронте (Керенский и тут увильнул).

Корнилов заявлял: «Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов».

Генерала поддержал и Б. В. Савинков, комиссар 8-й армии. По его приказу разоружена 46-я пехотная дивизия Юго-

Западного фронта. Там царила анархия. Солдаты прогнали офицеров. Окрестные деревни подверглись набегам грабителей и погромщиков. Дивизию окружили карательные отряды. Два полка сдались и выдали зачинщиков. Один полк был обстрелян из пушек и сдался. Зачинщиков мятежа расстреляли.

Генерал П. Н. Краснов в своей книге писал, сколь резко изменилась атмосфера в армии. Это рассказ о том, как трансформировались в головах простых солдат и казаков «идеи социализма и коммунизма». В их понимании новая власть первонаперво должна была взять и поделить деньги полка между всеми. Рядовые чины захотели, чтобы офицеры непременно здоровались с ними за руку. Вскоре охваченные анархией казаки даже перестали чистить и регулярно кормить своих лошадей, предались пьянству и безобразиям.

Безобразий было предостаточно везде. Если почитать письма наших солдат из окопов времен Первой мировой войны, становится очевидно, что снабжение армии совершалось из рук вон плохо.

В фонде Самарского губернского жандармского управления были целые ворохи солдатских писем. «Одежда плохая — шинель ластиковая на легкой бумазейной подкладке, вся ползет. Каждый день починяю, легка, холодна, только от солнца холодок делать. Фуражка стара, растрепана, ворона на гнездо не возьмет, папах не дают. У сапог голенища, брезентовые тряпочные, уже порвались, и на солдата я не похож, как какое-то чучело страшное...»

Нередки в армии вспышки инфекционных заболеваний, ибо отсутствовали самые элементарные санитарно-гигиенические условия. В землянках и окопах ютились в ужасных условиях. Санитарной обработки и дезинфекции не было, мылись в банях редко. «За три месяца были два раза в бане, вшей берешь горстью и бросаешь в снег. Умываться приходится раз в месяц...» «Эх, куманек, если бы вы взглянули, какое у нас скотоводство в рубашках да штанах, счету нет». Отсюда и многочисленные болезни (цинга, кишечные инфекции, холера, дизентерия).

В таких условиях немудрено, что пропаганда против войны имела огромный успех. Эти настроения были широко распространены всюду. Солдаты пытались как-то снимать стрессы, используя спирт и алкоголь. В письмах с фронта встречаются описание таких сцен. «Из русских полков ходили к немцам в гости, они их напоили пьяных, и они принесли их к нашим проволочным заграждениям и сказали: „Урусь, бери своих товарищей, они пьяны“». Немцы в этих диких античеловеческих условиях вели себя как и все остальные. «Австрийцы все пьяные, встали на окопы и кричат: „Ура!“ Паны, паны, идите к нам“. А наши звали их. Вообще было весельство. Вышли наши и ихни на средину между окопов наших и ихних, австрийцы целуют наших и говорят: „Зачем мы воюем?“»

Общим мотивом писем становятся такие мысли: «Сколько крови пролито? Какие результаты достигнуты? Кто больше страдает в эту войну? При решении этих вопросов руки опускаются, и унынье заполняет душу». С 1916 г. главное требование всех солдат — мир!!!

Буржуазное правительство России рассчитывало, что ему с помощью псевдореволюционных фраз удастся обмануть восставший народ, представив дело так, что «будто социально-политический характер войны со стороны России изменился от замены царской монархии гучково-милюковской почти республикой». Народ на какое-то время, похоже, поверил этим посулам, но когда стало ясно, что Временное правительство дало буржуазии «жирный кусок, настоящую власть», а Советам «посулы... лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских», тогда как на деле мечтает лишь об удушении Советов рабочих и крестьянских депутатов, он восстал против этой власти. Буржуаз-

ная власть была «за войну». Как скажет Ф.Степун, «Милюков не расслышал отнюдь не только шкурнической, но по существу праведной тоски русского народа по замирению».

В свою очередь генерал Корнилов, возомнив себя «десницей Провидения», был уверен в успехе задуманного переворота. 24 августа 1917 г. он приказал войскам идти на Петроград. А. Блок записал в дневник: «Корнилов есть символ; на знамени его написано: „Продовольствие, частная собственность, конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы“». Было ясно: у Корнилова имеется в России немало сторонников среди консервативно-реакционной и монархической части общества. Временное правительство очутилось, по сути, между молотом и наковальней (между молотом революционного народа и наковальней контрреволюции и монархизма). С 28 августа, когда рабочие, солдаты и матросы узнали о мятеже Корнилова, всего за несколько дней в Красную гвардию записались 40 тыс. человек! И это была огромная сила. Солдаты принимали на митингах большевистские резолюции, они готовы были защищать город и революцию от корниловцев.

Метания Керенского

Чтобы спастись от Корнилова и переломить ситуацию, Керенскому нужны были большевики. Вся книга Керенского «Прелюдия к большевизму» — это попытка оправдания собственной трусости и беспомощности. Он все время оправдывается: «Я не был среди тех, кто приветствовал возможность передачи Советов под влияние большевиков», яростно осуждает «контрреволюционные акты убийц и скотов» с Балтики, призывает «немедленно прекратить все зверские акты насилия». И далее сообщает: «Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому государственному перевороту. Если бы не 9 сентября, не было бы и 7 ноября. Однако сам Корнилов по-своему глубоко любил Россию, и не легкомыслие, но недостаток знания и политического опыта толкнули его на губительную тропу, куда увлекли его определенные безответственные группы финансовых дельцов и политических авантюристов».

Керенский предал генерала Корнилова, сделав неизбежным 7 ноября 1917 г. Взвешивая на весах шансы сторон, понимаем, что у Временного правительства не было возможности устоять, когда две главные мощные силы (пролетарии и крестьянство, с одной стороны, помещики, казачество и офицеры — с другой) готовились вступить в смертельный и решительный бой.

Керенский хотел сильной власти (в своем лице), но не имел сил справиться с валом солдатской ненависти, боялся солдат и матросов. Те отказались служить фигляру, объясняя это так: «большаки» за мир, а сей болтун опять о войне «завел шарманку». И угрожали его вздернуть. Показательны слова, обращенные к нему: «Мы заставим вас бросить ваш трон...» Говорили, что Керенскому впору «быть не правителем России, а... свинопасом». Некоторые были откровеннее: «Когда Керенскому отрежут поганый язык?»

Керенский, как отмечено, боялся и генералов. Генерал В. И. Гурко в бешенстве посоветовал ему взять на себя командование дивизией, ибо после его «Декларации прав солдата» поддерживать какую-либо сносную дисциплину в армии стало просто невозможно. «Герой» не мог управиться даже с лошадью. Когда Керенский однажды решил было в ранге военного министра предстать в бравом виде перед казаками, вышел конфуз: тем пришлось держать коня спереди и сзади, чтобы сей «вояка» не свалился. Великий князь Андрей Владимирович писал: «Что ни день, Керенскому по морде дают, и он глотает эти оплеухи...»

Керенский доломал остатки системы управления армиями. Были уволены или смещены с постов до 60 % высших офицеров. После Февральской революции (по

10 августа 1917 г.) были сняты с должности 140 генералов, включая 2 верховных главнокомандующих, 5 главнокомандующих армиями фронтов, 7 командующих армиями,6 главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных и 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспекторы артиллерии и т.д. и т.п.

Премьер Керенский отдал приказ арестовать генерала В. И. Гурко, который был противником предателя и временщика. Генерала помещают в Петропавловскую крепость.

Генерал А. С. Лукомский ясно дал понять Керенскому, что тот совершает предательство России (в его понимании): «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к Гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова ведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

Министр иностранных дел правительства М. Терещенко телеграфировал премьеру А. Ф. Керенскому из Ставки о том, что «весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым», на его сторону «станут в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части».

Генерал В. И. Гурко

Тут же плел свои паучьи сети Б. Савинков. Он был связующим звеном между Корниловым и Керенским. После объявления Петрограда на военном положении Савинкова назначают военным губернатором города и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа с оставлением на посту управляющего Военным министерством. Керенский думал ввести Савинкова в Директорию из 5 министров. Ясно, Савинков вел двойную игру...

Он хотел одновременно обойти и Керенского, и Корнилова и стать главным лицом в стране. Действуя против тех и других, он предлагал Корнилову «подчиниться Временному правительству, сдать должность и уехать из действующей армии», а Керенскому доверить ему решение всех «проблем». На следствии о корниловском мятеже Савинков говорил, что намеревал-

ся, став губернатором и военным министром, приступить к арестам большевиков, их структур («Советов рачьих, собачьих и курячьих депутатов» — как он изволил называть советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), чего он не успел выполнить ввиду его отставки. В частности, 11 сентября 1917 г. на совещании представителей казачьих частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях, Савинков признался, что был согласен с Корниловым в его целях, но разошелся с ним в плане и средствах по его осуществлению. Так не смогли договориться, пожалуй, два самых решительных противника большевиков, вступив в конкурентную борьбу за единоличную власть.

Савинков враждебно встретил Октябрьскую революцию, заявив: «переворот не более, как захват власти горстью людей, возможный только благодаря слабости и неразумию Керенского». И предпринял попытки освободить осажденный Зимний дворец. Однако казаки защищать Временное правительство отказались. После провала похода войск Краснова на Петроград Савинков бежал на Дон, где вошел в состав «Донского гражданского совета», во главе которого стоял генерал М. В. Алексеев. В совете занялся формированием армии и добровольческих дружин. Сотрудничество с белыми объяснял так: «Один бороться не мог. В эсеров не верил, потому что видел полную их растерянность, полное их безволие, отсутствие мужества. Кто же боролся? Один Корнилов. И я пошел к Корнилову».

Выводы таковы: во-первых, у его идей не было будущего, во-вторых, в правительстве люди робкого десятка, в-третьих, и это главное, за ними не шел русский народ.

«Пробил час!»

Солдатская масса воевать не желала. Офицерский корпус был полностью дезориентирован отречением царя и Михаила. Очевидцы свидетельствуют:«В ротах, полках и дивизиях выдвигались новые офицеры, действительные руководители солдат. начиналось сближение часто с совершенно неожиданной стороны: с чтения газеты ротой, с организации развлечений, спортивных игр. Научились пользоваться новыми порядками и учреждениями с выгодой для дела и без всякого ущерба для себя. Повыписывали себе библиотеки».

Комиссары Временного правительства в своих отчетах отмечали: вся большевистская печатная и устная пропаганда велась на языке народной массы. Смысл ее всегда сводился к простейшим вещам, понятным и близким массе солдат: мир, земля, вольная воля, достаток. Комиссары, листовки и циркуляры Временного правительства говорили языком книжным («барским») и мысли излагали противоречиво-заковыристые и отвлеченные (война до победы — ради торжества справедливости, честь, верность союзникам, патриотизм, дисциплина во имя революции и т.п.). Временное правительство звало солдат умирать за революцию, за «землю и волю», большевики звали солдат бросить фронт, чтобы жить, чтобы немедленно идти и делить землю соседей-помещиков...Это было понятно и близко каждому солдату.

Не было согласия и у тех, кто еще стоял у власти.В дни корниловского выступления в конце августа 1917 г. отношения атамана Дутова с правительством обострились. Вызвав атамана, А.Ф Керенский потребовал подписать документ с обвинением генералов Л. Г. Корнилова и А. М. Каледина в измене, на что Дутов заявил: «Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу», — и подчеркнул, что, если нужно, готов умереть за Каледина. Полк Дутова защищал штаб генерала А.И. Деникина, «дрался с большевиками в Смоленске», охранял ставку командующего, генерала Н. Н. Духонина.

После подавления корниловского выступления полк ушел в Оренбургское войско, где 1 октября 1917 г. на Чрезвычайном войсковом круге А. И. Дутов был избран председателем Войскового правительства и Войсковым атаманом. «Клянусь честью, что положу все, что есть: здоровье и силу,

Атаман А. И. Дутов

чтобы защищать нашу казачью волюволюшку и не дать померкнуть нашей казачьей славе», — обещал он. Именно в казачьем движении, в организации самоуправления и в казачьих частях Дутов видел опору государственности и ее будущее. На обвинение в стремлении «оказачить» Россию он отвечал, что это был бы наилучший выход и только твердая казачья власть может объединить «разноплеменное население» страны. «Мне жизнь не дорога, и ее не буду щадить, пока в России будут большевики», — говорил атаман, уверяя во внепартийности своей позиции и нежелательности втягивания армии в политику. На самом деле армия, конечно, давно уже была втянута в политику. «Я не знаю, кто мы: революционеры или контрреволюционеры, куда мы идем — влево или вправо. Одно знаю, что мы идем честным путем к спасению Родины. Все зло заключалось в том, что у нас не было общегосударственной твердой власти, это и привело нас к разрухе».

Но тот же Дутов признался: «Между двадцать седьмым августа и вторым сентября под видом большевиков должен был выступить я». Затем под предлогом восстановления порядка контрреволюция намерена была активно вмешаться в ход событий, разгромить большевиков, разогнать Советы, арестовать Временное правительство. Секретный приказ о сформировании Петроградской отдельной армии под начальством генерала Крымова главковерх подписал 25 августа 1917 г. Задача армии — «восстановить порядок в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском военном округе, при этом против не повинующихся лиц, гражданских или военных, должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний или предупреждений» (таков приказ Крымова по вверенной ему армии).

Большевики направили в войска Крымова сотни агитаторов, и остановили, можно сказать, одними словами, 3-й конный корпус генерала в 50–60 км от столицы. В итоге все три дивизии корпуса вышли из повиновения. И даже «Дикая дивизия» заявила о своей поддержке Советов... Генерал Крымов, убедившись в нежелании его войск выступить на стороне Белого движения, пустил себе пулю в лоб (13 сентября). Началась вакханалия убийств царских офицеров в армии и на флоте...

Керенский писал: «Сначала флот, потом армия, наконец, вся страна целиком почти с невероятной быстротой покатилась назад, ко временам анархии и беспорядков первых революционных дней. Пробил час!. Расстрел четырех офицеров прозвучал неким сигналом. Матросские комитеты взяли офицеров под наблюдение, весьма похожее на содержание под арестом. Большевики внезапно добились на флоте реванша за провал июльского мятежа; их представители заняли руководящее положение в Центральном комитете Балтийского флота.

И. Владимиров. «Да здравствует свобода!» Февраль 1917 г.

Политические тенденции менялись даже на малых судах — легких крейсерах, торпедных катерах, субмаринах и пр., — экипажи которых, практически не затронутые большевистской пропагандой, во время революции отличались высоким моральным духом. События на „Петропавловске“ совпали с ужасными беспорядками в Выборге. Сначала там солдаты арестовали трех генералов и полковника, заподозренных в готовности помочь Корнилову: взяли под стражу, подвергли всяческим унижениям и бросили в воду. Затем во всех подразделениях начались охота, издевательства, уничтожение офицеров. Выборг не стал исключением. на всем протяжении фронта солдаты самовольно арестовывали офицеров, сами оглашали обвинительные заключения, срывали с них погоны, выбирали новых командиров, устраивали военно-революционные трибуналы... Короче говоря, полгода борьбы за восстановление боеспособности армии пошли прахом. Все офицеры превратились в „корниловцев“, то есть в реакционеров. Дисциплины не существовало. Во всех частях множились, как грибы, большевистские группы, узурпируя руководство комитетами».

События напугали офицеров. Устав от чехарды с правительствами, многие из них предпочли устраниться от схватки на том этапе. Так, Союз офицеров, которому промышленник Путилов передал на поддержку переворота Корнилова 1 млн рублей, фактически разворовал или пропил всю полученную им сумму, после чего уже и сам промышленник обреченно заявил: «Дело Корнилова в России проиграно».

Трусость премьера окончательно поставила жирный крест на Временном правительстве. К тому времени оружие было в руках у Красной гвардии, которую кадеты старались разоружить. «Министры умоляли большевистских агитаторов, чьему деструктивному влиянию они приписывали все военные неудачи, воспользоваться этим влиянием против корниловских войск и уговорить их не повиноваться командирам. В довершение всего Керенский упрашивал кронштадтских матросов — этих июльских злодеев — тоже встать на его защиту». У «октябристов», «февралистов» и умеренных социалистов были веские основания бояться монархистов ничуть не менее большевиков. Об этом свидетельствует признание В. Шульгина. Депутат Государственной думы трех

созывов, возглавлявший правых русских националистов, издатель, редактор газеты «Киевлянин», заявил в мемуарах: «Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50000 „февралистов“, то это будет задешево купленное спасение России».

Впрочем, ненависть монархистов к либералам и демократам (и наоборот) была взаимной, давней, непреодолимой... Г. М. Катков в «Деле Корнилова» приходит к выводу: публичное «разоблачение» Керенским главы русских вооруженных сил, когда шли боевые действия, а внутреннее положение страны достигло крайней степени разложения, анархии и недовольства, обернулось для России страшной катастрофой. «Это был последний удар по боеспособности армии и по героическим попыткам военного начальства направить развитие политических и социальных сил в легальное и стабильное русло». Оценка носит явно ангажированный характер, оправдывая действия буржуазии и генералитета, которые фактически сообща и втянули народ России в мировую войну. Кроме того, скромно умалчивается и то обстоятельство, что те же военные приложили руку к ниспровержению «конституционного царя».

А. И. Деникин, выступивший против «Декларации прав солдата», утвержденной Керенским в мае 1917 г., называвший эту акцию «последним гвоздем, вбиваемым в гроб, уготованный для русской армии», решительно поддержал это выступление Корнилова и направил г-ну Керенскому телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как осознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Россией и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего, и видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного, что по этому пути я не пойду. Деникин».

Историки приводят далее и слова Корнилова, в которых он развенчивает все двуличие Керенского и буржуазных «демократов». В. Львов как посланец Керенского просил о помощи. Теперь же его обвиняли в выступлении против России и Временного правительства. «...свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну изнутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни».

Военные ненавидели бесхребетную Думу, и было за что. Пока те сражались на фронтах, думская сволочь из числа кадетов и либералов готовила за их спиной переворот (на квартире масона М. Федорова принято решение о перевороте). И подготовили его не большевики, а отечественная буржуазия, страстно желавшая власти. Господа собрались в Думе, где прозвучал штормовой сигнал революции (ноябрь 1916).

Почему мятеж Корнилова провалился? Причин этих неудач много, но главные ле-

Бегство Керенского из Гатчины. Г. Шегель

жат на поверхности. Генералы пошли наперекор течению Истории! Ленин пишет: «Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: „Дикая дивизия“ и казачество. В первом случае это только сила темноты и обмана». «Давно известно, что революции по приказу не начинаются и не кончаются, — напишет генерал А.А. Брусилов. — Тут есть естественный исторический ход событий, который изменить невозможно ни Деникину, ни Корнилову». Корнилова арестовали и выпустили... Это был один из переломных моментов в схватке политических сил в России, хотя таких моментов еще будет, и немало.

И. Дойчер заметил:«Корнилов был побежден не силой оружия, а большевистской агитацией. Войска оставили его, не сделав ни выстрела. С разгрома Корнилова началась новая цепь событий, приведшая прямо к Октябрьскому восстанию». Керенский стал политическим трупом... то, сколь быстро растерял он полученную им власть, подтверждает определенную наблюдательность тех царских жандармов, которые когда-то дали ему кличку — Скорый. Очевидно, он не только не подходил

Россия вышла из войны. Русские и немецкие солдаты уже не враги

Капитуляция Германии. Подписание Компьенского перемирия. 11 ноября 1918 г.

на роль пророка, вопиющего в пустыне, но и стал абсолютно никому не нужным и не интересным. По сути, он походил на надувную игрушку, из которой сдули воздух.

Предав всех и вся, Керенский был сметен большевиками... Закономерный финал политического клоуна. Он бежит из столицы. И потом целых полвека будет болтаться по заграницам (Лондон, Берлин, Париж, Нью-Йорк), но больше всего его волновало не то, что произошло с Россией, а последний уход со сцены.

Особенно болезненно Керенский переживал злополучный момент бегства из Питера, сетуя на небылицы: «Обо мне ходит столько небылиц! ну, ладно, здесь, где люди ничего не читают и ничего не знают о России, но в самой России!. Скажите у себя в Москве! Ну, пусть перестанут писать, будто я бежал из Зимнего дворца в женском платье! не было этого! И не бежал я, а согласно нашему общему решению уехал навстречу нашим войскам, которые все не прибывали и не прибывали из Гатчины на подмогу Временному правительству! Уехал на автомобиле и в своем обычном полувоенном костюме. со мной на заднем сиденье сидел Кузьмин, командующий войсками Петроградского округа. За нами шла другая машина с американским флажком. В ней сидел один из моих адъютантов. Меня многие видели, я не особенно и скрывался-то. солдаты, даже красные! если узнавали меня, отдавали мне честь! При чем тут женское платье?!»

После поражения генерала лишь немногие на Западе поняли, что победившая Корнилова сила — Советы. После провала мятежа большевики становятся доминирующей силой в России. Стремительно растет число членов РСДРП(б): в марте их было 24 тыс., а в октябре уже 400 тыс. И дело даже не в том, что на их стороне выступали от 11 до 18–20 тыс. солдат, матросов, красногвардейцев, а не все 200–250 тысяч гарнизона Петрограда и его пригородов. Дело в том, что после бегства Керенского у буржуазии на тот момент уже не оставалось реальных сил для противодействия большевикам.

И, как мы знаем, 25 — 26 октября 1917 года большевики сумели взять власть в свои руки. Октябрьская революция — предмет особого исследования, и в данной книге мы не имеем воз-

Офицеры из штаба фон Гинденбурга встречают делегацию Советской России, прибывшую для подписания мира

можности подробно рассматривать этот вопрос. Заметим лишь, что одним из первых декретов советской власти был декрет о мире. Октябрьская революция изменила карту мира, судьбы сотен народов, миллиардов людей. Изменила ход истории! «Источник революций — это народ, готовый взяться за оружие» (П. Кропоткин). Цель его: борьба за то, чтобы «создать на земле пристанище, где могли бы жить честные люди» (Т. Пейн). Человечество на примере России увидело: труженик, рабочий, служащий, учитель, крестьянин, солдат, офицер, даже семинарист смогли встать во главе государства, успешно управляя страной. Большинство трудового населения России встанут на сторону большевиков. А иначе как бы могли они удержать власть в такой огромной и разоренной в то время стране? Это — факт. Сделайте честный опрос народа, и он вам скажет: идеи Октября были правильными в своих основных посылках!

Не забудем: что большевикам пришлось сражаться не только на фронтах Гражданской войны. На богатства России давно зарились ее союзники по блоку Антанта и США. Самыми цепкими «клещами» стали США и Англия, что уже нацелились на Российскую империю как на объект экспансии. Во время Первой мировой войны США создали специальную правительственную комиссию по геополитике (позже — Совет по международным делам), планировавшую расчленение России на суверенные государства, которые должны оказаться под властью США. На основе плана выработан секретный протокол. Госдепартамент США подготовил карту будущего разделения российской территории. Причем одна редакция карты была секретной. В ней «Великороссия» уменьшалась до Среднерусской возвышенно-

сти... «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждая со своей экономической жизнью, — писал глава комиссии Боуман. — При этом ни одна область не должна быть настолько самостоятельной, чтобы образовать сильное государство».

3 марта 1918 года был заключен Брестский мир между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией. Условия для России были тяжелейшие: Германия аннексировала Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии и Закавказья, получила контрибуцию в 6 млрд марок. Но выхода не было: вопрос стоял ребром — либо мир, либо падение советской власти, у которой пока еще не было ни армии, ни сил, чтобы устоять в этой ситуации.

Но и в самой Германии в ноябре 1918 г. произошла революция, она стала республикой. 11 ноября Германия подписала перемирие с Антантой. А Россия аннулировала Брестский договор.

Итоги войны

28 июня 1919 г. Германия была вынуждена подписать Версальский договор, составленный государствами-победителями на Парижской мирной конференции, официально завершивший Первую мировую войну.

Результатами Первой мировой войны стали Февральская и Октябрьская революции в России и Ноябрьская революция в Германии, ликвидация четырех империй: Российской, Германской, Османской империй и Австро-Венгрии, причем две последние были разделены.

Германия, перестав быть монархией, урезана территориально и ослаблена экономически. Тяжелые для Германии условия Версальского мира (выплата репараций и др.) и перенесенное ею национальное унижение породили реваншистские настроения, которые стали одной из предпосылок прихода к власти нацистов, развязавших Вторую мировую войну.

Первая мировая война ускорила разработку новых вооружений и средств ведения боя. Впервые были использованы танки, химическое оружие, противогаз, зенитные и противотанковые орудия, огнемет. Широкое распространение получили самолеты, пулеметы, минометы, подводные лодки, торпедные катера. Резко выросла огневая мощь войск. Появились новые виды артиллерии: зенитная, противотанковая, сопровождения пехоты. Авиация стала самостоятельным родом войск, который стал подразделяться на разведывательную, истребительную и бомбардировочную. Возникли танковые войска, химические войска, войска ПВО, морская авиация. Увеличилась роль инженерных войск и снизилась роль кавалерии. Также появилась «окопная тактика» ведения

У. Орлин. Подписание Версальского мирного договора

Генералиссимус Франции Жоффр и военный министр Милеранд на фронте

войны с целью изматывания противника и истощения его экономики, работающей на военные заказы.

Грандиозный масштаб и затяжной характер Первой мировой войны привели к беспрецедентной для индустриальных государств милитаризации экономики. Это оказало влияние на ход развития экономики всех крупных индустриальных государств в период между двумя мировыми войнами: усиление государственного регулирования и планирования экономики, формирование военно-промышленных комплексов, ускорение развития общенациональных экономических инфраструктур (энергосистемы, сеть дорог с твердым покрытием и т. п.), рост доли производств оборонной продукции и продукции двойного назначения.

Потери вооруженных сил всех держав-участниц мировой войны составили около 10 миллионов человек. До сих пор нет обобщенных данных по потерям мирного населения от воздействия боевых средств. Голод и эпидемии, причиненные войной, стали причиной гибели, как минимум, 20 миллионов человек.

Победители праздновали победу...

У. Черчилль в «Мировом кризисе» (1923–1927) набросал яркую картину триумфа Англии и стран-победителей (Франции, США): «Окончание Великой войны подняло Англию на небывалую высоту. Вновь, в четвертый раз на протяжении четырех веков Англия организовала во главе Европы сопротивление военной тирании, и в четвертый раз война закончилась тем, что малые государства Нидерландов, ради защиты которых Англия объявила войну, сохранили полную независимость. Испания, Франция — королевство, империя, Германская империя — все они поочередно стремились к захвату этих областей или к господству над ними. В течение 400 лет Англия противодействовала их намерениям, то военным, то дипломатическим путем. В список могущественных государей и военачальников, включавший уже имена Филиппа II, Людовика XIV и Наполеона, можно было теперь внести имя германского императора Вильгельма II (мог добавить и Николая II. — В.М.). Эти четыре цепи великих событий, неизменно служивших одной... цели на протяжении жизней... поколений неизменно оканчивавшиеся

успехом, представляют пример настойчивости и последовательности; достижения, подобные ему, отсутствуют в истории древности, как и в истории нового времени.

Удалось добиться и других существенных выгод.

Угроза со стороны германского флота была устранена, и высокомерное могущество Германии было на долгие годы подорвано. Российская империя, бывшая нашим союзником, уступила место революционному правительству, которое отказалось от всяких притязаний на Константинополь и которое, в силу внутренне присущих ему пороков и неспособности, не было в состоянии скоро стать серьезной военной угрозой для Индии. С другой стороны, со своим ближайшим соседом и самым старым противником — Францией — Англия была теперь связана узами общих страданий и общей победы, и узы эти казались сильными и прочными. Войска Британии и Соединенных Штатов впервые сражались бок о бок, и тем самым история обоих великих народов, составляющих англосаксонский мир, стала единой. Наконец Британская империя выдержала все потрясения и удары, связанные с долгим и страшным мировым катаклизмом... Перед глазами британского народа проходило триумфальное шествие победителей. Все императоры и короли, с которыми мы воевали, были низложены, и их храбрые войска разбиты наголову. Страшный враг, военная и техническая мощь которого столь долго грозила существованию нашей родины и армии которого погубили цвет британской нации, уничтожили Русскую империю и довели всех наших союзников, кроме Соединенных Штатов, до полного изнеможения, был повержен во прах и сдался на милость победителей. Испытание кончилось. Опасность была отражена.

Массовое истребление людей и материальные жертвы не были напрасны и могли быть прекращены. Народ, все силы которого были напряжены до последней степени, дожил наконец до часа избавления и на некоторое время целиком отдался чувству победы. Церковь и государство объединились в торжественных изъявлениях благодарности всевышнему. Наступил праздник для всей страны. Вдоль улицы Мэлл были выстроены тройные ряды захваченных неприятельских пушек. Улицы были полны торжествующей толпой. В общей радости объединились все классы общества. Города, во время войны

Памятник участникам Первой мировой войны в Лондоне

погруженные по ночам в глубокий мрак, горели теперь праздничными огнями и оглашались музыкой. Огромные толпы были охвачены неописуемым возбуждением, и гранитное подножие Нельсоновской колонны в Трафальгарском сквере по сей день хранит следы восторгов лондонской праздничной толпы... В этот ноябрьский вечер (во время обеда Черчилля на Даунинг-стрит с премьер-министром Ллойд-Джорджем. — В. М.) владыками мира казались три человека, возглавлявшие правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Франции».

Война нанесла чудовищный ущерб экономическому, духовному и культурному развитию всех стран, участвовавших в ней... Безусловно, единственным исключением стали Соединенные Штаты Америки, которые на костях и крови десятков миллионов в значительной мере и выстроили свое могущество.

Первая мировая война оставила глубочайший след в современной истории... изменила привычки и нравы людей, сделала их терпимыми к государственным формам насилия, ввергла общество в пучину варварства, посеяла зерна будущих международных конфликтов, и те прорастут новыми кровавыми столкновениями... Война эта поставила страны (прежде всего Россию, Германию) на грань физического выживания. Надвигались эпидемии, нищета, болезни, голодомор. При этом золото текло рекой, сказочно обогащая монополистов. Россию предали все и вся. Все это должно было кончиться плачевно для буржуев.

Лига Наций

Война завершилась. Итоги ее следует признать трагическими... В общей сложности она продолжалась 1568 дней. В ней участвовали 38 государств, 70% населения земного шара. Вооруженная борьба шла на фронтах протяженностью 2500–4000 км. Война стоила человечеству больше жертв, чем все войны целого тысячелетия, от Карла Великого до Мольтке. Первая мировая — забытая война, но одна из самых страшных.

«Сущность войны заключается в том, что торжествует всегда не тот, кто прав, а тот, кто сильнее» (Ш. Рише). Победа осталась за Антантой, но без России... Англия, США и Франция, одолев Германию, Австрию и Россию, да — и Россию, не только не принесут мира, но породят революции и гражданские войны. Вражда между побежденными и победителями станет по сути перманентной. И вызовет Вторую мировую войну.

Первая мировая война не только сорвала процесс мирной конструктивной модернизации России, но и подготовила почву для жесточайшей гражданской войны всех против всех. Россия кое-как пережила проигранную бюрократией и генералитетом Русско-японскую войну. Первую мировую народ вынести уже не мог. И он жаждал мести!

Мировая война привела к полнейшей дегуманизации отношений в обществе. Продление существования бездарной царской бюрократии и элиты, да еще и ценой жизни тысяч и тысяч русских людей, было бы величайшим преступлением и трагедией перед лицом истории. Первая мировая война — величайший силы «исторический двигатель», но этот двигатель породил «невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия» (В. Ленин). Ту войну капитали-

сты и вожди всех воюющих стран и лагерей вели с разбойничьими целями.

Добавим и то, что около 20 млн мужчин (свыше 10,8 % населения России) прошли через мясорубки кровавых боев, окопы и казармы Первой мировой войны. При этом 67 млн человек (36,1 %) оставались на оккупированной территории, а 5–7 млн (3–4 %) мирных жителей были насильственно выселены из прифронтовой полосы или эвакуированы на восток. Среди них и 0,5 млн евреев, обвиненных режимом в пособничестве германскому шпионажу. Если вспомнить серию немецких погромов в 1914–1915 гг., подавление восстания в Туркестане 1916 г. и т.п., станет очевидно, что Первая мировая война стимулировала взрыв и расово-этнических, и национально-религиозных конфликтов в России в последующий период Гражданской войны. Нельзя не заметить, что более всего жертв на алтарь войн несли как раз русские...

Сожаление вызывает то, что в СССР и в России не сочли нужным увековечить память погибших в той, пусть буржуазной, войне. Публицист Вл. Воронов обратил упрек к нынешним поколениям и правителям страны: «Но погибшим в Первой мировой в нашей стране памятников нет — ни единого. Разве лишь несколько крестов возле храма Всех святых во Всехсвятском, на Соколе, воздвигнутых частными лицами. Во время Германской возле этого храма было огромное кладбище, где хоронили воинов, умерших от ран в госпиталях. Советская власть кладбище уничтожила, как и многие другие, когда методично стала выкорчевывать память

Памятник героям Первой мировой войны. Автор — А. Ковальчук

о Великой войне. Ее велено было считать несправедливой, проигранной, позорной». Я в далекой Австралии видел памятник героям Первой мировой, хотя ее участие и потери ничтожны в сравнении с жертвами русских.

В 1914 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. В Москве в честь этой даты появится памятник российским героям и воинам, павшим в годы Первой мировой войны. «Миллионы россиян, потомки тех, кто сражался в Первой мировой войне, активно поддержат идею создания такого памятника, и я как потомок того, кто сражался в Первой мировой войне, моего деда, полного Георгиевского кавалера, также со всей душой поддерживаю строительство такого памятника», — отметил мэр столицы С. Собянин. Памятник разместится на Поклонной горе. Торжественная церемония открытия монумента запланирована на 1 августа 2014 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1
Причины и истоки возникновения Первой мировой войны.....5
Война — это закономерность?.....5
Мир перед Первой мировой.....6
Пора делиться!.....11
Как и когда созревают условия для мировой войны.....13
Кто стоял у колыбели?.....15

ГЛАВА 2
Расклад мировых сил и интересов на Востоке и на Западе.....19
Между «Нет» и «Да».....19
Сфера исключительных интересов.....25
Ради чего была развязана Русско-японская война?.....28
Германия требует свою долю.....33
Константинополь — ради обедни?.....35
Взгляды на Первую мировую войну.....42

ГЛАВА 3
Создание военных союзов. Тройственный союз против Антанты. Балканский узел противоречий.....45
Кого брать в союзники?.....45
Главный ростовщик Европы.....48
Каждый ведет свою игру.....51
Перемены в настроении немцев.....58
Россия перед войной.....62
Вокруг Балкан.....65

ГЛАВА 4
Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево. Начало мировой войны.....73
«По всем причинам сразу».....73
«Мы попали в заколдованный круг».....75
Роковой выстрел.....76
Начало войны.....77
Зачем Россия ввязалась в войну?.....81
Жребий брошен!.....84
Чтобы обезопасить тыл.....89

ГЛАВА 5
Подготовка и оснащение русской армии перед войной 91
Отставание военной науки 91
«Мы готовы до последней пуговицы» 92
Офицерский корпус 98
Генералитет и гвардия 102
Военно-Воздушный флот 104
Опоздали! 106
Чему и как учили 109
Боевое оснащение армии 112

ГЛАВА 6
Ход Первой мировой войны. Основные сражения 118
Стратегические планы сторон к началу войны 118
Кампания 1914 года 118
Русский театр военных действий — Восточный фронт 119
Балканский театр военных действий 125
Вступление в войну Японии 125
Вступление в войну Османской империи и открытие Азиатского театра военных действий 126
Французский театр военных действий — Западный фронт 127
Боевые действия на море 133
Кампания 1915 года 134
Французский театр военных действий — Западный фронт 134
Русский театр военных действий — Восточный фронт 138
Вступление в войну Италии 144
Балканский театр военных действий, вступление в войну Болгарии 144
Военные действия в Дарданеллах и на Галлиполийском полуострове 145
Кампания 1916 года 147
Кампания 1917 года 149
Главные театры военных действий 149
Другие театры военных действий 151
Дипломатические усилия 153
Кампания 1918 года 153
Выход России из войны и решающие победы Антанты 153
Другие театры военных действий 154
«Дрались как львы» 155
На южном направлении 167
Бессмертная «Слава» 172
Разведка в годы войны 175

ГЛАВА 7
Главные причины поражений русских войск в войне: Николай II, его окружение и российская буржуазия 182
Почему мы проиграли войну? 182
Ситуация внутри страны 183
Генералы были разные 192
Во главе с царем 197

ГЛАВА 8
Россия, действия ее союзников и противников 204
Замыслы разные, а цель одна 204
«Чудо на Марне» 206
Русский легион во Франции 209
Великобритания укрепляет армию 210
Чем и как платила Россия 213
Война пощады не знает 217
Народы устали 221

ГЛАВА 9
Рост протестных настроений. Николай II, царица, Распутин 223
«Вести о революционном движении преувеличены» 223
«Создадим мы строй иной!» 224
Крепко ли держится самодержавие? 226
«Его недостаток — в слабости характера» 229
Кто владел монархией? 231
Убийство Распутина. Кому выгодно? 235
По кому звонил колокол? 239

ГЛАВА 10
Февральский буржуазный переворот в России Низложение Николая II 242
Кривые линии «согласия» 242
Накануне 245
Кто виноват? 246
Как это было 248
После отречения царя 256
Кто стоял за спиной заговорщиков? 258
Как встретили 261
Февральскую революцию 261

ГЛАВА 11
Временное правительство. Фиаско Керенского как символа буржуазной демократии 263
Звездный час буржуазии 263
А. Ф. Керенский — «всеобщий оракул» 265
Что творилось в стране 268
«Проблема» с царской семьей 272
А война продолжается 274

ГЛАВА 12
Последние дни Временного правительства. Конец войны 279
«Как щепки на волнах» 279
Единства не получилось 281
Главное — нет опоры в народе 281
Программа генерала Корнилова 283
Метания Керенского 286
«Пробил час!» 288
Итоги войны 294

Научно-популярное издание

Миронов Владимир Борисович

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. БОРЬБА МИРОВ

Оформление переплета *А. Ф. Щавелев*
Ведущий редактор *Л. М. Кузьмина*
Художественный редактор *Н. И. Терехов*
Технический редактор *Н. А. Ремизова*
Компьютерная верстка *Е. Э. Алексеевой*
Корректор *Л. А. Пруткова*

Подписано в печать 24.12.2013
Формат 84×108/16. Гарнитура «Newton»
Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 3000 экз.
Изд. № 13–11455. Заказ №

В соответствии с ФЗ–436 для читателей старше 12 лет.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 3, помещение I, комната 5
143421, Московская область, Красногорский район, 26-й км трассы «Балтия»,
бизнес-парк «Рига Лэнд», строение 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в Китае